

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА
Экономико-географическая секция
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Г. БЕЛИНСКОГО
Кафедра географии

РОССИЙСКАЯ ГЛУБИНКА —
МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

МОСКВА — 2012

ББК У04
УДК 338:91

**Утвержден к печати
Ученым Советом Института географии РАН**

Российская глубинка — модели и методы изучения. Сборник статей. — М., Эслан, 2012 г. — 464 с.

В сборник вошли материалы XXIX ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, прошедшей в г. Пенза в июне 2012 г. «Глубинка» — понятие, в которое даже неискушенный человек вкладывает свое представление, это не строго научный термин. Существует множество смысловых оттенков этого понятия — глушь, захолустье, периферия, провинция. В тоже время, если рассматривать «глубинку» в широком понимании, то это часть модели «центр-периферия» и концепции «центр-провинция-периферия-граница», которым в социально-экономической географии уделяется достаточно много внимания. Сборник будет интересен не только экономико-географам, но и всем интересующимся проблемами географии.

Редактор: **Артоболевский С.С.**, д.г.н.

Редакторы-составители: **Корнилова Т.А.**, **Олешкевич Е.П.**

Рецензенты: **Горкин А.П.**, д.г.н.
Агирречу А.А., к.г.н.

© Институт географии РАН и авторы статей, 2012.

ISBN 978-5-94101-270-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В России, как ни в какой другой стране бросается в глаза различие между столичной и провинциальной жизнью. Сложилось оно исторически давно и со временем получило различные толкования и синонимы: периферия, окраина, глубинка и др. Некоторые понятия носят даже унижительный оттенок — глушь, захолустье или «дыра». Самое удивительное, что все эти понятия не всегда связаны с географическим местоположением, а скорее всего, отражают традиционные представления жителей о своем положении в сложной иерархии о своем населенном пункте. Российская глубинка — это не обязательно удаленная территория; это особый мир людей, их сообщества и своеобразный уклад культурно-бытовых традиций, которые требуют подробного наблюдения и бережного исследования. Есть немало сторонников взгляда, что именно глубинка спасет Россию.

В этом году наше географическое сообщество для проведения конференции избрало Пензу и Пензенскую область, к которым относятся многие термины перечисленные выше. Но у автора предисловия отношение к этому городу и его окрестностям особое. Именно отсюда, много лет назад ушел на работу в Москву и ближнее Подмосковье мой дед. Он закончил свою жизнь, вместе с тысячами других священнослужителей, в печально известном Южном Бутово.

Покинув родное село Проказы Пензенской губернии, он получил сначала семинарское, а затем и академическое церковное образование, преподавал в Коммерческом институте (ныне Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова), где познакомился с братьями Сергеем и Николаем Вавиловыми. Последнее место постоянной службы — профессор Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Российский аграрный университет им. К.А.Тимирязева). После революции практически не работал. Два раза его арестовывали, на третий — расстреляли. По всей видимости, дед тяготел к географии, т.к. его магистерская диссертация была посвящена миграциям, правда, одного из апостолов. Таким образом, дед из сына не очень богатого священника в отдаленном селе стал популярным в Москве проповедником, церковным деятелем — частью элиты. Кажется, что основным плюсом российской провинции, была возможность ее покинуть — пример моего деда. Но затем, посетив родную деревню, точнее то, что от нее осталось, узнав подробности жизни представителей моей семьи в этой деревне и в Пензе, я изменил свое

мнение. Говоря современным языком, царская власть оставляла человеку из провинции возможность — быть человеком по месту проживания.

Эта возможность была одной из первых свобод, отнятых новой властью. Может быть, именно поэтому, среди первых жертв режима оказалось безобидное духовенство и, как ни странно, краеведы. Таким образом, выделяются две основные темы нашего нынешнего собрания: как живет российская глубинка и как преодолеть ее приниженность.

Наверное, у каждого есть свое представление о глубинке, и даже какой она должна быть в перспективе. Будущее провинции в значительной степени зависит от ее жителей. Еще в XIX в. в глубинке зародилось такое исследовательское направление как областничество (прототип современного краеведения), смысл которого был направлен на культурное возвышение, или даже возвеличивание своего края. К сожалению, многие представители областничества не получили своего признания или даже были обвинены в ненаучности, но их порыв систематического изучения своего края был пронизан глубоким патриотизмом и заботой о будущем глубинки.

Артоболовский С.С.

Алексеев А.И., Ткаченко А.А.

О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ

Изучение российской глубинки, чему была посвящена конференция МАРС 2012 г., неотделимо от исследований сельской местности, сельского населения и сельского расселения.

В марте 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения самого крупного в нашей стране специалиста по проблемам сельского расселения — профессора географического факультета МГУ, Сергея Александровича Ковалева (1912–1997). С.А. Ковалев хорошо известен как один из создателей современной отечественной географии населения, один из зачинателей географического изучения сферы обслуживания и комплексных географических исследований сельской местности, основатель научной школы в области изучения сельского расселения и социальной географии. Многие его разработки прочно вошли в практику географических исследований и в преподавание географии. И сельское расселение, и социальную инфраструктуру у нас изучают в основном «по Ковалеву». Но, если попытаться взглянуть на его деятельность в более общем плане, можно заключить, что Сергей Александрович — один из тех немногих ученых, чьи труды на деле, а не путем призывов и деклараций обеспечили превращение нашей прежней экономической (фактически — хозяйственной и технологической) географии в современную социально-экономическую географию, или географию общества.

К изучению сельского расселения Ковалев обратился в 1946 г., по совету своего научного руководителя, профессора Р.М. Кабо*. В 1950 г. он защитил в МГПИ кандидатскую диссертацию «География сельского расселения в пределах Черноземного Центра», в 1963, уже в МГУ — докторскую диссертацию «Основные вопросы географии сельского расселения». Работы Сергея Александровича стали основой нового направления в географии. До него сельское расселение в основном рассматривалось лишь как одна из составных частей «культурного ландшафта», один из элементов «наполнения территории». В своих работах он поставил сельское расселение в центр исследования, оно стало рассматриваться со всех сторон, со всеми взаимосвя-

* Биография С.А. Ковалева изложена в нашей статье [3].

зями. Вся классика этого направления создана Сергеем Александровичем за очень короткий период. Если до начала 1950-х гг. географическое изучение сельского расселения было только новой оригинальной темой, то после 1963 г. его можно рассматривать как сложившуюся отрасль географии населения. Отличительная черта работ Ковалева по сельскому расселению — внимание к каждому населенному пункту. Как вспоминали современники, его работы сразу обратили на себя внимание благодаря подробнейшим картам людности.

В монографиях Сергея Александровича «Географическое исследование сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения)» [7] и «Сельское расселение (Географическое исследование)» [8] убедительно показано теоретическое и практическое значение изучения сельского расселения, освещены история и основные направления исследований в России–СССР и в зарубежных странах, разработаны вопросы терминологии, методики исследования, картографирования сельского расселения. Очень обстоятельно рассмотрены вопросы типологии и районирования расселения. Принципиальное значение имеет вывод о невозможности создания универсальной типологии расселения для всех целей и для любых территорий, даже в пределах одной страны. Отсюда — очень ценное, но, к сожалению, не получившее широкого распространения, понятие о синтетических «местных типах расселения», отражающих наблюдающиеся в конкретных местах сочетания «частных» типов: производственных, генетических и по внешним формам расселения.

В книге 1963 г. [8] характеристика расселения в пределах Европейской части СССР впервые дана по восьми зональным типам сельского расселения. В 1974 г. система зон была распространена на всю территорию СССР [10]. Фактически это был первый опыт комплексного зонирования и районирования сельской местности страны — с учетом природных, хозяйственных и расселенческих признаков. В его основу положено представление о связи расселения с характером освоения территории (очаговое, выборочное, сплошное). В пределах зон выделены районы расселения, различающиеся по размеру и густоте ареалов расселения и преобладающей величине сельских населенных пунктов. Высокая степень генерализации обуславливает долговечность полученной структуры. Она не устарела за 40 с лишним лет и вряд ли устареет в обозримой перспективе. Без этой разработки трудно представить характеристику расселения в нашей стране. Она прочно вошла в золотой фонд отечественной географической науки.

Книги 1960 и 1963 гг. [7, 8] иногда принимают за два издания одной работы, но это — заблуждение. Только разделы о методах изучения и картах сельского расселения перешли из первой монографии во вторую, но и они переработаны и расширены. В остальном же две монографии, дополняя одна другую, представляют собой разные части одного обширного исследования. Некоторые разделы монографий заслуживают самостоятельного издания как пособия для исследователей сельского расселения. Прежде всего, это относится к фундаментальному обзору источников в главе «Историко-географические материалы для изучения сельского расселения России–СССР» монографии 1960 г.

В 1974 г. была издана еще одна монография С.А. Ковалева по проблемам сельского расселения [10]. Даже среди специалистов эта книга почти не известна, так как вышла с грифом «Для служебного пользования». Она была написана, когда Сергей Александрович участвовал в работе комиссии АН СССР по проблемам демографического и социального развития сельского населения. В этой книге приведены уникальные данные — основные параметры сельского расселения СССР по выделенным С.А. Ковалевым зональным типам.

В 1982 г. на совещании по проблемам регионального расселения в Институте географии АН СССР Сергей Александрович сделал доклад «Исследование проблем сельского расселения в районах разного типа» [11]. Ключевая мысль доклада состояла в том, что сельское расселение необходимо рассматривать «в его собственных границах», изучение же расселения по областям, республикам или экономическим районам — вторичная задача. Это было реакцией на региональные работы социологов, игнорировавшие различия в расселении и вообще в среде обитания в пределах крупных административно-территориальных единиц. В докладе была предложена «система территориальных таксономических единиц для изучения сельского расселения». Принципиальное значение имеет включение в эту систему ареалов (зон) влияния значительных городских центров, чего не было в более ранних работах.

Исключительный интерес представляет статья 1957 г. «Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении» [11]. В отличие от других работ 1950-х гг., этот материал не вошел в основные монографии и оказался почти забыт. Кроме детального анализа разнообразных вариантов ЭГП, здесь раскрыты многие структурные и функциональные особенности сельского расселения в различных природных и социально-экономических условиях. Видимо, впервые затронут вопрос о межселенных связях в сель-

ской местности и о системах сельского расселения. До наших дней сохраняют свою актуальность статьи «Типы поселений — районных центров СССР» (1962) и «Типология пригородных зон» (1971) [11]. К сожалению, подавляющее большинство разработчиков схем территориального планирования (районной планировки) не знакомы с этими работами и не используют их в своей практике.

Благодаря своим трудам, Сергей Александрович стал самым известным в стране специалистом по сельскому расселению. Он имел огромный авторитет не только среди географов, но и среди многочисленных «смежников» — градостроителей, демографов, социологов, этнографов. Весьма показательно, что Т.И. Заславская в книге «Развитие сельских поселений» (1977) называет Сергея Александровича «географ и социолог» [14, с. 14]. Он был одним из немногих географов, участвовавших в государственной экспертизе Генсхемы расселения на территории СССР.

Среди работ С.А. «затерялись» и оказались забыты две исключительно интересные статьи, в которых поднимаются почти не изученные вопросы и используются весьма оригинальные приемы исследования. В первой из них — «Об изучении миграционных связей городов СССР» [11], (она написана в соавторстве с работавшими под руководством Сергея Александровича студентами) — по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (других материалов тогда не было) выявлено и показано на картах участие различных регионов СССР в формировании населения Москвы, Ленинграда и городских поселений украинской части Донбасса. Вторая, «Карты размещения трудовых ресурсов и трудовых затрат колхоза» [11], написана в соавторстве с И.И. Тенсиной. Это — уникальная работа, возможно, единственная в своем роде. На примере нескольких колхозов Рязанской области авторы изучили и отразили на специальных крупномасштабных картах распределение работников по населенным пунктам и локализацию трудовых затрат по полям и фермам колхозов. Таким образом, еще в 1950-х гг. Сергей Александрович проводил исследования деятельности населения, причем не на основе суммарных статистических данных, а конкретно — с учетом каждого работника и отработанных им человеко— дней. К сожалению, обе темы дальнейшего развития в творчестве С.А. Ковалева не получили.

Почти забыта в наши дни еще одна интересная и важная идея Сергея Александровича — о типах заселения территории. Впервые она была изложена в 45 сборнике «Вопросов географии» [6]. В этой работе Сергей Александрович писал о необходимости взаимосвязанного рассмотрения городского и сельского расселения и о разра-

ботке наряду с типологиями городского и сельского расселения также общей типологии расселения — выявлении различных типов заселения территории. В работе были выделены четыре «контрастирующие» типа заселения. Через полвека после выхода этой работы приходится констатировать, что ситуация в отечественной географии в этом плане не изменялась: работ, посвященных сопряженному изучению городского и сельского расселения (за исключением немногочисленных исследований маятниковой миграции), практически не было.

Прямым продолжением исследований сельского расселения стала серия работ по прогнозированию. Среди них выделяется статья 1974 г. «О системе прогнозных моделей географии населения» [11], предвосхитившая идеи системного прогнозирования. Прогноз населения региона, по С.А. Ковалеву, должен включать прогнозные модели естественного движения, миграции, занятости и расселения. Система этих моделей должна опираться на «базовые модели» социального развития, развития и размещения хозяйства, состояния природной среды.

В середине 1960-х гг., не оставляя работы в области сельского расселения, С.А. Ковалев начинает разработку нового направления — географии сферы обслуживания. В 1966 и 1973 гг. появляются его программные статьи «География потребления и география обслуживания населения» [11] и «О географическом изучении сферы обслуживания» [9]. В статье 1966 г. впервые в отечественной географии были рассмотрены взаимосвязи таких понятий как условия, уровень и образ жизни населения. Эту статью можно считать первой работой по социальной географии в современном значении этого термина. Позднее (в конце 80-х — начале 90-х гг.) вместе со своими учениками Сергей Александрович подготовил два учебных пособия для студентов университетов по спецкурсу «География сферы обслуживания» [1, 2].

В конце 1970-х гг. Сергей Александрович берется еще за одну новую тему — комплексное географическое изучение сельской местности. Его классическая статья 1980 г., напечатанная в 115-м сборнике «Вопросов географии» [11] стала основой этого направления. В конце 1980-х гг. Сергей Александрович принимает деятельное участие в работе только что образованного научно-просветительного общества «Энциклопедия российских деревень», составляет (при участии А.И. Алексеева) методические рекомендации по изучению и описанию сельских поселений [15].

Но вклад С.А. Ковалева в отечественную географию не ограничивается активным участием в создании трех научных направлений (изучение сельского расселения, география обслуживания, география сельской местности). Читая в МГУ с начала 1950-х годов курс географии населения, он фактически стал создателем этой дисциплины в ее современном виде и автором (вместе с Н.Я. Ковальской) единственного университетского учебника [12], составителем действующей более 40 лет стандартной учебной программы.

Как уже говорилось, труды Сергея Александровича сыграли существенную роль в социологизации экономической географии, т. е. в превращении ее в социально-экономическую географию, или географию общества. Несколько методологических статей и докладов 1970–80-х гг. было специально посвящено осмыслению задач и путей этой «перестройки». В статье 1983 г. «География населения и социальная география», написанной совместно с авторами настоящей работы, сделана попытка внести ясность в вопрос о соотношении географии населения и социальной географии [11]. Было показано, что новые направления географических исследований, связанные с изучением образа жизни, поведения и сознания населения, логичнее рассматривать в качестве новых разделов географии населения, а не отдельной географической науки — социальной географии. Была предложена концептуальная модель предметной области географии населения.

На протяжении многих лет Сергей Александрович занимался вопросами картографирования населения и сферы обслуживания. Главная картографическая работа, которой он по праву гордился, — «Карта населения СССР» в масштабе 1 : 2 500 000 (на 16 листах), выполненная по материалам переписи 1970 г. [5]. Он был одним из инициаторов ее создания, редактором и одним из основных авторов. К сожалению, новые поколения географов почти не знают ее: она имела гриф «Для служебного пользования», и в литературе о ней почти не упоминалось. А ведь это — выдающееся, единственное в своем роде, произведение. На нее нанесены все города, поселки городского типа и значительная часть сельских населенных пунктов СССР. Эта карта впервые дала возможность (прямо по Ломоносову) все расселение страны «повергнуть единому взгляду», получить о нем целостное представление. Для многих она была просто «открытием страны». В соавторстве с О.А. Евтеевым было написано несколько работ о картах населения. Наиболее крупная из них — глава в фундаментальной монографии географического факультета МГУ «Комплексные региональные атласы» [4].

Важное место в научной биографии Ковалева занимают экспедиционные работы. Начало им положила экспедиция МГУ 1947–48 гг. в Черноземный Центр. По материалам Зеравшанской экспедиции написана монография Ковалева и его учеников из Узбекистана [13]. Как опытный «полевик» Сергей Александрович всегда видел изучаемую местность со всеми взаимосвязями между природой, хозяйством и расселением. Он был настоящим представителем районной школы, хотя изучением экономических районов никогда специально не занимался.

В течение многих лет Сергей Александрович возглавлял в МГУ диссертационный совет по экономической и социальной географии. Активно работал в Московском филиале Географического общества, был председателем его комиссии географии населения, почти 20 лет — председателем редколлегии «Вопросов географии». За время его председательства вышло около 60 сборников этой серии — одного из самых авторитетных отечественных географических изданий. Сергей Александрович был в числе основных организаторов нескольких междуведомственных совещаний по географии населения, сыгравших очень заметную роль в развитии географической науки, а также инициатором и организатором единственного совещания по географии сферы обслуживания. На проходившем в 1976 г. в Москве XXIII Международном географическом конгрессе С.А. Ковалев был одним из кураторов секции географии населения и вместе с Б.С. Хоревым редактировал 7 том материалов конгресса.

Среди отечественных экономико-географов бытует понятие «школа Ковалева». Вопрос о научных школах, как известно, достаточно сложен. Недаром появилось язвительное словечко «школотворчество». Но реальность школы Ковалева не вызывает сомнений, наверное, ни у кого. Под руководством Сергея Александровича защищено более 40 кандидатских диссертаций, многие ученики стали докторами наук. Кроме «официальных» учеников, он постоянно консультировал десятки, даже сотни специалистов: из различных организаций Москвы, из многих городов России, из союзных республик, из зарубежных стран. В его архиве сохранилась сделанная на тетрадном листе запись без даты: «Надо консультировать аспирантов, всех подопечных на «режиме стопроцентной отдачи» (своих сил, внимания, знаний)» [3].

Литература

1. *Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А.* География сферы обслуживания: Учебное пособие. Калинин, 1988.

2. *Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А.* География сферы обслуживания: основные понятия и методы: Учебное пособие. — Тверь, 1991.
3. *Алексеев А.И., Ткаченко А.А.* Сергей Александрович Ковалев: жизнь и творчество // Ковалев С.А. Избранные труды. — Смоленск, 2003.
4. *Евтеев О.А., Ковалев С.А.* Население и трудовые ресурсы // Комплексные региональные атласы. — М., 1976. Гл. XVI.
5. Карта населения СССР. Масштаб 1 : 2 500 000. — М., 1977.
6. *Ковалев С.А.* Некоторые принципиальные вопросы типологии расселения // Вопросы географии. Сб. 45. География городских и сельских поселений. — М., 1959.
7. *Ковалев С.А.* Географическое изучение сельского расселения (Задачи, методика, материалы, специальные карты расселения). — М., 1960.
8. *Ковалев С.А.* Сельское расселение (Географическое исследование). — М., 1963.
9. *Ковалев С.А.* О географическом изучении сферы обслуживания // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 5. География 1973 г. №6.
10. *Ковалев С.А.* Региональные различия в перспективном развитии сельского расселения. — М., 1974.
11. *Ковалев С.А.* Избранные труды. — Смоленск, 2003.
12. *Ковалев С.А., Ковальская Н.Я.* География населения СССР: Учебное пособие для университетов. — М.: 1980.
13. *Ковалев С., Ташбеков Э., Валиева Р.* География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей. — Ташкент, 1962.
14. Развитие сельских поселений / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. — М., 1977.
15. Энциклопедическое описание сельских поселений России (Методические рекомендации) / Составлены С.А. Ковалевым и А.И. Алексеевым. — М, 1990.

Глава 1. ЦЕНТР—VERSUS—ПЕРИФЕРИЯ

Лаженцев В.Н.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОБЩИЙ ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА

**Проекция экономико-географических концепций
территориальной организации хозяйства
на тематику «глубинка России»**

Такого рода проекцию представим без охвата всех аспектов территориальной организации хозяйства, но лишь тех, которые были зафиксированы экономико-географической секцией МАРСа на конференции в г. Пензе, посвященной проблемам российской глубинки.

Прежде всего, отметим концепцию «центр-периферия», в которой глубинка рассматривается как одна из характеристик социально-экономического пространства. Сущность этой концепции заключается в стадийности территориального развития, генерации и «волновом» распространении нововведений, стремлении общества к социальному равенству и экономической эффективности, неравномерности развития (прогресс на одних территориях и отсталость на других), внутреннем колониализме (что свойственно России как большой стране).

В данной концепции весьма конструктивный характер имеет анализ развития глубинки в виде подсобного хозяйства крупных аграрно-индустриальных холдингов. Его содержание: социально-экономическое шефство, сезонная работа горожан в сельской местности, особые формы товарооборота по линии «город–село», стремление к социальной справедливости в определении цены рабочей силы в разных сферах занятости. Целевая установка такого анализа — сочетать экономическую выгоду в сфере перерабатывающей промышленности с помощью сельским жителям отдаленных местностей. Это было актуально в период перестройки плановой экономики, актуаль-

но и в условиях господства рыночных отношений. Более того, необходимость такого рода отношений ставит под сомнение преимущества искусственно созданного «господства», поскольку жизнь глубинки в значительной мере предопределяется ее неэкономическими функциями.

Генеральный тезис концепции «центр-периферия»: без развитого центра нет развитой периферии; центральные места, их ближнее и дальнее окружение представляют единое социально-экономическое пространство. Наиболее полно данная концепция представлена в работе О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша [2].

Близко к ней стоит концепция депериферизации — преодоления негативного синдрома периферийности. Она нацелена на поиск путей приобщения экономически удаленных территорий к научно-техническому и социальному прогрессу за счет формирования сетевых структур социальных услуг, например, дистанционного обучения, мобильной и дистанционной медицины, трудовой (маятниковой) миграции, районного, вахтового и экспедиционного методов освоения природных ресурсов, развития биоресурсной и рекреационной экономики, целенаправленной организации охраны окружающей среды в качестве особой отрасли народного хозяйства. Основной тезис данной концепции: перегнать, не догоняя, и последние станут первыми. Он весьма четко определен в работах Т.Е. Дмитриевой [3] и А.Н. Пилясова [11].

К изучению глубинки непосредственно относится разработанная А.А. Минцем и В.С. Преображенским концепция функции места [9]. Они показали основательность природного и исторически приобретенного предназначения отдельных территорий и их типов, менять которое под влиянием конъюнктурных соображений, нецелесообразно, или такая смена должна стоить больших денег. В связи с включением в систему стратегического управления такого государственно-го документа, как «Схема территориального планирования», конструктивный подход к практической реализации указанной концепции становится по сути неизбежным. Относительно глубинки следовало бы возвысить и экономически правильно оценить экологическую функцию мест. Тезис «понять предназначение места» в данном случае предполагает, что именно глубинные территории являются экологическим каркасом нашей страны¹.

¹ В одном из своих ярких выступлений на экономико-географической секции МАРСа Б.Б. Родоман высказался в том плане, что в глубинных местах нужно поощрять хозяйственную бездеятельность и поднять уровень социальных выплат за сохранение природы.

Обобщающий характер имеет концепция пространственного развития и развития пространства, которая применительно к отечественной регионалистике наиболее полно выражена в программах фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (научные координаторы академик А.Г. Гранберг и академик В.М. Котляков, 2009–2011 гг.) и «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (научный координатор ак. В.М. Котляков, 2012–2014 гг.).

С учетом тезиса «какая деятельность, такое и пространство» периферия рассматривается в общей системе различных видов деятельности и различных географических проекций их организации². «Северный» опыт такого анализа частично обобщен в монографии, подготовленной в рамках указанных академических программ [12].

Лейтмотив авторского подхода к интеграции указанных и других концепций территориальной организации хозяйства заключается в подведении их под общий знаменатель методологии устойчивого развития.

Постулаты устойчивого развития

Речь идет именно о методологии, а потому подчеркнем значение тех утверждений, которые помогают выстроить цепочку логических умозаключений по поводу прогресса в пространственном развитии и возникающих на его пути проблем.

- Целеустремленные социальные системы стремятся улучшить собственные свойства и качества и общие условия своего развития. В основе такого стремления лежат потребности и интересы, а также научное мышление. «Устойчивость» не имманентное научное понятие, а понятие, отражающее рефлексии науки на определенную житейскую ситуацию [14, с. 4]. Современная ситуация российской глубинки: социальная ущербность, экономическая и информационная изоляция, высокий уровень безработицы, демографический дисбаланс, малограмотность, высокая доля в доходах населения пенсий и социальных пособий; положительное — чистый воздух, чистая вода и многие другие дары природы.

² Имеется ввиду методологическое положение о том, что один и тот же объект в разных системах имеет различные характеристики и оценки.

- Устойчивость противоположна стабильности; первое — свойство динамически развивающейся, второе — свойство пассивной системы [14]. В этом проявляется различие общественных и природных геосистем. Для социально-экономической географии характерна ориентация на динамику преобразования, переходы из одного качества целеустремленных систем в другое, более высокое; для физической географии — на стабилизирующую динамику, которую В.Б. Сочава определил как «один из существенных логических критериев учения о геосистемах» [13, с. 33]. Одно дело — преобразования в хозяйственных укладах, другое — в природе. Множество примеров нерационального природопользования как раз подтверждает неразумный отход от правил совмещения устойчивости в социальной сфере со стабилизирующей динамикой в сфере природы. В сельских регионах природное проникает в социальное функционально глубоко, образуя единые природно-хозяйственные комплексы. Здесь важно понять позиции глубинки относительно таких процессов, как новая индустриализация и постиндустриальное развитие.
- Устойчивость — важнейший принцип коэволюционного развития природы и общества³, а именно принцип сохранения ресурсо-спроизводящих и средовоспроизводящих функций геосистем. Необходимо сохранить способность природных комплексов выполнять свое социально-экономическое предназначение. Расширенная трактовка понятия устойчивости допустима, но она не должна отходить от проблем природопользования, что и наблюдается в материалах конференции «Рио+20». Это тем более важно, когда взаимосвязь природных и техногенных факторов развития хозяйства все еще не приобрела нормативной (количественной) оценки, например, в части ассимиляционного потенциала природных объектов и способности их к саморегулированию.
- Методология устойчивого развития должна быть подкреплена методами составления взаимоувязанных балансов ресурсов природы, включая кислород, углерод, азот и другие элементы атмосферы, воду, геологические и биологические ценности, территорию и различные виды сырья и продовольствия. Балан-

³ Здесь следовало бы сослаться на серию монографий под общим логотипом «устойчивое развитие», изданную под научным руководством Г.В. Сдасюк и А.А. Тишкова. Но не хочется это делать как бы мимоходом, поскольку все изложенное в пяти томах заслуживает специального анализа с целью уяснения новых позиций географии в научном синтезе проблем развития современного мира, в том числе его периферии.

совый метод целесообразно совершенствовать как в рамках конкретных природно-ресурсных циклов (по Комару), так и в границах геосистем определенной размерности.

- Однопорядковая таксономия разнокачественных природных и общественных геосистем служит предпосылкой их согласованного (сбалансированного) существования. Физическая и социально-экономическая география имеют собственные таксономические объекты, однако их сопряженное ранжирование позволяет усилить целенаправленность территориального планирования на взаимосвязь природы, населения и хозяйства. Вместе с тем, нельзя не признать правомерность постулата системного анализа, что между частями целого не существует жесткой детерминации.

Географические и экономические аспекты устойчивого развития

Географии имманентно присуща тематическая направленность на взаимоувязку природных и общественных геосистем. Считается, что территориально-хозяйственная система обладает высокой степенью устойчивости, если она является самодостаточной для формирования производительных сил и гармоничного пространственного и структурно-функционального согласования природно-ресурсной, социальной, расселенческой, производственной, инфраструктурной и организационно-управленческой подсистем. На этой основе Н.Н. Колосовский, совмещая понятие «производительные силы общества» с масштабом территории, разработал модели энерго-производственных циклов и производственно-территориальных сочетаний [5, с. 88–121]; Б.Н. Зимин применительно к малым странам Западной Европы экономический район определил как «региональный стандарт» с достаточной площадью, оптимальной численностью населения, существенным по объему валовым внутренним продуктом и иерархией поселений [4]; М.К. Бандман при моделировании программно-целевых ТПК учитывал желаемое соответствие географических масштабов природно-сырьевых сочетаний и инвестиционно-производственной деятельности [1]. Имеются и другие примеры взаимоувязки природных и общественных геосистем, в том числе и авторские с характеристикой «идеального образа» основного социально-экономического района [6]⁴.

⁴ Основной (крупный) район «развернут» от домашних хозяйств до предельно высокой территориально-хозяйственной системы; каждое из пяти его звеньев включает объекты природы, расселения населения, производства, инфраструктуры и управления.

В контексте изучения глубинки данные примеры примечательны тем, что в них рассматривается вся территория экономических районов и ТПК с четкой фиксацией роли и места ее отдельных частей. Подключение глубинки к общим процессам пространственного развития предопределено совокупностью потребностей людей, включая, прежде всего, потребность в приемлемой для жизни природной среде. В этой связи заметим, что стоимость даже единичного товара, а тем более общественного продукта в целом не собирается из отдельных видов затрат; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части, в том числе и на охрану природы и воспроизводство ее ресурсных потенциалов. Если учесть лишь экологические услуги, то и в этом случае глубинка должна считаться активным участником образования стоимости товарооборота.

Далее обратим внимание на разнообразие миропорядка, где экономика не всегда играет решающую роль. В настоящее время многие обществоведы освещают именно неэкономические грани экономики [10] и это, по нашему мнению, соответствует правильному подходу к определению перспектив развития русской глубинки. Идеи параллельной экономики, эксполлярной экономики, «неэкономической экономики» служат предпосылкой для научного обоснования границ объектов учета, оценки и планирования устойчивого развития, исходя из решающей роли природных геосистем.

Северная глубинка

К северной глубинке автор относит территории, экономические удаленные от городских поселений (или агломераций) людностью 100 и более тыс. человек в расчете: время в пути наземным транспортом — два и более часа и/или стоимость проезда общественным транспортом составляет дневной (и более) прожиточный минимум, установленный для данного места жительства⁵. Если в Республике Коми отсчет экономической удаленности вести от г. Сыктывкара и Ухты — Сосногорской городской агломерации, то получится, что в глубинке проживает около 60% населения; в случае включения в понятие «центр» Воркутинской агломерации — чуть менее 50%. Первая цифра более точна, поскольку население Воркуты в последние годы резко сокращается и в скором времени будет меньше 100 тыс. чел. Этот заполярный город тоже следует считать глубинкой.

⁵ Что касается личного транспорта, то следует учесть его стоимость (амортизацию) и текущие эксплуатационные расходы, в том числе на бензин. Совокупные затраты его использования получаются не ниже, чем цена билета на общественном транспорте.

Е.Е. Лейзерович под глубинкой понимает сельскую периферию. Из 463 экономических микрорайонов России 118 приходится на «глубинный» тип (2 млн. кв. км, 7,2% населения страны). Ниже его по рангу поставлены «медвежьи углы» — 50 единиц, 5,5 млн. км², 0,8% населения страны [8, с. 137–139]. Некоторые другие типы экономических микрорегионов, обозначенных в данной работе, например, ресурсные ареалы, в нашем контексте тоже можно отнести к глубинке.

В границах Двино-Печорского региона (Архангельская и Вологодская области, Республика Коми) автор попытался выделить наиболее актуальные проблемы устойчивого развития. Таковыми оказались проблемы рек, северотаежных (бореальных) лесов и межрегиональной интеграции в области экологической деятельности [7].

Гидрографический беспорядок характеризуется отсутствием речных мелиораций и, как следствие, значительным ухудшением режима водотоков. Более разрушительными стали половодья, увеличилось число миандр и затонов, «пропал» фарватер, возникли наносы, не проходимые судами с погружением 50–80 см. Весенне-летний завоз в глубинку стал возможен только на маломерных судах, поэтому цена его возросла в 1,5–2 раза. Все это снизило качество жизни большого числа людей, которые считали свою деятельность именно как речную. Без надежного речного транспорта весьма проблематичной стала организация туризма.

Обостряется проблема сохранения коренных таежных и лесоболотных геосистем, играющих большую роль в процессах водосбора и регуляции режима рек. В лесном хозяйстве первостепенными становятся задачи снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесообразующих пород и усыханием еловых насаждений; в сельском хозяйстве — утратой сельхозугодий и плодородия почв; в оленеводстве — сокращением биомассы мхов и лишайников как кормовой базы; в добывающей промышленности — истощительным использованием минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов и отставанием в организации их комплексного использования.

Экономическая отсталость глубинки отрицательно сказывается на их экологических функциях. Выведение сельских и лесных угодий из хозяйственного оборота привело здесь к ухудшению энергетических и биологических характеристик территорий. Особенно это заметно на территориях, примыкающих к административным границам регионов и муниципалитетов. Актуальной стала проблема поиска нового типа межрегиональной интеграции, в основе которого лежит охрана окружающей среды в сочетании с биоресурсной экономикой, этнокультурой и туризмом. Автор полагает, что было бы целесообразно

в качестве объектов программно-целевого планирования выделять совокупность районных и окружных муниципалитетов — соседей, входящих в разные субъекты Российской Федерации. Единой программой можно было бы объединить смежную глубинку Архангельской, Вологодской, Костромской, Кировской областей и Республики Коми.

Заключение

Устойчивое развитие как общий принцип организации хозяйства предполагает:

- учет природных и исторически приобретенных функций мест (участков земли), перепрофилировать которые нецелесообразно или весьма дорого;
- понимание стадийности пространственного развития в системе «центр — периферия», «волнового» распространения различного рода нововведений;
- совмещение экономической эффективности, социальной справедливости и экологической защищенности;
- приобщение отстающих территорий к передовым за счет формирования сетевых структур социальных услуг;
- сочетание стационарных и мобильных форм организации труда, в том числе в связке «город — село»;
- выделение глубинки (там, где это необходимо) в качестве особого объекта межрегиональной интеграции и территориального планирования;
- преодоление экономического (рыночного) детерминизма и приоритетный выбор естественноисторических путей развития территориально-хозяйственных систем.

Литература

1. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. — Новосибирск: Наука, 1980. — 256 с.
2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
3. Дмитриева Т.Е. Территориальная организация северного региона: масштабы периферии // Север: проблемы периферийных территорий/Отв. ред. В.Н. Лаженцев. — Сыктывкар, 2007. — 420 с. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).

4. *Зимин Б.Н.* Малые высокоразвитые страны Западной Европы — теоретические итоги исследования // Изв.РАН. 1993. №2. — С. 95–104.
5. *Колосовский Н.Н.* Избранные труды. — Смоленск: Ойкумена, 2006. — 336 с.
6. *Лаженцев В.Н.* Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) // Изв. Коми научного центра УрО РАН. — 2010. — №3. — С. 99–105.
7. *Лаженцев В.Н.* Север (Двино-Печорский регион) — коренная земля россиян, источник ресурсов и знаний // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. — М.: Товарищество научных изданий КМ, 2012. — С. 257–282.
8. *Лейзерович Е.Е.* Калейдоскоп малых районов (экономических микрорайонов) России // Современные проблемы общественной географии / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. — М.: Издатель И.П. Матушкина И.И., 2011. — С. 130–141.
9. *Минц А.А., Преображенский В.С.* Функция места и ее изменение // Изв. АН СССР. — Сер. географическая. 1970 №6 — С. 118–131.
10. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние, научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисц. проекта и научн.ред. О.Т. Богомолов; зам.рук. междисц. проекта Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — 800 с.
11. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. — М.: Кн. Дом «ЛИБРКОМ», 2009. — 544 с.
12. Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Москва — Сыктывкар, 2012. — 348 с. (Коми научный центр УрО РАН).
13. *Сочава В.Б.* Введение в ученье о геосистемах. — Новосибирск: Наука, 1978. — 319 с.
14. Устойчивость геосистем. — М.: Наука, 1983. — 89 с.

Пилясов А.Н., Хомич Ю.В.

ПЕРИФЕРИЙНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ¹

Введение

Цель данной статьи — развить, детализировать представления об одном из типов региональной инновационной системы (РИС), впервые обозначенном в общей типологии российских РИС в монографии «Синергия пространства...»² Он назван в книге периферийные индустриальные и аграрные острова-изоляты. Однако, развернутая характеристика инновационного процесса тогда не была проведена. И вот теперь, в результате обобщения материалов шести стратегий по северным городам и районным муниципальным образованиям России, выполненным в последние годы (города Муравленко, Губкинский, Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа; районы — Кондинский, Березовский Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Эвенкийский муниципальный район Красноярского края), предпринята первая попытка обобщения черт периферийных РИС.

Очевидно, что понимать периферийные территории сегодня исключительно в аспекте транспортной оторванности от центров страны уже абсолютно недостаточно. Нет, речь не идет о том, что транспортная изолированность уже перестала играть роль в формировании разлома «центральные-периферийные территории страны». Но к прежней, назовем ее индустриальной, трактовке периферийности добавляются новые грани — в результате крупных теоретических достижений в области эндогенного экономического роста и новой экономической географии, а также современных реалий постиндустриальной трансформации и инновационного развития российской экономики.

¹ Работа выполнена при помощи гранта РГНФ № 11-02-00443а.

² Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск. Ойкумена. 2012. 760 с. Глава 3. Инновации в регионах — российские реалии.

Что имеется в виду? Одновременно с факторами физической, транспортной удаленности от центров возвышаются факторы коммуникационных барьеров (удаленности), отсутствия агломерационного эффекта, инновационная восприимчивость местного сообщества. Например, теперь недостаточно связывать периферийность только с транспортной удаленностью от центров страны или межгосударственных образований. Страны Северной Европы отдалены от ядра Европейского Союза, однако никто теперь не назовет их периферийными, потому что коммуникационно, по активности инновационного процесса они абсолютно встроены в европейские исследовательские сети, в панъевропейскую инновационную инфраструктуру. В отдаленных территориях могут создаваться собственные центры, способные генерировать мощный агломерационный эффект. И опять, несмотря на их физическую отдаленность, их трудно назвать периферийными.

Современная российская, в том числе и северная, периферия находится в трудном процессе экономической реструктуризации, подчас деиндустриализации, смены прежней траектории развития, специализации и поиска нового равновесия, как правило, на более низком по экономической активности и численности здесь постоянно проживающего населения уровне (если сравнивать с позднеиндустриальным советским временем). И поэтому наиболее конструктивно использовать инструмент концепции региональной инновационной системы для того, чтобы очертить наиболее общие направления современной модернизации периферийных территорий России, т.е. органично связать вызовы реструктуризации современной экономики российской периферии с формированием здесь местных инновационных систем, развертыванием локального инновационного процесса. Таким образом, акцент нашего внимания сосредотачивается внутри и во взаимосвязях трех феноменов — периферийное экономико-географическое положение, экономическая (постиндустриальная) реструктуризация и местный инновационный процесс (где и как он идет).

Логика изложения определяется наличием внутри периферийной инновационной системы двух четко обособляющихся групп — городской и районной периферии. Поэтому сначала будут даны общие черты периферийных территорий — с точки зрения особенностей формирования здесь инновационных систем и развертывания местного инновационного процесса, а затем характеристика каждой группы, с акцентом на их сравнительный анализ.

Общие черты городской и районной периферии

Важнейшей особенностью российской периферии с точки зрения инновационного процесса является существенно худший уровень образования местного населения по сравнению с центрами. По разным оценкам, доля людей с высшим образованием здесь примерно в полтора раза ниже, чем в российских центрах. Любопытно, что с уменьшением размера города доля образованных людей сокращается непропорционально сильнее. Например, если город периферии меньше в десять раз города-центра (а на периферии все города обычно малого размера), то доля образованных людей здесь меньше в 13–15 раз, поэтому нехватка квалифицированных кадров является тормозом при развертывании любого нового проекта.

Другая особенность периферийных территорий связана с тем, что они выступают в большей степени получателем, а не генератором новой информации. Об этом свидетельствует, например, сопоставление входящего и исходящего потока почтовой корреспонденции. По всем видам входящий поток оказывается существенно интенсивнее, чем исходящий (табл. 1).

Суженный экономический профиль российской периферии очень трудно и медленно расширяется под влиянием вызовов инновационной модернизации российской экономики. Прежде всего диверсификация, как показывает наш опыт экспедиционных обследований, происходит не по структуре местного валового продукта, но по рабочим местам, по спектру видов экономической деятельности — генераторов рабочих мест. Рост качественного разнообразия рабочих мест в старых и новых видах экономической деятельности происходит даже не в результате нахождения новых внешних рынков сбыта производимой здесь продукции, но в результате возрастания многообразия потребностей местного сообщества, на которые реагирует местный малый бизнес в новых нишах экономической деятельности.

Конечно, это происходит далеко не повсеместно, не всегда, а только в тех условиях, когда достаточно велик размер местного потребительского рынка, когда велики доходы работников базового промышленного сектора местной экономики, от денежного потенциала которых и растет местный слой предпринимательства. Пока существенно реже и слабее потенциал роста от новых внешних рынков. И такое положение дел находится в полном соответствии с современной теорией эндогенного экономического роста, в которой акцент сделан именно на внутренний рынок, на внутренние факторы экономического роста и развития.

Таблица 1.

Динамика развития отрасли связи города Губкинского

Показатель	Единица измерения	2007	2008	2009	2010	2011
Входящий обмен:	штук	2056874	2298634	1638351	426234	500322
в т. ч. простые письма	- " -	1805988	2095092	1469475	263729	337841
заказная корреспонденция	- " -	212028	158920	132031	127198	125578
ценные письма и бандероли	- " -	13313	16654	13157	12164	12079
посылки	- " -	25545	27968	23688	23143	24824
Исходящий обмен	штук	266964	202985	234440	268462	232806
в т. ч. простые письма	- " -	124720	111208	136825	178027	145633
заказная корреспонденция	- " -	132157	79785	85136	77651	72740
ценные письма и бандероли	- " -	5702	7101	7159	7012	8103
посылки	- " -	4385	4891	5320	5772	6330

Эти внутренние (подчас неожиданные) факторы роста связаны с предпринимательским движением, с ролью конкретного предпринимателя-инноватора, который на свой страх и риск создает новое дело в результате творческой комбинаторики уже имеющихся всем привычных ресурсов (в большей степени в секторе местных услуг, с существенно большими трудностями — с промышленным базовым секторе) с ролью местной власти как сетевого лидера-координатора, с переоткрытием социальной сферы не как затратной, а как подлинного ресурса местного развития, фактора устойчивого развития периферии. Например, культура в прошлой индустриальной эре воспринималась исключительно как расходная бюджетная статья, теперь — как совокупность общественных установок, институтов и организаций, формирующих повседневный образ жизни горожан и непосредственно влияющих на экономическое поведение, потребительские предпочтения, способность к эффективной коммуникации, самоорганизации — т.е. непосредственно связанную с местным инновационным процессом и успехом его укоренения в местном сообществе.

Особенные черты каждого вида периферии

Периферия всегда находится в чьей-то орбите, поэтому понять инновационный процесс в ней нельзя, не поняв внешних влияний на нее — откуда и как они распространяются и как здесь преломляются. Но это не вся картина. Да, с одной стороны, индукция инноваций на периферию происходит преимущественно из центров. С другой стороны, периферия при благоприятных обстоятельствах способна стать изолированной платформой, автономной площадкой, на которой в результате процессов намеренного и случайного экспериментирования рождаются инновации. Это хорошо понимал, например, Н.И. Вавилов, который увязывал рождение новых сортов растений со случайным экспериментированием человеческих сообществ в изолированных горных долинах. Видимо, справедливо будет первый тип имитации инноваций центров, или пространственных их перетоков из центров на периферию (диффузию инноваций) связать с городской периферией, а тип автономных, обособленных экспериментов — в большей степени с районной периферией.

Российская периферия, особенно северная, — это, как правило, ресурсные территории. И местные инновации очень часто обращены на борьбу с неизбежной падающей отдачей при длительной эксплуатации одного ресурса, одного месторождения. Однако способы этой борьбы в городской и районной периферии различаются. В город-

ской периферии борьба идет, прежде всего, через развитие перерабатывающих производств, через внедрение новых технологий добычи, через приобщение малого и среднего бизнеса к истощенным природным активам. С другой стороны, в районной (сельской) периферии борьба идет в существенной степени через новые способы управления природопользованием, через внедрение новых норм и правил экономического поведения субъектов природопользования.

Еще один фактор, в котором городская и районная периферия различаются с точки зрения формирования инновационного процесса. У районной периферии почти всегда есть преимущество по издержкам, что позволяет, при благоприятных обстоятельствах, переводить сюда производства по аутсорсингу из крупных городских центров. С другой стороны, у городской периферии таких преимуществ нет, и этот путь обретения новой «умной» специализации оказывается для нее закрытым.

Городская периферия (концентрированная, точечная)

В значительной степени инновационный процесс в городской периферии идет за счет диффузии инноваций из крупных городских центров. Однако, в ходе наших экспедиционных интервью с предпринимателями северной городской периферии мы встречали уникальные примеры российских «Левшей», которые создавали собственные инновации, как правило, борясь с вызовом высоких издержек теплообеспечения производственных зданий и сооружений. Например, руководитель одной из малых хлебопекарен города Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа внедрил новую систему датчиков в производственный процесс, который позволил оптимизировать его по затратам и использовать производственное тепло для обогрева помещения.

Однако симптоматичным было то, что никто из наших респондентов не хотел тиражировать свои решения для широкого использования другими предпринимателями, не был уверен в формальных институтах защиты своих прав как изобретателя. И инновационный процесс замыкался в рамках отдельного бизнеса, отдельного предприятия, не шел дальше в интересах местной экономики.

Развитие инновационной системы в городской периферии, как правило, оказывается тесно зависимым от градообразующего промышленного предприятия и/или базовой отрасли местной экономики. Большинство современных градообразующих предприятий находится в состоянии структурной трансформации (дробления, переподчинения, изменения профильной специализации, как крайний ва-

риант — банкротства и ликвидации), как и базовая для периферийного города отрасль промышленности.

Перед многими выжившими градообразующими ресурсными предприятиями северной городской периферии стоят вызовы ослабления естественных ограничений истощения природных активов и продления жизненного цикла месторождения за счет новых технологий и методов разведки и добычи (например, технологий повышения нефтеотдачи пластов, утилизации попутного нефтяного газа, переработки конденсатных фракций местных углеводородов). Нередко перед ними, абсолютно в духе теории эндогенного экономического роста, возникают новые задачи замещения ввоза в регион нефтепродуктов, лесопроductии собственным их производством на месте. Несмотря на их рациональность, эти задачи в позднесоветскую эпоху отраслей союзной специализации и единого народнохозяйственного комплекса СССР с безусловным приматом общегосударственных интересов не возникали.

Вызовом для всех субъектов местной экономики — и крупных, и малых, в базовом секторе, в секторах производственной инфраструктуры и производственных услуг — является их долговременная адаптация к новым условиям истощенных природных активов. Именно на это в существенной степени обращен местный инновационный процесс. Роль крупных ресурсных корпораций в развитии городской периферии неизбежно будет уменьшаться в пользу малых и средних добычных и перерабатывающих компаний. Получается, что укрепление местного инновационного процесса будет одновременно связано и с укреплением институциональной оснастки (модификацией налоговой, правовой, таможенной нормативной базы на региональном и местном уровнях) в интересах малых и средних субъектов местной экономики.

Инновационный процесс в базовом, промышленном, секторе городской периферии обладает значительной спецификой от города к городу. С другой стороны, для всех городов северной периферии императивным требованием является внедрение инновационных технологий и институтов теплоэнергоэффективности и сбережения. Именно эти технологии расширяют окошко возможностей для местного бизнеса и бюджетной сферы, существенно комфортизируют условия проживания местных домохозяйств. Инновационный процесс в этом направлении обладает максимальной «всюдностью» и демократичностью, затрагивает фундаментальные основы жизнеобеспечения каждого физического и юридического лица. Как показывают наблюдения, успех достигается только при выходе за рамки чисто тех-

нологических решений, при включении сил местного сообщества и всех основных структур местной экономики — крупного и малого бизнеса, некоммерческих организаций, структур гражданского общества. Состязательность и кооперативность, чувство сообщества, предприимчивость и новаторство, социальная укорененность — все эти грани должны быть включены для успеха инновационного процесса. Это не вопрос только экономии издержек, это не вопрос только технологический. Это вопрос ценностей, вопрос приоритетов и стимулов местного сообщества.

Именно поэтому — в силу комплексности данной проблемы — ее и нужно решать во всей предельной широте постановки: не как изолированную проблему реконструкции систем городского теплоснабжения, внедрения энергосберегающих технологий, установку приборов учета тепла, даже создания экономического механизма стимулирования энергоресурсосбережения, но как интегральную проблему превращения одного за другим объектов городской периферии в демонстрационную зону энергоэффективности, как процесс постепенного и неуклонного внедрения объектов и технологий теплоэнергосбережения — от здания к зданию, от фирмы к фирме, от одного бюджетного учреждения к другому бюджетному учреждению. А то, что резервы для модернизации в этом направлении очень существенные, подтверждают показатели табл. 2.

Непосредственно примыкает к описанному инновационному направлению, также обладая значительной «повсеместностью» применения, — экологизация местного развития. Как показали наши обследования периферийных городов, проекты экологизации включают создание местных малых производств по переработке вторичных ресурсов (проекты по выпуску картона из макулатуры, по выпуску тротуарной плитки с использованием переработанного полиэтилена и др.), внедрение экологически чистой упаковки и тары, развитие экологического сервиса (мониторинга, аудита, консалтинга) и др. Например, в городе Губкинском на базе инновационно-технологического центра «Старт» в 2012 году открывается предприятие «Маленький химград». Оно планирует освоить выпуск пластиковых пакетов, займется переработкой отходов из пластмасс.

В городской периферии обычно существуют встроенные ограничения для развития малого и среднего бизнеса. Успешное градообразующее предприятие выкачивает креативные и предприимчивые человеческие ресурсы из местной малой экономики, и для предпринимательского сектора, в котором, обычно, в этом случае уровень заработной платы кратно ниже, их уже не остается. Другое, косвен-

Таблица 2.

Целевые индикаторы направления «Энергосбережение и повышение энергоэффективности экономики г. Губкинский», ЯНАО³

Наименование показателей	Единица измерения	Базовый показатель	Плановые значения показателей	
		2010 г.	2015 г.	2020 г.
Отношение потребления топливно-энергетических ресурсов муниципальным образованием (к отгруженным товарам собственного производства, выполненным работам и услугам собственными силами	кг. у. т./ тыс. руб.	0,71	0,76	0,77
Доля объемов тепловой энергии, расчеты за которую осуществляются с использование приборов учета (в частном жилого сектора домов с использованием общедомовых приборов учета), в общем объеме тепловой энергии, потребляемой на территории муниципального образования город Губкинский	%	28	43	67
Экономия электроэнергии в натуральном выражении	тыс. кВтч	43,9	93	88
Экономия электроэнергии в стоимостном выражении	тыс. руб.	103	321	465
Экономия природного газа в натуральном выражении	тыс. куб. м	331,6	484,9	749,0
Динамика изменения фактического объема потерь электроэнергии при ее передаче по распределительным сетям	кВтч	1775925	84000	86927

³ Использованы материалы сотрудника Совета по изучению производительных сил И.С. Голубкина в Стратегии социально-экономического развития города Губкинского до 2020 года.

ное негативное влияние эффективного градообразующего предприятия на местный малый бизнес заключается в том, что оно неизбежно повышает цены на жилье (как в форме арендной платы, так и по стоимости продаваемых квартир). В результате жилье становится менее доступным для потенциальных энергичных и предприимчивых мигрантов, которые могли бы сюда приехать. С другой стороны, подушевые доходы работников успешного градообразующего предприятия обычно выше сложившихся средних по местной экономике и потому расширяют размер местного рынка, что создает условия для рождения и прихода новых малых предприятий.

Парадокс заключается в том, что лучшей предпосылкой для развития малого, в том числе инновационного, предпринимательства в городской периферии является ситуация, когда градообразующее предприятие не вполне успешно, но тем не менее остается жизнеспособным. В варианте абсолютной успешности оно способно задуть новое возникающее предпринимательство в базовом секторе и деловых услугах. В ситуации обрушения градообразующей фирмы местная экономика первоначально превращается в пустыню, которая лишь постепенно, после долгого времени обильного орошения, способна принести инновационные плоды.

Когда соотношение издержек и выгод от градообразующего предприятия для малого (инновационного) предпринимательства оказывается благоприятным, то процесс его формирования может идти очень быстро. Конструктивную роль здесь способен сыграть перенос компетенций от базового предприятия к другим видам местной экономической деятельности, прежде всего в сфере жизнеобеспечения, например, теплоэнергоэффективности — фирмы здесь нередко структурированы в оболочке малого и среднего бизнеса.

Благоприятным фактором для развития инновационного бизнеса в периферийных городах выступает реструктуризация всегда здесь обширной промышленной зоны. Здесь есть два принципиально разных подхода: краткосрочный означает бессистемную и хаотичную продажу участков торговому, строительному, гаражному бизнесу, ремонтному сервису и др.; стратегический подход предусматривает радикальную трансформацию функций промышленной зоны преимущественно в интересах местной инновационной системы и инновационного бизнеса, т.е. укрепление местного инновационного процесса за счет льготной аренды или продажи участков (земель и материальных активов) промышленной зоны малым и средним предприятиям.

Обозначим инновационные направления, в которых малый бизнес городской периферии уже получает развитие в последние годы. Это малые проекты по глубокой переработке природных ресурсов (например, нефтегазохимии), предпринимательство в области энергоэффективности, экологизации местной экономики и социальной сферы, производственной безопасности и безопасности человеческой жизни, платные медицинские услуги постепенно стареющему населению городской периферии и др.

Скрепой отдельных элементов местной инновационной системы обычно выступает инновационная инфраструктура. В городской периферии ее элементы включают Совет по инновациям при главе города как структуру-координатора, технопарк/бизнес-инкубатор/инновационный центр на площадке реструктурируемой промзоны, структуры среднего (филиалы высшего) профессионального образования и переподготовки кадров, группу компаний интеллектуального производственного сервиса.

Все эти элементы присутствуют и в других региональных инновационных системах. В чем же тогда состоит специфика городской периферии? Их размер меньше, они чаще плотно комплексированы друг с другом (для экономики ресурсов местного бюджета).

Возникает вопрос: каковы возможности местной власти в содействии разворачиванию инновационной системы? Сравнение разных случаев городской периферии позволяет понять реальные возможности, а, следовательно, роль муниципальной власти в строительстве местной инновационной системы. Сейчас еще трудно (слишком рано) сопоставлять российскую городскую периферию по всему перечню элементов местной инновационной системы. Однако сравнить периферийные городские муниципалитеты по отдельным элементам, например, развитости предпринимательского сектора, уже вполне можно (табл. 3). Местная власть своими последовательными, настойчивыми усилиями может реально изменить ситуацию как по объемам поддержки предпринимательского сектора, так и по результатным показателям самой его развитости в городской экономике. Например, город Губкинский является флагманом предпринимательского движения на Ямале: здесь регулярно объемы его муниципальной поддержки значительно превосходят города-аналоги. На фоне общей развитости предпринимательского движения неудивительно, что здесь и инновационное предпринимательство представлено более активно, чем в других муниципальных образованиях.

Таблица 3.

Сравнение объемов муниципальной поддержки предпринимательства в Губкинском и других городских округах Ямало-Ненецкого автономного округа

	2008	2009	2010	2011
Расходы на развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства в расчете на одно малое и среднее предприятие муниципального образования, руб.				
Салехард	2000	18900	945	3295
Губкинский	25800	73100	29916	25570
Лабытнанги		13000	15958	16703
Муравленко			1896	2241
Новый Уренгой			9138	458
Ноябрьск			7745	1515
Расходы на развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства в расчете на одного жителя муниципального образования, руб.				
Салехард			51,5	179
Губкинский			820	1738
Лабытнанги			267	269
Муравленко			82	107
Новый Уренгой	600		314	20
Ноябрьск			431	90

Для лучших муниципальных образований городской периферии характерна развитая система поддержки инновационных предприятий грантами, микрозаймами, налоговыми льготами; дружественная к предпринимательству муниципальная нормативная правовая база; систематическое изучение и внедрение лучшего российского и международного опыта поддержки инновационных предприятий.

Еще одно важное направление, в котором власти компактной городской периферии способны обеспечить позитивный перелом для развития инновационного процесса. Речь идет о местной коммуникационной политике, о формировании системы площадок активной коммуникации представителей разных слоев местного сообщества, которые никогда не встречаются друг с другом профессионально. Так вот, именно местная власть способна обеспечить их творческое взаимодействие друг с другом во имя рождения новых бизнесов на новых направлениях экономического развития.

Например, нефтегазодобывающие компании города Губкинского ежегодно проводят научно-технические конференции в закрытом режиме, без приглашения представителей городского сообщества. Их закрытость является безусловным тормозом для интенсификации инновационного развития в городской экономике. Для изменения ситуации необходимо проведение общегородских конференций (в дополнение к корпоративным) по вопросам инновационного развития, новых технологий (в первую очередь — энергосберегающих), предпринимательства в условиях Севера и др., с участием молодежи из нефтегазодобывающих компаний. Особую роль может сыграть привлечение к участию в конференциях представителей городского малого бизнеса.

Районная периферия (разреженная, дисперсная)

В городскую периферию многие новшества передаются по схеме от центров более высокого порядка к центрам следующих уровней иерархии. С другой стороны, в разреженную районную периферию новшества диффундируют по другой схеме — от ближайших городских центров. Реальная картина рождения и восприятия инноваций в районной периферии оказывается значительно сложнее.

Важнейший параметр, по которому районная периферия отличается от городской, состоит в ее обширной площади и, следовательно, меньшей плотности экономической активности и проживания людей. Поэтому здесь слабо работает агломерационный эффект, редко проявляется эффект экономии на масштабе операций. Неудивительно, что подушевой ВРП, уровень общей и особенно молодежной безработицы здесь, как правило, выше, чем в городской периферии. Другая особенность инновационного процесса в районной периферии состоит в его большей опоре на неявное, неформализованное знание местных жителей, самобытных одиночек-изобретателей, творческих «Левшей». Например, геологи всегда использовали тра-

диционные знания коренных народов Севера при организации поисковых работ.

Многие местные новшества рождаются здесь не от плотной коммуникации талантов на локализованных площадках, но от сосредоточенной изолированной работы самобытных одиночек. Интересно, что это полностью соответствует описанным Ю.Лотманом двум моделям коммуникации.

Первая, внешняя, когда сообщение приходит извне, в виде цепочек знаков. Вторая, внутренняя (автокоммуникация), когда исходное сообщение трансформируется в результате перекодировки (на входе текст в одной кодировке, на выходе уже в другой)⁴. Тему двух моделей коммуникации, двух типов увеличения информации Ю. Лотман развивает во многих своих работах. Для городской периферии более типичен случай увеличения информации в результате ее получения извне. С другой стороны, для районной периферии в силу ее площадной, островной изолированности от центров более характерно самовозрастание информации, когда извне получена лишь определенная (малая) ее часть, которая играет роль возбудителя, вызывающего возрастание информации внутри ее получателя в разреженной, дисперсной периферии⁵.

Неудивительно, что ввиду отмеченных особенностей коммуникации, накопления информации и протекания инновационного процесса одни и те же институты и инструменты инновационной системы городской и районной периферии имеют абсолютно разную природу. В городской модели парк является локализованной площадкой активного общения и обмена знанием креативных людей. В районной периферии парк является обособленной площадкой для автономных экспериментов, для изолированного творческого процесса для выработки новых институтов, регламентов, норм и правил управления природопользованием (например, институт модельных лесов).

В городской периферии культурное разнообразие, интеллектуальное разномыслие является важным фактором успешного инновационного процесса. В районной периферии в силу существенно большей сцепленности расселения с ландшафтами, природное разнообразие является благоприятной предпосылкой для творчества,

⁴ Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры//Лотман ЮМ. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги Рудомино. 2010. 416 с. С. 367–370.

⁵ Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс. //Лотман ЮМ. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги Рудомино. 2010. 416с. С. 147–156.

для инновационного процесса. Разнообразие ландшафтов означает разнообразие материальной и духовной культуры, этническое разнообразие, что, как считают современные теоретики инновационного процесса, помогает креативности.

Важнейшим направлением инновационного процесса в районной периферии является управление обширными пространствами и природными ресурсами в общественной собственности. Последнее в традиционных формулировках советского времени можно назвать совершенствованием управления природопользованием.

Малонаселенные пространства районной периферии требуют фундаментально другой организации управления природопользованием, чем в освоенных территориях России. Современные процедуры чрезмерно централизованы и бюрократизированы, в них присутствует сильный монополизм государственных регулирующих структур и тесно примыкающих к ним научных структур, а местные жители абсолютно отчуждены от процедур принятия решений по вопросам распределения биологических ресурсов той территории, на которой они живут веками.

Значительно экономнее и рациональнее существенно децентрализовать, передать местным сообществам существующие и бюрократически медленно исполняемые полномочия по определению объема лицензий и квот для пушного и рыбного промысла, обеспечить их соучастие во всех направлениях и стадиях управления природопользованием. Управление природопользованием должно перестать быть исключительной прерогативой федеральных и региональных органов власти и стать совместной компетенцией местных сообществ, региональных и федеральных государственных ресурсных агентств.

Для государства местный контроль будет означать экономию текущих затрат на исполнение этих функций, для населения районной периферии это будет означать новые, остро дефицитные рабочие места в службах управления природопользованием (экологических, мониторинга природоохранных территорий, лесовосстановления, рыборазведения и др.). Процесс вовлечения местных жителей в управление (или соуправление с государством) природными ресурсами будет означать повышение эффективности: право решения получают те, кто находится близко к ресурсам и потому неизбежно знает ситуацию лучше.

Децентрализация государственных полномочий и их исполнение в тесном партнерстве государственных служб и местных сообществ позволит осовременить знания и данные о современном со-

стоянии биологических ресурсов района, организовать новые землеустроительные, геоботанические и другие работы. Природные ресурсы впервые станут не просто источником существования местных жителей, но что еще важнее, — объектом их контроля и наблюдения от лица государства. У обширных пространств районной периферии появится близкий и реальный хозяин.

Совершенствование управления природопользованием в районной периферии связано с упорядочением землепользования по режимам и формам использования земель: увеличением доли природоохранных территорий разных режимов, обособлении рекреационных зон, выделении учебных агропромышленных зон (парков) как земель, принадлежащих местным образовательным структурам для проведения опытно-экспериментальных работ по организации лесных питомников, лесоводству, рыбозаповедению, селекции растений и др.

Во всех ресурсных отраслях действует закон падающей отдачи. Так вот, инновации в управлении природопользованием (ресурсном менеджменте) как раз и нацелены на трансформацию падающей отдачи в возрастающую. «Умное» управление в природопользовании нацелено продлить, увеличить жизненный цикл эксплуатации месторождения, используя для этого специфические, апробированные на месте, институты со-управления, квот развития, финансовых доверительных фондов и другие институциональные и оргструктурные инновации.

Для районной, как и для городской периферии огромное значение имеет инновационный процесс в сфере теплоэнергообеспечения. Дело в том, что он ощутимо раздвигает границы возможного для размещения новых фирм и для устойчивой работы бюджетных учреждений, значимо повышает комфортность жизни всех домохозяйств. Примеры системной работы в этом направлении в российской районной периферии крайне немногочисленны (например, в Эвенкийском муниципальном образовании). Однако эффект для местной экономики даже от краткосрочных системных усилий здесь исключительно велик.

Развитие инновационного процесса в районной периферии связано с укреплением роли местных образовательных структур. Их разрастание вглубь означает развертывание непрерывного обучения представителей местного сообщества по восходящей линии «детский сад-школа-колледж/профессиональное училище», формирование многочисленных образовательных ассоциаций из сетей местных образовательных учреждений и их партнеров, а также между местными

ми и внешними образовательными структурами и партнерами (во имя более эффективного выполнения школами и колледжами функции обучения и переобучения). Вширь — означает выход образовательного учреждения районной периферии за свои привычные границы, включение в свои активы местных спортивных комплексов, крупных земельных участков, фондов бывших промышленных и сервисных предприятий. Вширь означает выход образовательных учреждений в промышленную деятельность, с приданием этой деятельности экспериментального, пилотного характера, с созданием на своей базе венчурных малых предприятий-дочек.

Инновационный процесс в районной периферии связан с превращением местных образовательных структур всех уровней в градообразующие для своих сел и поселков. Роль, которую раньше выполняли рыбооловецкие артели, потом колхозы, совхозы, рыбокомбинаты, линейно-производственные участки для своего сообщества в содержании социальной сферы, создании специфичных механизмов местной социальной защиты, становится функцией местных структур обучения (школы, колледжи, центры и другие «знаниевые» организации).

По многим объективным причинам районной периферии придется решать свои кадровые проблемы за счет самообеспечения — подготовки молодых специалистов из самих жителей района. И это тоже увеличит нагрузку и экономическую роль местных образовательных структур.

Современное профессиональное образование районной периферии механически следует федеральному стандарту, по-городскому узко специализировано по перечню предусмотренных специальностей. Но для районной периферии требуются комплексные специалисты, которые объединяют в себе гуманитарные, ресурсные, инженерные знания и умения (от акушерки до юриста). Нередко такую комплексность проще обеспечить в рамках не одной, а нескольких малых структур среднего профессионального образования, рассредоточенно размещенных в пространствах районной периферии, каждая из которых ориентирована на свой профиль специализации, исходя из особенностей ресурсов и ландшафтов, но с общей тенденцией к подготовке комплексных специалистов, необходимых для инновационной системы районной периферии.

Заключение

Городская и районная периферия Россия являются зоной сокращения численности населения, которое в возрастающей степени концентрируется в крупногородских ареалах, и отрицательного саль-

до миграции. Строительство здесь основ местной инновационной системы сталкивается со значительными трудностями и обладает существенной спецификой приоритетных направлений, по сравнению с более заселенными и освоенными районами страны.

Основные аспекты развертывания здесь инновационного процесса связаны с технологическими изменениями, ролью местного предпринимательства, преодолением индустриального промышленного наследия в результате реструктуризации основных добычных предприятий и постепенной диверсификацией местной экономики.

Новые информационно-коммуникационные технологии оказывают двойственное воздействие на инновационный процесс в периферийных территориях. С одной стороны, их информационная доступность повышается, и это является благоприятным фактором для быстрого восприятия выработанных в центрах новшеств. С другой стороны, те же информационные технологии, открывая богатые экономические перспективы внешнего мира для местных молодых талантов, способствуют их интенсивному оттоку с периферийных территорий. А отсутствие квалифицированных и энергичных кадров является, наряду с малыми размерами местного рынка, важнейшим тормозом для формирования новых малых и средних предприятий.

Надежды на развитие городской и сельской периферии в результате процессов аутсорсинга и выноса подразделений промышленных и сервисных предприятий из крупных городских ареалов не вполне оправданны ввиду несущественного преимущества по трудовым издержкам, которое перекрывается транспортной недоступностью значительных ареалов российской периферии. Малый размер городской и сельской периферии существенно ограничивает создание здесь новых «знаниевых» институтов в виде научно-исследовательских центров, лабораторий, университетов и центров переобучения.

Местные ресурсные градообразующие предприятия, которые в индустриальную эпоху были флагманами развития городской, нередко и районной периферии, в современную эру сталкиваются с возрастающими трудностями ввиду истощения многих природных активов и необходимостью сокращения кадров в результате внедрения инновационных технологий для повышения производительности труда, для сохранения глобальной конкурентоспособности.

Несмотря на отмеченные ограничения, городская и районная периферия России способна и будет формировать местные инновационные системы — исходя из имеющихся местных возможностей и вызовов. В городском типе приоритетны инновационная модернизация

ция градообразующих индустриальных ресурсных предприятий; внедрение технологий и компетенций теплоэнергоэффективности в местное сообщество, развитие предпринимательства в секторе промышленности и бизнес-услуг; создание новых коммуникационных площадок для активного взаимодействия носителей разного знания из местного сообщества.

В районном типе исключительно важны местные инновации в управлении природопользованием, внедрение новых технологий теплоэнергосбережения и модернизация местных образовательных институтов, прежде всего, среднего профессионального образования.

И для городской, и для районной периферии прогнозное развитие и формирование местных инновационных систем будет происходить в условиях сокращения общей численности населения и общей занятости. К этой реальности должны адаптироваться новые решения в сфере инфраструктурного обеспечения этих территорий и их сервисное обустройство (доставка социальных, бытовых, личных услуг)⁶.

Образование и найм квалифицированных кадров является ядром любой стратегии, нацеленной на создание инновационной системы в городской и районной периферии России. Не будучи в состоянии переломить тренд к оттоку молодых квалифицированных кадров отсюда, нужно предпринимать усилия к повышению привлекательности этих территорий для возвращения местных талантов после учебы и притока новых. Речь идет о создании муниципального фонда жилья для приехавших молодых талантов; предоставлении целевых стипендий от местных градообразующих предприятий для талантливых выпускников школ с обязательным условием их возвращения и отработки на родине нескольких лет после окончания столичных вузов; льготах по местным (муниципальным и региональным) налогам для малого бизнеса, созданного выпускниками столичных вузов, в городской и районной периферии, и других мерах. Существенный потенциал для развития местной инновационной системы имеют и специальные льготные меры государственного регулирования транспортных тарифов для повышения мобильности местных жителей, для ускоренного развития здесь средств высокоскоростной и беспроводной Интернет-связи.

⁶ Polese Mario, Shearmur Richard. The Periphery in the Knowledge Economy. The Spatial Dynamics of the Canadian Economy and the Future of Non-Metropolitan Regions in Quebec and the Atlantic Provinces. 237p. Интернет-песуэс.

Родоман Б.Б.

РОССИЙСКАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: ВЗГЛЯД В РАЗНЫХ ПРИБЛИЖЕНИЯХ, НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ

Внутренней периферией какого-либо централизованного ареала (например, узлового района) называются территории (субареалы), расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям, архаические черты в ландшафте и быте населения. В простейшей и универсальной (тригонально-гексагональной) геометрической модели районирования и коммуникаций внутренняя периферия расположена в ячейках транспортной сети и, что то же самое, на стыках узловых районов (в узлах их границ) [8], но для понимания конкретной ситуации этого представления недостаточно, нужны новые математические модели, учитывающие дополнительные, побочные, «отягчающие» факторы *внутренней периферизации*: природные условия, этнический состав местных жителей, экономическую и прочую историю региона.

В Российской империи самая большая внутренняя периферия возникла в XIX столетии в треугольнике железных дорог Петербург — Москва — Варшава, охватив не только северо-западные губернии собственно России (ныне — Российской Федерации), но и часть Белоруссии. Множество уездных городов оказалось в стороне от железных дорог и захирело. В XX в. аналогичную роль сыграли редкие и очень запоздавшие со своим появлением автомобильные дороги. Большинство мелких деревень исчезло, не дождавшись удовлетворительной транспортной связи с «цивилизованным» внешним миром.

1. Некоторые причины упадка деревни. Периферизацию российской глубинки усугубили прочие мощные факторы, приведшие к полному, необратимому упадку сельской местности:

- 1) столыпинская реформа, не совместимая с исторически сложившимся ритмом культурного ландшафта [7];
- 2) первая мировая война и оккупация западных регионов, проход армий и беженцев;

- 3) революции 1917 г. и гражданская война, крестьянские восстания;
- 4) коллективизация и раскулачивание;
- 5) экспроприация лошадей у крестьян;
- 6) советско-германская война, гитлеровская оккупация, партизанские провокации, этнические чистки, репрессии обеих воюющих сторон;
- 7) переселение в опустевшие деревни из других, отдалённых регионов;
- 8) послевоенная нехватка рабочих рук и мужчин;
- 9) право демобилизованных солдат-срочников прописаться на постоянное жительство в городе и другом регионе, т.е. освободиться от колхозно-совхозной крепостной зависимости;
- 10) паспортизация с теми же последствиями для остального трудоспособного населения;
- 11) укрупнение колхозов, ликвидация «неперспективных» малых деревень, принудительное переселение в искусственные совхозные посёлки;
- 12) так называемые «мелиорации» (на самом деле — детериорации);
- 13) химизация — отравление земли неправильно применяемыми удобрениями;
- 14) демонтаж узкоколейных железных дорог вследствие истощения запасов или нерентабельности дальнейших заготовок древесины и торфа;
- 15) экономический кризис и разруха 1990-х годов;
- 16) приватизация и крах колхозов и совхозов, провал фермерства, неразбериха с собственностью;
- 17) обусловленная рыночной экономикой невыгодность зернового земледелия и льноводства;
- 18) субурбанизация — замена традиционной деревни поселениями дачников, старинных изб — современными коттеджами, постоянных жителей — периодическими посетителями и т.д.

На юго-востоке Европейской России, непосредственно не затронут последней войной, периферизации противостояла привязанность коренных нерусских народов к своей незаменимой малой родине. Есть основания предполагать, что этноконфессиональная неоднородность Волго-Уральского региона, официально скреплённая наличием этногенных республик в составе Российской Федерации, а также более патриархальный уклад с развитой семейно-родст-

венной кооперацией и разделением труда спасли там сельскую местность от полного запустения [5].

2. Запаздывающий прогресс. Почему очевидные, полезные, прогрессивные новшества, прежде всего новые виды транспорта и связи, приводят сплошь и рядом к обратным результатам — ко всё большему отставанию и упадку российской глубинки? Можно полагать потому, что они высаживаются на иную, чем в Западной Европе, не подготовленную почву. Помимо известных природных условий и факторов (суровая зима, обилие лесов и болот и раскисающих от дождя суглинков, весенняя и осенняя распутица), это низкая плотность населения, редкая сеть городов, огромные расстояния. Это не в последнюю очередь и деспотический характер государства — оно у нас не *служебное*, обслуживающее массу населения как нанявших его налогоплательщиков, а *господствующее*, удовлетворяющее в первую очередь потребности своих правителей. К середине XX столетия подавляющее большинство государств мира преобразовались из господствующих в служебные. В России были две неудачные попытки — в 1917 и в 1991 гг.

В нашей стране многие западные новшества распространяются с большим опозданием и настолько медленно, что не успевают насытить пространство до того, как появляются новые средства коммуникации. Экспериментальная и увеселительная (как аттракцион) железная дорога Петербург — Царское Село открылась всего лишь через 12 лет после того, как в Англии в 1825 г. заработала линия Стоктон–Дарлингтон, но дальняя и первая по-настоящему утилитарная железная дорога Петербург–Москва опоздала по сравнению с английской уже на 26 лет. К началу XX столетия в Европейской России в основном сформировалась нынешняя сеть железных дорог, но до большей части страны — до Северо-Восточной Сибири рельсы так и не дошли. В дальнейшем сроки такого запаздывания всё более возрастали — вопреки кажущемуся очевидным ускорению темпов научно-технического прогресса. Похоже, что в ряде случаев лишь в больших городах наступление прогресса ускоряется, тогда как в глубинке оно замедляется. Так, телефон в городах России появился в конце XIX в., но до села он повсеместно дошёл только сто лет спустя, да и то в виде одного общественного телефона-автомата на деревню, когда почти все её жители и посетители уже обзавелись мобильными аппаратами.

Для российской провинции и периферии характерно *отсутствие саморазвития и преемственности*. Все импульсы происходящих там изменений исходят из столиц и выглядят как неожиданные удары, как

форс-мажорные бедствия, рано или поздно разрушающие любые местные начинания (см. выше перечень 18 катастроф в нечернозёмной деревне).

В средней полосе Западной Европы массовая автомобилизация легла на густейшую сеть рельсовых путей. Так, в Бельгии в 1925 г. было 31,3 км железнодорожных линий на 100 км² территории [1], в Ломбардии в 30-х годах на 23,7 тыс. км² площади этой исторической области приходилось 1400 км обычных железных дорог и, кроме того, 1063 км линий внегородского (!) трамвая [4]. В Австро-Венгрии трамвай ходил даже из Вены в Пресбург (Братиславу). Европейские крестьяне при наличии хороших дорог с твёрдым покрытием постепенно пересаживались на мотоциклы и автомобили, тогда как и лошадей у них никто не отнимал. Русская же деревня лошадей лишилась, а общедоступного и удовлетворительного автомобильного сообщения не дождалась и потому большей частью исчезла, оставив на память о себе на топографических картах названия урочищ, ныне в пригородных зонах застраиваемых коттеджными посёлками.

Происходящие в России изменения можно охарактеризовать как пространственно *поляризованный прогресс* — такое внедрение полезных новшеств, при котором чрезвычайно возрастают контрасты между центрами и периферией. Такой прогресс может быть *позитивным*, когда отставание окраин только относительно; оно нарастает, но при этом качество жизни увеличивается повсеместно, т.е. имеет место *справедливое, стимулирующее неравенство*. Но этот прогресс может быть и *негативным*, если качество жизни на периферии ухудшается абсолютно, т.е. в рассматриваемом отношении становится хуже, чем было раньше. Это уже неравенство *несправедливое, не стимулирующее, а подавляющее*. (Научно плодотворное понятие о справедливых и несправедливых социальных неравенствах впервые сформулировал Ю.В. Самодуров [12]). Есть основания полагать, что в российской глубинке преобладает негативный «прогресс», т.е. для неё это явный регресс по многим показателям.

3. Относительность и повсеместность периферизации.

Важными свойствами внутренней периферии, особенно актуальными в специфических и уникальных российских условиях, являются её *относительность* и *повсеместность*. Нельзя с полной определённости сказать и показать на карте, какие места у нас являются периферийными, а какие центральными. Всё зависит от той «системы координат», в которой они выявляются. Важнейшей координирующей системой в нашей стране является, как известно, административно-терри-

ториальное деление (АТД), так что в первом приближении мы найдём столько видов центральности-периферийности, сколько имеется рангов у официального АТД: есть внутренняя периферия у областей, муниципальных районов и т.п. Но к ним надо добавить неофициальные, неявные, узловые районы, например в виде латентных, ныне и временно несуществующих округов, бывших когда-то официальными (например, Тарский округ в Омской области) или никогда не бывших таковыми, но отчасти выявленных, например, в знаменитом районировании Е.Е. Лейзеровича [3].

Повсеместность внутренней периферии вытекает из её относительности. Почти для любой точки можно найти объекты, по отношению к которым она будет центральной или периферийной.

4. Периферийность ареальная, линейная и точечная. Отношение центр — периферия возникает не только между центром (ядром) и окружающим его обширным ареалом, но и по сторонам какой-либо оси, а также между пунктами (относительно малыми ареалами, которые на мелкомасштабной карте обозначены пунсонами). *Двусторонними осями центральности являются магистрали континуального транспорта* (допускающего транспортные операции в любом пункте трассы [6]), *односторонними* — берега морей, используемые более или менее сплошь и равномерно, например, для рекреации. И, наконец, периферийным или центральным может быть положение в множестве (рое) пунктов. Так, Пенза, будучи центром своего региона (области), является слабо выраженной внутренней периферией по отношению к Москве, Нижнему Новгороду, Казани, Самаре, Саратову, Воронежу.

5. Внутренняя периферия в городах. Внутренняя периферия существует в разных масштабах, на всех уровнях — от глобальных до локальных. Она встречается даже внутри поселений — городов и больших многоуличных сёл. В городах это *зоны пониженной урбанизации*, отличающиеся редкой или малоэтажной застройкой, реже населённые, с садами, огородами, пустырями, лесопарками, охватываемые городской жизнью в последнюю очередь: 1) *физические*, продиктованные природным и антропогенным ландшафтом — на болотах, в поймах, на крутых склонах, на бывших свалках, промзонах, аэродромах, кладбищах; 2) *позиционные* — в относительной удалённости от магистральных дорог и улиц.

В полустихийно растущих российских городах внутренняя периферия как правило возникает из внешней. Её основой может быть *зелёный клин* — занятое лесами и/или полями, не застроенное пространство между радиальными дорогами, исходящими из центра

города или городской агломерации. В Подмоскowie один такой, самый широкий и наименее урбанизированный клин в 2012 г. присоединён к Москве [11]. Это пока ещё внешняя периферия Московской агломерации, но она вскоре станет внутренней, после того, как начнётся интенсивная застройка примыкающих к ней остатков Подольского и Наро-Фоминского районов, а также Калужской области. Внешней периферией Москвы был некогда единый лесной массив Сокольников и Лосиног Острова, но теперь это ближняя внутренняя периферия Московской агломерации, с её дистальной стороны окружённая, «заблокированная» городами Мытищи, Королёв, Щёлково, Балашиха.

До самой середины XX столетия в Москве даже внутри Садового кольца была ярко выраженная внутренняя периферия, например, в виде Арбатских переулков, где сохранялись одноэтажные деревянные дома с садами и огородами и даже кто-то держал корову (правда, уже только в стойле; пастбища в поймах реки Москвы и Пресни исчезли вскоре после революции 1917 г.). Другой яркий пример, сохраняющийся и ныне — геометрический центр территории города Коломны, внутри её Большого трамвайного кольца. Там не случайно много места занято парками, стадионами, детскими площадками.

6. Экологическая роль Большой внутренней периферии. В моих работах российской внутренней периферии отводится важная роль сохранения и развития природного ландшафта [10]. Осуществление этой задачи не требует существенного финансирования. Традиционный экономический подход с рассуждениями об инвестициях, занятости и рабочих местах тут совершенно не уместен. Восстановление дикой природы Нечерноземья идёт само собой, надо только ему не мешать. Внутренняя периферия — потенциальная опора экологического каркаса и эконета. Искусственная вторичная колонизация российской глубинки за пределами пригородных зон бесперспективна. Немногим оставшимся там постоянным, коренным жителям, которые по-настоящему привязаны к своей малой родине и хотят вести там традиционный образ жизни, должны быть предоставлены *права аборигенов*, независимо от их этнической принадлежности.

7. Новизна и приоритет в изучении внутренней периферии.

Обнаружение внутренней периферии — одно из важнейших открытий отечественной социально-экономической географии, основанное на непредвзятом изучении своей страны без оглядки на модные импортные концепции. Строго говоря, это понятие уже давно не является но-

вым для российских социогеографов. Но оно по-прежнему ново и непонятно для российского начальства и подвластного ему народа. Как и прежде, большинство россиян не понимает, что различия между центрами и окраинами на каждом масштабном и таксономическом уровне для повседневного существования людей сплошь и рядом бывают важнее, нежели климатические различия между природными зонами или разница в условиях жизни между Калининградом и Владивостоком.

В настоящее время тему «внутренняя периферия» подробно разрабатывает В.Л. Каганский [2]. Многие её разделы мы в своё время начинали вместе. В настоящем сообщении я хотел обратить внимание на некоторые свойства периферийности (относительность, повсеместность), на нетранспортные факторы упадка российской глубинки, привести примеры внутренней периферии в городах. В.Л. Каганский полагает, что вся Россия становится внутренней периферией мира. Я думаю, что пока она — внешняя периферия ойкумены, ещё не распространившейся на всю Арктику и Антарктику. Но для понимания географического положения России надо чаще смотреть на глобус, и притом со всех сторон, а не только на принятую у нас политическую карту мира в поликонической проекции с осевым меридианом 40° в.д., проходящим вблизи Москвы.

Большой вклад в понимание внутренней периферии внесли исследования сельской жизни Т.Г. Нефёдовой [5]. Они, между прочим, подтвердили и то, что было интуитивно ясно кое-кому из нас ещё в 70-х годах прошлого века.

В заключение не лишним будет задаться вопросом: кто первый ввёл в науку понятие «внутренняя периферия»? Я смею полагать, что это был ваш покорный слуга. В статье, вышедшей в 1987 г. ([6], с. 47) и переизданной в 2002 г. ([9], с. 79), упоминается *интрапериферия* применительно к Валдайскому вакууму между Петербургом, Москвой и Варшавой, описанному в начале настоящей статьи (абзац второй); она противопоставлена *экстрапериферии*.

Выражаясь «географически политкорректно», мы можем сказать, что российская внутренняя периферия — не больная и упадочная земля, нуждающаяся в лечении традиционными экономическими методами, но *альтернативно одарённая* хорошими экологическими возможностями для сохранения и процветания природного ландшафта.

Литература

1. Бельгия // БСЭ, т. 5, 1927, стлб. 467.
2. Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН., сер. геогр., 2012, №6.
3. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). — М.: Трилобит, 2004.
4. Ломбардия // БСЭ, т. 37, 1938, стлб. 369.
5. Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. — М.: Новое издательство, 2003.
6. Родоман Б.Б. Экспрессный транспорт, расселение и охрана природы // Методы изучения расселения. — М.: ИГАН, 1987. — С. 44–54.
7. Родоман Б.Б. Земельные реформы и ландшафт // Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 487–488.
8. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999.
9. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002.
10. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность, 2006, №2. — С. 78–88.
11. Родоман Б.Б. Отклик на расширение Москвы // Интелрос, 28.XII.2011. www.intelros.ru
12. Самодуров Ю.В. Вместо предисловия и послесловия // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. — М.: Изд-во «Референдум», 2003.

Ткаченко А.А., Фомкина А.А.

ГЛУБИНКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ОПЫТ ФОРМАЛИЗОВАННОГО ВЫДЕЛЕНИЯ

В Словаре С.И. Ожегова глубинка определена как «глубинный, далекий от центра пункт, район» (1990, с. 136). При этом указано, что слово — разговорное. На первый взгляд, значение его тоже, что у более привычной для научного языка периферии. Однако при проведении исследований на внутрирегиональном и, тем более, локальном уровнях оно воспринимается более органично, чем иноязычный термин «периферия», и это заставляет признать правомерность его переноса в научный язык из разговорного. Настоящая работа посвящена выделению глубинных территорий на уровне низовых (муниципальных) районов¹.

Муниципальные (до недавнего времени — административные) районы областей, краев, республик в современной России, как и ранее в СССР, являются традиционными объектами при рассмотрении самых различных экономико-географических проблем на внутрирегиональном уровне. В работах с большим территориальным охватом сетка низовых районов используется сравнительно редко [4; 5]. Мысль о необходимости таких работ, видимо, впервые была высказана в 1957 г. В.А. Танаевским, писавшим об экономических типах низовых административных районов [6].

В данной работе предложены авторская трактовка понятий «глубинка» и «глубинность» и методика выделения относящихся к глубинке низовых районов. Глубинность понимается как свойство территории, выражающееся в неблагоприятных условиях проживания, связанных с ограниченными возможностями внешних контактов и получения услуг различных предприятий и учреждений социальной инфраструктуры — как в месте проживания (в рамках данной работы — в пределах своего района), так и в центрах, расположенных за его пределами. Глубинке противостоит центр — большие (от 100 тыс. чел.) города со своими пригородными районами. Между центром и глубиной располагается срединная зона (не центр и не глубинка). Территории обеих этих категорий — центра и срединной зоны — в данной работе не рассматриваются.

¹ На уровне внутриобластных районов глубину рассматривает Е.Е. Лейзерович.

Исследование проведено по материалам Центрального и Центрально-Черноземного районов. Вместе здесь они именуются Центральной Россией, что, разумеется, не вполне точно, так как часть центральных областей входит в другие экономические районы. Операционными единицами исследования служат муниципальные районы общим числом 422². Каждый район рассматривается как единое географическое образование вместе со всеми городами и пгт, попадающими в контур его границ, независимо от их административного статуса.

Принадлежность муниципального района к глубинке определяется в данной работе тремя признаками: величиной собственного центра, транспортными условиями в пределах района, положением по отношению к центру соответствующей области. Два первых признака определяют глубинность по свойствам территории, это — внутренние признаки глубинности. Третий признак — внешний, он определяет глубинность территории по ее положению.

Включение в число признаков глубинности района величины (статуса) районного центра объясняется следующим. Хорошо известно, что центр контролирует («опекает» [1]) подведомственную ему территорию. Чем меньше центр, тем слабее контроль, или «опека», и тем сильнее проявляется свойство глубинности — не только в самом центре, но и в возглавляемом им районе. Интерес к районным центрам в нашей географии восходит к работам С.А. Ковалева начала 1960-х гг. [2 и др.].

Априори установлено, что к глубинке не относятся районы, возглавляемые средними (50–100 тыс. чел.) и более крупными городами, и районы с хорошими транспортными условиями. К глубинке также не относятся муниципальные районы, являющиеся соседями первого порядка пригородных районов областных центров — при наличии прямых транспортных связей райцентра с центром области.

Таким образом, в нашем понимании, глубинные районы характеризуются следующими признаками:

- центр (или самый крупный город) людностью не более 50 тыс. чел.,
- транспортные условия — не лучше «средних» (по специальной классификации; см. ниже),
- отсутствие общей проницаемой границы с пригородными районами областного центра.

² По нашим данным в Центральной России насчитывается 421 муниципальный район. Наравне с районами рассматривается Борисоглебский городской округ Воронежской области — бывший район того же названия, имеющий сопоставимые с другими районами площадь и численность населения.

Все три требования являются обязательными (необходимыми). Различные сочетания значений статуса центра и транспортных условий дают различную степень глубинности территории.

В работе использована следующая классификация центров районов:

- 1 класс — крупные города с людностью более 100 тыс. чел.
- 2 класс — средние города — от 50 до 100 тыс. чел.
- 3 класс — субсредние города — от 20 до 50 тыс. чел.
- 4 класс — малые города и пгт с людностью до 20 тыс. чел.
- 5 класс — райцентры — сельские населенные пункты.

При отнесении городов к тому или иному классу использовался предложенный нами принцип «максимальной достигнутой людности». Согласно ему, следует принимать в расчет не «сиюминутную» людность (по последней переписи или текущей оценке), а максимальную людность, которую имел данный город за какой-нибудь весьма продолжительный срок. Мы рассматривали период от переписи 1959 г. до переписи 2010 г. Логика этого принципа заключается в том, что достигнув определенной величины, город обретает, конечно, в течение некоторого времени, соответствующий этой величине социально-экономический потенциал. При уменьшении людности, что характерно в последние десятилетия для большинства городов России, социально-культурный потенциал, определяемый наличием разнообразных учреждений, обслуживающих население, как правило, сохраняется в течение очень длительного времени. Поэтому притягательность центра для населения окружающей территории не снижается. В таблице 1 приведена группировка районов по классам возглавляющих их центров (см. также рис.1).

Таблица 1.

**Распределение районов Центральной России
по классам центров (число районов)**

	Классы центров районов					Всего
	1	2	3	4	5	
Центральный экономический район	30	29	53	154	34	300
Центрально - Черноземный район	7	5	24	58	28	122
Всего	37	34	77	212	62	422

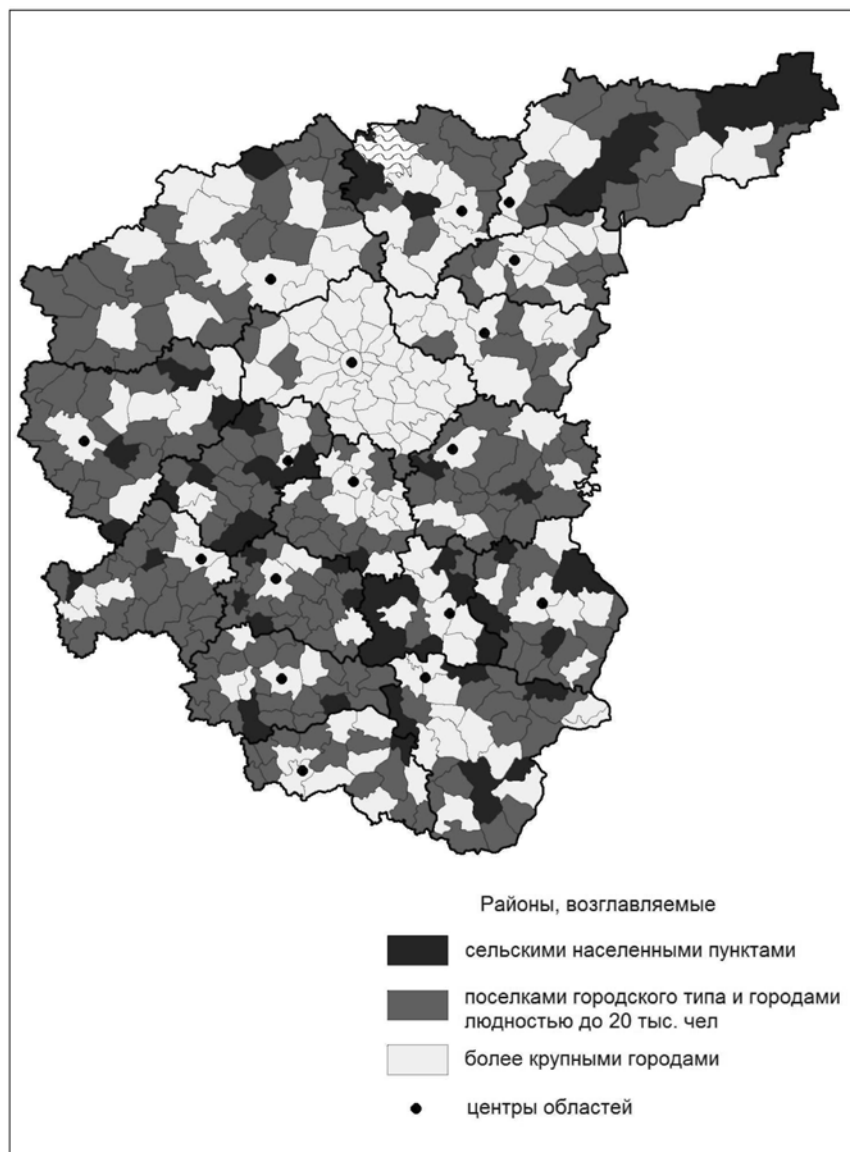

Рис. 1. Контроль территории муниципальных районов.

Более половины всех районов имеют своим центром населенный пункт 4 класса — малый город или пгт людностью до 20 тыс. человек. В Центрально-Черноземном районе их доля несколько меньше — 48%, в Центральном — 57%. Зато доля районов, возглавляемых сельскими населенными пунктами, в Черноземье почти вдвое выше, чем в Центральном районе — 23 и 13% соответственно. В целом следует отметить сильно выраженный сдвиг массива районов в нижние (4 и 5) классы по величине центра (примерно по 70% и в ЦЭР, и в ЦЧР). Единственная из нестоличных областей, где районы с центрами 1–3 классов составляют более половины общего числа — Владимирская. Близка к половине доля таких районов в Ивановской и Тульской областях.

Классификация районов по транспортным условиям более сложна, так как требует совмещения данных о железнодорожном и автомобильном транспорте. Учитывались все действующие железнодорожные пути общего пользования и две высшие категории автодорог — магистрали и автодороги межрегионального значения с твердым покрытием. Основным параметром было количество направлений движения из района (или в район) по каждому виду транспорта. Например, если через район проходит одна дорога определенного класса, считается, что район имеет два возможных направления движения. Если единственная дорога заканчивается в районе (тупик), он имеет одно направление по этому виду транспорта. Если дорога пересекает незначительную часть района вдалеке от райцентра и других крупных населенных пунктов, она не учитывается.

Всего выделено пять классов транспортных условий (от лучших к худшим). Районы первого класса имеют два и более направлений железных дорог в сочетании с двумя автомагистралями или одной автомагистралью и автодорогами межрегионального значения двух (и более) направлений. В районах пятого класса отсутствуют железные дороги общего пользования, автомагистрали и автодороги межрегионального значения. Районы 2, 3 и 4 классов образуют последовательный ряд с ухудшением транспортных условий (табл. 2).

Здесь тоже очевиден сдвиг в нижние классы, хотя выражен он менее сильно, чем в группировке по статусу центров. На 4 и 5 класс приходится 43% всех районов Центральной России (42% в ЦЭР и 46% в ЦЧР), а на 1 и 2 — только 29%. Транспортные условия в ЦЭР заметно лучше, чем в ЦЧР. Доля районов, имеющих 1 и 2 классы транспортных условий, здесь составляет 1/3 (без Московской области — 28%), тогда как в Черноземье — 1/6 (17%). Лучшие транспортные условия, не считая Московской области, наблюдаются во Владимирской и

Таблица 2.

**Группировка районов Центральной России
по классам транспортных условий (число районов)**

	Классы транспортных условий					Всего
	1	2	3	4	5	
Центральный экономический район	35	65	75	89	36	300
Центрально - Черноземный район	8	13	45	46	10	122
Всего	43	78	120	135	46	422

Тульской областях. Почти половина их районов имеют 1 и 2 классы транспортных условий. Наихудшие условия в Курской, Ивановской и Костромской областях, где примерно по 2/3 всех районов имеют 4 и 5 классы транспортных условий. В таблице 3 совмещены две рассмотренные группировки районов.

Прежде, чем приступить к выделению районов глубинки, обратим внимание на некоторые черты совмещенного распределения районов ЦР по двум рассматриваемым признакам. Более половины — 257 из 422 (61%) — районов расположились в таблице на главной диагонали (идущей из верхнего левого в нижний правый угол), что говорит о достаточно высокой степени корреляции между статусом центра и транспортными условиями в районе. Среди районов с наихудшими транспортными условиями (5 класс) нет ни одного, который бы возглавлялся центром с людностью более 20 тыс. чел. Всего по одному району из 4-го класса транспортных условий возглавляются большим и средним городом, это соответственно Кинешма Ивановской и Железногорск Курской области. Также крайне малочисленны районы с хорошими транспортными условиями (1 и 2 классы) и райцентрами — селами. Это: Новоусманский район Воронежской области (1 класс транспортных условий), Бабынинский Калужской, Сямпурский Тамбовской и Становлянский Липецкой областей (2 класс транспортных условий). И даже 3-й класс транспортных условий присущ только девяти районам с сельскими райцентрами.

Из дальнейшего рассмотрения исключаются все районы 1 и 2 классов по транспортным условиям (121 район) и все районы 1 и 2 классов центров (71 район). Поскольку эти множества перекрываются (55 районов исключаются по обоим признакам), число исключаемых районов составляет 137. Оставшийся массив насчитывает 285

районов, которые и являются «кандидатами на зачисление» в глубинку. Эти районы, составляющие около 68% от общего числа рассматриваемых территориальных единиц, расположены в центре и в правой нижней части таблицы.

Таблица 3.

Группировка муниципальных районов Центральной России по классам транспортных условий и статуса центра

Классы транспортных условий	Классы центров районов					
	1	2	3	4	5	Всего
1	25	8	6	3	1	43
2	9	13	20	33	3	78
3	2	12	36	61	9	120
4	1	1	15	89	29	135
5				26	20	46
Всего	37	34	77	212	62	422

Примечание. Жирным шрифтом выделены группы районов, отнесенные к глубинке.

Прежде всего, обратим внимание на районы, возглавляемые субсредними (3 класс) городами. Отнесение их к глубинке, по нашему мнению, возможно лишь при самых неблагоприятных транспортных условиях (5 класс). Но соответствующая клетка (5.3)³ в таблице 3 оказалась незаполненной, т.е. таких районов в Центральной России нет. Районы же, возглавляемые субсредними городами и имеющие 3 или 4 класс транспортных условий, глубиной, на наш взгляд, не являются. Точнее, глубинность у них выражена значительно слабее, чем у других «кандидатов». Обе эти группы, вместе насчитывающие 51 район, из дальнейшего рассмотрения также исключены. Массив глубинных районов, таким образом, сократился до 234 единиц, что составляет около 56% всего множества муниципальных районов Центральной России.

Наибольшей глубиной характеризуются районы, попавшие в клетку (5.5), районы с селами-райцентрами и отсутствием дорог учитываемых нами категорий. Это — наиболее «жесткая глубинка».

³ Первая цифра — номер строки, вторая — столбца.

Несколько слабее глубинность выражена в районах, попавших в клетки (4.5) и (5.4). Это соответственно районы с райцентрами-селами и 4-м классом транспортных условий и районы, возглавляемые малыми городами или пгт при 5-м классе транспортных условий. Следующая группа — районы в клетках (3.5) и (4.4). Это — районы с райцентрами-селами и 3-м классом транспортных условий и районы, возглавляемые малыми городами и пгт при 4-м классе транспортных условий. Стоит отметить, что последнее сочетание значений рассматриваемых признаков (4.4) является самым распространенным. Оно характерно для пятой части всех районов Центральной России.

Наиболее «мягкими» условиями среди глубинных районов отличаются районы, попавшие в клетку (3.4). Эти районы возглавляются малыми городами и пгт и имеют 3-й (средний) класс транспортных условий.

Итак, мы выделили четыре класса районов с различной степенью проявления глубинности: максимальной, высокой, средней и низкой. Как нам представляется, районы двух первых групп образуют «собственно глубинку», районы двух других групп — «полуглубинку». Для первых характерны наиболее «жесткие» условия, для вторых — «смягченные». Первая группа (5.5), отличающаяся наиболее жесткими условиями, может считаться «абсолютной глубинкой».

Однако, при выделении рассмотренных групп не было учтено положение районов относительно областного центра. Почти каждый пятый из оставшихся в рассмотрении районов (45 из 234) является соседом первого порядка пригородных районов центров областей. Это — агломерированные районы, которые не должны, согласно принятым нами правилам, считаться глубинными. Их внутренние характеристики (статус центра и транспортные условия) соответствуют представлениям о глубинности, а положение относительно центра области — нет. Близость к центру как бы снимает проблему глубинности. Эти районы мы называем «квазиглубинкой». Следовательно, число глубинных районов, выделенных по нашей методике, в Центральной России составляет 189. Кроме того 45 районов относятся к квазиглубинке. В табл.4 и на рис. 2 показана принадлежность районов областей Центральной России к группам с разной степенью глубинности.

Как видно, к глубинке принадлежит примерно 45% общего числа муниципальных районов Центральной России. В Черноземье эта доля заметно выше — 54%, в Центральном районе ниже — 41%. Если исключить из рассмотрения Московскую область, для которой глубинность в общем не характерна, доля глубинных районов в ЦЭР по-

Таблица 4.

Районы глубинки в областях Центральной России

Области	Общее число районов	Группы районов по степени глубинности (число районов)				Всего районов глубинки	Их доля в общем числе районов, %	Квази- глубинка, число районов
		Макси- мальная	высокая	средняя	низкая			
1. Брянская	27	1	3	8	1	13	46,4	2
2. Владимирская	16	–	–	1	1	2	12,5	2
3. Ивановская	21	–	4	5	–	9	42,9	3
4. Калужская	24	2	3	3	4	12	50,0	2
5. Костромская	24	2	7	6	–	15	62,5	3
6. Московская	38	–	–	2	1	3	7,9	–
7. Орловская	24	2	4	7	2	15	62,5	5
8. Рязанская	25	–	4	7	1	12	48,0	4
9. Смоленская	25	1	3	6	2	12	48,0	6
10. Тверская	36	1	2	7	7	17	47,2	3
11. Тульская	23	1	–	1	4	6	26,1	1
12. Ярославская	17	1	1	5	–	7	41,2	2
цэр в целом	300	11	31	58	23	123	41,0	33

Области	Общее число районов	Группы районов по степени глубинности (число районов)				Всего районов глубинки	Их доля в общем числе районов, %	Квази- глубинка, число районов
		Макси- мальная	высокая	средняя	низкая			
13. Белгородская	21	1	-	2	9	12	57,1	1
14. Воронежская	32	2	6	4	5	17	53,1	2
15. Курская	28	-	3	11	4	18	64,3	5
16. Липецкая	18	-	5	2	1	8	44,4	3
17. Тамбовская	23	3	3	3	2	11	47,8	1
ЦЧР в целом	122	6	17	22	21	66	54,1	12
Всего	422	17	48	80	44	189	44,8	45

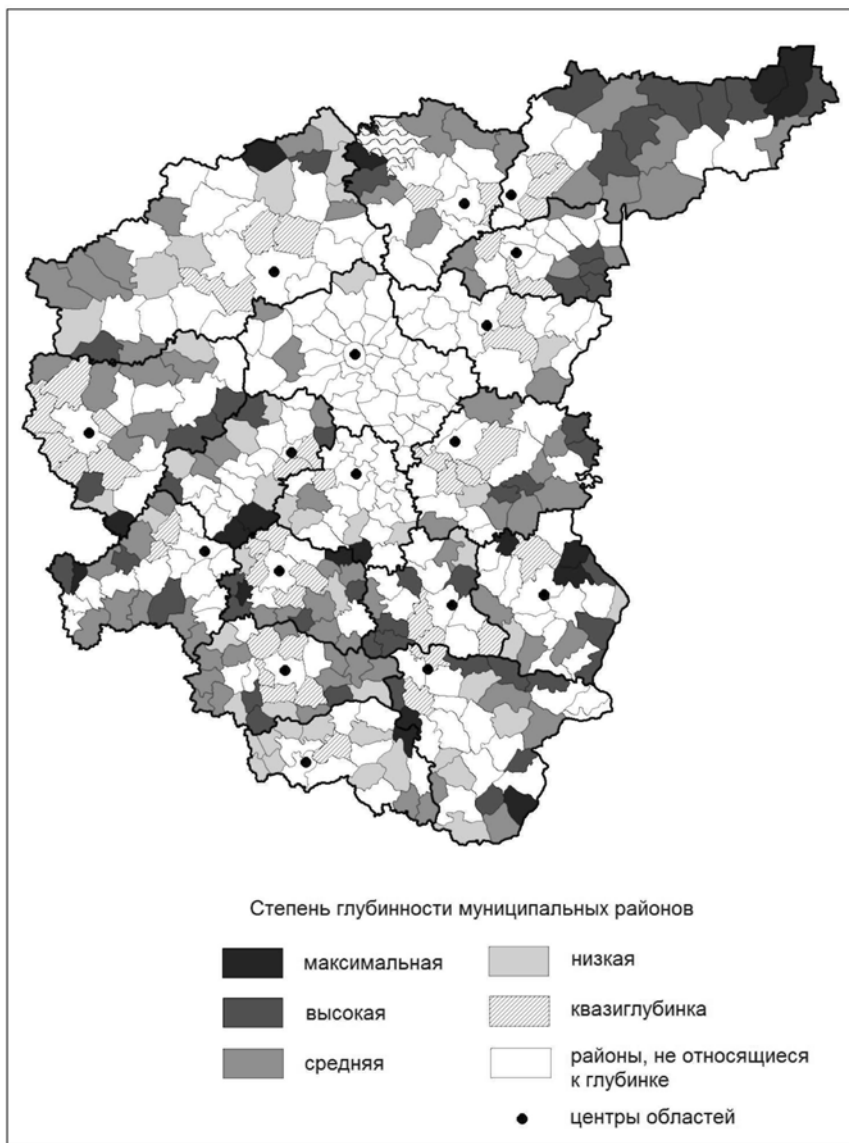

Рис. 2. Глубинка в пределах Центрального и Центрально-Черноземного районов

высится до 46%, а в целом по Центральной России — до 48%. В трех из пяти черноземных областей глубинные районы составляют более половины общего числа районов, в ЦЭР таких области только две. Самая низкая доля, что вполне естественно, в Московской области, где к глубинке отнесено всего 3 района: Лотошинский и Рузский районы имеют среднюю степень глубинности, Талдомский — низкую. Доля «жесткой» глубинки (1 и 2 группа) в целом не велика, чуть более 15%. Но в нескольких областях к ней относится более половины всех глубинных районов. Это — Костромская, Липецкая и Тамбовская области. Близка к этому и Воронежская область.

Районы, относящиеся к квазиглубинке, представлены во всех областях Центральной России, кроме Московской, но число их сильно различается — от 1 до 6. Смоленск и Курск окружены почти сплошным кольцом глубинных по своим внутренним характеристикам районов.

Какими районами представлена квазиглубинка? Как ни странно, в ее составе встречаются районы, с характеристиками всех четырех групп. Преобладают районы 3 и 4 групп, на них приходится почти 4/5 всех квазиглубинных районов. Однако, в Брянской, Орловской и Ярославской областях в окружении областных центров присутствует по одному району с характеристиками абсолютной глубинки. В Черноземье таких случаев не наблюдается.

В таблице 5 приведены данные о доле глубинных районов в площади и численности населения Центральной России⁴. Если доля глубинки в площади Центрального и Центрально-Черноземного районов почти не различается, то по доле в численности населения различия весьма существенны. В ЦЧР эта доля выше в два с лишним раза.

Собственно глубинка (районы 1 и 2 групп по степени глубинности) и полуглубинка (районы 3 и 4 групп) различаются по площади примерно в 2 раза. В обоих экономических районах, как и почти по всех областях, площадь полуглубинки существенно больше, чем собственно глубинки. В отдельных областях (Тверской, Тульской, Белгородской и Курской) наблюдается 5–7 кратное преобладание полуглубинки. Исключение составляют Костромская, Липецкая и Тамбовская области, где площадь районов собственно глубинки больше, чем полуглубинки, причем в Липецкой почти в 1,5 раза.

Различия в численности населения более существенны: на полуглубинку приходится почти в 3 раза больше жителей, чем на собственно глубинку. В ЦЭР эта разница выражена сильнее. Различия в большинстве областей составляют от 1,5 до 6 раз, а в Тверской и Бел-

⁴ Все данные без учета населения и площади г. Москвы.

Таблица 5.

**Доля районов глубинки в площади и численности населения
Центральной России, %**

	Площадь			Все население		
	Собственно глубинка	Полу- глубинка	Вся глубинка	Собственно глубинка	Полу- глубинка	Вся глубинка
ЦЭР в целом	13,1	28,1	41,2	2,2	7,0	9,2
ЦЭР без Московской области	14,5	30,2	44,7	3,3	9,7	13,0
ЦЧР	16,1	28,2	44,3	5,8	14,8	20,6
ЦЭР и ЦЧР	13,9	28,1	42,0	3,2	9,1	12,3
в т.ч. без Московской области	15,0	29,7	44,7	4,2	11,6	15,8

городской областях достигают 10-кратного превышения. В Костромской области эти доли почти равны, а в Липецкой и Тамбовской в районах собственно глубинки («жесткой глубинки») проживает больше населения, чем в районах полуглубинки (смягченной глубинки).

Если во всем населении доля собственно глубинки составляет всего 3,2%, а без учета Московской области — 4,2%, то в сельском населении ее доля существенно больше — 9,8% (без Московской области 11,9). В городском же населении доля собственно глубинки почти незаметна — 0,8% (без Московской области — 1,1). В районах 1 группы («абсолютная глубинка») городского населения практически нет, так как центрами районов являются сельские населенные пункты. Единственное исключение составляет Гордеевский район Брянской области, где в пгт Мирный проживает около 1400 человек.

Итак, к глубинке, согласно нашим подсчетам, принадлежат 189 муниципальных районов Центральной России, что составляет 45% от их общего числа. На нее приходится 42% площади, примерно 12% всего населения, 7% городского и 29% сельского населения. В 16 нестолических областях ЦЭР и ЦЧР (т.е. без учета Московской области) к глубинке принадлежат 186 районов (48%). Ее площадь составляет около 45% от общей площади этих областей. Доля глубинки в городском населении — почти 16%, а это примерно 3,1 млн. Человек, что соответствует населению двух средних по величине областей.

Литература

1. *Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов / Перев. с фр. — М., 1967.
2. *Ковалев С.А.* Типы поселений — районных центров СССР // География населения СССР. Вопросы географии. Сб.56. — М., 1962 (Перепечатано в: Ковалев С.А. Избранные труды. Смоленск, 2003).
3. *Лейзерович Е.Е.* Калейдоскоп малых районов (экономических микрорайонов) России // Современные проблемы общественной географии. — М., 2011.
4. *Молодикова И.Н.* Экономико-географические особенности взаимосвязанного развития городского и сельского расселения ЦЭР: Автореф. ...канд. геогр. наук. — М., 1987.
5. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. — М., 2003.
6. *Танаевский В.А.* Экономические типы административных районов // Экономическая география. Вопросы географии. Сб.41. — М., 1957.

Лейзерович Е.Е.

ГЛУБИНКА КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Слово «глубинка» в словаре русского языка представлено как «глубинный, далёкий от центра пункт» [4, с. 119]. Но обычно экономико-географы подходят к этому понятию пространственно шире, называя глубиной обширные территории, расположенные за пределами крупных городских агломераций и зон хозяйственного тяготения крупных, больших и средних городов. Попытаемся рассмотреть понятие «глубинка» типологически, проделав предварительно его формализацию. Используем для этого сетку экономических микрорайонов России.

Экономические микрорайоны (ЭМ) — собирательное название для внутриреспубликанских, внутрикраевых и внутриобластных районов. Эти районы представляют собой промежуточную иерархическую ступень между субъектами РФ (республиками, краями и областями) и муниципальными образованиями (городами и сельскими админист-

ративными районами). Большинство ЭМ включает в свой состав несколько сельских административных районов и город-центр. Однако есть три десятка ЭМ чисто сельских.

В последнем опубликованном варианте сетки ЭМ России — 463 ЭМ [2]. Они заметно различаются между собой по многим параметрам, и прежде всего по своему экономико-географическому положению (ЭГП) в границах тех республик, краёв и областей, в состав которых входят. Именно на эти различия нами обращено внимание. Выделено семь типов ЭМ по их ЭГП, прежде всего по микроположению, в ряде случаев с дополнительным учётом мезоположения. Макроположение, третий концентр ЭГП, для всех ЭМ, входящих в состав одной республики, одного края или одной области, за редким исключением одинаково.

Тип I — «пристоличные ЭМ» — 78 ЭМ, сформированных городами — центрами субъектов РФ и их зонами хозяйственного тяготения.

Тип II — «ЭМ-подцентры» — 84 ЭМ, сформированных городами, не являющимися центрами субъектов РФ. Чаще всего это средние и большие города, в десяти случаях крупные города, но в восьми случаях — тандем малых городов, например, Людиново-Киров в Калужской области.

ЭМ двух упомянутых выше типов, являясь центральными для своих республик, краёв и областей, занимают в сумме территорию в 4,6 млн. км², что составляет 27% всей территории России. В них проживало на 1 января 2008 года 116,5 млн. человек, или 82% всего населения страны.

Все территории, находящиеся вне ЭМ типов I и II, то есть 3/4 площади России, по определению — «глубинка». Однако большую часть этих территорий к «глубинке» относить не следует из-за специфических особенностей их ЭГП, а также ряда других параметров.

Речь идёт об ЭМ, отнесенных нами к типам III, IV, V и VII.

Тип III — 49 ЭМ — «ресурсные ареалы». Это территории, богатые полезными ископаемыми или лесными ресурсами, находящимися в стадии масштабной промышленной разработки или активной подготовки к ней, а также крупные общероссийского значения зоны отдыха, туризма и альпинизма.

Тип IV — 55 ЭМ — «активное пограничье» — территории, которые заметно выделяются среди периферийных территорий республик, краёв или областей наличием активных хозяйственных связей со смежными районами соседних республик, краёв и областей.

Тип V — «примагистральные ЭМ». Он немногочислен — 19 ЭМ. Это территории, расположенные вдоль некоторых участков особо важных железнодорожных магистралей, чаще всего Транссиба.

Тип VII — «медвежьи углы». К этому типу относятся 50 ЭМ. Они представляют наиболее глубинную часть России — самую слабозаселённую и наименее хозяйственно освоенную — без железных дорог общего пользования и пригодных к промышленной разработке природных ресурсов. В основном это тундровые и таёжные территории, расположенные в зоне вечной мерзлоты.

Типологической глубиной мы считаем лишь один тип ЭМ — шестой, так как территории им занимаемые вполне соответствуют термину «глубинка» в его экономико-географической интерпретации. К этому типу ЭМ относится наибольшее их количество — 118. ЭМ типа VI занимают в РФ территорию около 2 млн. км² (см. таблицу 1).

В таблицу 1 включены данные об ЭМ-«медвежьих углах» из-за того, что интересно сопоставление ЭМ-«глубинка» с этим типом экономических микрорайонов для разных частей страны. В Европейской части площадь всех ЭМ-«глубинка» заметно превышает площадь всех ЭМ-«медвежьи углы». А в восточных районах наоборот: площадь всех ЭМ-«медвежьи углы» заметно превышает площадь всех ЭМ-«глубинка». Такая же картина с числом ЭМ этих типов. В Европейской части 95 ЭМ-«глубинка» и 14 ЭМ-«медвежьих углов», а в восточных районах — 23 ЭМ-«глубинка» и 36 ЭМ-«медвежьих углов».

ЭМ-«глубинка» имеются во всех одиннадцати основных экономических районах России, но не во всех республиках, краях и областях, а лишь в пятидесяти пяти. В Европейской России типологической глубинки нет в Карелии и Калмыкии, в республиках Северного Кавказа (кроме Дагестана), в областях Владимирской, Московской, Челябинской, Курской и Липецкой. В восточных районах типологической глубинки нет в республиках Алтай и Хакасия, в областях Кемеровской, Тюменской, Иркутской, Амурской, Сахалинской, Еврейской АО, а также в Республике Тыва, Камчатском крае, Чукотской АО. Территории трёх последних — это сплошные «медвежьи углы», за исключением «пристоличных» ЭМ.

В начале 2008 года в ЭМ-«глубинка» проживало 7,35% всего населения России. Это абсолютно и относительно меньше, чем было при переписи населения 2002 года, когда в ЭМ-«глубинка» проживало 11,1 млн. чел. или 7,64% всего населения страны. И ещё значительней разница с данными на начало 1990 года, когда в ЭМ-«глубинка» насчитывалось 12,1 млн. жителей или 8,16% всего населения России. Было бы преувеличением говорить, что российская глубинка вымирает, хо-

Таблица 1.
Соотношение ЭМ-«глубинка» и ЭМ-«медвежьи углы» в основных экономических районах России

Экономический район	Тип ЭМ VI – глубинка			Тип ЭМ VII – «медвежьи углы»		
	Площадь тыс. км ²	Население на 1.1.2008		Площадь тыс. км ²	Население на 1.1.2008 года	
		Всего тыс. чел.	Плотность чел. на км ²		Всего тыс. чел.	Плотность чел. на км ²
Центральный	143	1418	10,1	9	89	9,9
Северный	274	485	1,8	242	126	0,5
Северо-Западный	48	561	11,7	–	–	–
Волго-Вятский	120	1304	10,9	12	33	2,8
Уральский	186	1566	8,3	65	158	2,4
Центрально-Черноземный	43	933	21,7	–	–	–
Северо-Кавказский	41	924	22,5	9	39	4,3
Поволжский	143	1594	11,1	26	54	2,1
Вся Европейская часть	998	8785	8,8	363	499	1,4
Западно-Сибирский	154	754	4,9	248	329	1,3
Восточно-Сибирский	451	637	1,4	1818	220	0,12
Дальневосточный	428	262	0,6	3026	209	0,04
Все восточные районы	1033	1652	1,6	5092	758	0,15
РФ	2031	10437	5,1	5455	1257	0,2

тя в 1990–2002 годах население увеличилось только в 14 ЭМ, а в 2002–2008 годах лишь в семи ЭМ (Дмитровск-Орловском в Орловской области, Аварском и Лакском в Дагестане, Харабалинском в Астраханской области, Верхнекетском в Томской области, Удоканском в Читинской области, Нанайском в Хабаровском крае). Вместе с тем даже на российском фоне глубинка привлекает к себе внимание и вызывает озабоченность нарастающей редконаселённостью. Плотность населения в ЭМ-«глубинка», как правило, ниже плотности населения большинства других ЭМ соответствующих республик, краёв и областей. Реже населены лишь ЭМ-«медвежьи углы» и половина «примагистральных» ЭМ. В 21 республике, крае и области можно найти и другие единичные исключения, более всего за счёт ЭМ ресурсного типа.

Как правило, ЭМ-«глубинка» уступают всем остальным ЭМ, кроме ЭМ-«медвежьи углов», по уровню развития транспортной сети и основных видов инфраструктуры, зато превосходят их по показателям социального неблагополучия.

ЭМ-«глубинка» — наиболее «сельская» часть России. Если по данным на 1 января 2008 года сельское население в «пристоличных» ЭМ составляло 18% всего населения, в ЭМ-«подцентрах» 31% всего населения, в ЭМ-«ресурсных ареалах» 33%, в ЭМ-«активное пограничье» 52%, в «примагистральных» ЭМ 47%, то в ЭМ-«глубинка» на долю сельского населения приходился 61% всего населения. Более высокая доля сельского населения была только у ЭМ-«медвежьи углов» — 74%. Но в «медвежьи углы» нет товарного земледелия и среди сельского населения преобладают лица, не связанные с сельским хозяйством. А в большинстве ЭМ-«глубинка» сельскохозяйственная деятельность доминировала.

ЭМ-«глубинка» есть и на севере и на юге России. Они разбросаны по одиннадцати природно-сельскохозяйственным зонам (ПСХЗ) и горным областям [5]. Более всего их в южнотаёжно-лесной (41), лесостепной (32) и степной (17) зонах. По семь ЭМ насчитывается в среднетаёжной ПСХЗ и Южносибирской горной области. По три — в лесотундрово-таёжной ПСХЗ, Кавказской и Северосибирской горных областях. По два ЭМ — в сухостепной и полупустынной ПСХЗ. Один — в пустынной ПСХЗ. Однако будущее ЭМ-«глубинка» представляется тесно связанным не только с природными особенностями и сельскохозяйственной специализацией, но и с динамикой численности сельского населения и, соответственно, изменениями его плотности — важнейшего показателя хозяйственной зрелости территорий. По этому показателю ЭМ-«глубинка» заметно делятся на два подтипа: плотнонаселённые и слабозаселённые (см. таблицу 2). Рубеж между ними

Таблица 2.
Различия в плотности населения ЭМ-«глубинка» по экономическим районам

Экономический район	Плотонаселенная глубинка		Слабозаселенная глубинка	
	Площадь тыс. км ²	Население тыс. чел	Площадь тыс. км ²	Население тыс. чел.
Центральный	42	740	101	678
Северный	–	–	274	485
Северо-Западный	13	296	35	265
Волго-Вятский	48	797	72	507
Уральский	40	547	146	1009
Центрально-Черноземный	43	933	–	–
Северо-Кавказский	34	858	7	66
Поволжский	61	1030	82	564
Вся Европейская часть	281	5211	717	3574
Западно-Сибирский	78	693	76	61
Восточно-Сибирский	207	486	244	151
Дальневосточный	18	116	410	145
Все восточные районы	303	1295	730	357
РФ	584	6506	1447	3931

проведен по медиане плотности населения. В Европейской России к плотнонаселённым относятся 47 ЭМ с плотностью населения свыше 11,3 чел. на км², а к слабоzasелённым — 48 ЭМ с плотностью населения менее 11,3 чел. на км². В восточных районах к плотнонаселённым относятся 12 ЭМ с плотностью населения свыше 1,5 чел. на км², а к слабоzasелённым — 11 ЭМ с плотностью населения менее 1,5 чел. на км². Для нас разделение ЭМ-«глубинка» на плотнонаселённые и слабоzasелённые — отправная точка для формирования двух основных вариантов возможных путей трансформации типологической глубинки в перспективе.

Типологическая глубинка — сравнительно малоблагоприятная для проживания людей и хозяйственной деятельности в постиндустриальных условиях часть России. Поэтому недостаточно просто наблюдать за идущими в её пределах процессами, лишь дотациями из Центра и усилиями местных администраций по возможности облегчая существование жителей. Даже не для развития, а лишь частично сохранения российской глубинки, необходимо: а) проведение специальной социальной политики, направленной на сокращение смертности населения; б) привлечение мигрантов из других районов страны или ближнего зарубежья для сохранения освоенности территорий и занятия сельским хозяйством или другими видами деятельности; в) развитие социальной инфраструктуры; г) реализация специальных социальных программ [3, с. 295–296].

Наше внимание привлекают возможные подходы географического характера к решению проблем «глубинки». Речь идёт о сокращении территории «типологической глубинки» за счёт перевода отдельных её частей в другие более привлекательные виды использования, путём осуществления нестандартных решений. В соответствии с разделением типологической глубинки на слабоzasелённую и плотнонаселённую рассмотрим два варианта.

Первый вариант — экологический, более подходит для слабоzasелённых ЭМ-«глубинка». Следуя рекомендациям Б.Б.Родомана о создании на территории России экологически чистых пространств [6], необходимо постараться превратить некоторую часть ЭМ-«глубинка» в таковые. Основной задачей деятельности на экологически чистых пространствах будет сохранение естественного ландшафта. «Экологическая специализация предполагает экофильное хозяйство на большей части территории: рыболовство, охоту, собирательство, рыбодичеразведение — потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); экологический туризм — по-

требление природных богатств без присвоения и уничтожения [6, с. 85].

Необходимо разработать набор моделей «экологических» ЭМ, в частности, определить для них вариантно оптимальную плотность населения и его подходящую профессиональную структуру, минимальный набор предприятий местной промышленности и учреждений обслуживания населения. После этого станет возможным конкретно наметить те ЭМ-«глубинка», выделенные в сетке 2008 года (2), которые могут быть в первую очередь переведены в экологически чистые, что и приведёт к сокращению суммарной площади типологической глубинки.

Второй вариант назовём районно-планировочным. Он более подходит для плотнонаселённых ЭМ-«глубинка». Следует пойти на сокращение площади, занятой типологической глубинкой, путём наращивания численности населения наиболее крупных городов-центров отдельных ЭМ-«глубинка» до 50 тыс. чел., то есть до превращения этих городов в средние. Это повлечёт за собой переход окружающих такие города территорий, представляющих собой зоны хозяйственного тяготения, из типа ЭМ-«глубинка» в тип ЭМ более высокого ранга — ЭМ-«подцентры», причём не только формально, но и по существу.

Начать нужно лучше всего с городов, имеющих более 40 тыс. жителей. Это Сафоново, Ефремов, Советск и Черняховск Калининградской области, Алапаевск, Ирбит, Моршанск, Пугачёв, Камень-на-Оби. За исключением Алапаевска, Ирбита и Пугачёва перечисленные города — центры плотнонаселённых ЭМ-«глубинка». Для того, чтобы всем этим городам достичь численности населения в 50 тыс. чел., не хватает всего 65 тыс. жителей. В современных условиях расчёт на рост численности населения даже в таких масштабах представляется, на первый взгляд, совершенно нереальным. Большинство учёных-демографов предсказывает уменьшение населения страны.

Однако, на наш взгляд сложившиеся кривые рождаемости вполне могут быть в перспективе нарушены в сторону её увеличения. Массовое поведение потенциальных рожениц лишь отчасти поддаётся прогнозированию. Кроме того, резкое усиление роли конфессий в российском обществе весьма вероятно будет иметь одним из последствий рост рождаемости, как за счёт сокращения числа абортот, так и за счёт роста количества семей, придерживающихся религиозных традиций, и в их числе многодетности. В перспективе Россия с населением 160 млн. чел. не менее вероятна, чем Россия с населением 130 млн. человек.

Переход первых девяти ЭМ из типа «глубинка» в тип «подцентров» сократит площадь, занимаемую типологической глубиной, на 78 тыс. км², в том числе в европейской части на 64 тыс. км² (6,4%), в восточных районах — на 14 тыс. км² (1,3%). Следует «дотянуть» без роста численности населения до уровня ЭМ-«подцентров» два современных ЭМ-«глубинка» включающих в себя средние города — Чистопольский и Россосанский. Это сократит площадь ЭМ — «глубинка» в европейской части ещё на 18 тыс. км² (1,8%).

Можно пойти дальше: рассмотреть возможность перехода из ЭМ-«глубинка» в ЭМ-«подцентры» десяти территорий, возглавляемых городами с населением от 30 до 40 тыс. жителей (Удомля, Луга, Старая Русса, Шумерля, Чернушка Пермского края, Тавда, Приморско-Ахтарск, Сердобск, Петровск Саратовской области, Нурлат в Татарстане, Славгород). Семь из них центры плотнонаселённых ЭМ-«глубинка», три — Удомля, Старая Русса и Тавда — центры слабозаселённых ЭМ-«глубинка». Перечисленным десяти городам не хватает до того, чтобы достичь численности населения в 50 тыс. чел., в сумме 172 тыс. жителей. Исключение их вместе с зонами хозяйственного тяготения из «глубинки» уменьшит её территорию на 73 тыс. км² (на 7,3%) в европейской части страны и на 12 тыс. км² (или 1,1%) в восточных районах.

Вопрос можно ставить и о переводе из ЭМ-«глубинка» в ЭМ-«подцентры» дополнительно некоторых ЭМ с населением городского центра менее 30 тыс. жителей, например, Бежецкого ЭМ в Тверской области.

Методика традиционной районной планировки не исключает возможности рассмотрения варианта полной ликвидации типологической глубинки путём перевода в дальней перспективе всех ЭМ-«глубинка» в ЭМ-«подцентры». Для этого нужно преобразовать все города-центры ЭМ-«глубинка» в средние за счёт дополнительного расселения в них 3,5 млн. человек. Ряд авторитетных экономико-географов выражает неудовлетворённость недостаточным развитием сети городов России. Ликвидация глубинки путём форсированного наращивания населения городов-центров ЭМ-«глубинка» вполне удовлетворит их требования.

Предлагаемый нами второй — районно-планировочный — вариант решения проблем глубинки, на первый взгляд представляется несбыточным. Он больше похож не на проект, а на прожект. Но прожектирование не чуждо районной планировке, что справедливо отмечено в географической литературе [1, с. 124]. Конкретные предложения традиционной районной планировки очень редко реализовывались

сразу. Однако, некоторые из них, казавшиеся первоначально маловероятными, стали впоследствии отправными пунктами движения к тем проектным решениям и постановлениям хозяйственного характера, на основе которых открывалось финансирование конкретных действий.

Литература

1. *Артоболевский С.С., Бородина Т.Л., Глезер О.Б.* Социально-экономические и географические факторы трансформации территориальных структур Республики Карелия // Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. — М.: ИГ РАН, 2007. — С. 114–125.
2. *Лейзерович Е.Е.* Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. №4 (30). — С. 14–28.
3. *Нефедова Т.Г.* Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б.Глезер. — М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2011. — С. 280–298.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Изд. «Русский язык», 1982. — 816 с.
5. Природно-хозяйственное районирование и использование земельного фонда СССР / Под ред. А.И. Каштанова. — М.: Колос, 1983. — 336 с.
6. *Родоман Б.Б.* Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. №2. — С. 78–88.

Гриценко А.А., Крылов М.П.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ И УКРАИНЫ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹ (методологические подходы)

Настоящая статья продолжает серию научных публикаций авторов ([3] и др.), посвященных феномену региональной идентичности в российско-украинском пограничье. Расширяя проблемное и исследовательское поле при изучении приграничных идентичностей, с мая по сентябрь 2012 года проводились новые полевые изыскания. Основное внимание было направлено на выявление и анализ характерных для провинциального пространства России и Украины специфических форм идентичности, сопряженных с этнокультурным наследием и исторической памятью населения. Глубокая степень культурной интерференции в рассматриваемых областях под воздействием миграций, исторического дрейфа политических и административных границ, трансформации и адаптации идентичностей к перманентно меняющимся внешне— и внутриполитическим условиям определила широкий спектр этнокультурных ситуаций, в том числе географически упорядоченных.

В силу общеизвестных причин именно провинциальное пространство, представленное взаимосвязанными сетями крупных, средних и малых городов, в отличие от пространства сельской местности и наиболее крупных мировых и столичных городов, представляет собой наиболее репрезентативный объект при изучении современных процессов с позиций этнографии, культурной антропологии и общественной географии, адекватно отображая современные тренды, описываемые в терминах «modern» и «contemporary».

Необходимо заметить, что данная проблематика представляет значительный интерес также и для зарубежных исследователей (например [13, 14, 15] и др.). Однако в концептуальном отношении известные нам работы, как представляется, не содержат значительного

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, экспедиционный грант №12-01-18066.

элемента новизны, что может быть объяснено, в частности, отсутствием у зарубежных коллег необходимой «подпитки» для теоретических обобщений, связанной с необходимостью осмысления фактов и парадоксов наблюдаемой реальности.

Национальные контексты изучаемых явлений

В современных геополитических и этнополитических процессах, в том числе и на постсоветском пространстве, региональные и этнокультурные идентичности, а также историческая память, принимают активное участие. Они выполняют, как нам представляется, важную регулирующую функцию по сохранению во времени (преемственной передачи) нематериального историко-этнокультурного наследия как региональных, так и местных сообществ. Обладая значительной инерционностью по сравнению с более динамичными геополитическими и геоэкономическими системами, идентичности выступают в качестве «стражей» в быстро меняющихся политических условиях. Но одновременно они выступают также и побудителями проявлений национализма, сепаратизма или сецессианизма (своего рода «марша несогласных»), с одной стороны, и стимулируют проведение сдержанной, гибкой политики, учитывающей региональное разнообразие, с другой стороны. Возможно, по этой причине региональную идентичность часто противопоставляют национальной идентичности, которую пытается конструировать каждое государство. Однако, вне всяких сомнений, региональная и этнокультурная идентичности со временем трансформируются, прежде всего посредством устойчивого политического воздействия на тесно с ними связанную национальную идентичность.

В связи с этим представляется существенным отметить отдельные черты проводимой в Украине в последние десятилетия политики, отличающейся от России, и без контекста которой полученные материалы и наблюдения не могут быть интерпретируемы и раскрыты в полной мере.

Многообразие форм и путей исторического развития отдельных частей Украины подготовили неоднозначный фундамент для формирования (обретения) собственной национальной идентичности и государственности после 1991 года. Потребовалось выработать стратегии и концепции дальнейшего развития, которые способствовали бы быстрому сплочению территориально, культурно и политически разобщенного (гражданского) общества, стимулировали бы признание государственных границ и суверенных прав соседями и крупными субъектами мировой политики, а одновременно с тем подтверж-

дали бы легитимность вновь избранных властей и организуемого ими правопорядка.

Для Украины, также как и для Балтийских стран, Белоруссии, России и, отчасти, Закавказских государств решение данной сверхсложной задачи было сопряжено с проблемой выбора между восточными и западными моделями развития. Такая дихотомия переносилась, по сути, на выбор во всех сферах жизни общества: дискурс Запада сводился к «светлому» демократическому будущему, с характерным для него свободным рынком и плюрализмом, тогда как дискурс Востока — к «темному» социалистическо-коммунистическому прошлому, жестким плановым институтам неэффективного управления и «уравниловке».

В большинстве случаев выбор был сделан в пользу Запада, однако реализовывался он в разных странах по-разному и с различной степенью интенсивности, в зависимости от характера проводимой странами политики, в частности, политики памяти и «исторической политики» (по А.И. Миллеру, [4]). Так, Украина вслед за Прибалтийскими странами взяла направление (как его можно представить в общем виде) на построение политической гражданской нации, в основе которой лежит идея о первенстве прав титульного народа (хотя в каждой из указанных стран понимание «титульного народа» в большинстве случаев свое). Заметим, что с позиций «абстрактно» понимаемых прав человека, а также с позиций долговременного наблюдения за соблюдением таковых в разных обществах и в разные периоды времени подход к образованию, выделению и конструированию «наций», распространившийся в Европе, начиная с французской революции 1789 г., и подкрепленный Версальским мирным договором, никак не может быть признан удовлетворительным. Обсуждению этого вопроса посвящены работы философа и правозащитника В.А. Сендерова [11].

В соответствии с выбранной стратегией, в Украине стали подвергать фундаментальной ревизии историю формирования государства и отдельных его частей, географию народов, историю права и другое, что лежит в основе национальной идентичности. В обиход (в учебную литературу, в СМИ, в политический дискурс) стали проникать новые мифы и нарративы: о происхождении, национальном характере, соперниках и союзниках украинцев; о естественных границах; о сопротивлении и о национальном возрождении с использованием характерной риторики и т.п. (подробнее об отдельных мифах см. [14]); появились новые интерпретации исторических личностей и их роли для украинской нации. Нередко сопровождаются данные ми-

фы виктимизирующими сюжетами, например, о колониализме со стороны соседей, как правило, России.

По масштабу обозначенных в Украине политических процессов можно говорить о значительных усилиях, направленных на достижение в перспективе гомогенного состояния украинской нации. Однако такой подход, будучи в целом довольно умозрительным, но более чем понятным и подходящим для украинских политехнологов, столкнулся со значительными сложностями в преодолении исторического наследия отдельных регионов этой страны, ее этнокультурного разнообразия, а также продолжающими так или иначе существовать «общерусской» и «советской идентичности». Так, усилились противоречия между Западной и Восточной Украиной, Центральной и Южной Украиной, включая Новороссию и Крым. Под влиянием проводимой односторонней этноцентричной политики появились разнящиеся между собой исторические нарративы (версии), отражающие характер формирования отдельных регионов Украины — украинофильская и русофильская версии (подробнее о последних см. [13]). Кроме того, открытыми остались вопросы, связанные с использованием языка, имеющие немаловажное значение как для украиноговорящих украинцев, так и для русскоговорящих украинцев и для этнически русских граждан Украины; весьма проблематичными пока остаются вопросы о «малороссийстве» (по О. Субтельному) и вкладе Слободской Украины в принятую модель построения украинской нации.

По-видимому, основная специфическая проблема российско(руско)-украинской приграничной идентичности в нашем исследовании является следующей: каким — естественным или же искусственным — является современное разделение России и Украины на два независимых государства? Согласно одной версии ответа на этот вопрос (ей соответствует и определенная идентичность), Россия и Украина (или, по крайней мере, территория Слободской Украины) представляют собой исторически сложившееся, однако в настоящее время разрушенное, единство. Другая версия ответа на этот вопрос (и соответствующая ей идентичность) предполагает, что Россия и Украина являются культурно и этнически различными странами, временно объединявшимися Российской империей и СССР. Такого рода идентичность может быть и антироссийской, и ориентированной на Россию (Россия — отдельное, но дружественное государство).

Вопрос о роли этнической компоненты в модели конструируемой, а также складывающейся естественным, эволюционным путем нации, о соотношении ее «имперской» и «этнократической» модели может быть уточнен на основе нашего эмпирического материала, от-

носящегося к Центральной России [7]. Обобщение этого материала позволило нам выделить отдельные ракурсы (аспекты) региональной идентичности, различающиеся по отношению к критериям традиции (а тем самым и к формам выражения исторической памяти). Представляется весьма существенным то, что ракурсы идентичности обнаружили зависимость от уровня образования респондентов, при этом этнически ориентированные традиционалистские формы идентичности ослабевают при увеличении уровня образования респондентов, что, с нашей точки зрения, может служить серьезным общенаучным аргументом при обсуждении эффективности, устойчивости и прогрессивности конкретных моделей «гражданской нации» и «нациестроительства». Соответственно, возможно существование ряда противоречий, в особенности между чисто этническими формами идентичности, и другими формами идентичности, которые трактуют культурную традицию более широко и могут быть также взяты за основу при конструировании «новых идентичностей». Здесь очень существенно то, что формы идентичности, выражающие «Национальное Возрождение» (в частности, в России, Украине и др.), могут быть совершенно разными.

Все сказанное является фоном для изучаемых явлений. Авторам важно было ответить на вопросы: 1) в каких формах выражается в настоящее время региональная идентичность на рассматриваемых территориях; 2) как проявляются в региональной идентичности процессы и аспекты национальной политики; 3) произошли ли какие-либо существенные изменения в самоидентификации населения рассматриваемых территорий, в какой степени эти изменения связаны с местными историко-культурными факторами, имеет ли место быть пространственная обусловленность в этих изменениях?

Районы исследования

Ранее были изучены территории России, примыкающие к Украине — Брянская, Курская, Белгородская и, отчасти, Воронежская области. Исследования охватывали исторические поселения из числа современных городов и поселков (бывших городов) с хорошо развитыми межселенческими и региональными связями, со сложившимися культурными традициями, исторической памятью, этнокультурным ландшафтом.

Новыми районами исследования, преимущественно, стали территории Левобережной Украины, которая с середины XVII в. (если не учитывать период Древнерусского государства) была политически, экономически и культурно тесно связана с Россией (во многом ситу-

ация остается неизменной и сейчас). При этом связь с Россией в отдельных случаях может быть и негативной (например, как препятствие для обретения независимости). Однако, здесь Россия всегда имела и имеет очень высокий идентификационный статус как «значимый другой», а во многих случаях — и как «значимый свой». Понятно, что в самоидентификации населения, в его региональной идентичности в Левобережной Украине позиционный фактор играет очень большое значение.

Следует заметить, что относительно «глубинные» (по отношению к России) части Левобережной Украины (историческая «Гетманщина», существовавшая до 1765 г.) никогда не представляли собой полностью суверенного государства; само его образование после кровопролитной польско-украинской войны стало возможным лишь при установлении протектората (или союза?) со стороны Московского государства (известная дата 1654 г.: «воссоединение» Украины с Россией). В то же время примыкающая к современной российско-украинской границе Слободская Украина вообще никогда не существовала как отдельное от России (Московского государства) образование, хотя и пользовалась автономией (до 1779 г.). В настоящее время часть Слободской Украины входит в состав России. В контексте нашего исследования представляют интерес также другие российские территории, входившие в состав Литовского и Польско-Литовского государств, но не включавшиеся в состав русско-украинских и украинских территориальных единиц; в условиях сохраняющегося провинциального уклада в аспекте самоидентификации населения здесь особенно интересны города Трубчевск Брянской и Рыльск Курской областей.

Придерживаясь ранее апробированных подходов с точки зрения методологии и методики, в ходе экспедиционных работ 2012 г. нами были обследованы города Харьковской (*Харьков, Чугуев, Купянск, Изюм, Балаклея, Красноград, Золочев, Богодухов*), Полтавской (*Полтава*), Сумской (*Сумы, Ахтырка, Лебедин, Краснополье, Белополье, Ромны, Глухов, Путивль, Конотоп*) и Черниговской (Чернигов, Новгород-Северский, Нежин) областей Украины, а также — с целью сравнения украинской и российской частей пограничья, а также дополнения собранных ранее данных, — отдельные города Курской области России (*Рыльск, Курск, Суджа*).

Особый вопрос — соотношение ядерных и периферийных зон на данных территориях России и Украины. С нашей точки зрения спецификой изучаемой территории является соседство и взаимоналоже-

ние периферийных культурных ядер, что является характерным признаком такого важного феномена как провинция.

Методы и подходы

Исследование опирается на систему экспертных интервью, глубинных опросов и анкетирования, а также на натурные полевые наблюдения. Особенное внимание в последнем уделяется состоянию и характеру старых и вновь появившихся материальных и нематериальных маркеров в историко-культурном ландшафте — архитектурным, музейно-экспозиционным, монументальным, стереотипно-поведенческим, например, связанным с устной (местные говоры, суржик) и письменной речью, их «украинизированностью» или «русифицированностью» (наружная реклама, вывески, граффити и т.д.; современные интерпретации понятия «суржик») [8]).

Применение социологических методик было логически и структурно выстроено таким образом, чтобы получить качественно-количественную информацию об изучаемых индивидуумах и образуемых ими региональных сообществах. Ранее данный подход был применен М.П. Крыловым на территории Европейской России (2001–2003). Исследование предполагалось проводить в три последовательных этапа. На момент написания данной статьи завершены первый и, частично, второй этапы работ.

Первый этап включал сбор социологической информации на местах — интервью и глубинные опросы экспертов (работников музеев, хранителей научных и библиотечных фондов, сотрудников образовательных и просветительных учреждений, районных администраций), хорошо знающих местную историю, местные культурные традиции, образ жизни города и его окружения. Особенно важным здесь является то, что местные эксперты представляют собой и выступают в качестве реальных носителей в территориальном отношении уникальной региональной и этнокультурной идентичности. Ориентировочно было охвачено около 300 человек. Большую поддержку авторам на данном этапе оказали д.г.н., профессор КГУ им. Т. Шевченко К.В. Мезенцев и д.г.н., зав. отделом ИГ НАНУ Г.П. Подгрушный.

На втором этапе реализуется анкетирование студентов высших учебных заведений Украины и России, обучающихся по специальностям «история», «география», «социология». В данной работе принимают участие в Украине: Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Харьковский государственный университет им. В.Н. Каразина, Полтавский университет экономики и торговли, Сумской государственный педагогический университет им. А.С. Макаренко,

Глуховский национальный педагогический университет им. Александра Довженко, Институт истории, этнографии и правоведения им. А.М. Лазаревского Черниговского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Нежинский государственный университет им. Н.В. Гоголя, со стороны России: Курский государственный университет, Белгородский государственный университет (возможный участник), Брянский государственный университет (возможный участник).

Третий (заключительный) этап предполагает проведение массовых социологических опросов в Украине по отдельным, ключевым аспектам изучаемой проблемы, а также анализ результатов и сопоставление их с уже собранными и обобщенными материалами.

Структура и содержание анкеты

По сравнению с уже проведенными ранее исследованиями в Центральной России (2001–2003), на российской части российско-украинского пограничья (2008–2010) и на белорусско-польско-литовском пограничье (2011) круг вопросов, который интересовал авторов в содержательном и тематическом отношении, был существенно расширен. Была разработана специальная анкета с незначительными вариациями отдельных вопросов для каждого изучаемого региона.

Вопросы из анкеты были разделены на блоки, которые обобщенно можно представить в следующем виде:

Блок 1. *«Малая родина»*. «Различаете ли Вы понятия «большая Родина» и «малая Родина»? Какие территории, земли, места для себя Вы с ними связываете?». «Вы здесь — местный или нет?» — варианты ответа: «да, я здесь родился и вырос», «да, я считаю себя местным, хотя родился и вырос в другом месте ...», «местным себя не считаю, хотя живу здесь давно», «я не считаю себя местным».

Блок 2. *«Генеалогия»*. «Назовите места, районы рождения ваших родственников: по материнской линии, по отцовской линии». «Знаете ли Вы места, районы захоронения своих предков? (Назовите их хотя бы приблизительно)».

Блок 3. *«Своя местность, соседние территории»*. «Как Вы считаете, к какому краю традиционно (исторически) относится местность, в которой Вы сейчас живете?». «Какой город для здешней местности Вы считаете центральным?». «С каким городом обычно сравнивают Ваш город?». «В Белгородской области многие считают, что было бы неплохо усилить российско-украинские связи на основе Слободской Украины. Как Вы к этому относитесь?» или «В соседних областях России многие считают, что было бы неплохо усилить российско-украин-

ские связи на основе традиции Гетманщины или Слободской Украины. Как Вы к этому относитесь? (для России — «Как Вы относитесь к тому, чтобы усилить российско-украинские связи на основе традиции Слободской Украины?»)» — подходящее в вариантах ответа нужно подчеркнуть: «это нужно — не нужно», «это реально — не реально», «это дело прошлого — это дело будущего — это актуально уже сейчас». «Ощущаете ли Вы давление, конкуренцию со стороны соседних регионов Украины или России?; Если «да», то каких именно? В каких формах проявляется это давление?».

Блок 4. «*Связь с землей и окружением*». «Подчеркните в списке города, которые относятся к Вашему краю, а их жители являются Вашими земляками» — далее предлагался список городов, который отличался для разных регионов и включал в себя города и центры собственного административного региона и граничащих с ним, в том числе из числа соседнего государства (России, Украины или Белоруссии). «Начертите границу Вашей малой Родины (вашего края), руководствуясь своим «внутренним ощущением» — предлагалась условно «немая» карто-схема с примером заполнения; на карто-схеме были отмечены пунсонами только населенные пункты и их названия; принцип отбора населенных пунктов был аналогичен вопросу, приведенному выше, однако отбор должен был стремиться к возможному равномерному распределению населенных пунктов на листе (ср. с принципом однородного поля).

Блок 5. «*(Историко-)этнокультурная идентичность*». «Кого, с Вашей точки зрения, можно назвать «русским»? Того, кто... (может быть несколько ответов)» — варианты ответа: «считает русский язык для себя родным или пользуется им в быту», «родился в России», «приехал из России в Украину жить», «у кого в России корни, родственники», «себя называет русским», «кого считают русским», «имеет русскую фамилию», «у кого родители русские», «у кого хотя бы один из родителей русский», «имеет российское гражданство», «другое». Симметричным образом в Украине задавался вопрос — «Кого, по Вашему мнению, можно назвать «украинцем»? Того, кто...» — варианты ответа: «считает украинский язык для себя родным или пользуется им в быту», «родился в Украине и имеет здесь корни», «себя называет украинцем», «кого считают украинцем», «имеет украинскую фамилию», «приехал в Украину жить», «у кого родители украинцы», «у кого хотя бы один из родителей украинец», «принял украинское гражданство», «другое». «Кто Вы?» — варианты ответа: «украинец», «1/2 украинец», «1/2 русский», «1/2 белорус», «украинец и русский одновременно», «другое». «Как бы Вы могли субъективно оценить (в %) долю прожива-

ющих в Вашем городе русских: ...%, украинцев: ...%?». «С каким регионом у Вас ассоциируются украинские традиции? (для России — «... ассоциируется сохранение традиций»)). «Можно ли сказать, что в Вашем городе, местности хорошо знают и соблюдают украинские традиции? (для России — «... русские культурные традиции?»))» — варианты ответа: «хорошо знают», «в основном знают, но интересуются недостаточно», «плохо знают, современная жизнь вытесняет традиции», «в последние годы наблюдается возрождение традиций. Это касается, прежде всего: особенностей архитектуры, кухни, фольклора, заботы о местном историко-культурном наследии, развития краеведения, интереса к истории своего края, истории Украины (для России — «России»), (другое)... (нужное обвести / вписать)». «Ощущаете ли Вы отличия (в культурном облике, темпераменте, особенностях поведения, в быту) жителей Вашей местности от жителей других регионов Украины?» — варианты ответа: «да, отличия существенные», «отличия незначительные», «отличий нет». Для тех, кто выбрал один из первых двух вариантов задавался следующий вопрос — «С каким близлежащим регионом существуют наибольшие отличия?». «В каком аспекте Вы воспринимаете известную идею «славянского единства?» — варианты ответа: «в аспекте культурного единства всех славянских народов: чехов, словаков, поляков, сербов, болгар, белорусов, украинцев, русских и др.», «(гео)политического единства всех славян», «активного сотрудничества восточных славян на равноправной основе», «культурного, политического и экономического единства украинцев, белорусов и русских», «другое». В продолжение к данному вопросу задавался — «Актуальна ли эта идея сейчас — в XXI веке, в указанном Вами аспекте?» — варианты ответа: «да», «нет», «затрудняюсь ответить», — а также вопрос — «Как Вы сами относитесь к этой идее?» — варианты ответа: «положительно», «отрицательно», «нейтрально». «Как Вы относитесь к отделению православной церкви Украины от Русской православной церкви? (для России — «... к отделению от Русской православной церкви православной церкви Украины?»))» — варианты ответа: «положительно, она должна быть самостоятельной (автокефальной)», «отрицательно», «пока не решил», «равнодушно». «Назовите примеры прозвищ или шуток о жителях соседних территорий, о жителях Вашего города, которые у Вас бытуют, допустим, о чертах характера, быта, поведения, исторического прошлого (например, о жителях города NN обычно говорят, что они — ..., а о нас говорят, что мы — ..., а мы о себе говорим: ...) ...».

Блок 6. «Историческая память, мифы, ассоциации». «Какие интересные памятники, монументы появились в Вашем городе за по-

следние 20 лет?». «Какие монументы, в честь каких знаменитых людей, исторических событий следовало бы дополнительно установить?». «Каких земляков, уроженцев Вашей местности у вас помнят, почитают?». «Какие события отдаленного и недавнего прошлого Вам кажутся интересными, значимыми, поворотными для Вашего края?». «Какие события прошлого, местной истории, связанные с Россией или СССР, по Вашему мнению, должны вызывать чувство гордости ..., а какие — чувство досады или негодования? ...». «Как Вам кажется, почему Харьков оказался, с точки зрения советских властей, менее подходящей столицей для Украины, чем Киев?». «Скажите, пожалуйста, что первое приходит Вам в голову, какие мысли, образы или ассоциации, когда Вы слышите слово: «Россия» ... (для России — «Украина»), «казачество» ..., «советский человек» ..., «слобожане» ..., «Малороссия» ... (для России — «Россия»), «кацап» ...».

Блок 7. «*Трансграничные связи*». «Сожалеете ли Вы, что в недавнем прошлом возникла государственная граница с Россией?». «Как часто Вам приходится бывать в России? (для России — «... в Украине?») — варианты ответа: «чаще, чем 2 раза в год», «1-2 раза в год», «реже 1 раза в год», «не бывал». «Как часто Вы посещали Россию (для России — «Украину») ранее, до 1991 года?» — варианты ответа аналогичны предыдущему вопросу. «Если Ваши поездки в Украину сократились, то с чем это в основном связано?» — варианты ответа: «очень дорогой проезд», «сложности с пересечением границы», «сообщение стало неудобным, редко ходит транспорт», «возраст и состояние здоровья», «меня больше не связывают родственные и служебные отношения», «много работы, нет времени», «нет необходимости», «неблагоприятный курс валют», «взятки при пересечении границы», «другое». Последний вопрос был заимствован с незначительной модификацией из анкеты, использовавшейся ранее в исследованиях В.А. Колосова в российско-украинском приграничье.

Блок 8. «*Формальные данные респондента*». «Назовите свою профессию или род занятий». «Укажите, пожалуйста, Ваш пол, возраст, образование, место жительства (область, район, город)».

Рабочая система критериев для интерпретаций может быть представлена в обобщенном виде. Данная система критериев позволяет сформулировать ответы на вопрос о характере присутствия «России» в идентичности респондентов, в том числе тяготения (в разных формах и в разных смыслах) к России.

Универсальные критерии:

- Язык, самосознание, «корни», земляки;
- Образ России;

- Отношение к появлению новой государственной границы;
- Целесообразность усиления связей между Россией и Украиной.

Дополнительные критерии:

- Давление со стороны России;
- Интерпретация совместного прошлого.

Косвенные критерии:

- Отношение к проблеме славянского единства;
- Отношение к автокефальной православной церкви в Украине;
- Активное отношение к общим успехам в советском прошлом.

Модель этнокультурной интерференции (градиент): итоги экспедиций 2012 года (сформированная рабочая гипотеза)

Ранее нами была предложена пространственная модель исторической и культурной интерференции, отражающая степень современного присутствия украинской культуры в сознании населения российской части российско-украинского пограничья [2, 1, 6] и показывающая «статичный срез» в процессе пространственной изменчивости идентичности по мере развития территорий. Такая модель интерференции была названа «этнокультурный градиент». Проведенные исследования сделали возможным продолжение разработки и применения данного понятия с учетом описанных выше реалий по другую сторону российско-украинской государственной границы.

Необходимо отметить существование **асимметрии** в указанном градиенте — если иметь в виду его российскую и украинскую части.

На территории России происходила естественная, постепенная и далеко не завершенная к настоящему времени ассимиляция коренного украинского населения в обширной приграничной зоне. Элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей граничащих с Украиной территорий; эта органичность усиливается благодаря сохранению изначальной «вписанности» украинской культуры в ландшафт (в работах авторов в связи с этим идет речь об «историко-культурном ландшафте» ([5] и др.).

На территории России смысл *градиента* состоит в существовании определенной пространственной упорядоченности в распространении элементов украинской культуры у жителей российских территорий и в ландшафте, и в характерном наличии у жителей «украинских корней», а также в наличии значительной пространственно выражаемой ориентации на Украину в сознании населения, склонного рассматривать жителей соседних украинских областей как земляков

(независимо от этнической принадлежности жителей и российских, и украинских территорий). Возникновение градиента восходит ко времени существования Слободской Украины — русско-украинского образования в составе России. Продолжает сохраняться ощущение близости и сопричастности территорий России и Украины, а также русских и украинцев в пределах бывшей, продолжительное время единой Слободской Украины (а также прилегающих к ней исторических территорий). За пределами Слободской Украины эффекты, связанные с ментальной близостью жителей России и Украины, русских и украинцев значительно ослабевают (точнее, в незначительной степени ощущение этой близости и сохраняется, но оно носит менее устойчивый характер, поскольку уже перестает быть составной частью региональной идентичности).

На территории Украины, если рассматривать ее Левобережную часть, естественные процессы ассимиляции украиноязычного населения всегда наталкивались на существование целого ряда «естественных барьеров», а также сочетались с противоположно направленным процессом сопротивления ассимиляции, проводившимся под флагом украинского национального Возрождения, создания украинского «национального проекта» и т.п. Советская эпоха ознаменовалась чередованием своеобразных волн наступления и отступления «украинизации», борьбы с «украинским буржуазным национализмом» и проявлениями «русского великодержавного шовинизма». В настоящее время на Украине проходит процесс «нациестроительства», призванный объединить граждан Украины на основе ценностей украинской державы, украинской этнической культуры, украинского языка и связанный с проведением соответствующей исторической политики. Проверка результативности всего этого может рассматриваться как своеобразный эксперимент, позволяющий подтвердить или опровергнуть современные конструктивистские теории нации и идентичности.

На территории Украины рассматриваемый *градиент* определяется прежде всего характером отношения к России как к целому (в России — отношение к соседним регионам Украины как к своим, что в общем укладывается в известную модель космополитичности и имперского сознания россиян и русских, в частности). Это отношение зависит от множества факторов, включая различные конъюнктурные, которые также имеют пространственно выраженный, пространственно упорядоченный характер. Отношение к России может быть как к «сестре», как к дружественному, но иногда и как к недружественному соседу, оказывающему давление на Украину в целом и на пригранич-

ные регионы. Стереотип такого отношения к России в значительно степени складывается на местном уровне и раскрывается посредством множества индикаторов, отражающих различные стороны дистанцированности или же близости (культурной, этнокультурной, этнополитической) к России. Культурная (этнокультурная, этнополитическая) дистанция в отношениях России и Украины приобретает зависимость от позиционного фактора и поэтому может быть выражена посредством модели *градиента*.

Характерный элемент асимметрии *градиента* на территории России и на территории Украины — весьма значительная пространственная ориентация на Украину (земляки и др.) в региональной идентичности у жителей российской части приграничья и практически полное отсутствие таковой у жителей украинской части приграничья. Представляется, что это различие связано, прежде всего, с проведением активной исторической политики в рамках нового украинского государства; в частности, несмотря на декларации о «нашем крае — Слобожанщине» и т.п., реальная связь современных украинских и российских территорий в рамках исторической Слободской Украины на территории Украины подвергается (искусственному?) забвению (даже несмотря на активное включение российской части Слободской Украины в историко-географические атласы для школьников и т.п.). По сути это противоречит неявно декларируемой на Украине концепции «собираания украинских земель», но является следствием искусственного (в противовес «эволюционному») конструирования нации. В то же время на территории России активная историческая политика в явном виде не проводится, что способствует сохранению в инерционной или же более активной актуальной форме исторической памяти о русско-украинском единстве в рамках Слободской Украины и сопряженных исторических территориях.

Элементы русской культуры как культуры этнической (культуры «великорусской») на территории Украины представлены достаточно явно, что показано для совсем недавнего прошлого в классических работах Л.И. Чижиковой [12]. Однако для искомого *градиента* на территории Украины вряд ли можно считать их достаточными, поскольку они в большей степени обращены к традиционной культуре и не касаются многих аспектов «этнизированной» региональной идентичности русско-украинского пограничья. Однако в целом проблема русских в Украине и украинцев в России также не является симметричной.

В свете собранного эмпирического материала целесообразно ставить вопрос о присутствии на территории Украины и в настоя-

щее время общерусской культуры, которая не конкурирует, или не отвергает украинскую, не противопоставляется ей, но дополняет ее, — признавая при этом важное значение знанию и использованию русского языка для многочисленной части местного населения наравне с государственным украинским языком. Результаты полевых наблюдений показывают, что речь идет не только и не столько о так называемых «русскоговорящих украинцах» (плохо владеющих украинской мовой и, возможно, не желающих изучать литературный украинский язык), сколько о гражданах Украины, живущих в городах и широко использующих или русский язык в качестве языка для повседневного, «неофициального» общения, или одну из разновидностей (по степени соотношения русских и украинских компонентов) русско-украинского суржика. Можно привести в качестве характерного примера Полтаву, которая обычно считается одним из наиболее «украинизированных» городов Левобережной Украины, но в котором русская или русифицированная речь «на улице» явно преобладает.

Тем не менее, первый опыт экспедиционных работ по изучаемой проблеме на территории Украины показал, что тесной связи между распространением общерусской культуры и степенью «(гео)политической» ориентации на Россию при самоидентификации населения, как это, быть может, ни парадоксально, нет. Данные явления лежат как бы в разных, но одновременно с тем пересекающихся плоскостях.

Исторический опыт жизни на территории Украины, восприятие ее как своей Родины определило многие отличительные особенности мироощущения у большей части населения Левобережной Украины, по крайней мере, ее провинциальной части, ориентирующие его в первую очередь на Украину, а уже в связи с этим — на различные стороны общерусской культуры и истории.

С другой стороны, и среди двуязычного населения Левобережной Украины, и среди преимущественно украиноговорящих украинцев совершенно не обязательно должны быть распространены черты «ментального отторжения» России.

Представляется, что ориентация на русский язык и на общерусскую культуру являются далеко не единственными и, вероятно, не решающими факторами для гражданской и макрополитической (по О.Ю. Малиновой, [9]) идентичности, но, безусловно, важны для этнической и региональной идентичности, что требует их учета (допустим в качестве своеобразного «поправочного коэффициента») в рамках местных историко-культурных процессов (например, в связи с пре-

быванием Чернигова и Новгород-Северского в составе Северской земли, а Батурина и Глухова — в качестве столиц Гетманщины).

В связи с этим рассматриваемый нами *градиент* на территории Украины более правильно именовать не «русско-украинским», а «российско-украинским», что, по нашему мнению, позволяет сместить исследовательский акцент от нередко навязываемого (гео)политического соперничества России и Украины в сторону историко-географического и этнокультурного взаимодействия в пределах пространства их этнокультурной интерференции. В предварительном варианте российско-украинский этнокультурный градиент выглядит следующим образом — см. рис. 1.

Все выше обозначенные обстоятельства, очевидно, могут быть не совсем верно восприняты читателем как якобы говорящие об определенной завершенности в консолидации государства-нации на территории Украины, в том виде как оно мыслится конструкторами и теоретиками понятия «государство-нация» (однозначный приоритет принципа монизма над принципом плюрализма, унификации над дифференциацией). Однако авторы полагают, что для того, чтобы говорить о реальной степени консолидации Украины как «нации-государства» необходимо, по меньшей мере, учитывать не второстепенный для данного процесса вопрос об этническом происхождении и этнокультурном разнообразии, без которых вопрос о нациогенезе, как полагают многие авторы (например, С.Н. Перегудов), остается открытым.

Думается, что *идея градиента* на самом деле не противоречит подходу, выдвигаемому теоретиками понятия «нация-государство», поскольку *градиент* в таком случае отражает *реальный* — неоднозначный, в том числе пространственно неоднородный, — процесс складывания украинской нации, а также *действительно существующие* (в отличие от декларируемых политиками), *регионально дифференцированные* модели создания украинской нации, включая и такой спорный вопрос, как неполнота консолидации украинского общества в рамках «нации» и существование нескольких этнокультурных и региональных форм самосознания.

Нам представляется, что сказанное выше может быть дополнительным аргументом при обсуждении концепций завершенности украинского нациогенеза А.И. Миллера (в менее жесткой редакции — М.В. Дмитриева) [10], — в плане идей об однозначности и целенаправленности произошедшего некогда «выбора», а также реализации «украинского национального проекта».

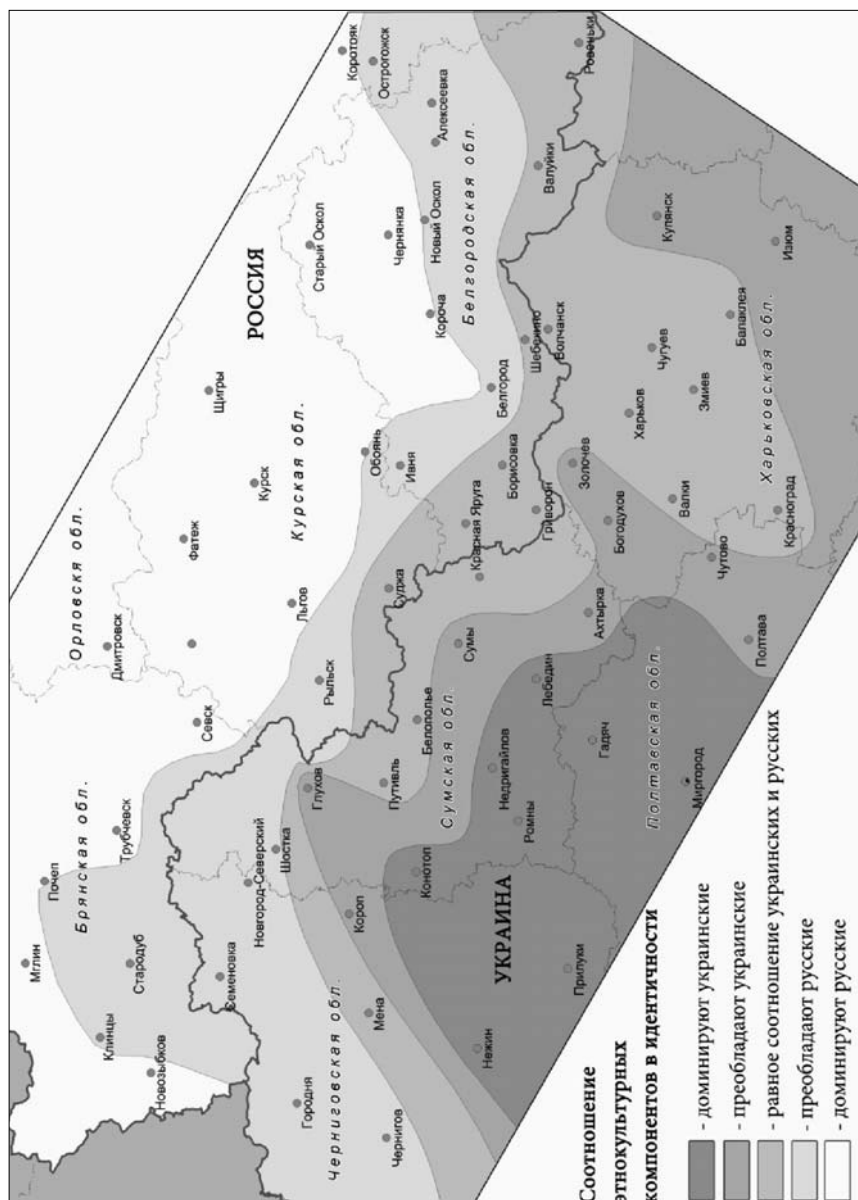

Рис. 1. Российско-украинский этнокультурный градиент.

Литература

1. *Гриценко А.А.* Региональная идентичность: ситуация в российско-украинском пограничье. — Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. — 169 с.
2. *Гриценко А.А.* Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН. Серия географическая, №1, 2011. — С. 31–44.
3. *Гриценко А.А., Крылов М.П.* Изменчивость или устойчивое сохранение региональной идентичности в российско-украинско-белорусском порубежье // Современные проблемы общественной географии, Москва, 2011. — С. 35–44.
4. *Касьянов Г.В., Миллер А.И.* Россия — Украина: как пишется история. Диалоги — лекции — статьи. — М.: РГГУ, 2011. — 306 с.
5. *Крылов М.П., Гриценко А.А.* Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации. — Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2012, №2. — С. 28–42. <http://journal-labirint.com>
6. *Крылов М.П.* Приграничная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 147–153.
7. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России — М.: Новый хронограф, 2010. — 237 с.
8. *Курахтина Т.Н.* К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение, 2012, №3. — С. 93–101.
9. *Малинова О.Ю.* Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 144–151.
10. *Миллер А.И.* Несколько возражений М.В. Дмитриеву // Вопросы истории, 2003, №2. — С. 168–169.
11. *Сендеров В.А.* Национализм и глобальные идеологии // Вопросы философии, 2012, №6. — С. 149–158.
12. *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. — М.: Наука, 1988. — 256 с.
13. *National history and national identity in Ukraine and Belarus // Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities, Cambridge University Press, 2000, pp. 23–47.*

14. Redefining ethnic and linguistic boundaries in Ukraine: indigenes, settlers and Russophone Ukrainians // Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities, Cambridge University Press, 2000, pp. 119–138.
15. *Seegel, Steven*. Mapping Europe's Borderlands. Russian Cartography in the Age of Empire. The University of Chicago Press, Chicago and London, 2012. — 368 p.

Дмитриева Т.Е.

МЕТОДОЛОГИЯ «ПРОСТРАНСТВО ДЕЙСТВИЯ» В ДЕПЕРИФЕРИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА¹

Философские и географические концепции пространства позволяют фиксировать категорию «пространство действия», которая отражает связь «общество — действие — пространство» и основана на социальности, определившей поворот к пространству во многих науках.

«Пространство действия»: признаки и следствия. Социальную теорию пространства раскрывают исследования Д. Харви, М. Кастельса, Э. Соуджея и Б. Верлена, единодушных во мнении о решающей роли социальных отношений в формировании пространства.

Так, для Д. Харви фундаментальная аксиома исследования об условиях постмодерности состоит в том, «что время и пространство нельзя понять независимо от социального действия» [14].

М. Кастельс, отвечая на вопрос «что есть пространство?», ссылается на социальную практику и указывает на исторически детерминированные социальные отношения, придающие пространству форму, функцию и социальное значение [6].

Э. Соуджей утверждает, что наши жизни всегда вовлечены в диалектику с социальными процессами, формирующими пространственность, и одновременно пространственностью, которая формиру-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» Проект 12-П-7-1003 «Пространственное измерение постиндустриальной трансформации северного региона».

ет социальные процессы [17]. Отсюда следует возможность как положительного, так и отрицательного влияния пространства на наши жизни, но также возможность и необходимость действовать, чтобы изменить или переконфигурировать «географии», в которых мы живем, для усиления позитивных эффектов.

Наиболее полно роль действия выражена у Б. Верлена, для которого «пространство не эмпирическое, но формальное и классификационное понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире» [1].

Развернутое рабочее определение позволяет зафиксировать следующие признаки пространства:

- это всегда пространство социального (включающего человека) *действия*, развития определенного процесса;
- это *условия* (и последствия) *действия*, понимаемого как продуманная и «свободно» осуществляемая деятельность, способствующая или предотвращающая изменение мира;
- это *условия размещения* «материальных образований, включенных в действие», *осмысленного «в системе координат»*, заданных его спецификой и ориентирующих поведение субъекта.

Отметим, что и по М. Кастельсу пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени или, поскольку социальные процессы влияют на пространство, воздействуя на построенную среду, унаследованную от прежних социопространственных структур, пространство есть кристаллизованное время.

Эвристический потенциал концепции «пространство действия» заключается в реализации возможности характеризовать условия действия, описывая порядок материальных объектов, который понимается шире, чем просто размещение (расположение). При этом пространство может быть:

- а) классифицировано, описано с учетом особых измерений;
- б) оценено в контексте заданного социального смысла (то есть, выявлены «проблематичные или релевантные материальные объекты»);
- в) преобразовано, подстроено под адекватное выполнение функций процесса, и в этом аспекте пространство есть не только условия, но и результат действия в виде образцов порядка, нового размещения материальных объектов.

Таким образом, в контексте социальной теории пространства его допустимо трактовать как совокупность материальных условий

действий субъекта, анализируя и корректируя расположение соответствующих объектов.

Периферия и периферизация. Особенности пространства проявляются как соответствие (релевантность) или неудовлетворительность (проблемность) размещения материальных объектов. Критерием соответствия служит способность существующего порядка материальных объектов обеспечивать выполнение функции процесса. В частности, развитие региона должно обеспечить пространственную справедливость, что означает «достижение равного доступа всех резидентов к социальным ресурсам и преимуществам, которые обеспечивает территория» [17].

Факторами развития территории выступают ее активы, а их отсутствие трактуется как лишения (депривации), которые снижают возможности развития территории и повышают риск ее исключения из процесса. Поэтому периферия рассматривается автором статьи как «пространственная эксклюзия», то есть территория с низким потенциалом за счет «лишений» в численности и качестве населения, экономической базе, транспортной доступности, инфраструктурной обустроенности, «доступе к каналам нового знания [2]. Депривационная трактовка в отличие от традиционного понимания периферии как удаленной и редко заселенной территории наполняет ее содержание социальным смыслом.

Драматизм расширения периферии или перифери(ли)зации (*periferalisation*) в северном регионе связан с растущими вызовами пространственной несправедливости. Среди них: демографическое сжатие, централизация экономической базы, высокие пороги коммуникации.

Демографическое сжатие является пространственным аспектом депопуляции и проявляется в «таянии» систем расселения: сокращении числа населенных пунктов, снижении численности и качества населения.

Сопоставление данных по переписям населения 1989, 2002 и 2010 годов по Республике Коми выявило уменьшение количества пунктов с населением от 795 до 711 ед. Анализ изменения численности населенных пунктов, представленного на рис. 1, показал:

- пунктов со стабильной или возросшей численностью, а также с потерей численности до 25% в 2010 г. стало почти в два раза меньше, чем в 2002 г.;
- на высоком уровне сохранилось число пунктов, потерявших от четверти до половины своего населения — это каждый третий пункт республики;

- резко выросло (до 39%) число пунктов, население которых снизилось в два раза и более.

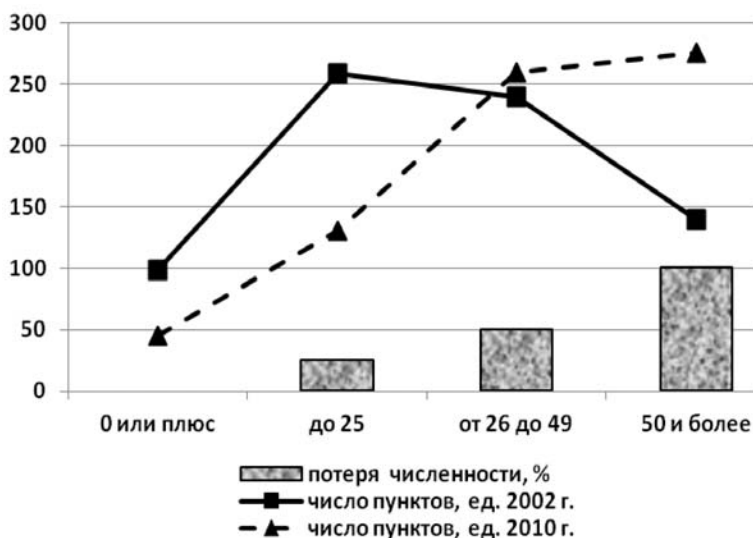

Рис. 1. Динамика изменения численности населенных пунктов Республики Коми по сравнению с 1989 г.

В 2010 г. в пяти районах половину своего населения (1989 г.) потерял каждый пятый пункт. Еще в пяти районах таких пунктов было 30–40%, а в семи их доля составляла от 50 до 80%. Обезлюдение особенно коснулось воркутинских пунктов, а также деревень и сел районов с плохой доступностью расположенных не только на окраине, но и внутри республики.

О снижении качества населения за два последних межпереписных периода говорит рост доли населения ниже трудоспособного возраста. По республике в целом он составил от 14,1 до 17,6%, а по отдельным районам — до 24%. При этом наиболее высокий образовательный потенциал населения в сельских населенных пунктах сохраняется в старших возрастных группах, то есть унаследован от советского периода.

Централизация производственной базы отражает рост концентрации экономической деятельности в сравнительно больших городах и административных центрах муниципалитетов. Анализ размещения зарегистрированных предприятий промышленности и строительства с фиксацией их профиля по кодам ОКВЭД на 2000, 2007 и 2010 годы выявил следующие особенности:

- количество предприятий по сравнению с 2000 г. выросло в 2007 г. в 2,4 раза, а в 2010 г. — в 2,7 раза, причем примерно половину предприятий составляют строительные организации; такой бум в основном связан с изменением организационно-правовых форм и ростом числа малых и средних предприятий в постреформенный период;
- концентрация экономической деятельности в центрах муниципалитетов усилилась с 84 до 88%, а в наиболее крупных городах — с 67 до 75%; в ряде муниципальных «столиц» (Инте, Ухте, Воркуте, Усинске, Вуктыле) сосредоточено 93–97% предприятий;
- в то же время наметилась тенденция роста населенных пунктов с прямой производственной базой (зарегистрированными предприятиями) со 145 в 2000 г. до 202 в 2010 г.

Централизация экономической деятельности приводит к территориальным диспропорциям в налоговой базе и требует внутрирегионального межбюджетного регулирования, которое не стимулирует развитие муниципалитетов и поселений.

Трудности коммуникации в пределах северного региона связаны с низкой транспортной доступностью и невысокой готовностью к информационному обществу.

Неблагоприятные следствия низкой транспортной доступности в Республике Коми ярко демонстрируют ограничения в справедливом доступе к медицинским услугам. Для крупномасштабной оценки доступности услуг центральных больниц выполнена группировка населенных пунктов. Порог дифференциации выбран с учетом времени оказания помощи при сердечнососудистых заболеваниях, принятого в Республике Коми — 40 минут (или 30 км пути по местным дорогам). Населенные пункты с расстоянием от райцентра до 30 км попали в группу ближних, более 30 км — в группу дальних. К «барьерным», независимо от расстояния, отнесены пункты, располагающиеся за водной преградой, которая преодолевается зачастую требующим ремонта мостом, лодочной, паромной или ледяной переправой.

Результаты оценки выявили уровень транспортной дискриминации, который определяется как доля населения, проживающего за пределами нормативного времени оказания неотложной медицинской помощи. По нашим расчетам эта доля составляет более 16% от общей численности населения республики (157 тыс. человек). В пределах городских округов она изменяется от 1% до 10%, муниципальных районов — от 9% в небольшом по площади Усть-Вымском районе, через который проходят железная и автомобильная дороги, до 78% в Ижемском бездорожном районе с развитой речной сетью.

Ограничивает полноценное медицинское обслуживание и удаленность большей части населения от специализированных высокотехнологичных медицинских услуг из-за их концентрации в столице. Расположение райцентров на расстоянии 200–1000 км от столицы и отсутствие железнодорожных выходов у многих муниципалитетов существенно затрудняют получение соответствующих услуг и увеличивают их стоимость.

Переход от принципа «доставка потребителя к услуге» к принципу «доставка услуги к потребителю» затруднен пока слабым развитием дистанционных технологий и в целом низкой готовностью республики к информационному обществу. Согласно оценкам Института развития информационного общества на 2008–2009 гг. рейтинг Республики Коми среди российских регионов по индексу «электронной готовности» всего лишь 41 [5].

Рассмотренные положения представляют пороги пространства развития Республики Коми и признаки продолжающейся периферизации.

Подходы к описанию и измерению пространства. Стартовыми в количественной оценке пространства стали параметры «географического измерения» факторов социально-экономического развития — плотности (density), расстояний (distance), разделенности (division), которые используются в исследовании Всемирного банка [8], а также в материалах о территориальном сплочении стран Европейского Союза (ЕС) [13].

Особенности процедур и показателей измерения существенно зависят от содержания процесса, размещение которого составляет специфику действия. В то же время существуют инварианты измерения пространства, представляющие его структурные характеристики. Чтобы выйти на них, важно уяснить элементы пространства и их отношения.

Основным элементом пространства является «место» (place, locality). Данная категория занимает важное место в географических и региональных исследованиях. При этом фиксируются различные особенности места.

Обзор содержания понятия «место» у разных авторов выполнен А.А. Минцем и В.С. Преображенским. Отмечая его использование преимущественно в контексте общеметодологического анализа, наши географы определяют место «как некоторую часть географического пространства, характеризующую не только определенным положением в двумерном и трехмерном пространстве, но и совокупностью многих его свойств» [7, с. 119].

И-Фу Тан в книге «Пространство и место», разводя эти понятия, пишет: «Если мы думаем о пространстве, как о том, что делает возможным движение, тогда место — это остановка; каждая остановка в движении создает возможность для размещения, трансформации в место» [18]. Д. Мэсси в контексте пространственно-временного сжатия раскрывает следующие особенности [16]:

- места — это процессы, где связаны социальные взаимодействия;
- места не имеют границ (они необходимы для целей исследования, но не для концептуализации места);
- у мест нет единственного своеобразие, они полны различий;
- каждое место — это фокус отношений, аккумулированных в истории места, состоящей из различных сетей локальных и более широких связей.

Обосновывая позиции измерения, отметим, что место — это тип объекта, и именно места и объекты определяют пространство, давая ему геометрическую характеристику и формируя представление о пространстве как «соседстве» мест и объектов.

Набор параметров, раскрывающих пространство как определенный порядок сосуществования мест (объектов) с учетом особых измерений, может быть сформирован с использованием категории «отношения». При этом целесообразно рассматривать не только отношения взаиморасположения, но и отношения взаимодействия. Систематизация параметров пространства, частично использующая материалы [12], представлена на схеме (рис. 2).

Параметры взаиморасположения мест (объектов)

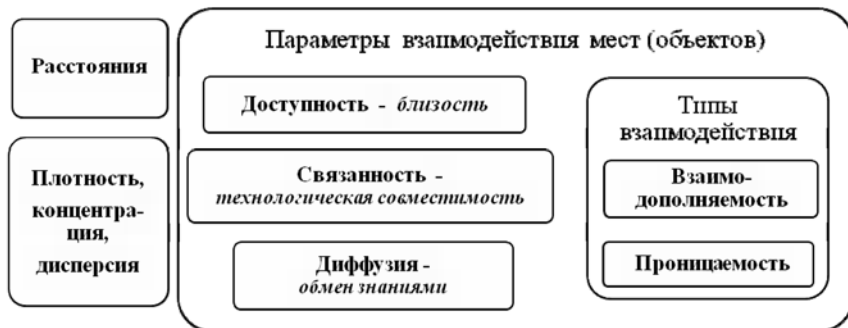

Рис. 2. Систематизация параметров измерения пространства.

Взаиморасположение характеризуют расстояния между местами (объектами), фиксирующие их близость (или отдаленность друг от друга), а также такие параметры распределения по территории, как плотность, концентрация, дисперсность (рассеяние).

Влияние характеристик расположения трансформируется в параметры пространства, оценивающие отношения взаимодействия — доступность, связанность, диффузию. В свою очередь, их особенности и результирующее влияние формируют определенные типы взаимодействия — взаимодополняемость (комплементарность) и проводимость или проницаемость (трансферабельность). Первый тип связан с наличием соответствия мест (объектов), в идеале по модели «ключ — замок», предполагающего больший эффект совместного, нежели раздельного действия. Второй тип отражает мобильность товаров и услуг в зависимости не только от их качества, но и физического и экономического расстояния передачи. В реальном пространстве типы взаимодействия существуют в промежуточном или смешанном виде, создавая разнообразие и сложность отношений взаимодействия и интегрируя общее представление о сплоченности или разорванности пространства.

В контексте постиндустриальной трансформации параметры пространства отражают генерирование и передачу знаний. Когнитивными модификациями «доступности» и «связанности», обеспечивающими «диффузию» и возможность использования знания, выступают близость (proximity) и технологическая связанность (technological relatedness).

Близость используется в исследованиях по формированию инновационных сетей, позволяя объяснить силу взаимодействия между акторами. Р. Бошма, разделяя мнение исследователей французской школы динамики близости (on proximity dynamics) о том, что не только географическая близость может способствовать интерактивному обучению и инновациям, в 2005 г. выделил пять форм близости. Когнитивная близость определяет степень, в которой две организации разделяют одну и ту же базу знаний; организационная близость — степень, в которой две организации подчинены общему контролю; социальная близость — сколь дружественны взаимоотношения членов двух организаций; институциональная близость — в какой степени две организации действуют в рамках одних и тех же институтов; географическая близость — физическое расстояние или время в пути, разделяющее две организации [по 11].

Технологическая связанность представляет своеобразную совместимость предприятий и территории (среды). Ее идея состоит в

том, что создание знания и инноваций движется взаимодействием и обменом между предпринимателями и фирмами, но только когда они связаны общими компетенциями [10].

В морфологическом плане отношения расположения и слабые связи между объектами выстраивают линейно-узловые конструкции — каркасы процессов и систем, структурируя «пространство мест», характерное для индустриального общества. Сильные взаимодействия образуют «пространство потоков» или сети, отражающие информационное, сетевое, постиндустриальное общество, генезис которых описан М. Кастельсом. В понимании Б.Б. Родомана, встроенное в территорию сетевое пространство является каркасом в широком смысле слова (например, опорным каркасом народного хозяйства, расселения, эконетом как экологическим каркасом) [9].

Особенности нового общества, которое основано на знании, организовано вокруг сетей и частично создано из потоков, требуют специального аппарата для измерения и, соответственно, конструирования его пространства.

В исследовании, выполненном в рамках многопланового проекта ЕС для измерения «сетевых регионов знания» реализован социально-сетевой подход, использующий метод бинарной матрицы [15]. Основные показатели, использованные для измерения распределения по европейским регионам числа патентов, выполненных в соавторстве со специалистами других регионов; потока (числа) высококвалифицированных специалистов, прибывших из другого региона; объема кросс-регионального цитирования, включают:

- плотность связей — отношение числа связей к числу узлов,
- степень централизации — характеризует моно— или полицентричность пространства,
- среднюю степень центральности узла — среднее число связей,
- коэффициент кластеризации — «соседство», отражающее, в какой степени соседи данного узла являются соседями между собой,
- среднее кратчайшее расстояние между узлами,
- инклюзивность — общую связанность (число связанных узлов минус число изолированных, деленное на общее число узлов).

Данный набор является репрезентативным для количественной оценки взаимодействия в соответствующей сети, что подтверждают и результаты европейского исследования. Однако возможности его использования в российских условиях слабого статистического учета

разных видов деятельности будут существенно ограничены недостаточной информационной базой.

Преобразование пространства — примеры депериферизации. Фиксируя барьеры, присущие порядку расположения материальных объектов, обеспечивающих функционирование практически всех социальных процессов, протекающих в северном регионе, в виде больших расстояний между объектами, низкой плотности и существенной разобщенности профильной деятельности, отметим и общие векторы действия, направленного на изменение неудовлетворительного порядка объектов.

В этом качестве продуктивными представляются принципы региональной политики территориальной сплоченности ЕС, отвечающей на вызовы неравномерности — концентрация экономической активности (*concentration*), связанность (*connection*) и взаимодействие (*co-operation*).

Такой подход — измерение, проблематизация пространства и предложения по его преобразованию — применительно к конкретным социальным процессам представлена в публикациях, отражающих результаты исследования морфологии социального сервиса (услуг образования и здравоохранения) и внутреннего туризма Республики Коми [3, 4]. Здесь же кратко зафиксируем основные результаты указанных исследований.

С учетом выявленных проблем *социального сервиса* — низкой плотности и удаленности объектов разного уровня услуг от потребителя — содержанием пространственного развития социального сервиса республики должны стать:

1. Уплотнение сети за счет обновления учреждений первичной медицинской помощи и общего образования и формирования новых медицинских центров специализированных услуг диагностики и лечения, как сельских с мобильными диагностическими системами, так и городских с широким спектром услуг. Равномерное распределение городских комплексных центров исправит территориальные диспропорции столичной централизации и существенно улучшит доступность населения к специализированной высококвалифицированной медицинской помощи.
2. Рост связанности и взаимодействия пространства медицинских и образовательных услуг, снижающих время их предоставления и расширяющих круг получателей услуг высокого качества на основе улучшения транспортной инфраструктуры, а также активного внедрения электронных форм доставки услуг — телемедицины и дистанционного обучения.

Низкая плотность объектов является и проблемой *пространства развития внутреннего туризма Республики Коми*. Это связано с тем, что крупные культурные события (фольклорные праздники), как правило, не доведены до формата туристского продукта. Малые объекты разворачивают деятельность, испытывая нормативные, кадровые, инфраструктурные, экономические ограничения. Следует отметить так же трудную доступность туристских объектов, фрагментарность и недостаточную наполненность информационного поля, разобщенность субъектов туристской деятельности и слабое взаимодействие в использовании ресурсов и формировании протяженных дестинаций.

Среди важнейших направлений корректировки пространства внутреннего туризма выделены следующие:

- этнокультурная реконструкция, способная реализовать почти повсеместные этнокультурные ресурсы в форме турпродуктов. Это потребует выявить этнокультурные ядра потенциальных дестинаций, создать особую инфраструктуру гостеприимства (исторический «жилой фонд», он же экспозиционный), подготовить кадры, способные грамотно и театрализованно раскрыть ресурс;
- проектирование и реализация туристского сетевого пространства, включающие разработку показателей для оценки сети и туристских потоков, построение цепочек этнокультурных и природно-рекреационных объектов, включение их в комбинированные сети, разработка брендов для профилирования туристской деятельности муниципальных образований;
- современная информатизация туристской деятельности с системой узлового интернет-ресурса, структурированных разделов туризма на официальных сайтах администраций муниципальных образований, полноценных сайтов предпринимателей, предоставляющих туруслуги.

Работа с пространством социального сервиса и внутреннего туризма подтвердила работоспособность методологии «пространство действия». Использование параметров пространства позволило выявить негативные особенности морфологии сервиса и туризма и обосновать направления ее корректировки для роста их эффективности и в более широком аспекте для депериферизации пространства северного региона в целях справедливого развития территории.

Литература

1. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. Том 1. — 2001. №2. — С. 26–47.

2. *Дмитриева Т.Е.* Территориальная организация северного региона: масштабы периферии // Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. — Сыктывкар, 2007. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН). — С. 57–87.
3. *Дмитриева Т.Е., Бурьян М.С.* Пространственное развитие социального сервиса северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №6 (18). — С. 77–92.
4. *Дмитриева Т.Е., Щенявский В.А.* Пространство и развитие внутреннего туризма в Республике Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2012. №2 (10). — С. 144–152.
5. Индекс готовности регионов России к информационному обществу. 2008-2009 / под ред. Ю.Е. Хохлова и С.Б. Шапошника. — М.: 2010. — 296 с.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ-ВШ, 2000. — 608 с.
7. *Минц А.А., Преображенский В.С.* Функция места и ее изменение // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1970. №6. — С. 118–131.
8. Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии за 2009 год / Всемирный банк, Вашингтон, 2009.
9. *Родоман Б.Б.* Сетевые и анизотропные географические пространства // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. — М.: Эслан, 2010 г. — С. 167–175.
10. *Boschma R. and Frenken K.* Technological relatedness and regional branching // Papers in Evolutionary Economic Geography # 7 2009 Utrecht University. Urban & Regional research centre Utrecht. URL: <http://econ.geo.uu.nl/peeg/peeg.html>
11. *Boschma R. and Frenken K.* The spatial evolution of innovation networks: a proximity perspective // Papers in Evolutionary Economic Geography # 5 2009 Utrecht University. Urban & Regional research centre Utrecht. URL: <http://econ.geo.uu.nl/peeg/peeg.html>.
12. *Felmann J., Bjeland M. et al.* Human Geography. Ch. 3. Spatial Interaction & Spatial Behavior. URL: www.slideshare.net/lschmidt1170/felmann11e-ch3-8861308.
13. Green Paper on Territorial Cohesion, the way ahead // en Inforegio panorama, №28, December 2008.
14. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change / Oxford: Blackwell. 1989. Цит. по: Кастельс М.

Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ-ВШ, 2000. — 608 с.

15. KIT. Knowledge, Innovation, Territory. Scientific Report. ESPON. Version 24/02/2011.
16. Massey D. Power-Geometry and Progressive Sense of Place // Mapping the Future: Local Culture, Global Changes. Ed. Bird, Putnam et al. Routledge, New-York, London, 2002. P. 59–69. URL: <http://www.dourish.com/classes/readings/Massey-PowerGeometries.pdf>.
17. Soja E. Seeking Spatial Justice / Published by the University of Minnesota Press / Minneapolis, 2010.
18. Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

Елманова Д. С.

«ФЕНОМЕН ГЛУБИНКИ» В РАЗВИТОЙ СТРАНЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (на примере Бельгии)

Существуют понятия, о которых каждый имеет какое-либо свое представление. Причем тот смысл, который вкладывает неискушенный человек, может сильно разниться с тем, который имеет ученый. Да и в научных кругах, в том числе в географии, если это изначально не строгий термин, то смысловые оттенки также могут варьироваться. Именно к таким как бы многоаспектным понятиям можно отнести так называемую «глубинку».

Толковые словари представляют перед нами в целом схожую картину. Глубинка — это

- глубинный, далёкий от центра пункт, район¹;
- место или населённый пункт, расположенные далеко от административных и культурных центров²;
- место, находящееся далеко от административного, культурного и т.п. центра³;

¹ Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992.

² Большой толковый словарь русского языка. — 1-е изд-е: СПб.: Норинт. С.А. Кузнецов. 1998.

- место или населённый пункт, расположенные вдали от столицы государства или других больших городов⁴.

Среди синонимов можно встретить такие слова как глушь, захолустье, периферия, провинция. Несмотря на то, что во всех определениях явно сквозит «географичность» понятия, однозначный подход в нашем научном сообществе пока не сформирован. Если брать «глубинку» в широком понимании, то одна из первых и наиболее проработанных концепций в социально-экономической географии — это модель «центр — периферия», у истоков которой стояли Джон Фридман, Торстен Хагерстранд, Иммануил Валлерстайн. В современной российской географической школе наиболее проработанной выглядит концепция «Центр–провинция–периферия–граница» В.Л. Каганского⁵. Но само понятие «глубинка» в них не рассматривается.

Если вернуться к определению, то очевидно, что глубинка существует не сама по себе, а определяется по отношению к административному, экономическому или культурному центру страны или региона, или просто крупным городам. Значит, в зависимости от того, какой центр берется, да и какие именно его характеристики интересны, могут получиться различные глубинки. Не нужно забывать при этом, что это не только экономическое понятие, вне зависимости от того, рассматриваем мы процессы на уровне страны или отдельного региона, но и социально-психологическое. Глубинка воспринимается как что-то далекое, место, куда не доехать и не добраться, где нет электричества, горячей воды, интернета и прочих благ цивилизации. Это как бы негативная сторона глубинки. Но если посмотреть с другой стороны, то нетронутая природа, спокойная и размеренная жизнь может восприниматься как положительный эффект. Получается, что существует два генеральных аспекта понятия «глубинка». С одной стороны происходит его объективизация, а с другой когнитивизация, и даже мифологизация. Глубинку вполне можно отнести к релятивным понятиям.⁶

Показателей для измерения степени «глубинности» территории можно придумать бесконечное множество. Один из наиболее широко

³ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.

⁴ Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева. Дмитриев. 2003.

⁵ Каганский В.Л. Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁶ А.П. Горкин. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии. Известия РАН. Серия географическая, (1):8–16, 2011.

город, агломерация). В некоторых случаях существует и внутригородская глубинка. При изучении процессов на низовых уровнях возможна интерференция «глубинок». Если необходимо сделать сравнение двух территорий, то, безусловно, нужно брать соотносимые регионы по площади или по населению, нельзя, например, сравнивать глубинки Бельгии и Германии. Наиболее интересные сопоставления, на мой взгляд, должны быть именно на низовом (микро) уровне. Безусловно, в каждом типе стран есть свои глубинки: категорически нельзя сравнивать глубинки государств, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития. Очевидно что, глубинки Нигера и Бельгии будут иметь колоссальные различия. Зато сравнение глубинок внутри одной страны или одного региона может дать интересные идеи для создания или улучшения программ социально-экономического развития.

Отдельные территории на различных исторических этапах могут быть как глубинкой, так и наоборот — играть важную роль для страны. Например, Австралия, будучи британской колонией, вполне могла быть названа глубинкой, чего нельзя сказать про ее нынешнее геополитическое положение в мире. Обратных ситуаций тоже немало. Классическими примерами могут служить города золотоискателей в США, которые были крупными центрами на рубеже XIX–XX веков, а сейчас вообще исчезли с карт или превратились в исторические парки, как, например, город-призрак Боди. Понятию «глубинка» свойственна определенная пульсация во времени.

Для российского человека сложно осознать, что своя глубинка существует и в Западной Европе. Мы доказали, что глубинки бывают разные, и это понятие относительное. Поэтому даже в Бельгии, самом сердце Европы, одной из наиболее плотно заселенных стран мира, есть своя глубинка.

Если рассматривать в качестве критерия наибольшую удаленность от Брюсселя, то получается, что глубинкой нужно было бы считать район города Арлон, на юго-востоке страны. Но оттуда рукой подать до города Люксембург. Значит, для данной территории анализировать удаленность только от одного города не вполне разумно. Не надолго абстрагируемся от проблемы выделения глубинки и рассмотрим особенность бельгийского приграничья.

Межгосударственная граница — это воображаемая (как правило, не «материализованная») линия, разделяющая две территории. Для границ характерна двойственность функций — барьерной и контактной. С одной стороны она разделяет государства, в той или иной мере препятствует потокам разного рода (товаров, людей, информа-

ции), ослабляет эти потоки, фильтрует их, задерживает. Однако именно через границу взаимодействуют соседние территории. Роль, которую играют границы, может сильно варьироваться от региона к региону и от эпохи к эпохе. Между государствами, придерживающимися Шенгенского законодательства ЕС, граница представляет собой только политический и юридический рубеж, никоим образом не препятствуя свободному перемещению людей и товаров.

Несмотря на общепризнанное мнение, что Бельгия — это морская держава, длина ее береговой линии составляет всего 66,5 км, тогда как общая протяженность бельгийской границы — 1385 км, из которых 620 км — с Францией, 450 км — с Нидерландами, 167 км — с Германией и 148 км — с Люксембургом. Центральное положение в Европе, многочисленные торговые потоки, проходящие через страну, способствуют тесному взаимодействию между Бельгией и соседними государствами, в том числе свободному размещению иностранного населения.

Большинство налогов в европейских странах, в том числе и в Бельгии, платится не по месту работы, а по месту жительства, что создает значительные трудности для государства или территории, предоставляющим рабочее место. Часто «инфраструктурное бремя» ложится на плечи местных жителей, а не на всех, работающих в крупной агломерации. В настоящее время в рамках ЕС разрабатывается новое налоговое законодательство, благодаря которому налоги будут пропорционально разделяться между территориями, где расположены места работы и жилья.

Для тех территорий, которые расположены в зонах влияния крупных соседних агломераций, существенную роль играет более низкая стоимость недвижимости в Бельгии и местная хорошая экологическая обстановка. Это район Мускрона (зона влияния Лилля), или Вурена (зона влияния Маастрихта). При этом приезжие ездят на работу в соседние страны, что не составляет большого труда. Например, конечная станция метро города Лилль (Франция) находится всего в 400 м от бельгийской границы. Также для местных жителей существуют специальные программы по стимулированию использования различных видов «экологичного транспорта», в том числе практически бесплатного проката велосипедов.

В рамках ЕС трансграничное сотрудничество развивается очень активно. Различные программы способствуют экономическому, социальному и культурному развитию приграничных территорий, более выгодному взаимодействию соседних государств.

Итак, для выделения глубинки нужно обязательно учитывать, по сути, отсутствие границ между шенгенскими государствами. Как же тогда понять, что такое бельгийская глубинка? Одним из способов можно считать построение зон влияния городов⁷ рис. 2.⁸ Особенного внимания заслуживают территории, находящиеся в зоне влияния Брюсселя, уже как бы за спиной других городов. Среди прочих это коммуны Шиме (район Тюэн, провинция Эно) и Кувен (район Филип-

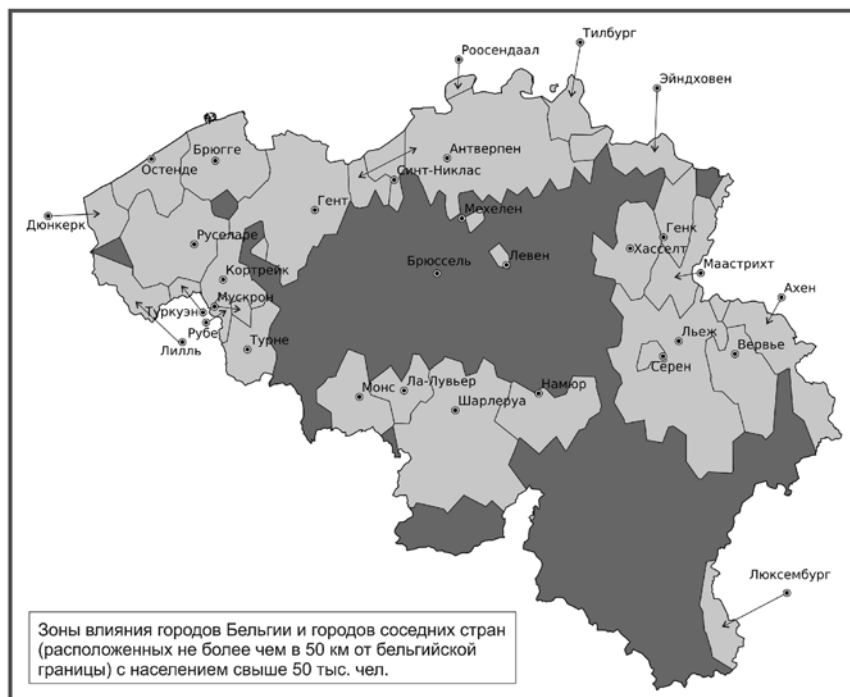

Рис. 2. Зоны влияния городов Бельгии и городов соседних стран (расположенных не более чем в 50 км от бельгийской границы) с населением свыше 50 тыс. чел.

⁷ Более подробно про методику выделения зон влияния смотреть в: Елманова Д.С. Методика выявления зон влияния автомобильных дорог (как инструмент исследования опорного каркаса расселения Бельгии) // Современные проблемы общественной географии. Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцерова. — М.: Издатель И.П. Матушкина И.И., 2011.

⁸ Большую техническую помощь при подсчете и построении зон влияния городов автору оказали А.С. Тен и А.Д. Яшунский.

виль, провинция Намюр), выходящие к границе с Францией. Они расположены к югу от Брюсселя, в его зоне влияния, но на довольно большом отдалении, более 100 км и в 1,5 часовой доступности по автодорогам. Обе коммуны находятся как бы за зонами влияния южно-валлонской сети городов, в том числе и наиболее мощного центра юга страны Шарлеруа.

Каждая из этих городских коммун имеет свои особенности как исторического развития, так и современного существования. Шиме

Таблица 1.

Шиме, Кувен, Бельгия

	Шиме	Кувен	Бельгия (в среднем)
Население	9 854 чел.	13 613 чел.	18 403 чел.
плотность	50 чел. на км ²	65,8 чел. на км ²	355,1 чел. на км ²
доля иностранцев	3,9%	3,4%	9,8%
доход	12 103 евро	12 517 евро	15 266 евро
безработица	21,3%	25,7%	11,5%

— мощный туристический узел. Здесь расположены замок принцев Шиме и аббатство Нотр-Дам де Скурмон, известное на весь мир производством пива и сыров, здесь находится один из крупнейших госпиталей в южной части страны, а также центр адаптации раненых и больных животных. Коммуна активно стимулирует развитие использования нетрадиционных источников энергии, что свойственно и для соседнего Кувена. Он менее известен как внутри Бельгии, так и за пределами страны. В отличие от Шиме — это биполярная коммуна. На севере расположен промышленный парк Мариембурга. Также коммуна известна производством теннисных ракеток Донэ (Donnay) и довольно сильным футбольным Королевским спортивным клубом Кувен-Мариембург. Из туристических достопримечательностей самая известная — паровая железная дорога Трех Долин.

Для бельгийской глубинки можно выделить три отличительные черты, присущие ей в большей или меньшей степени, но играющие, на взгляд автора, принципиальную роль в ее развитии. Это традиционализм, инновационность и местная инициатива.

Если рассматривать «традиционализм» именно как положительную сторону глубинки, то важен фактор удаленности для сохранения истинных традиций. Ровно как сельский туризм не может развиваться в городах, традиционализм не может развиваться в крупных интернациональных центрах, таких как Брюссель. Чем более Брюссель и другие крупные города страны становятся космополитичными, тем мощнее в контрасте с ними выглядит глубинка. Во всяком случае, в глубинке это вполне может стать брендом, а на прочих территориях, особенно в городах, лишь частью комплексного развития.

Инновационность может стать стимулом развития города или небольшого региона в двух случаях. Во-первых, когда ее развитие приурочено к мощным образовательным центрам, существующим или заново созданным, примером чего может служить Лувен-ла-Нев. В настоящее время это мощный активно развивающийся образовательно-инновационный центр. Во-вторых, в случае небольших территорий, должны быть некие изначальные условия для возникновения и развития модернизационных процессов. Можно предположить, что развитие новых энергетических программ и нетрадиционных источников энергии в Кувене и Шиме не случайно. В нескольких километрах от них, уже на французской территории, расположена одна из крупнейших АЭС Франции и, тем более, франко-бельгийского приграничного региона. Следовательно, здесь произошло накопление интеллектуального капитала с одной стороны, и, с другой — возможен административный толчок в связи с разговорами о закрытии АЭС в Западной Европе для использования уже существующей инфраструктуры по транспортировке энергии. Также, несмотря на видимую перспективность развития ветроэнергетики в Бельгии, в некоторых регионах оно сталкивается с недовольством местного населения. Ветряки создают мощные поля шумового загрязнения, поэтому в настоящее время при их создании предпочтение отдается малонаселенным регионам страны. Если исключить Арденский массив, то перспективных с одной стороны и беспроблемных с другой стороны регионов не так уж и много.

В большинстве случаев, инициатива должна начинаться с низового уровня. Поэтому при появлении в среднем или крупном городе она может быть незаметна, для этого идее нужно вырасти и утвердиться. А вот в небольшом городе она может получить активное одобрение и даже вырасти в бренд города. Локальным примером местной инициативы может служить создание автобусной линии Кувен — Шиме. Изначально, именно при содействии местных жителей был куплен автобус, и нанят на работу водитель, чтобы осуществлять

связь между Кувеном и госпиталем в Шиме. Затем линия расширилась, увеличилось число остановок на маршруте и число рейсов в день. В результате, компания «ТЕС» (Transport en commun) — крупнейшая автобусная компания в южной части Бельгии — выкупила автобус и включила этот рейс в общеваллонскую транспортную систему. Именно в глубинке наибольшее распространение получила система «covoiturage» или «carpool» — совместного использования автомобиля при поездках. На сайтах обоих городов этой инициативе посвящены отдельные страницы.

Итак, глубинка в современной социально-экономической географии — это многоаспектное многоуровневое понятие, определяющееся исключительно относительно других объектов, таких как крупные города или административные центры, для которого характерна как объективизация, так и когнитивизация. Глубинка — это релятивное понятие. Для бельгийской глубинки можно выделить три отличительные черты: традиционализм, инновационность и местную инициативу, — присущие ей в большей или меньшей степени, но играющие, принципиальную роль в ее развитии.

Анисимова Т.И.

ШВЕЙЦАРЦЫ В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Российская глубинка... Согласно словарю С.И. Ожегова, это «глубинный, далёкий от центра пункт, район». Часто слово «глубинка» используется в качестве синонима слова «провинция». При подходе к этому определению возникает вопрос, включать ли города-центры областей или краёв в понятие глубинка, или следует ограничиться малыми городами и посёлками, а также сельской местностью. Определение довольно размыто, поэтому в статье под российской глубинкой мы будем понимать сельскую местность.

Из года в год всё чаще говорят о проблеме вымирания села: население стареет, молодёжь в поисках работы уезжает в города, где и остаётся навсегда. Но свято место пусто не бывает, и те земли, которые сегодня не нужны россиянам, интересуют иностранцев из развитых стран. Речь идёт не о временных работниках-гастарбайтерах, которые, как и сельская молодёжь российской глубинки, стремятся в крупные города, а о квалифицированных фермерах из-за рубежа, в частности из Швейцарии.

Что же привлекает иностранцев из благополучной во всех отношениях страны в российском селе? Самое главное — это земли. Площадь сельскохозяйственных угодий в России одна из крупнейших в мире. Она составляет 15,5 км² на 1000 жителей, тогда как в Швейцарии — всего 2,0 км² на 1000 жителей [9].

Важным фактором является отсутствие конкуренции за эти земли. За исключением, пожалуй, регионов Южного федерального округа, со времён распада Советского Союза сельхозугодия в России находятся в полузаброшенном состоянии. Так например, некогда богатая льном Смоленская область, где летом студенты ездили не на картошку, как в Москве, а на уборку льна, сегодня закупает сырьё в Белоруссии, а поля либо остаются нераспаханными, либо «засаживаются» коттеджами.

Хотя в собственность получить участок российской земли иностранный гражданин не имеет права, он может взять её в аренду. И вот ещё один важный фактор притяжения — возможность арендовать большой участок, чем в Европе, в силу наличия большего количества земли.

Численность швейцарцев в России по сравнению с другими некоренными народами всегда была невелика хотя бы в силу немногочисленности самого швейцарского народа. По данным на 2010 год на территории нашей страны проживало 683 гражданина конфедерации [7]. Деятельность некоторых из них мы покажем на примере Калужской области.

Площадь сельскохозяйственных угодий Калужской области составляет 13,2 км² на 1000 жителей, что в 6,5 раз больше, чем в Швейцарии [2]. Это привлекает имеющих желание заниматься любимым делом выходцев из сельских районов малоземельной страны.

Появились швейцарские фермеры в Калужской области не сегодня. В XIX веке здесь работало около 500 швейцарских сыроварен, и существовали значительные по размеру поселения выходцев из альпийской страны, занимавшихся разведением скота. После революции и возникновения Советского Союза, который Швейцария не признала, швейцарцы покинули область [6]. Современная история швейцарцев в Калужской области началась с возникновения в 1994 году Швейцарского фонда «Калуга», целью которого было оказание консультационной и финансовой помощи предприятиям частного малого и среднего бизнеса для обмена опытом между российскими и иностранными специалистами и создание благоприятного инвестиционного климата как в Калужской области, так и в российском Нечерноземье в целом [8].

В 1999 году швейцарец М. Киндлер приехал в командировку по программе сотрудничества между Швейцарией и Россией с целью построить на месте разрушенного колхозного хозяйства образцовую ферму «Швейцарское молоко». Во время работ он столкнулся с огромной социальной проблемой — алкоголизмом местного населения. В трёх километрах от деревни Горбёнки, где строилась ферма, Мартин нашёл полуразрушенные коровник и дом, и решил, что это будет идеальное место для реабилитационного центра. Центр строили с помощью волонтеров, местные власти не помогали. Сейчас в аренде у Центра экстренной поддержки «Возрождение» около 250 га земли, включая пастбища и сенокосные угодья. Занимаются люди кто чем: кто-то готовит еду, кто-то помогает в строительстве, кто-то просто учится жить. 80% клиентов реабилитационного центра избавляются от пьянства. Швейцарский предприниматель считает, что эффективность работы его центра связана с его «семейным» укладом: немного народа (20–30 человек) и с людьми работают, а по сути живут, те, кто сам раньше был в том же положении и лучше, чем любой специалист, может понять человека, сдружившегося с алкоголем.

Параллельно с постройкой центра М. Киндлер строил ферму «Русски Натура Биф» в деревне Кожухово (рис.), которая должна была в будущем окупать затраты на реабилитационный центр. Она очень небольшая: 100 голов скота, сенохранилище, пекарня и огород. Благодаря её работе можно прокормить около 30 человек, как раз столько, сколько проходит реабилитацию в Центре. Штат фермы — его бывшие клиенты. «Русски Натура Биф» занимается продажей мяса. Здесь применяется технология совместного проживания телёнка и коровы. В течение года телёнок может питаться материнским молоком, в результате чего мясо получается более мягким [6].

К 2003 году Швейцарский фонд «Калуга», дававший кредиты малому и среднему бизнесу и реконструировавший полузаброшенные колхозные хозяйства, оказался на грани банкротства. Созданную М. Киндлером ферму «Швейцарское молоко» пришлось продать [4]. Три швейцарца, приехавшие по приглашению с российской стороны по обмену опытом, выкупили фермерское хозяйство в 180 км к юго-западу от Москвы в Калужской области в деревне Горбёнки Дзержинского района [5] (рис.). Землю, около 300 га, взяли в аренду, поскольку согласно Земельному кодексу РФ иностранные граждане не имеют права приобретать сельскохозяйственные земли в России в собственность [1].

Иностранцы взялись восстановить хозяйство, в наследство от которого им осталось около 100 молочных коров, 120 голов приплода

Рис. Деревни Кожухово (фермерское хозяйство «Русски Натура Биф») и Горбёнки (фермерское хозяйство «Швейцарское молоко») на карте Дзержинского района Калужской области [3].

и устаревший парк сельхозтехники. Но швейцарские фермеры не отчаивались. Они собирались поставлять свежее молоко в Москву, расположенную относительно недалеко, и в быстро развивающуюся Калугу.

В январе 2004 года было решено организовать ООО под названием «Швейцарское молоко». В структуре предприятия всё оставили по-старому. Работали через переводчика. Сначала фермеры решили организовать кормовую базу для скота. Для этого на арендуемых площадях они посадили кормовые культуры, в частности кукурузу.

Поголовье скота хотели увеличить за счёт импорта 70 голов из Швейцарии, но пришлось обходиться своими силами: на ввоз крупного рогатого скота из ЕС и Швейцарии был санитарный запрет.

О том, насколько продвинулись дела швейцарских фермеров, красноречиво говорит статистика предприятия (табл.).

За 4 года после основания ООО арендуемая площадь увеличилась почти в 2 раза, примерно во столько же раз увеличилось поголовье скота, предприятие обзавелось персоналом, в том числе наняло российского директора.

Таблица.

**Статистика фермерского хозяйства
ООО «Швейцарское молоко» [5]**

Показатель	2004 год	2008 год
Площадь сельхозугодий	340 га	650 га
Российский директор	—	1
Трактористы	—	6
Доярки	—	12
Зоотехники	—	3
Служащие	—	2
Механики	—	1
Упаковщики молочной продукции	—	5
Водители	—	2
Молочные коровы	96	210
Молодняк (коровы)	79	200
Молодняк (быки)	46	100
Общее поголовье скота	221	510
Пастбища	280 га	495 га
Кукуруза	60 га	120 га
Зерновые	—	55 га
Поле под паром	—	500 га

На ферме применяется технология беспривязного содержания в коровнике. Доильный зал отделён от основной части коровника, где собственно и живут коровы, в результате чего молоко получается более чистым. Кроме того применяется европейская система загонов, которую используют там из-за нехватки площади, а у нас применять стали для получения лучших удоев. Поле засаживается кормовыми травами и делится на 10 загонов. Несколько дней коровы пасутся в одном загоне, затем, когда травы становится уже мало, переходят в другой загон. Так постепенно они проходят все загоны по кругу, и когда возвращаются к тому загону, с которого начинали, трава там уже успевает достаточно вырасти, чтобы давать корм животным. Результатом является то, что удои не снижаются, как происходит в случае, если коровы вытапывают всё поле сразу, и трава вырасти не успевает [6].

Кроме собственно сельского хозяйства фермеры организовали оказание агротуристических услуг [5]. Начало этому положили швейцарцы, которые приезжали посмотреть, как их сограждане устроились в российской глубинке. К ним постепенно начали присоединяться жители российских городов, приезжавшие на выходные отдохнуть на диковинной ферме. Это подтолкнуло хозяев построить гостиницу для туристов, и туристический бизнес заработал [4]. Сегодня можно приехать пожить на ферме, посмотреть хозяйство, познакомиться с жизнью швейцарских фермеров в российском селе и, конечно, попробовать молоко. Кроме того, организуются специальные экскурсионные туры по соседним предприятиям, а также по Калуге и Калужской области на немецком, английском и французском языках.

Приехавшие в Россию швейцарцы — профессиональные фермеры. Поэтому, организовав ферму, они делятся своими наработками и полученными знаниями с коллегами. Для иностранных специалистов, которые хотели бы поближе познакомиться с российской культурой и русским языком, предоставляют возможность пройти профессиональную практику. Практики организуются по направлениям: ветеринар, зоотехник, агроном, механик, работник сферы туризма, специалист по русскому языку [5]. Почти ежегодно из-за рубежа приезжают новые практиканты [4].

Сегодня фермерские хозяйства и реабилитационный центр в Калужской глубинке благополучно процветают. И хотя жизнь в России, по признанию самих фермеров, не такая упорядоченная, как у них дома, они с оптимизмом смотрят в будущее и не жалеют о своём решении остаться на российском селе [5].

Интересно, что не только профессиональный успех, но и личное счастье, ждали швейцарских фермеров в России. Несмотря на то, что приехали они уже в возрасте старше 40 лет, семьями они обзавелись именно в Калужской области [4].

Причины международных миграций квалифицированных кадров довольно схожи между собой. Если российского учёного выталкивает на Запад отсутствие условий для полноценной работы, то швейцарского фермера выталкивает в Россию отсутствие земли для развития любимого дела. Появление выходцев из других стран всегда оказывает влияние на жизнь местного населения. Волей-неволей происходит обмен опытом, взаимопроникновение культур. Влияние тем сильнее, чем больше приезжает иностранцев, но, как мы показали на примере Калужской области, даже несколько квалифицированных специалистов из маленькой горной европейской страны смогли принести огромную пользу русскому селу.

Литература

1. Агентство недвижимости РАИН. URL: <http://www.novostroy.ru/land/pubone5.htm>
2. Калужский региональный сервер. URL: <http://www.kaluga.ru/info/>
3. Карта дорог Калужской области. URL: http://kaluga-oblast.ru/map1162160_0_0.htm
4. Клюковкина Н. Кому на Руси жить хорошо // Ридерз Дайджест. URL: <http://www.rd.ru/>
5. ООО «Швейцарское молоко»: официальный сайт. URL: <http://www.schweizer-milch.ru/>
6. Ульянова Н. Русское поле швейцарца Мартина Киндлера // Бизнес-журнал Онлайн. 12.07.2012. URL: <http://www.business-magazine.ru/markets/diagnostics/pub345396/>
7. Федеральное бюро статистики Швейцарии: официальный сайт. URL: <http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/fr/index/infothek/lex/0.topic.1.html>
8. Швейцарский фонд «Калуга»: официальный сайт. URL: <http://swissfond-kaluga.ru/aboutfond.html>
9. WorldStat.info: русскоязычная версия проекта. URL: <http://ru.worldstat.info/>

Корытный Л.М., Веселова В.Н., Дашпилов Ц.Б.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕЛЬСКОЙ «ГЛУБИНКИ» ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Восточносибирский макрорегион — территория контрастов в природных, социально-экономических, инфраструктурных и прочих условиях проживания населения, особенно в сельских районах. Для исследования были взяты 47 сельских административных районов Красноярского края (южная часть), Забайкальского края, Иркутской области, Республики Бурятия.

Большое значение в развитии сельских районов играет их транспортно-географическое положение (ТГП). Известно, что чем дальше удален район от центров хозяйства, культуры и науки, тем существенней сокращается набор социальных услуг, составляющих первейшие жизненные потребности людей [1]. По И.М. Маергойзу [6], под транспортно-географическим положением понимается положение относительно транспортной сети с учетом ее провозной способности, скорости и стоимости транспортировки. Поэтому важнейшим показателем ТГП района была принята удаленность их от железных дорог. Принимая во внимание, что местное население в транспортном, культурно-бытовом, медицинском обслуживании ориентировано на региональные и межмуниципальные центры, были учтены удаленность от областного (краевого, республиканского) центра и наличие поблизости крупных городов. В совокупности с перечисленными показателями рассматривались и такие характеристики как плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, расстояние между населенными пунктами, расстояние от местных административных центров до районного центра. В целом это позволило дать более полное представление о транспортной обеспеченности (ТО) районов и условно разделить их на 3 группы.

Сравнительный анализ параметров уровня жизни и качества населения между группами был проведен на основе статистических данных, публикуемых региональными отделениями Госкомстата РФ [7, 9, 10, 11, 12] и медицинскими информационно-аналитическими центрами [2, 3, 4, 8].

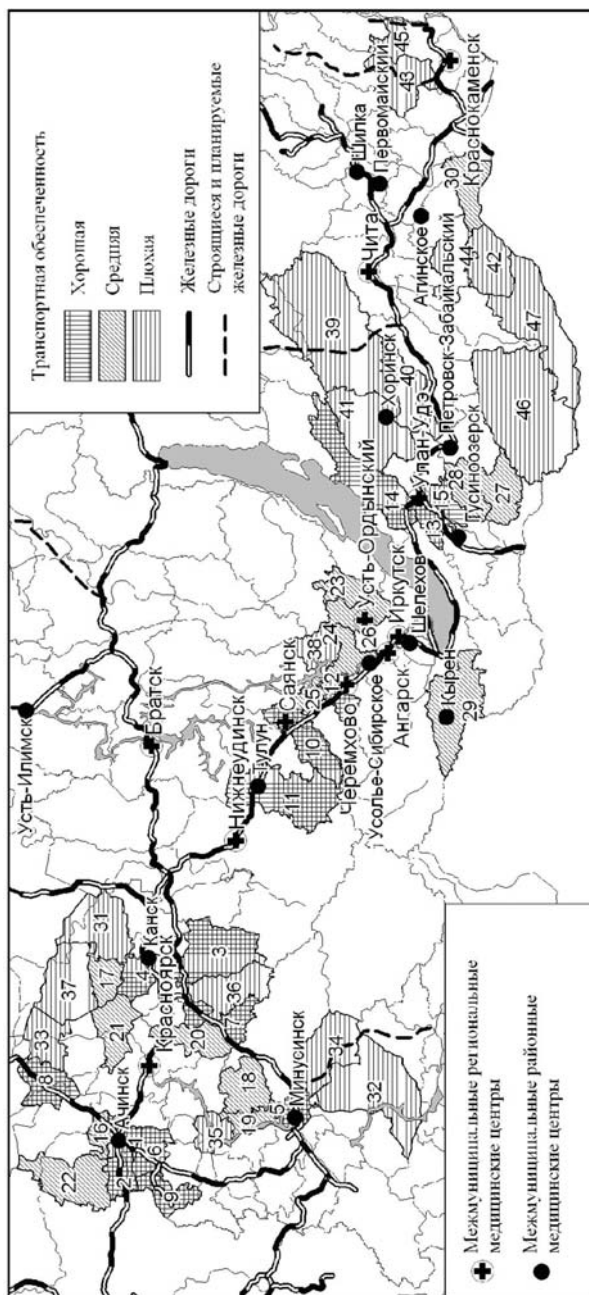

Рис. 1. Характеристика транспортной обеспеченности районов.

Рассматриваемые 47 сельских районов расположены на юге Восточносибирского региона (рис. 1), характеризуются относительно однородными природно-климатическими условиями, которые оцениваются как умеренно дискомфортные [5].

На 1 января 2010 г. численность сельского населения в 47 районах составила около 863 тыс. человек, или 11,5% от общей численности населения четырех рассматриваемых субъектов (4,4% от общей численности населения Сибирского федерального округа (СФО)).

Сельские районы характеризуются разной ТО, которую условно можно оценить как хорошую, среднюю и плохую (см. рис. 1).

Из 47 районов хорошую ТО имеют только 15 сельских районов, на территории которых проживает 4,1% от общей численности населения четырех субъектов. Административные центры этих районов расположены вдоль железных дорог или на незначительном расстоянии от нее — в среднем на 22 км. Расположение районов вдоль линий транспортного каркаса обеспечивает большую мобильность населения для удовлетворения социально-бытовых потребностей. Районы рассматриваемой группы характеризуются небольшой удаленностью от областного центра — в среднем на 215 км. Некоторые наиболее удаленные районы (Минусинский, Канский, Шарыповский, Тулунский и др.) были отнесены к районам с хорошей ТО, поскольку они расположены рядом с крупными городами, которые представляют собой отдельные муниципальные образования. Помимо перечисленных параметров, данные районы отличаются незначительными межселенным расстоянием (в среднем 17,6 км) и удаленностью местных административных центров от районного (в среднем 30 км), высокой плотностью автомобильных дорог с твердым покрытием (в среднем 85,2 км/км²).

Группу со средней ТО образуют 15 районов, на территории которых проживает 3,7% населения. Все районные центры рассматриваемых районов удалены от железных дорог в среднем на 80 км. Транспортная связь с областным центром осуществляется либо автомобильным, либо двумя видами транспорта: автомобильным и железнодорожным. Средняя удаленность от областного центра по автомобильной дороге составляет 245 км. В сравнении с районами с хорошей ТО здесь увеличивается межселенное расстояние (в среднем 20,5 км) и расстояние локальных центров до районного (в среднем 35 км), уменьшается плотность автомобильных дорог с твердым покрытием (в среднем 71 км/км²).

К районам с плохой ТО были отнесены 17 районов с населением 3,7% от общей численности. Районы удалены от железных дорог в

среднем на 130 км, от областного центра — на 335 км. В рассматриваемой группе возрастают: расстояние между населенными пунктами (среднее значение 23,5 км) и удаленность местных центров до районного (среднее 40 км), в разы снижается плотность автомобильных дорог с твердым покрытием (31 км/км^2).

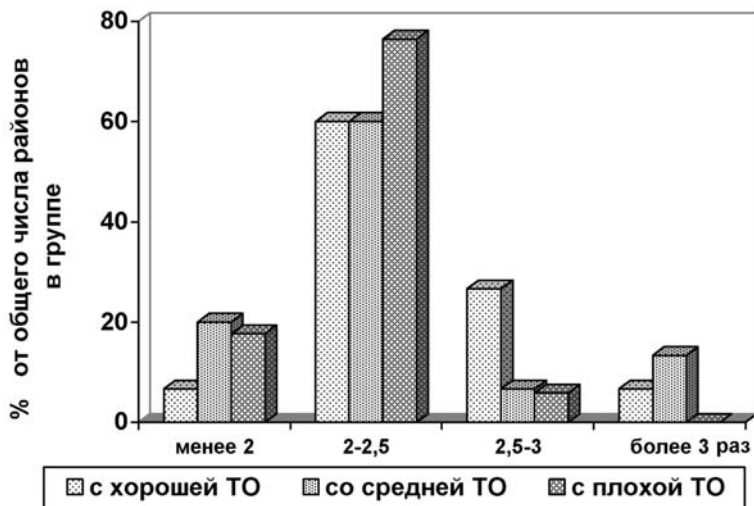

Рис. 2. Уровень жизни и качество населения.

Для сельских жителей характерен более низкий уровень жизни, чем для городского населения. Но на фоне повсеместного низкого уровня размера заработной платы и ее покупательной способности, в сельских районах наблюдается к тому же снижение показателей с ухудшением ТО. Если размер заработной платы в сельских районах, отличающихся хорошей ТО, на 2009 г. составил 77,5% от среднего размера по Сибирскому федеральному округу (СФО), то в районах, характеризующихся средней и низкой ТО — 76,5 и 71% соответственно.

С низким уровнем заработной платы связан низкий уровень ее покупательной способности. Только в 9 из 47 районов размер средней заработной платы в 2,5 раза превышает размер прожиточного минимума (рис. 2).

Основные показатели социальной инфраструктуры также наглядно демонстрируют низкий уровень жизнеобеспечения населения в сельской местности. Так, уровень благоустройства жилья в рассматриваемых сельских районах составляет в среднем от 11 до 25% по отношению к уровню благоустройства в СФО.

По степени благоустройства жилищного фонда также отмечается тенденция снижения благ цивилизации от сельских районов с хорошей ТО к сельским районам с плохой ТО: в 2,7 раза по оборудованности жилья канализацией, в 2 раза — водопроводом, в 1,8 раза — центральным отоплением.

Низким остается и уровень сельского здравоохранения. Первый контакт сельских жителей осуществляется на уровне фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), участковых больниц и центральных районных больниц (ЦРБ). По количеству ФАПов районы, характеризующиеся низкой ТО, в 1,3 раза уступают районам с хорошей ТО (302 против 383 ФАПов).

По обеспеченности населения врачами и средним медицинским персоналом, напротив, лучшее положение имеют сельские районы, характеризующиеся средней и плохой ТО. В сельских районах с хорошей ТО, начиная с 2006 г. заметен явный спад обеспеченности медицинскими кадрами. Так, уровень обеспеченности врачами составляет от 27 до 39% к уровню обеспеченности в СФО, средним медицинским персоналом — от 68 до 82% (от районов с хорошей ТО к районам с плохой ТО). Это требует пояснения, и по нашему мнению, связано с тем, что в большинстве сельских районов, которые расположены в группе с хорошей транспортной обеспеченностью, преобладают участковые больницы и почти отсутствуют ЦРБ. Согласно Программе модернизации здравоохранения, фактически начавшейся как раз в 2006 г., взят курс на организацию межмуниципальных региональных и районных медицинских центров с целью поэтапного перевода в них потоков пациентов для оказания более квалифицированной медицинской помощи (см. рис. 1). К примеру, жители Каратузского, Ермаковского и других районов должны обращаться за необходимой медицинской помощью в г. Минусинск, который является межмуниципальным районным центром.

Понятно, что с предполагаемым строительством железной дороги Курагино–Кызыл может улучшиться транспортная доступность для населения Каратузского района до межмуниципального центра (см. рис. 1). Аналогичная ситуация и в Александрово-Заводском районе: с намечаемым строительством железной дороги Нарын–Лугокан повысится транспортная доступность до г. Краснокаменск — межмуниципального регионального центра. Это повысит возможность получения более квалифицированной медицинской помощи.

Низкий уровень необходимых стандартов жизни оказывает влияние на показатели качества населения: на уровень здоровья, на демографические процессы и т.д. За 2007–2009 гг. наиболее благопри-

ятная ситуация по заболеваемости населения (с диагнозом, установленным впервые в жизни) наблюдалась в сельских районах с хорошей ТО: 62% от уровня зарегистрированной заболеваемости по СФО. В районах, характеризующихся средней и плохой ТО, уровень заболеваемости равнялся 78 и 84% соответственно.

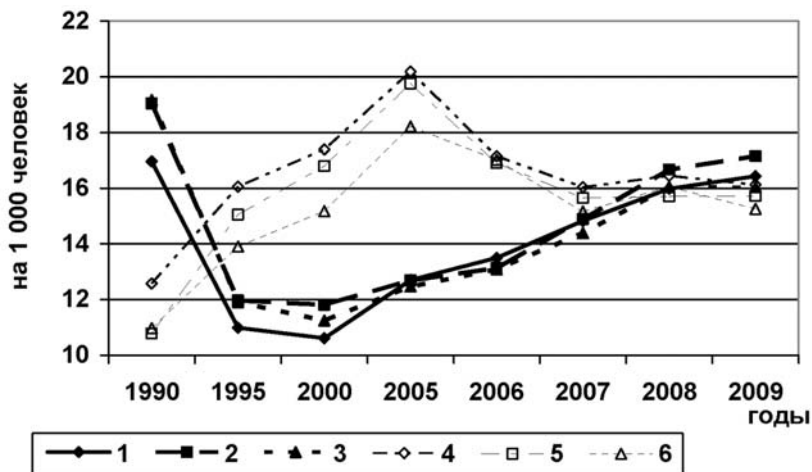

Рис. 3.

Сходные тенденции можно наблюдать и по демографическим показателям. Значительный рост рождаемости за 1995–2009 гг. отмечался в сельских районах с хорошей ТО — 1,5 раза, тогда как в сельских районах с плохой ТО — 1,3 раза. Наибольший рост общей смертности наблюдался в сельских районах с плохой ТО — 1,1 раза против 1,0 (рис. 3). Расчетные данные до 2015 г., полученные с помощью статистических методов пакета Excel, при условии неизменной ТО показывают сохранение отмеченных тенденций: рост рождаемости в районах с хорошей ТО — 1,8 раза, со средней — 1,6 раза, с плохой ТО — 1,5 раза; рост общей смертности в районах с плохой ТО — 1,4 раза, со средней — 1,3 раза, с хорошей — 1,1 раза.

Неблагополучная во всех отношениях ситуация отражается и на показателях миграционного оттока населения, наибольший рост которого как раз приходится на сельские районы, характеризующиеся средней и плохой ТО — 4,8 и -5,7 против -1,5 (человека на 1000 населения) в районах с хорошей ТО.

Таким образом, на фоне повсеместно низкого уровня жизни сельского населения с ухудшением транспортной обеспеченности

района отмечаются тенденции снижения основных параметров жизнеобеспечения населения. Улучшение транспортно-географического положения и транспортной обеспеченности должно повысить качество жизни сельского населения, уменьшить периферийность сельской «глубинки».

Литература

1. Булаев В.М. Региональные особенности уровня жизни населения (на примере Восточного Забайкалья). — Чита, 1994. — 202 с.
2. Данные ККМИАЦ. Показатели здоровья за 2010 г. Режим доступа: <http://www.kmiac.ru>
3. Заболеваемость населения Забайкальского края за 2008–2009 гг. (статистические материалы) // Министерство здравоохранения и социального развития Забайкальского края, Отдел медицинской статистики ГУЗ МИАЦ. — Чита, 2010. — 147 с.
4. Заболеваемость населения Республики Бурятия за 2008–2009 гг. (статистические материалы) // Министерство здравоохранения РБ, Республиканский медицинский информационно-аналитический центр. — Улан-Удэ, 2010. — 369 с.
5. Корытный Л.М., Башалханова Л.Б., Веселова В.Н. Дискомфортность климата и социально-экономический запрос // ЭКО. 2009. №6. — С. 102–112.
6. Маергойз И.М. Задачи изучения экономико-географического положения // Территориальная структура хозяйства. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 51–64.
7. Муниципальные образования Иркутской области (экономико-статистический сб., часть I) / Иркутскстат. — Иркутск, 2010. — 68 с.
8. Основные показатели работы лечебно-профилактических учреждений Иркутской области: (по данным годовых отчетов лечебно-профилактических учреждений). — Иркутск, 2010. — 90 с.
9. Районы Республики Бурятия. Основные характеристики: Стат. сб. / Бурятстат. — Улан-Удэ, 2010. — 127 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — 996 с.
11. Социально-экономические показатели городских округов и муниципальных районов Красноярского края в 2009 году (статистический сборник, №1–14) / Красноярскстат. — Красноярск, 2010. — 165 с.
12. Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Забайкальского края: Стат. сб. / Забайкалкрайстат. — Чита, 2010. — 144 с.

Шупер В.А., Эм П.П.

РАСШИРЕНИЕ МОСКВЫ: АЛЬТЕРНАТИВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ

Безумное решение об увеличении территории Москвы в 2,35 раза с приданием городу совершенно нелепой формы стало результатом несостоятельности руководства России, отчаявшегося справиться с проблемами столицы. Это скоропалительное и непродуманное решение подвергается широкой критике как проявление недемократического характера существующего режима, способного только к установлению вертикальных связей и неспособного эффективно пользоваться даже ими. Однако критика с научных позиций должна предполагать выдвижение альтернативных проектов и такой проект мог бы быть разработан на основе теории центральных мест (ЦМ).

Классическая теория (ЦМ), основы которой были заложены в 1932 г. Вальтером Кристаллером [5], рассматривала равномерное расселение и поэтому вряд ли могла быть использована для изучения гигантских агломераций. Для этих целей была разработана релятивистская теория ЦМ [3, 4]. Отметим, что эта теория рассматривает городские агломерации как крайние проявления неравномерности сети городского расселения в регионе площадью в 10^4 – 10^5 км². На территориях с равномерным расселением крупные агломерации не возникают даже при отсутствии городов, которые должны были бы образовать второй по величине уровень иерархии, как это имеет место в Венгрии. Сильные сгущения кристаллеровской решетки заставляет отказаться и от выведенного из нее уравнения Беккмманна-Парра¹ [6]. При этом возникает парадоксальная ситуация: в работах по теории ЦМ принято считать, что реальная территория отличается от

¹ Соотношение между размерами ЦМ, принадлежащих к смежным уровням иерархии, описывается уравнением, выведенным в 1958 г. М. Беккмманном и уточненным в 1969 г. Дж. Парром. Оно имеет вид:

$$P_m / P_{m+1} = (K - k) / (1 - k)$$

где P_m — численность населения ЦМ уровня иерархии m ; P_{m+1} — то же для следующего, нижележащего уровня $m+1$ (уровни нумеруются сверху); K — избранный вариант кристаллеровской иерархии (3; 4 или 7 в классической теории) и k — доля ЦМ в населении обслуживаемой им зоны.

идеального пространства теории примерно так же, как реальный газ — от идеального газа, или реальная жидкость — от идеальной жидкости. Соответственно, сопоставление реальности с предсказаниями теории требует введения необходимых поправок. Однако сами эти поправки как бы разрушают аппарат теории, ибо он пригоден только для описания равномерных структур. Разумеется, в громадном большинстве случаев удастся найти выход из этого противоречия с помощью закона больших чисел, когда закономерность проявляется как среднестатистическая величина. Однако, как указывал Ю.А. Шрейдер (1928–1998), закон, почти верный для всех объектов, верен для почти всех объектов. Следует предположить, что «погрешности измерений» во многих случаях свидетельствуют о фундаментальных трудностях классической теории ЦМ.

Рассмотрим соотношение релятивистской и классической теорий ЦМ в аспекте частного принципа соответствия. Очевидно, что характеристическим параметром, связывающим классическую и релятивистскую теории, является уравнение Беккмanna-Парра. При $k \rightarrow 0$ его значение стремится к K . Разумеется, дело не в том, что $k \rightarrow 0$, а в том, что в случае сильного проявления релятивистских эффектов оно вообще теряет смысл, но нельзя не отметить, что именно этот параметр переводит аппарат классической теории в аппарат релятивистской.

Состояние изостатического равновесия выражается уравнением

$$\sum (R_n^t / R_n^e) = m - 1$$

где $\sum (R_n^t / R_n^e)$ — сумма отношений теоретических радиусов к эмпирическим для всех уровней иерархии, а $m - 1$ — число иерархических уровней в системе центральных мест за вычетом первого, представленного одним ЦМ. Подробнее об этом см. в [3, 4].

В наиболее общем виде теоретические выводы сводятся к трем основным положениям. **Первое** состоит в том, что существует функциональная зависимость между пространственной структурой системы ЦМ и распределением населения по уровням кристаллеровской иерархии, причем при разных значениях параметров, выражающих эту зависимость, с большей или меньшей силой проявляются эффекты, но поддающиеся описанию с помощью классической теории ЦМ. В соответствии со **вторым** выводом релятивистская теория ЦМ предоставляет необходимый концептуальный и формальный аппарат для описания этой зависимости, в том числе и в таких «экстремальных» ситуациях как в случае необычайно сильного сгущения сети городов вблизи главного центра и (или) выпадения городов, которые

Показатели изостатического равновесия для случая с «рассеянными» ЦМ 2-го уровня

Год	Доля городского населения (%)	Тип системы	ЦЭР или ЦФО	Число элементов на уровне	Численность населения уровней (тыс. чел.)				Расстояния (км/мин)				Изостатическое равновесие	Примечательность (+/-)
					1	2	3	4	1-2	2-3	3-4			
1989	78,1	K=4	ЦЭР	1-3-12-48	8972	3235	3777	3433	234,5 км	194,7 км	132 км	2,82	+	
		K=5	ЦЭР	1-4-20-100	8972	3761	4942	3216	217 км	158 км	124 км	2,47	-	
2002	79,8	K=4	ЦЭР	1-3-12-48	8389	2873	3808	3626	234,5 км	194,7 км	141 км	2,51	+	
		K=5	ЦЭР	1-4-20-100	8389	3394	4943	3346	217 км	158 км	135 км	2,38	-	
2010	80,9	K=4	ЦЭР	1-3-12-48	11196	3028	3822	4023	234,5 км	194,7 км	136 км	2,71	+	
									301 мин	235 мин	172 мин			
		K=5	ЦЭР	1-4-20-100	11196	3538	4930	3516	217 км	158 км	128 км	2,62	-	
282 мин	153 мин								138 мин					
2030	82	K=4	ЦФО	1-3-12-48	15645	5422	3998	4253	298 км	209 км	143 км	2,52	-	
		K=5	ЦФО	1-4-20-100	15645	6297	5123	3607	285,4 км	166 км	147 км	2,81	+	

Примечание: данные о затратах времени на передвижение соответствуют 2012 г.

должны были бы образовать второй по величине уровень иерархии. **Третий** вывод заключается в том, что даже в условиях более или менее значительного проявления релятивистских эффектов в системах городского расселения при наличии необходимых условий должно устанавливаться состояние изостатического равновесия, причем степень близости к этому состоянию можно интерпретировать как меру устойчивости пространственной структуры систем городского расселения.

«Релятивистская» устойчивость: случай Московского столичного региона

Обратимся теперь к территории, на которой релятивистские эффекты проявляются, пожалуй, в наибольшей степени — к Московскому столичному региону. Эта территория выделена по данным на 1979 г. (к переписи этого года относятся и данные, использованные в расчетах) по критерию целостности систем расселения. Она весьма близка к Центральному экономическому району, но в некоторых случаях имеются расхождения в прохождении границ, впрочем, не очень существенные.

Как уже отмечалось, сеть городского расселения в регионе характеризуется весьма сильным сгущением, которое постепенно перерастает в Московскую агломерацию. Попытаемся разобраться в вопросе, действительно ли Москва вобрала в себя часть населения несуществующих городов второго уровня иерархии и потому перевесила остальные города, как бы стянув к себе всю систему расселения, с помощью классической теории ЦМ. Введем в уравнение Беккмманна-Парра параметры, характеризующие систему расселения исследуемого региона. Эти параметры таковы: $k=0,29$, $K=4$. Число уровней иерархии равно пяти (включая отсутствующий второй). В такой системе ЦМ суммарное население всех ЦМ, кроме главного, должно составлять 157% от населения главного центра. Население же всех городов региона, кроме Москвы, составляет 160% от населения Москвы. Мы видим, что в соответствии с классической теорией ЦМ размеры Москвы даже чуть меньше предсказанных теорией. Таким образом, классическая теория никак не может объяснить сгущения сети городов и как его крайнего проявления — образования Московской агломерации.

Подойдем теперь к этому вопросу с позиции релятивистской теории центральных мест. Как указывалось выше, если пропорции в населении центральных мест, принадлежащих к смежным уровням иерархии, определяются не уравнением Беккмманна-Парра, а K , то насе-

ление всех уровней, кроме первого, должно быть одинаковым. Население же главного центра при $K=4$ будет на треть больше, чем население любого из остальных уровней. В соответствии же с уравнением Беккмманна-Парра численность населения уровней иерархии возрастает от более низких к более высоким, причем тем быстрее, чем выше значение k .

Если мы примем население Москвы (7831 тыс. жит.) как фиксированное, то население третьего, четвертого и пятого уровней должно составлять по 5873 тыс. жит. При этом суммарное население этих уровней иерархии должно составлять 225% от населения Москвы, но реальная численность их населения, как указывалось, составляет только 160% от населения Москвы. В этом и заложена причина сгущения сети городов вокруг Москвы, приводящей к образованию Московской агломерации.

Попробуем теперь количественно оценить результат, полученный нами на качественном уровне. Население различных уровней иерархии (P^n) составляет соответственно: $P^e_3=4471$ тыс. жит., $P^e_4=3982$ тыс. жит., $P^e_5=4055$ тыс.жит. Соответственно теоретические радиусы (R^n) составят: $R^t_3=0,76$, $R^t_4=0,68$, $R^t_5=0,69$. Значения эмпирических радиусов таковы: $P^e_3=0,96$, $P^e_4=0,43$, $P^e_5=0,83$. $\Sigma (R^n/P^n)=3,20$.

Погрешность не очень значительна, и она свидетельствует о том, что система городского расселения региона близка к состоянию изостатического равновесия и потому весьма устойчива. Это состояние достигнуто благодаря очень сильному сгущению в непосредственной близости от Москвы городов четвертого уровня иерархии. Именно это сгущение, которое в некоторой степени является даже избыточным (что и породило отличие показателя $\Sigma (R^n/P^n)$ от теоретически предсказанного значения $3,0$), привело к образованию московской агломерации. Не случайно такие города, как Красногорск, Химки, Серпухов, Калининград, Люберцы, Мытищи, Балашиха, Зеленоград, Щелково и другие спутники Москвы относятся именно к четвертому уровню иерархии.

При этом важно отметить, что Москва отнюдь не взяла на себя функции городов несуществующего второго уровня иерархии Московского столичного региона, ибо не вобрала в себя ту часть их населения, которая связана с выполнением центральных функций второго уровня иерархии. Положение Москвы в этом регионе очень специфично: она несколько не велика для его системы расселения, но именно потому, что очень сильное сгущение сети ЦМ четвертого уровня позволяет этой системе уравновешивать Москву. Однако да-

же такая «экзотическая» система городского расселения со вполне удовлетворительной точностью характеризуется инвариантами релятивистской теории ЦМ.

Московский столичный регион в свете представлений о «рассеянных» центральных местах

Между тем решение прикладных задач требуют использования теории не только в ее описательной, но и в ее конструктивной функции. Эта последняя может быть связана с поиском альтернативы катастрофическому расширению Москвы, вызывающему острое неприятие в географическом научном сообществе. Такой альтернативой могла бы стать «достройка» системы ЦМ Московского столичного региона путем восполнения отсутствующего второго по величине уровня иерархии. Понятно, что речь не может идти о возникновении трех новых ЦМ с людностью в 2–3 млн. жит. Речь может идти о формировании «рассеянных» или рассредоточенных, т.е. многоядерных ЦМ, представление о которых было выдвинуто А.Б. Савченко, функционирующих как единое целое, благодаря прогрессу во внутренних сообщениях. В дальнейшем в расчетах территория Московского столичного региона будет рассматриваться как совпадающая по территории с Центральным экономическим районом (ЦЭР, см. карту 1), что можно считать вполне приемлемым приближением.

Первым из таких рассредоточенных ЦМ были приняты Ярославль-Кострома-Рыбинск (от двух последних городов до Ярославля примерно по 80 км). Население этого рассеянного ЦМ составляет несколько более 1 млн. жит., сюда войдут и малые города, например, Тутаев, имеющий как промышленный потенциал, так и хорошие перспективы развития туризма. При улучшении сообщения внутри этого рассеянного ЦМ, а также при улучшении сообщения Ярославля с Москвой вполне возможно придание этому наднагломерационному образованию функций ЦМ 2-го уровня иерархии, когда Ярославль будет напрямую замкнут на Москву, включая возможность ежедневных трудовых поездок, а Кострома, Рыбинск и более мелкие города в еще большей степени будут замкнуты на Ярославль по ежедневным трудовым миграциям.

Отметим, что уже более 20 лет использование TGV позволяет, например, жителям Тура ездить за 250 км на работу в Париж, затрачивая на поездку по железной дороге 52–54 мин. Понятно, что развитие ярославского аэропорта Туношна будет способствовать выполнению этим городом функций ЦМ 2-го уровня. Отметим также, что авиарейсы из Ярославля в Москву должны вообще отмереть, как давно не

выполняются рейсы из Парижа в Брюссель, отделенный от Парижа даже большим расстоянием, чем Ярославль от Москвы. Они заменены скоростными поездами, идущими непосредственно из аэропорта Руасси-Шарль де Голль, причем время в пути составляет 1 час 25 минут. В любом случае скоростная связь Ярославля с московскими аэропортами будет существенно облегчена после ввода в эксплуатацию нового вокзала в районе Каланчевской площади, откуда будут отправляться аэроэкспрессы во все три московских аэропорта.

Вторым рассеянным ЦМ должно стать наднагломерационное образование Владимир-Ковров-Иваново с населением около 1 млн. жит. Население Иваново в настоящее время несколько превышает население Владимира, но последний развивается быстрее ввиду более благоприятного географического положения. В это рассеянное ЦМ войдут и некоторые более мелкие города, прежде всего, Шуя. Скоростное сообщение, возможно, даже субсидированное, внутри

этого наагломерационного образования, наряду с резким улучшением транспортных связей между Владимиром и Москвой, по мнению авторов, единственное средство преодоления глубокой стагнации Иваново и других промышленных центров Ивановской области. Владимиру же предстоит серьезная конкуренция с Нижним Новгородом, позиции которого усиливаются с введением «Сапсанов» и еще более усилятся, когда эти поезда станут по-настоящему скоростными, т.е. сравнимыми по скорости с TGV². Поэтому ось Владимир-Иваново (примерно 120 км) ему также необходима для усиления своих позиций.

Третьим рассеянным ЦМ должно стать наагломерационное образование, включающее в себя Тулу, Новомосковск, некоторые менее крупные промышленные центры Тульской обл., такие, как Щекино и Узловая, а также Калугу и Обнинск. Его суммарная людность составляет примерно 1,3 млн. жит. Расстояние от Тулы до Калуги около 100 км. Динамично развивающаяся Калужская область должна быть дополнена далеко не в полной мере использующей свой потенциал Тульской. Строительство крупного грузового аэропорта неподалеку от Ефремова с использованием полосы, построенной в советские годы для непредвиденной посадки «Буранов», — весьма плодотворная идея, но необходимы масштабные проекты, предполагающие использование научного, образовательного, технического и культурного потенциала самой Тулы. В целом же «рассеянные» ЦМ могли бы образовать легкий второй уровень, что вполне естественно при тяжелом третьем.

Необходимо особо отметить установленную А.А. Важениным зависимость между уровнем урбанизации (долей городского населения) и типом кристаллеровской иерархии [1, 2]. При доле городского расселения порядка 70–80% уже можно ожидать иерархию с $K=5$, а не с $K=4$. Иерархия с максимальным значением K , а именно $K=7$, может наблюдаться при доле городского населения выше 90%. Следует отметить, что переходные иерархии с $K=5$ и $K=6$ являются «виртуальными» и не допускают графического представления. Отмечаемая многими исследователями «недоношенность» российской урбанизации, конечно же, затягивает переход от $K=4$ к $K=5$, но когда-то он должен

² TGV преодолевает расстояние от Парижа до Лиона за 2 часа, при этом поезда отправляются буквально каждый час или еще чаще. «Сапсан» преодолевает меньшее расстояние от Москвы до Нижнего Новгорода за 4 часа, причем поездов только два в сутки и возвращение в Москву неудобно по времени (поезд в середине дня). При этом стоимость билетов в некоторых случаях выше, чем на TGV Париж-Лион.

произойти. Ранее было показано, что характерные размеры систем ЦМ составляют 104–105 км² и имеют тенденцию к возрастанию с течением времени благодаря прогрессу транспорта. Число уровней иерархии, напротив, имеет тенденцию к сокращению, поскольку развитие транспорта позволяет приобретать товары и услуги в более удаленных ЦМ [3]. Можно ожидать, что в перспективе будут происходить следующие процессы:

1. Переход от иерархии ЦМ с $K=4$ к иерархии с $K=5$;
2. Расширение территории системы ЦМ в первом приближении от ЦЭР к ЦФО, т.е. включение территории Центрально-Черноземного района;
3. Образование четвертого рассеянного ЦМ.

Расчеты, приведенные в таблице, относятся к переписям 1989, 2002 и 2010 гг., а также к перспективе на 2030 г. В последнем случае не рассматривалось расширение Москвы, поскольку наука тут бесстрашна, а предлагаемые построения призваны служить альтернативой ему. Рассеянные ЦМ были ретроспективно вписаны в систему ЦМ с четырьмя уровнями иерархии, и это позволило получить для 1989 г. результаты, согласующиеся с эмпирической реальностью, не хуже, чем в случае с пятью уровнями иерархии при отсутствующем втором уровне для 1979 г. Прогноз на 2030 г. предполагает переход к системе ЦМ с $K=5$, что значительно более соответствует уровню урбанизации 81–82%, при существенном территориальном расширении системы ЦМ — с территории ЦЭР до территории ЦФО — и сокращение числа уровней иерархии с 5 до 4.

При этом на втором уровне кристаллеровской иерархии появляется четвертое рассеянное ЦМ. Это Воронеж-Липецк-Елец (а также ряд городов помельче) с суммарным населением примерно 1,6 млн. жит. Расстояния от Воронежа до Липецка и до Ельца 120–130 км, а от Липецка до Ельца — менее 100 км. Это ЦМ тоже существенно не дотягивает до предписанных теорией размеров, но является самым крупным из четырех рассеянных ЦМ второго уровня. Этот «дефект массы» всех четырех указанных ЦМ свидетельствует о наличии существенного потенциала роста, о способности концентрировать население, покидающее малые и средние города, перехватывая его по пути в Москву. Достигнув более высокого уровня развития, т.е. по сути сложившись как рассеянные ЦМ, они смогут перехватывать и миграционные потоки из других регионов и других стран.

Необходимо отметить «пустые» сектора, показанные на карте 2. Представленная на этой карте картина очень созвучна экономическому ландшафту А. Лёша, в котором чередуются секторы богатые и бед-

ные городами. Если же искать объяснения через внешние факторы, то в случае с северо-западным «пустым» сектором это исторически сложившееся разреженное пространство, дренируемое двумя столицами с обеих сторон. Этот феномен подробно описан в географической литературе. Понятно, что никакой «Сапсан» не поможет переломить эту вековую тенденцию, которую, по-видимому, остается только принять как данность и не растрачивать крайне ограниченные ресурсы, особенно демографические, на нежизнеспособные проекты. Юго-восточный «пустой» сектор связан с концентрацией населения и хозяйственной деятельности вдоль оси Москва–Нижний Новгород. Значение этой оси будет только возрастать, особенно в случае формирования рассеянного ЦМ Владимир–Ковров–Иваново и это с неизбежностью будет оказывать угнетающее влияние на развитие территории к югу от указанной оси. Однако поляризация пространства

стала в современных условиях неизбежной платой за развитие и, более того, будет происходить даже при отсутствии последнего.

Из таблицы следует, что для 1989 г. вариант кристаллеровской иерархии с $K=4$ и тремя рассеянными ЦМ 2-го уровня при четырех уровнях иерархии так же хорошо согласуется с эмпирическими данными, как и вариант с выпадающим вторым уровнем при пяти уровнях иерархии для 1979 г. При этом очевидно, что для 1989 г. вариант с $K=4$ явно предпочтительней, чем с $K=5$. Для 2002 г. результаты неудовлетворительные, как для системы ЦМ с $K=4$, так и для $K=5$, но для $K=4$ они все же лучше. По переписи 2010 г. наблюдается улучшение и для $K=4$, и для $K=5$, но для $K=4$ результаты опять же лучше. И только прогноз на 2030 г. дает хорошие результаты для $K=5$ при неудовлетворительных для $K=4$. Поскольку характерное время структурных преобразований в системах ЦМ составляет десятилетия, полученные результаты позволяют предположить, что система ЦМ Московского столичного региона находится сейчас в состоянии перехода от иерархии с $K=4$ к иерархии с $K=5$, что сопровождается ее пространственным расширением, увеличением числа ЦМ 2-го уровня иерархии и постепенным отмиранием пятого иерархического уровня, представленного малыми городами.

Литература

1. *Важенин А.А.* Устойчивость распределения городских поселений в системах расселения // Изв. РАН. Сер. геогр., 1999, №1. — С. 55–59.
2. *Важенин А.А.* Иерархии центральных мест и закономерности в развитии систем расселения // Изв. РАН. Сер. геогр., 2002, №5. — С. 64–71.
3. *Шупер В.А.* Самоорганизация городского расселения. — М.: Росс. откр. ун-т, 1995.
4. *Шупер В.А.* Релятивистская теория центральных мест и расселение в постиндустриальную эпоху // География мирового развития. Вып. 2. Сб. науч. трудов — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. — С. 177–194.
5. *Christaller W.* Central places in Southern Germany. Englewood Cliffs, N.J., 1966.
6. *Parr J.B.* City hierarchies and the distribution of city size: a reconsideration of Beckmann's contribution // Journ. Reg. Sci., 1969, v. 9, N2. — P. 239–253.

Левинтов А.Е.

СИТКА И ФОРТ-РОСС — АВАНПОСТЫ РУССКОЙ ГЛУБИНКИ В АМЕРИКЕ

Русская колонизация Америки — поучительный пример отечественной модели освоения территорий, основанной на приоритете весьма неясных государственных интересов. Если говорить о загадочной русской душе, то ее, привыкшую жить на то на одной шестой, то на одной седьмой всей суши, пугают, угнетают и смущают расстояния: чем дальше эту душу забрасывает от родного дома, тем сильнее она страдает, теряет волю, впадает в безнадежное пьянство и прочие безобразия. Нам на скудных метрах жилищ и в необозримых километрах территорий присуща трогательная робость быть затерянными и забытыми.

Данная работа — наверно, всё-таки об этом, но на фоне и в декорациях истории отечественных географических предприятий и экспедиций.

Экспедиция Шелихова и создание Российско-Американской компании

Летом 1784 года экспедиция под командованием иркутского купца и промышленника Г.И. Шелихова (1747–1795) высадилась на Алеутских островах. Побуждаемый своей неугомонной и честолубивой женой Натальей, Григорий Шелихов основывает Русскую Америку. Позднее в 1799 г. на базе этого была образована Российско-Американская компания, которая охватывала в своей деятельности Аляску, Алеутские острова, остров Кодияк, остров Ситху, Александровский архипелаг, а еще позже и поселения на тихоокеанском побережье современных США. Управляющим компанией направляется отчаянный негодяй и отвратительнейший тип, каргопольский купец Александр Баранов. К своему проекту Шелихов привлекает своего родственника пехотного офицера Николая Резанова в расчете на наполеоновский план Натальи подключить к этой затее царскую казну.

Миссия Николая Резанова при дворе и организация экспедиции Резанова (первое российское кругосветное путешествие Крузенштерна и Лисянского). Для этой цели Резанов отправляется

с семьей в Петербург, где с помощью другого своего родственника, Гаврилы Романовича Державина, придворного поэта и важного вельможи, становится принятым при дворе.

При родах третьего ребенка умирает молодая двадцатидвухлетняя жена сорокалетнего Резанова Анна, и это обстоятельство приводит в сильное сочувствие молодого царя Александра I. Он не только принимает участие в горестях Резанова, но и решается, вместе со своими братьями и несколькими родственниками вдовствующей императрицы Марии Федоровны сделать огромный вклад в Русскую Америку — свыше трех с половиной миллионов рублей. Кроме того, Александр I велит организовать морскую экспедицию, во главе которой, на несчастье всех назначает пехотного полковника Николая Резанова.

Цель экспедиции — инспекция и, если понадобится, улучшение дел в Российско-Американской компании на Аляске, продвижение русской колонизации до испанской Калифорнии, а попутно — посещение Японии для выяснения вопроса, кому принадлежит Сахалин, и установления с этой загадочной страной дипломатических отношений, ну, и всякие прочие, если повезет, географические открытия земель. Резанов получил по этому поводу весьма высокий придворный чин его высокопревосходительства действительного камергера и должность полномочного посланника в Японию.

Командированные в Лондон Крузенштерн и Лисянский покупают два брига — «Леандру» и «Темзу» аж за 25 тысяч фунтов стерлингов, «суда первостатейные, медью обшитые, недавно строенные и самой новейшей конструкции, ходу имеют до 11 узлов», как указано в их рапорте Адмиралтейству. Правда, в ходе экспедиции выяснилось, что англичане надули нас самым бессовестным образом и оба судна были по сути в аварийном состоянии и уже далеко не новыми. Надули и гамбургские купцы, продавшие испорченную солонину — это было замечено уже по отплытию (такую вонь не заметить было нельзя), но еще в европейских водах. Корабли были переименованы в «Надежду» («Леандра», одна из героинь «Дон Кихота», отличавшаяся необыкновенной красотой) и «Неву» («Темза»)

26 июля 1803 года оба судна вышли из Кронштадта. «Надеждой» (водоизмещение — 450 тонн, по современным меркам просто речная баржа) командовал Крузенштерн, «Невой» (350 т) — Лисянский.

Раздоры и вздорные свары начались еще в Бразилии, когда выяснилось, какие неудачные корабли выбрал Крузенштерн. Он, чувствуя себя весьма уязвленным, всю свою обиду начал изливать на пехотного. Бесконечно удаленные от Родины, офицеры начали интриги

друг против друга, совершенно в духе отечественной глубинки и эмиграции. Свара прекратилась только в Ново-Камчатске, когда местный губернатор, генерал-майор Кошелев потребовал от Крузенштерна публичных извинений и признания главенства Резанова.

Но до того в экспедиции произошло важное событие.

На Гавайях русские корабли получили самый дружеский прием, настолько теплый, что гавайский король стал просить Резанова принять архипелаг под корону российского императора. По совершенно необъяснимым причинам новоиспеченный сановник испугался этой политической сделки и прошел мимо безусловно выгодного для России предложения.

А в Японии, в Нагасаки, куда русские прибыли из Ново-Камчатска на «Надежде», наше посольство потерпело полное фиаско. Не будучи профессиональным дипломатом, не понимая особенностей японской культуры и менталитета, он наделал массу непоправимых ошибок, провалил переговоры и вынужден был покинуть острова ни с чем, затаив мстительную злобу. Позже, на обратном пути из Америки, он учинил военные действия против рыбацких деревень на севере Японии. Его миссия, а главное, его «рыбацкая война» настолько испортила отношения между Россией и Японией, что и спустя двести лет мы не можем их наладить.

Баранов и Ново-Архангельск. Какие русские осваивали Америку? — собственно, те же, что и Сибирь: прежде всего ссыльно-каторжные и их конвой, который по горечи участи мало чем от них отличался. Царь не только вложил деньги в Русско-Американскую компанию — он регулярно и постоянно пополнял ее дармовой рабочей силой. К этой же категории вынужденных освоителей можно отнести и православных священников, которые к обычным своим обязанностям добавляли миссионерские.

Но были здесь и добровольные освоители. Одну группу составляли отчаянные авантюристы, искатели приключений и богатств ниоткуда. Эти по преимуществу промышляли морским зверем, котиком, выбирая из окружающего его гарема секача и отрезая у убитого зверя его гениталии — китайцы с огромной охотой покупали эти высушенные гениталии, считая их наилучшим средством, повышающим мужскую потенцию и продлевающим жизнь. Заботы о брошенном гареме и вообще поголовье морского стада, по мнению этих безжалостных охотников, должен был брать на себя Господь.

Ясно, что всё добываемое этим разбойничьим образом тут же и пропивалось.

Другую группу составляли староверы, уходившие на край света и за край света от преследований церкви и государства. Община староверов на Кадияке: хозяйствующие, а не разбойники, они оказались единственной группой русских, осуществивших освоение Русской Америки. Община староверов существует до сих пор, традиционно занимается рыбной ловлей и подсобным сельским хозяйством, не отступая от своей веры и церкви уже более двухсот лет. Их судьба оказалась более счастливой, нежели участь их единоверцев, дунайских липован. Не советская власть, а наставшие постсоветские безобразия сильно надломили общины липован в Вилково, Килие, Приморском и других поселениях дельты Дуная.

Плавание «Юноны» в Калифорнию. Быстро убедившись в плачевнейшем состоянии дел и буквальном вымирании пригнанных сюда ссыльных, Резанов покупает на корню, с командой и содержимым трюма, шлюп «Юнона» за 69 тысяч испанских пиастров. Трюм был забит провиантом (19 бочек соленой свинины, 4 тысячи фунтов рису, 2 тысячи галлонов патоки, 11 бочек пшеничной муки и т.п.) и английскими отменными тканями, косами, посудой, хозяйственным инвентарем и прочим товаром — 202 тонны необходимейших вещей и материалов. С этим богатством он отправляется в Калифорнию в надежде разжиться хлебом и продовольствием для несчастных Русской Америки, а также попытаться распространить русское влияние на испанскую Калифорнию. Попутно Резанов закладывает шлюп «Авось» для военных действий против японских рыбаков. 1 марта 1806 «Юнона» покинула Ново-Архангельск на острове Ситха, столицу Русской Америки и взяла курс на юго-запад.

В залив Сан-Франциско «Юнона» вошла 30 марта.

Молодой комендант города Луис Аргуэло принял русское посольство с подобающим почтением, а когда выяснилось содержимое трюма «Юноны», особенно о так нужных здесь косах, отношения стали самыми дружескими. 15-летняя сестра коменданта и дочь губернатора Калифорнии Кончита была потрясена внешностью русского сановника, а сам Резанов без ума влюбился в первую красавицу Калифорнии.

Роман развивался невероятно бурно. Разница в возрасте не останавливала влюбленных. Помимо страстей тут имели место и некоторые расчеты: Резанов браком с Кончитой хотел начать переговоры о переходе Калифорнии под российскую корону, Кончита мечтала попасть в европейский город, оказаться в высшем свете.

Получив принципиальное согласие на брак от родственников Кончиты, жених и невеста вынуждены были немного отложить брак

из-за принадлежности к разным христианским конфессиям: Кончита должна была получить разрешение у Папы, Резанов — у императора России.

В начале июня «Юнона» подняла паруса и, набитая провиантом под завязку, направилась в Ситку. Резанов пообещал своей невесте непременно вернуться к ней до Нового года.

В Ситке Резанов завозился с недостроенным «Авосем» и потому прибыл в Охотск только в октябре. Здесь он оставил оба судна для ведения военных действий против японских рыбаков, а сам отправился в Петербург посуху, конями. Под Красноярском он неудачно упал с лошади, сломал ногу и к тому же сильно простыл. 1 марта 1807 года Резанов умер в Красноярском госпитале от воспаления легких.

Кончита долго ждала своего суженого, отвергая все притязания и предложения местных влюбленных в нее. Когда, наконец, до нее дошли неопровержимые вести о смерти жениха, она ушла в монастырь кармелиток. Над Калифорнией испанский флаг сменился мексиканским, а в 1847 году — американским. Кончита Аргуэла скончалась в возрасте 73 лет, сохранив верность Николаю Резанову. Вся Америка рыдала над этой любовной историей.

Форт Росс. В результате визита Резанова Калифорния оказалась открытой для русских: их поселения возникали по всему побережью, вплоть до Сан-Диего. Всего в русских поселениях Русской Америки проживало до 40 тыс. человек. Правда в основном это были крещенные в православии индейцы. Но всё это были эфемерные поселения, существовавшие год-два не более. Дольше всех продержался Форт Росс, что расположен в 50 милях к северу от Сан-Франциско, неподалеку от впадения в океан речки Русской.

В 1812 году по указанию Александра Баранова капитан Кусков с 25 русскими колонистами и 90 аляскинскими алеутами основывает это поселение для промысла и торговли пушниной. В книге «More Than Memory» (история города Монтерея) говорится о том, что русские самым хищническим образом истребляли каланов (местное название этой водяной крысы otters) ради меха этих безобиднейших и очаровательнейших зверьков. Мех шел исключительно на кисточки для китайской каллиграфии, деньги же русские пропивали самым беспощадным образом, не отчисляя ни копейки ни Баранову в Ново-Архангельск, ни тем более в царскую казну. Только с уходом русских поголовье оттеров стало мало-помалу восстанавливаться. Сейчас это — символ Монтерея, испанской и мексиканской столицы Калифорнии.

Землю Кусков купил у индейцев племени кашайя-помо за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги и несколько ниток бус.

Русские построили здесь первые калифорнийские ветряные мельницы, интродуцировали виноград, завезли оконное стекло, построили несколько морских судов (3 брига и одну шхуну общим дедвейтом 800 тонн).

В 1821 году Мексика получила независимость, и русские получили и от нее право на свое существование в Калифорнии.

К 1836 году здесь уже жило 60 русских, 80 крещеных алеутов и около 100 крещеных местных индейцев, приученных к земледелию и хлебопашеству, а также якуты, финны, шведы и даже полинезийцы. Русских женщин тут не было вовсе и потому широкое распространение получили смешанные браки.

В 1824 году были подписаны Русско-американская и Англо-русская конвенции о демаркации владений на Тихоокеанском побережье. В 1841 году Форт Росс был продан мексиканцу Саттеру (в 1848 году Калифорния отошла к США, а в 1849 году в реке Русской и других местах Калифорнии было найдено золото и началась знаменитая Золотая Лихорадка фотинайнеров).

В 1867 году США выкупили у России Аляску за 7,2 млн. долларов.

Адмирал Лазарев. Почему Россия ушла из Америки?

Если Резанов, Шелихов, Баранов и другие представители Российско-Американской компании безбожно врал в своих посланиях царю об успехах освоения Америки, то адмирал (тогда еще лейтенант) Лазарев, побывавший на шлюпе «Суворов» в 1813–14 годах на Аляске и в Калифорнии, честно доложил о происходящих здесь безобразиях, о полной бесперспективности и убыточности компании и в конце концов таки добился ликвидации этой весьма сомнительной и разорительной затеи, подключив великого князя Константина Николаевича. Сам адмирал умер в 1851 году.

Практически сразу после того, как Америка купила Аляску за 7.2 млн. долларов, здесь были найдены огромные залежи угля и золото. В середине 20 века ударили фонтаны аляскинской нефти. Туризм стал главной статьей доходов штата.

Ситка и Форт Росс сегодня. Ново-Архангельск, бывший столицей Аляски с 1808 года и Русской Америки с 1822 года, в 1867 г. переименовывается в Ситку, столица будущего штата в 1906 г. переносится далеко на юг, в Джуно. Русская Америка официально входит в состав сначала Сибирского генерал-губернаторства, а позже (в 1822 г.)

в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1848 году здесь сооружается собор св. Михаила, в 1850-60 годах здесь располагается одна из баз российского Тихоокеанского флота.

Современные полярные круизы обычно включают Ситку в свои маршруты, хотя из-за мелководья здесь возможна только рейдовая стоянка судов.

Мне Ситка, город с 9 тысячами жителей, показался до боли знакомым и очень похожим на наши северные городки, Игарку, Дудинку, Салехард, Лабытнанги, Диксон, Тикси — та же мокрая грязь под ногами, та же неухоженность, те же чахлые березки и прочая мелкая беспородная ботаническая сволочь, единственное отличие — отсутствие пьяниц и бичей.

Местная тайга очень напоминает уссурийскую по типу и составу растительности, даже деревья, кажется, такие же экзотические. Да и вся местность на удивление знакомая — буйство одуванчиков, заросли бузины и бересклета, черничники с голубичниками, рябина, багульник, скромные куртинки незабудок, вполне северный июнь с очень скромным теплом и мелкими сеющими дождиками.

Туризм — это сплошная потемкинская деревня, за которой таится реальная жизнь. Везде, но только не в Америке. В Америке за этими декорациями ничего нет и ничто не происходит. Местное население привыкло жить среди декораций и привыкло чувствовать себя декорацией. Тем и зарабатывает себе на декоративную жизнь. И лишь в Ситке, бывшем Ново-Архангельске, бывшей столице Русской Америки, я почувствовал присутствие недекоративной реальности. Ситка удивительно напоминает наши севера. Не архитектурно, но по духу, по разбросанности вещей во дворе и перед домом, распахнутостью и растерзанностью жилья, безалаберностью микропейзажа, грязью и кривизной дорог и улиц, растрепанностью фигур. Ну, чем не Нарьян-Мар или Урай?

Здесь много и декоративно-русского, псевдо-русского, мниморусского, от которого тошнит и оторопь берет. Жуткий пьяница, бабник и самодур Баранов предстает здесь мудрым правителем и политиком, одноразовый Николай Резанов вообще выпал в осадок неизвестности, на весь город осталось всего две русских семьи, про русских ходят нелепые легенды, а местный казачий ансамбль песни и пляски сколочен, в основном, из негров и азиатов. Но, все-таки, в Ситке хорошо — как на родине побывал. И, разумеется, нашлась лавочка, удаленная от туристских троп, где я купил дивного копчения лосося.

Что касается Форта Росс, то ему ни разу не угрожали внешние враги и все эти бойницы, высоченный тын из секвойи и пушки во дворе оказались лишними.

В 1903 Форт Росс был продан Калифорнийской лиге исторических объектов (*California Historical Landmarks League*), которая в 1906 перепродала его штату Калифорния. Всего через месяц произошло сильнейшее Сан-Францисское землетрясение, разрушившее поселение. К 1916 г. форт был восстановлен с использованием сохранившихся деталей оригинальных зданий. В 1970 году сгорела часовня, через три года восстановленная. Ежегодно Форт-Росс посещают 150 000 человек. В нём проводится в последнюю субботу июля русский фольклорный фестиваль: с молебнами, пушечными выстрелами, хороводами в сарафанах, играми в горелки и «купцы-купцы, а мы к вам пришли», а также — не без этого — обычной американской обжираловкой.

Во время визита Д.А. Медведева в Сан-Франциско лидер довольно бедной страны подарил Шварцнеггеру, калифорнийскому губернатору, несколько миллионов долларов на содержание Форт-Росса. Терминатор был крайне изумлен этим, но деньги, разумеется, взял.

Я часто бывал здесь, в месте пустынном и, в общем, печальном — не прижились мы в славной Калифорнии.

В Форте Росс

Тихо в Форт Россе, пахнет мышами,
Кислой опарой, старинными щами,
Тесом, черняшкою только из печки,
Сухими дровами, домашнею свечкой,
Пламени дрожью и первой пробежкой
огня домового по стылым берестам,
Старческой, сморщенной, дряхлой коростой,
сливочной спелостью девок пшеничных,
светлоголовых, со взглядом из льна,
Ах, как им сладко спится в обнимку!
Яблоком пахнет на стружках осины.
Вдруг по березам листья задрожали,
Желтые листья пряных стихов:
Нет, это чудится — тут эвкалипты.
Словно шифровки из прошлых веков
Шорохи, стуки, печальные песни,

Долгие взгляды, короткие жизни
Слез расставанья с прошедшей Отчизной.

Форт-Росс, июль 2000

Дом Кускова

**Колодец, стены и юго-
западный блокгауз**

Конторы Форт-Росса

**Форт-Росс
в 1828 году**

Литература

1. *Военский К.* Русское посольство в Японию в начале XIX века. «Русская старина», 1898.
2. *Вознесенский А.* Юнона и Авось. Либретто к опере. <http://rezanov.krasu.ru/rozes/libretto.php>
3. *Григорьев В.Г.* Григорий Шелихов. — М., 1952.
4. *Задорнов Н.* К Тихому океану. — М., 1950.
5. *Фон Коцебу О.* Путешествие вокруг света. Санкт-Петербург, 1828.
6. *Кратт И.* Остров Баранова. — М., 1948
7. *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. — М., 1939.
8. *Резанов Н.П.* Письма. «Русский архив», 1866.
9. *Сергиевский Н.* Гишпанская затея. — Нью-Йорк, Russ-Book, 1955. — 268 с.
10. *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании. — Санкт-Петербург, 1863.
11. *Шашков С.С.* Российско-американская компания. — М., 1898
12. *Шелихов Г.* Российского купца именитого рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 год от Охотска по Восточному океану к американским берегам. — Санкт-Петербург, 1791.

Ломакина А.И.

ПРИМОРСКОСТЬ И ГЛУБИННОСТЬ ПРОВИНЦИЙ КАНАДЫ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Типовыми проблемами стран-гигантов являются дифференциация и неизбежно возникающий эффект «трения пространства» [3]. Феномен «трения пространства» связан с необходимостью преодолевать большие расстояния с соответствующими временными и стоимостными затратами. Так формируется глубинка — территория, которая вместе с удаленностью от государственных границ характеризуется оторванностью от наиболее развитых и хорошо освоенных районов собственной страны.

В случае Канады отлично проявляют оба названных эффекта. Различия в природных условиях, особенности конфигурации территории и специфика её географического положения определили существование «канадской ойкумены» — южной приграничной полосы шириной 300–500 км — наиболее освоенной и густо заселенной, где сконцентрировано около 90% населения. Эти же факторы привели к формированию¹ северных территорий, официальная граница которых, по канадскому законодательству, проходит по 60-й параллели.

Историческая специфика освоения территории также повлияла на территориальную организацию населения и хозяйства Канады. «Базой освоения» глубинных территорий Канады выступали не просто южные, а приморские районы страны, наиболее развитые и прогрессивные в экономическом отношении. В результате глубинность территории страны возрастает в том числе и при удалении от побережий, по мере роста транспортно-географической континентальности.

Цель данной работы — выявить приморские и глубинные (континентальные) территории Канады с использованием методики оценки транспортно-географической и транспортно-экономической континентальности.

¹ С точки зрения некоторых североведов, южную границу зоны Севера нельзя считать устойчивой, поскольку «северное удорожание» возникает не только под влиянием факторов природной среды [Агранат].

На первом этапе нами приводится оценка приморского положения Канады с использованием методики Л.А. Безрукова и расчетом степени транспортно-географической континентальности (Ктг) [1]. Такой подход позволяет установить согласованность демографических пропорций страны с океанскими побережьями. На втором этапе мы определяли транспортно-экономическую удаленность различных территорий Канады от морских путей и портов с круглогодичной навигацией. Сопоставление транспортно-географической и транспортно-экономической континентальности Канады позволило определить глубинные территории Канады.

Приморское положение Канады — неочевидный факт. Традиционно изучение приморского положения региона начинается с оценки протяженности его береговой линии. Протяженность береговой линии Канады составляет более 200 тыс. км, что равняется пяти экваторам. По этому показателю Канада занимает первое место в мире и, формально, является самой «приморской страной мира». О выгодном приморском положении Канады свидетельствуют достаточно высокие показатели, полученные в результате расчетов: отношения протяженности береговой линии к длине сухопутных границ (193), отношение протяженности береговой линии к квадратному корню из площади территории страны (22). По последнему показателю она сопоставима с полуостровной Италией (24) и островной Гренландией (20). В то же время такой показатель как доля населения, проживающего в полосе до 100 км от побережья (не более 15%), свидетельствует о существенной удаленности населения Канады, как и в случае с Россией, от Мирового океана [1, 2, 4].

Таким образом, каждый из использованных подходов в отдельности не позволяет обоснованно судить о приморскости положения Канады, а использование их в совокупности ведет к противоречивым результатам. Кроме того, ни один из представленных выше подходов не дает представления о возможности судоходства в окружающих морях и географических различиях в доступности моря от места к месту. А ведь именно потенциал морского судоходства становится в современном глобализирующемся мире фактором конкурентоспособности (ценовой конкуренции) страны на мировом рынке.

Впрочем, близость к морю не всегда позволяет извлечь все известные выгоды. Конфигурация акватории внутренних морей, наличие крупных рек, удобных гаваней для размещения портов, ширина и пропускная способность проливов, ледовая обстановка и другие условия судоходства оказывают большое влияние на интегральную оценку приморского положения и на все развитие приморского реги-

она. Методика Л.А. Безрукова по оценке **транспортно-географической континентальности** учитывает распределение населения в фиксированных зонах различной удаленности от морских побережий и портов с **круглогодичной навигацией** (рис. 1, рис. 2). На первом этапе нами проводилась оценка канадских морей с точки зрения возможностей использования их транспортно-коммуникационных свойств. Канадские берега — это и суровая Арктика (2/3 протяженности береговой линии), и тихоокеанское побережье, удаленное от исторического и демоэкономического центра на тысячи километров, и восточное побережье, омываемое сезоннозамерзающими водами Атлантики. К акваториям океанов, морей и портов, допускающих круглогодичную навигацию, отнесены: побережье Тихого океана (порты Ванкувер, Принс-Руперт) и южное побережье Ньюфаундленда и Новой Шотландии (порты Сент-Джонс, Сент-Джон и Галифакс). Суммарная протяженность побережий, примыкающих к данным полностью свободным от замерзания морским акваториям, не превышает 10% от общей протяженности материкового побережья страны. Если учесть только перечисленные морские побережья и порты с круглогодичной навигацией, то положение Канады относительно морей и океанов выглядит довольно континентальным.

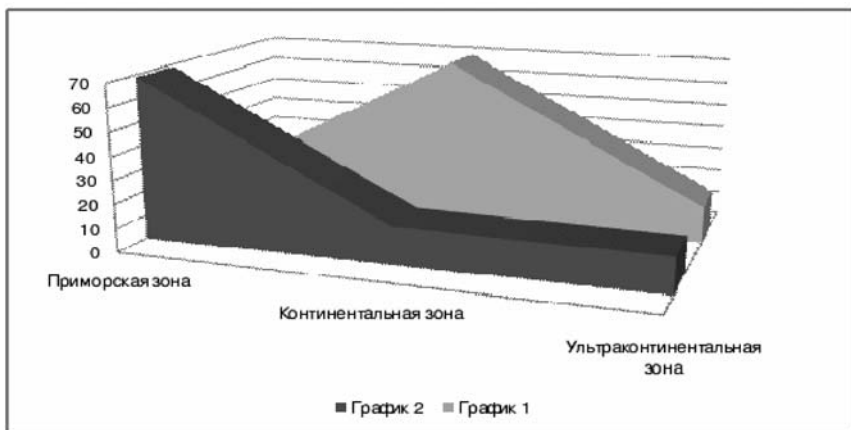

Рис. 1. Транспортно-географическая континентальность городского населения Канады, %

График 1 — распределение населения Канады относительно океанов и морей с круглогодичной навигацией.

График 2 — распределение населения Канады относительно океанов и морей с круглогодичной навигацией с учетом внутренних водных путей, доступных для морских судов. Составлено автором.

На следующем этапе нами проводился расчет показателя транспортно-географической континентальности (Ктг) Канады, который учитывал не только транспортную доступность моря, но и степень заселенности той или иной зоны. Последнее обстоятельство позволяет оценить степень приморскости положения не просто для тех или иных территорий, а для наиболее заселенных территорий. Для анализа нами были выбраны города Канады с населением свыше 20 тыс. чел. Совокупное население этих 105 городов насчитывает почти 22 млн. чел. или около 70% жителей страны. По нашим расчетам, показатель степени транспортно-географической континентальности (Ктг) Канады составляет 24 (что сопоставимо с показателем Ирана — 24, но почти вдвое меньше России — 42).

Исходная причина высокой степени Ктг Канады — макрорасположение страны-гиганта в северной части североамериканского континента. Арктические побережья, формально называемые морскими, в транспортном отношении имеют континентальные свойства, т.к. суда не могут их достичь в течение большей части года. Это предопределило как ограниченность выходов к незамерзающим и открытым морям, так и наличие «массивного» внутриматерикового пространства с гигантскими сухопутными расстояниями. На северном побережье у Канады нет ни одного крупного порта. Даже из сезонных портов местного значения стоит упомянуть разве Туктуаяктук (Порт Брант), Черчилл, Мусони.

На следующем этапе оценки приморского положения Канады нами были учтены крупные внутренние водные пути (судоходные реки, озера и каналы), доступные для морских судов и обладающих круглогодичной (или кратковременно прерывающейся) навигацией. В Канаде к таковым относятся Великие озера, река Св. Лаврентия и одноименный глубоководный морской путь. Морская навигация по глубоководному пути реки Св. Лаврентия и Великих озер стала возможной начиная с 1959 г. в результате продолжавшихся более века работ по углублению естественных водных объектов и строительству шести каналов и пятнадцати шлюзов, связавших воедино это уникальное гидротехническое сооружение. Глубоководный путь позволил морским судам проникать на тысячи километров в глубь материка, непосредственно к промышленному центру североамериканского континента. Круглогодичная навигация стала возможной начиная с 1969 г. и обеспечивается ледокольным флотом до порта Монреаля, в то время как судоходство по Великим озерам и каналам прерывается с начала января до конца марта. Помимо сезонного перерыва в навигации по глубоководному пути есть ограничение по размерам

судов², однако эти особенности навигации не умаляют тех преимуществ приморского положения, которое дает глубоководный путь прилегающим территориям. Подтверждением этому служит размещение 10 из 17 крупнейших портов Канады на Глубоководном пути и реке Св. Лаврентия. Суммарный грузооборот канадских портов на морских внутренних путях превысил 135 млн. т. (30% от общеканадского показателя), а объем американо-канадской «озерной» торговли превысил 45 млн. т. (50% объема американо-канадской «морской» торговли) [5, 6].

Учет влияния данного уникального морского пути по внутренним водным объектам позволил скорректировать полученную по основной формуле оценку Ктг: итоговый показатель составил 9, что на 60% меньше изначальной оценки. Эта поправка позволила отнести Канаду к типу стран с **низкой степенью континентальности**, к которым относятся, например, Аргентина (4,8) и Италия (2,6).

Характеристика зон удаленности

Проведенное нами зонирование Квебека позволяет получить более детальное представление о территориальных различиях в степени приморскости и глубинности его отдельных районов.

Анализ показал, что **приморская зона**, занимая менее 10% территории Канады, вмещает более 75% населения страны. Особенностью размещения населения Канады в этой зоне является его концентрация не на океанических побережьях, а вдоль внутренней водной системы Великих озер и реки Св. Лаврентия. Открытие морской навигации по этой внутренней водной системе сделало крупнейшие канадские города Торонто и Гамильтон, Монреаль и Квебек «прибрежными», фактически морскими портами (рис. 1).

Глубоководный путь стал важнейшим элементом опорного каркаса территории, аккумулирующим все выгоды приморского положения. Здесь расположено 18 из 40 канадских агломераций с численностью населения свыше 100 тыс. жителей. Все они входят в обширную урбанизированную зону «**Коридор Квебек Сити — Уинсор**», протянувшуюся вдоль глубоководного пути. Данный мегарайон протяжен-

² Лейкеры — суда, курсирующие по глубоководному пути и выходящие в океан, соответствуют параметрам Seawaymax: их максимальная грузоподъемность не превышает 28 тыс., а габариты определяются пропускными характеристиками канала Велланд. В то же время по р. Св. Лаврентия до порта Монреаля поднимаются суда грузоподъемностью до 65 тыс. т. (контейнеровозы 3 и 4 поколения), а на просторах Великих озер и по крупным каналам курсируют суда с рекордной грузоподъемностью свыше 72 тыс. т. [6].

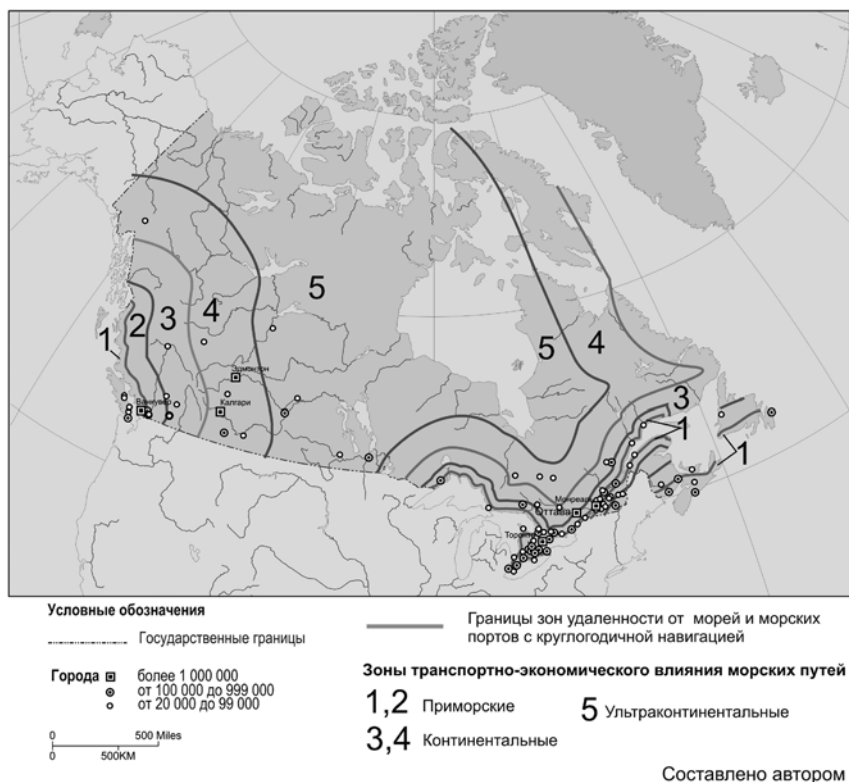

Рис. 2. Распределение городов Канады по зонам удаленности от путей с круглогодичной морской навигацией.

ностью свыше 1 тыс. км. сосредотачивает более 50% населения и более 60% ВВП Канады [4]. Своим образованием он также в значительной мере обязан воднотранспортной системе реки Св. Лаврентия и Великих озер.

Непосредственно на океанических побережьях расположен экономический центр канадского тихоокеанского региона **Большой Ванкувер** с населением более 2,3 млн. человек — это третья по численности населения агломерация Канады. Ванкувер является конечным и отправным пунктом трансканадского торгово-транспортного коридора. Промышленный «бум» в Юго-Восточной Азии в последней четверти XX в. привел к резкому росту судоходства в Тихом океане, что придало импульс к динамичному урбанистическому и экономическому развитию Ванкувера как главных ворот к Азиатско-Тихоокеан-

скому региону. В 2009 г. грузооборот порта превысил 100 млн. т., на сегодняшний день это единственный мировой порт Канады.

В приморской зоне Атлантического океана расположены агломерации Галифакса, Сент-Джона и Кейп-Бретона, Сент-Джонса и Монктона. Их экономика теснейшим образом связана с различными отраслями морского хозяйства. Крупнейшим городом является Галифакс — морской порт с грузооборотом свыше 10 млн. т., судостроение и добыча шельфового газа — важнейшие отрасли города и провинции. Сент-Джон — крупнейший порт атлантического побережья с грузооборотом свыше 25 млн. т. До открытия глубоководного пути этот порт, расположенный в заливе Фанди, выполнял функции «зимнего аванпорта» Монреаля, с которым его связывает железная дорога. Начиная с 2009 г. здесь функционирует терминал сжиженного природного газа (СПГ). Сент-Джонс — старейшее британское поселение в Северной Америке, на протяжении долгого времени город выступал крупным центром рыбной промышленности, однако после коллапса рыбной ловли в 1990-х гг. главной отраслью морехозяйства региона стала разработка шельфовых месторождений нефти. Динамичное урбанистическое и экономическое развитие этих агломераций во многом обеспечивается использованием ресурсов и транспортных возможностей океана для осуществления внешних и внутренних связей водным путем, в то же время окраинное положение и удаленность от экономического центра сдерживают их развитие.

Континентальная зона, на которую приходится 40% территории страны, вмещает чуть более 16% населения. В континентальной зоне находятся такие крупнейшие городские агломерации-миллионеры как Эдмонтон и Калгари. Их возникновение в последней четверти XIX в. связано с приходом железных дорог, а современное динамичное развитие обязано добыче и экспорту нефти и газа. Урбанизированная полоса, протянувшаяся на 300 км с севера на юг и получившая название **«Коридор Калгари — Эдмонтон»**, самый населенный район между Торонто и Ванкувером. Здесь проживает более 2,7 млн. человек, т.е. 75% населения провинции. Глубинный характер их географического положения с лихвой компенсируется высокой ликвидностью добываемого сырья. Данный регион является одним из наиболее динамично развивающихся и «богатых» в Канаде, о чем свидетельствуют душевые показатели ВВП, на 40% превышающие показатели прочих канадских городов [5]. Положительным фактором выступает благоприятное внутриконтинентальное соседство, подкрепленное высоким уровнем открытости границ и их хорошей транспортной проницаемостью. Впрочем, главным каналом экспорта выступают не

железнодорожные и автомобильные магистрали, а разветвленная сеть трубопроводов. Все это позволяет Альберте компенсировать свое внутриконтинентальное положение и успешно конкурировать на рынке топливных ресурсов.

Ультраконтинентальная зона, занимающая более половины площади страны, вмещает лишь 7% её населения, здесь расположены такие крупные городские центры как Виннипег, Саскатун и Реджайна. Крупнейшей агломерацией этой зоны является столица Манитобы **Виннипег**. Город образовался как торговая площадка и транспортно-распределительный узел, эти функции сохранились за ним и сегодня. Железные дороги создали Виннипег, который получил узловое значение и стал воротами к обширной внутренней области: все товары, приходящие с востока, распределяются здесь, и все товары с запада привозятся сюда для отправки в другие районы. Виннипег — крупнейший город Манитобы, имеющий наилучшую транспортную связь, не только с различными уголками провинции и Канады, но и с США. Уникальность его транспортно-географического положения состоит в том, что это единственный город между Ванкувером и Тандер Бэй, имеющий прямое железнодорожное сообщение с США, в результате трансграничный пункт в Эмерсон — самый грузонапряженный внутриконтинентальный переход на 59-ой параллели [6]. Все вышесказанное не позволяет нам отнести данный район к глубинке, несмотря на его ультраконтинентальное положение.

Анализ распределения крупных городов показывает преимущественно приморский характер размещения населения Канады, однако следует оговориться, что объясняется это не только влиянием морского бассейна и связанных с ним внутренних водных путей. Большое влияние на этот «сдвиг к морю» оказали: во-первых, исторические особенности колонизации территории страны (хотя можно ли считать случайным, что заселение и освоение начиналось именно с прибрежных приатлантических районов и с берегов реки Св. Лаврентия). Во-вторых, влияние комплекса природно-географических причин, обусловивших концентрацию населения в южной части страны (средняя территориальная температура Канады — -4.4° , а средняя демографическая³ — $+5.5^{\circ}$) [3]. Наконец концентрация демоэкономического потенциала в приморской (и условно приморской) зоне усиливается и её близким положением к границе с США — главным торговым партнером Канады.

³ Средняя температура для территории, где проживает основная часть населения Канады [3].

Для уточнения районов, испытывающих на практике недостатки континентального положения, следует дополнить представленную выше картину транспортно-экономическими показателями, отражающими дифференциацию транспортных издержек при сухопутных перевозках по суше от морских побережий вглубь континента, что подводит нас к необходимости оценки транспортно-экономической континентальности различных канадских территорий.

Оценка транспортно-экономической континентальности территорий Канады

Используя методику Л.А. Безрукова по оценке «транспортно-экономической континентальности» (Ктэ)⁴ различных городов, нами была составлена картосхема транспортно-экономической удаленности территорий Канады от круглогодичных морских и океанических путей⁵. Сопоставление картосхем Ктг и Ктэ Канады (Рис. 2, Рис. 3) позволило сделать ряд наблюдений, важных для определения труднодоступных районов Канады.

Л.А. Безруков, сопоставив картосхемы Ктэ и Ктг континентов и островов Земли, отметил примерное совпадение изодапаны 20 долл. на 1000 ткм с изодистантой 1000 км, разделяющей континентальную и ультраконтинентальную зоны. Эта изодапана принята за границу, отделяющую зону незначительной и средней «экономической» удаленности от зоны значительной удаленности от морских путей. Наша уточненная картосхема для Канады позволила определить некоторые особенности транспортно-экономического положения её отдельных регионов и, как следствие, выявить канадскую «глубинку».

Сопоставление вышеуказанных изолиний выявило ряд отличий при сохранении общемировой тенденции. В восточной части Канады наблюдается примерное совпадение их рисунков. Это свидетельствует о постоянстве влияния Глубоководного пути Великих озер и р. Св. Лаврентия, доходные ставки которого в 7 раз ниже по сравнению с железными дорогами и в 70 раз меньше по сравнению с автомобильным транспортом [6]. В то же время в западной части Канады изодапана в 20 дол./т проходит значительно южнее изодистанты 1000 км, это говорит о том, что транспортно-географическая конти-

⁴ Удаленность морских и океанических путей с круглогодичной навигацией, в долларах на 1 тонну при перемещении на 1000 км.

⁵ Для построения картосхемы мы провели оценку экономической удаленности порядка тридцати населенных пунктов, основываясь на показателях средних доходных ставок от перевозок грузов основными универсальными видами транспорта и картах путей сообщения [1, 6].

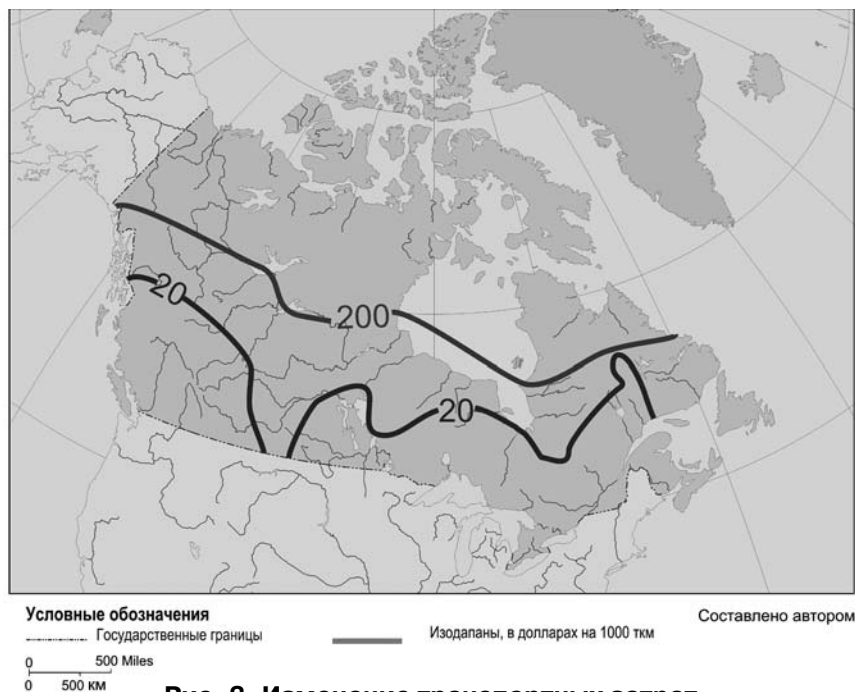

Рис. 3. Изменение транспортных затрат при перемещении 1 т груза на 1000 км, в долларах.

нентальность здесь усиливается транспортно-экономическими факторами, а именно отсутствием железных дорог. Ультраконтинентальная транспортно-экономическая зона существенно уже, что объясняется действием низких доходных ставок (тарифов) на перевозки по железнодорожным магистралям Трансканадского транспортного коридора.

На картосхеме (рис. 3) видно, что **зона незначительной и средней транспортно-экономической удаленности** от круглогодичных морских путей протягивается широкой полосой в южной части Канады от Тихого до Атлантического океана. Эта полоса совпадает с упомянутой выше канадской «ойкуменой» — здесь проживает около 90% населения, сосредоточено почти 90% ВВП, наблюдается наибольшая плотность транспортной сети. Каркасом мультимодальной транспортной сети служат трансконтинентальные железнодорожные магистрали с относительно дешевыми тарифами: их использование позволяет уменьшить недостатки внутриматерикового положения отдельных провинций (Альберты и Манитобы). Эффект железнодорож-

ных магистралей проявляется и в довольно маленьком градиенте степени континентальности в южной части Канады. Зона незначительной и средней транспортно-экономической удаленности прерывается в районе провинции Саскачеван — её территория наиболее удалена от морских путей, и преодоление значительных сухопутных расстояний даже железнодорожным транспортом не в состоянии смягчить степень её континентальности.

Именно зону **значительной транспортно-экономической удаленности** следует относить к глубинной труднодоступной территории Канады. Суммарная площадь этой зоны составила порядка 60% территории Канады: в неё полностью вошли канадский Север, северные районы провинций Квебек, Онтарио, Манитоба, Альберта и почти полностью провинция Саскачеван. Выход изодапаны 20 дол./т. за пределы ультраконтинентальной зоны объясняется низким уровнем транспортно-инфраструктурной обеспеченности северных территорий и отсутствием железнодорожных магистралей. Лишь немногие населенные пункты Севера связаны с южной частью Канады автомобильными дорогами, многие поселения не имеют альтернативы авиасообщению. Самым невыгодным ТГП отличаются районы канадского Севера, у которых транспортные схемы состоят из нескольких звеньев и включают сезонные пути (автозимники и малые водные пути). Все указанные виды транспорта отличаются самыми высокими доходными ставками, что неизбежно увеличивают степень транспортно-экономической континентальности, которая нарастает в направлении с юга на север с большим градиентом. Транспортная доступность канадского Севера меняется в зависимости от сезона: в период летней навигации его транспортная доступность улучшается (и удешевляется), именно в течение 4 летних месяцев осуществляются грузовые поставки в северные регионы. Это показывает, что даже данные ультраконтинентальные территории зависят от поставок морским транспортом.

Проведенное исследование показывает, что беглого взгляда на карту или данных о протяженности береговой линии недостаточно для оценки приморского положения страны или региона. Как моря, недоступные для судоходства, не несут эффекта приморскости, так и внутренние водные пути, на тысячи километров удаленные от морей, но доступные для морского судоходства, позволяют по возникающим эффектам отнести территорию к приморским регионам.

Обустроив внутренний морской путь с круглогодичной навигацией, канадцы сами сделали свою страну морской и успешно используют преимущества своего приморского положения.

Для преодоления гигантских сухопутных расстояний и «сшивки» пространства в Канаде были построены железные дороги, позволяющие «смягчить» её континентальность и преодолеть недостатки внутриматерикового положения отдельных районов.

Литература

1. *Безруков Л.А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. — 369 с.
2. *Гладкий Ю.Н.* Сравнительный подход к оценке географического положения африканских стран // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. — Л.: Изд-во ГО СССР, 1984. — С. 127–145.
3. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 369 с.
4. *Gallup J.L., Sachs J.D., Mellinger A.* Geography and Economic Development. 1999. — http://www.hks.harvard.edu/var/ezp_site/.../001.pdf
5. Institut de la statistique du Canada. — <http://www.stat.gouv.qc.ca>
6. Les Transports au Canada 2011 — <http://www.tc.gc.ca/fra/politique/rapport-aca-anre2011-index-3010.htm>

Мелентьев Б.В.

ЦЕЛЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННООСВОЕННЫХ И ОТДАЛЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Развитие любой территории осуществляется по конкретным решениям предприятий, корпораций или государства по критерию целесообразности. За государством остаются хозяйственные функции, которые по тем или иным причинам на данный момент не могут эффективно реализовываться действующим механизмом экономического регулирования.

Наиболее острыми из многих социально-экономических проблем нашей страны в настоящее время являются: потеря воспроизводства новых технологий, потеря многих перерабатывающих производств за последние 20 лет и регрессивная демография в северных,

восточных и многих районах средней полосы. Решение указанных проблем должно проходить на фоне выполнения социальных обязательств, данных на последних выборах, по росту заработной платы в сельском хозяйстве, периферийных городах, низших категорий медицинских работников, преподавателей и ИТР, сокращения разрыва среднемесячной заработной платы между работниками указанных предприятий, преподавателей вузов, академических учреждений и их руководством.

Реализация новых видов техники осуществляется через машиностроительные предприятия. Естественно, что это условность, которая предполагает связанные с ними опытно-конструкторские бюро и исследовательские институты, предлагающие и отрабатывающие опытные образцы. Следует отметить, что указанные структуры могут быть пространственно разобщены, а отрасль машиностроения вообще может не подчиняться принципам классического размещения, когда решения об их создании, реконструкции и модернизации определяются стратегическими целями. Особенно это характерно для оборонного комплекса. Кроме того, помимо требований государственной безопасности, размещение машиностроительных заводов может осуществляться для решения социальных проблем: улучшения условий занятости в определённых населённых пунктах. В политике по возрождению машиностроительных производств, поставки техники обеспечивающей рост производительности, учитывая потерю значительного потенциала производства новой техники, не обойтись без инициативной роли государственных органов и регулируемого импорта.

Речь не может идти о немедленном прекращении поставок современных машин из-за рубежа, а акцентируется вопрос на восстановлении упомянутых структур по созданию новой техники, возможно их создание именно на тех предприятиях куда и поставляется новая зарубежная техника. Очевидно, что давно государство должно было взяться за восстановление этого важнейшего сегмента экономики с учётом современных требований к готовым машинам и созданию высокотехнологичных производств. Тракторист современного трактора, открывая капот, кроме проводов телекоммуникационного управления ничего не видит, автомобилист вообще не имеет доступа к двигателю. Новый центр информационных технологий в г. Новосибирске был инициирован институтами Академии наук федерального подчинения и местной администрацией. Фирмы, работающие в центре, уже не нуждаются в финансировании собственных проектов, а просили лишь помощи по расширению инфраструктуры в районе

размещения. На его нужды из областного и городского бюджетов будет в ближайшие 5 лет потрачено более 10 млрд. руб., а федеральных инвестиций — в 2 раза больше. Другого варианта обозначенной экономической политики на будущее нет, ибо на какие деньги будет покупаться иностранная продукция, когда природные ресурсы вырабатываются или их эффективность по затратам будет не конкурентоспособна.

Безусловно, это комплекс не простых мер, включающий и защиту внутреннего рынка. Так действовали США 150 лет назад, 60 лет — Япония, 40 лет назад — Южная Корея [1]. Как показывает практика, достаточно действенным решением является налоговая поддержка, включая и льготную налогооблагаемую базу на прибыль, если последняя расходуется на эффективную модернизацию. Защита рынка, тоже находящегося в угнетённом состоянии, «не повредит» и остальной части перерабатывающих отраслей, т.к. улучшатся условия занятости и экономической безопасности. Должно быть стыдно, что в продуктовых магазинах больше половины товаров иностранного происхождения (включая воду с французских Альп и Англии, морковь из Израиля), а в промтоварных и хозяйственных магазинах — с маркой «сделано в КНР», остальные в основном того же происхождения, с брендами европейских фирм. Красный Китай накормил и одел всю Россию, и это на момент, когда мы только вошли в ВТО. За прошедшие 20 лет, к сожалению, невидимая для обывателя политика стимулировала эти процессы с периода радикальных экономических реформ, прежде всего, заниженным внешнеторговым курсом рубля: с периода новой России он был просто неприличных соотношений, и до сих пор по оценке экспертов рубль остаётся недооценённым на 25–30%.

Стимулирующие меры нужны и для сельского хозяйства. Но здесь проблема более широкая, чем обеспечение продовольственной безопасности и занятости в деревне и небольших поселениях. Что особенно нужно подчеркнуть — сельскохозяйственные территории вместе с малыми населёнными пунктами должны быть защищены от агломераций. На внешних к агломерациям землях тоже должен быть определён набор новых небольших производств, занятость в которых должна обеспечивать курс на сокращение дифференциации в уровне жизни. Пока же агломерации вытягивают молодое население из периферии (опустынивание), обезлюдивая прежде заселённые территории. Возврат же среднего класса только на загородное жильё в эти местности увеличивает дифференциацию между новым и реально проживающим населением.

В территориальной политике решения не всегда принимались по экономическим критериям. Если бы не было закрепленных восточных земель и Транссиба, то не было бы крестьян, переселившихся из Украины, Белоруссии и других европейских районов Российской империи, пострадавших от многолетней засухи, освоивших новые сельскохозяйственные территории и обеспечивших здесь рост численности населения; не было бы созданных на этих восточных территориях в 30-е годы индустриальных баз; некуда было бы уходить беженцам из европейской части во время последней войны, не было бы баз производства военной продукции, что в совокупности являлось составляющими обеспечения победы в войне. Или, если бы не были освоены северные тюменские месторождения, то СССР не стала бы великой промышленной державой. То, что создавалось, было, конечно, очень дорого, но оказалось оправданным с точки зрения будущих событий.

Можно понять молодежь, которая уезжает в европейскую часть — экономическая часть благосостояния имеет для них большее значение. Взрослые люди более осторожны, т.к. их список стандартов, составляющих благосостояние шире, и они лучше осознают, что приобретают и что теряют. И самое главное, в оценках опытного поколения больший вес имеет социальная сторона развития. Странно слышать сибирякам от южан: «А что вы тут живете? Здесь же холодно!», как и южанам от северян: «Да тут же жарко и все время хочется воды!» Жить там, где ты родился и вырос — великое благо и важная компонента благосостояния. С этих позиций исторического очага все заселенные районы равны, но естественно не равноценны по условиям жизни.

Возвращаясь к реально действующей «экономной» стратегии развития восточных районов, едва ли является смелым следующее предположение о последствиях такой политики — при дальнейшем сокращении численности населения вся восточная и северная зоны рискуют оказаться в запустении и быть разрушенными «без выстрела». Да сибиряки могут выехать на пустующие земли подмосковных субъектов Федерации и в другие районы европейской части, что спасет Москву и другие крупные города России. Но нет никакой гарантии, что в последующем не произойдет то же самое с территорией нового Подмосковья и прилегающими к городам районами.

Какие здесь возможны пути выхода? Мы не будем детализировать обозначенные предложения по хозяйственному развитию Сибири и Дальнего Востока, изложенные в программах развития районов. Они охватывают широкий спектр комплексных вопросов создания ра-

бочих мест, технологической политики, экономящей труд, продолжение создания инфраструктуры телекоммуникаций, позволяющей работать в любом поселке, дистанционно удаленном от работодателей и потребителей, не чувствуя себя оторванным от современной цивилизации. Кроме того, в них представлены предложения по стимулированию импортозамещения в восточных районах, самостоятельной экспортно-ориентированной политики на географически близкие страны АТР, учитывающей определенную периферийность востока по отношению к европейскому ядру (смягчающей в перспективе опасность закрепления за сибирскими районами «монопольность» функций сырьевого придатка Европы), использованию транспортных коридоров «Европа — Азия» для транзитных грузов, разумных и только взаимовыгодных отношений с Китаем и т.д.

При крайнем неблагоприятном сценарии экономического развития, когда не смогут быть остановлены процессы сокращения веса восточных районов в численности и экономике, государственные местные и федеральные органы должны иметь «в запасе» решения и на этот случай. Мы это рискуем сделать дополнительным предложением по одному из особых социальных направлений государственной политики в контексте упомянутых негативных сторон демографии, а именно, ориентировать восточные районы как на базу улучшения демографической ситуации. Так как население Сибири и Дальнего Востока достаточно неприхотливо, то для реализации названной цели необходимы лишь небольшие средства, т.е. в Сибири проводить такую политику будет дешевле. Меньшие средства на закрепление молодых семей можно найти, если уж нет средств на создание здесь рабочих мест. Существующие методы социальной политики, к сожалению, не срабатывают, и при продолжении их использования демографические тенденции не улучшаются.

Можно назвать эффективные наработки, использованные в Новосибирской, Омской, Томской и других областях в сельской местности. Они охватывают не только решения организационного характера, когда руководителям доплачивается из бюджета, если они переходят в отсталое хозяйство, но и социального, когда молодые семьи получают не прямую безвозмездную денежную помощь, а косвенную — в виде материального кредита: готового дома, техники, земли. Кроме того, оплачивается получение специальности востребованной на селе, если выпускники выбрали здесь работу или просто остались жить. Появился первый здоровый ребенок — списывается кредитный долг за четверть дома, второй — половины дома. Денежные поощрения, а также размеры предоставляемой земли на льготных условиях

должны увеличиваться, если молодые семьи переселяются в места отдалённых или бывших деревень. Здесь же должны быть отменены все налоги и т.д. Конечно, часть выросших детей все равно уедет, но, если население в данных поселениях будет расти быстрее, миграция не нанесёт ущерба существованию этноса данной территории — ущерб от миграции окажется существенно меньше. Что и происходит в Китае, Индии, Пакистане, которые, имея прочные тылы, могут позволить себе, чтобы часть населения сельских территорий уезжала в города и даже другие страны.

Особое внимание в этом плане должно быть обращено на малые поселки и деревни, где более или менее сохранены принципы традиционного образа жизни (потенциальные к затуханию), где нет и не предвидится в ближайшей перспективе рабочих мест товарного производства. Любая предпринимательская деятельность здесь тоже должна быть освобождена от всех налогов. Обычно в сельских районах дети не избалованы комфортом. Жесткие условия выживания, трудовое воспитание, навыки самостоятельной жизни (фактически с малых лет в труде, в тайге, на огороде с нелегкими заботами крестьянского хозяйства) определяют естественные условия типа «трудовых коммун Макаренко». Молодежь, выросшая здесь, больше ориентирована не на ценности потребления, больше свойственные городским, а на самореализацию и продуктивный труд, которому знает цену. Кроме того, сельская молодежь и более адаптивна к изменяющимся условиям, самовывиживаема и склонна к работе в нелегких условиях современного предпринимательства. Они не «потеряются» и в новых для себя условиях и реализуют во многом свои цели, если им вдруг придется выехать с родных мест. Поэтому, удачными, на наш взгляд, являются также находки по созданию семейных домов, аналогичных семейных деревень, передачи детей из детских домов именно в семьи сельской местности, где по образу жизни сохранено трудовое воспитание. Кроме того, периферийная и деревенская ориентация социальной политики более дешевая, так как население там самозанято в ЛПХ. Как и в случае семейных домов, где приемные дети находятся под защитой государства, последнее сохраняло бы опеку над молодыми семьями, попавшими в сферу вышеназванной социальной политики. Такой опыт в нашей стране был. Проводилась же эффективная государственная политика во времена строительства Транссиба: семьи, прибывающие на поселение в восточные районы, имели долговременные льготы по аренде земли, на каждого нового члена семьи давалась дополнительная земля, а юноши освобождались от армии и т.п.

Важнейшая роль в данной стратегии должна отводиться учету свойства многофункциональности периферийного традиционного сельского хозяйства. Оно охватывает сферы от производства продуктов питания до сфер сохранения окружающей среды, национальных, духовных и социальных ценностей, сохранение прежнего народного уклада, передача этого следующим поколениям. На данных территориях сохраняются пока действующие источники народонаселения. В этом жизнеобразующая роль отрасли. Указанные стороны являются непродовольственными функциями сельского хозяйства, не имеют денежной оценки, но исторически с ними связаны. На это не нужно жалеть средств даже путем ограничения продовольственного импорта, на который тратятся многомиллиардные валютные суммы нелегких нефтедолларов, парализующего наше сельское хозяйство. (Ещё в 2001 году импорт продовольствия составлял более 9 млрд. долл. Импорт мяса птицы в новой России устойчиво многие годы превышал собственное производство [2].) Давно настало время и государственного внимания к народонаселению и державообразующей нации, аналогичного, по крайней мере, такому, которое оказывается малочисленным народам Севера и Дальнего Востока. Однако, положение здесь более сложное, т.к. защитить ее, в отличие от малых народов, пока некому, только лишь как самой себя. Известно, что на наметившиеся положительные процессы в значительной мере влияют иммигранты. Поэтому должна быть выработана и особая национально-региональная государственная политика по предотвращению потенциального исчезновения русского и др. этносов демографически депрессивных районов, сохранению их деревенских корней, как доноров города. Эффективность данной политики заключается и в сохранении богатых красок природного разнообразия, характерных для народов исторически населяющих нашу страну.

Как говорят, механизм коллективного самоуничтожения запущен давно, но его еще можно затормозить. Должна быть осуществлена серьезная государственная культурная и, возможно, религиозная интервенция (пока она в этом отношении действенна), ориентированная на достижение отмеченных целей. Следует активней призвать к возвращению наших соотечественников, покинувших в силу политических гонений Россию в разные эпохи, обратиться в частности к староверческим общинам, разбросанным по миру, чтоб направлять молодые семьи в районы проживания их предков (Алтай, Забайкалье, земли по Амуру).

Иметь большие семьи в Сибири и на Востоке должно быть более престижно, быть наивысшим стандартом жизни, и этот нелегкий,

нужный труд должен быть хорошо оплачиваемым по результату, особенно в районах с тяжелым демографическим положением. (Видимо, опекаемые государством молодые здоровые семьи должны заключать с ним договор взаимной ответственности, а государство должно обеспечить особо охраняемый статус безопасности этим семьям и районам.) Отсутствие образования городского уровня не должно быть трагедией для молодых людей. Можно найти достойное и уважаемое место в жизни, создав семью и вырастив здоровых детей. Пропаганда наших СМИ на данные задачи, к сожалению, не ориентирована. Пропагандируются яркие, но ложные стереотипы якобы легкой городской жизни узкого круга людей, при демонстрации хорошо сделанной рекламы девушек подиума, пива, косметики, артистических беззаботных вечеринок, праздничных представлений, которые больше похожи на пышные банкеты и очень далеки от названных нами остро стоящих давно назревших для решения жизненных проблем.

Мы занимаем крайнюю, уже упомянутую позицию — если не удастся создать эффективную товарную цепочку производства (малый рынок) в отдалённых поселениях с поставками потребителю (в торговые сети городов и экспорта), то государство должно обеспечить дополнительно к натуральному хозяйству доходы семьям с тремя и более детьми на ближайшие 15–18 лет. Этот период и отводится на реализацию товарной экономической цепочки преимущественно сельскохозяйственной направленности для отдалённых поселений в периферийные городки или крупные города с подготовкой возможной другой специализации. Для городов же следует оставить специализацию обновления и создания новых видов техники. Положительные демографические процессы здесь будут идти медленнее, чем в отдалённых поселениях.

Литература

1. *Силиванов В.В.* Модернизация дальневосточной экономики: актуальность и условия реализуемости // *Деньги и кредит.* 2012. №1. — С. 54–57.
2. *Гумеров Р.* Как «реализуются» провозглашенные приоритеты аграрной политики // *Российский экономический журнал,* 2003 г. №9–10. — С. 10–15.

Горкина Т.И.

КОНЦЕПЦИЯ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ» ПО ОТНОШЕНИЮ К МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

В данной статье сделана попытка анализа мирового энергетического рынка с точки зрения концепции «центр — периферия», а также теории зависимости, в основе которой лежит утверждение, что ресурсы утекают из периферии в центр (ядро), в результате чего бедные страны (развивающиеся) беднеют, а богатые (экономически развитые) — богатеют. В основе работы лежат статистические данные, которые приводятся в таблице 1. Они дают представление о производстве только коммерческой энергии¹ по регионам с начала XX века, т.е. с того времени, когда начали формироваться национальные и региональные энергетические рынки, постепенно трансформирующиеся в глобальный рынок, который достаточно успешно функционирует в XXI веке. Разбивка по регионам сделана в соответствии с принятой в настоящее время в мировой энергетической статистике региональной сетке. Таблица рассчитана на основании натуральных показателей, выраженных в млн. т нефтяного эквивалента.

В 1900 г. в мире было произведено 519 млн. т энергии. Лидерами в производстве были европейские страны, прежде всего Великобритания, Франция, Германия и Бельгия. Топливо-энергетическая промышленность Европы давала почти 60% мирового производства, страны Северной Америки, главным образом США, — свыше 35% от итога по миру. Эти страны по состоянию на начало века можно рассматривать не только как ядро мировой экономики, но и как ядро мировой энергетики, на долю которого приходилось 93,5% всей произведенной энергии. В это время о полупериферии и периферии можно говорить довольно условно, т.к. производство энергии в этих зонах было незначительно по сравнению с ядром. Ряд регионов — Южная Америка, Африка и Ближний Восток — не принимали участие в мировой энергетике. Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), имеющие соответственно 3,3% и 3,2% производства, образовывали периферию.

¹ В показатель «коммерческая энергия» не входят местные виды топлива — дрова, отходы сельскохозяйственного производства и животноводства и т.п.

Таблица 1.

**Производство коммерческой энергии по регионам
в 1900–2010 гг., %**

Регион	1900 год	1930 год	1950 год	1960 год	1970 год	1980 год	1990 год	2000 год	2010 год
Северная Америка	35,3	47,1	45,6	36,0	35,7	29,0	23,5	23,3	19,7
Южная Америка	*	3,0	6,1	6,5	5,7	4,1	4,3	5,9	5,9
Евразия	61,5	42,1	36,2	31,8	30,0	33,6	30,3	25,1	22,1
Ближний Восток	–	0,6	4,7	7,7	13,3	14,8	13,7	14,6	14,0
Африка	–	0,2	0,3	2,2	5,8	6,0	8,6	7,3	6,7
АТР	3,2	7,0	7,1	15,8	10,1	12,5	19,9	23,8	31,6
МИР, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т.ч. ОЭСР	93,5	85,4	68,6	44,5	44,8	34,0	36,7	39,3	32,3
прочие	6,5	14,6	31,4	55,5	55,2	66,0	63,3	60,7	67,7
ЕС-27	58,2	38,3	26,2	18,5	13,9	14,0	12,0	12,4	8,0
Россия/ б.СССР	3,3	3,8	10,0	13,3	16,1	19,6	18,3	12,7	13,2

* менее 0,1%.

Составлено по [2, 4, 5, 10]

Характерной чертой развития мировой энергетики начала XX в. было абсолютное преобладание угля в мировом топливно-энергетическом балансе (ТЭБ), значительные ресурсы которого были сосредоточены в ведущих промышленных странах. С развитием нефтяной промышленности произошли существенные сдвиги как в структуре ТЭБ, так и в размещении энергетических мощностей. С этого времени можно выделять уже зоны периферии и полупериферии, т.к. все шире стал использоваться обмен энергопотоками между странами, находящимися на различных уровнях политического, экономического и технического развития. Модель «центр — периферия», предложенная И. Валлерстейном в 1974 г. для описания пространственных отношений между странами и районами применима также и к энергетике. [9]

При выделении центра — полупериферии — периферии были использованы следующие параметры: центр — доля в производстве

энергии от итога по миру составляет более 2%; полупериферия — от 0,5% до 1,9%; периферия — менее 0,5%. Состав каждой группы время от времени меняется. Стремление экономически развитых стран (ЭРС) к энергетической безопасности вынуждает их развивать собственную топливно-энергетическую базу на основе новейших технологий, что позволяет им сохранять свое место в центре мировой энергетики, несмотря на рост импорта энергии в большинстве ЭРС. О роли импорта/экспорта в региональной энергетике дает представление такой показатель как «самообеспеченность энергией», рассчитанный как отношение производства к потреблению энергии.

Таблица 2.

**Коэффициент самообеспеченности энергией по регионам
в 1950-2010 гг.**

Регион	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
МИР, всего	1,06	1,07	1,10	1,06	1,06	1,04	1,00
Северная Америка	1,06	1,08	1,05	0,91	0,93	0,82	0,85
Южная Америка	2,74	2,62	1,95	1,36	1,51	1,25	1,16
Европа	0,96	0,90	0,79	0,86	0,90	0,84	0,81
Азия	1,44	1,30	1,26	1,56	1,21	1,19	1,16
Африка	0,78	1,04	2,53	2,71	2,57	2,58	2,15
Океания	0,76	0,63	0,89	1,14	1,53	1,83	2,49
б. СССР/СНГ	1,01	1,03	1,08	1,23	1,18	1,34	1,54

Наиболее зависимыми от импорта энергии стали США и страны Евросоюза. Причины здесь разные. В США импорт стал расти не по причине истощения и/или отсутствия какого-либо ресурса, а исходя из энергетической стратегии страны, направленной на экономию собственных энергетических ресурсов. Тем более что в последние десятилетия на мировом энергетическом рынке предложение превышает спрос за счет выхода на рынок новых энергопоставляющих стран из Азии и Латинской Америки. В Европе же собственные ресурсы давно уже не могут удовлетворить потребности. Зависимость от импорта за период с 1990 г. по 2009 г. возросла на 10% (с 50% до 60%, причем по всем видам энергоресурсов и составляет сейчас по углю 42%, нефти 83%, ПГ 64%). Территориальная структура импорта в Ев-

ропе такова (%): Россия 34, Норвегия 31, Алжир 14, Катар 15, Ливия 3, Нигерия 2, Египет 2, прочие 9. Из европейских стран только Дания полностью обеспечивает себя энергией в значительной части за счет эффективного и интенсивного использования возобновляемой энергетики. В других же странах ЕС удельный вес импорта составляет (в %): Германии 65, Финляндии 55, Франции 52, Великобритании 23. [7]

Исходя из отмеченных выше параметров выделения центра и периферии была составлена таблица 3, в которой в общем виде представлено соотношение «центр — полупериферия — периферия» за период с 1900 г. по 2010 г. Из таблицы видно, что несмотря на снижение доли центра на 20 пунктов за этот период, в мировой энергетике его роль остается очень значимой. Более подробно рассмотрим соотношение сил в мировой энергетике начиная с 1960 г. Быстрый экономический рост 1950–1960-х гг. оказал большое влияние на реформирование социальной сферы, в результате чего повысилось благосостояние населения в ЭРС, что послужило ростом потребления энергии в целом. Начиная с 1970-х гг. темпы роста по потреблению энергии, ВВП и населению находятся приблизительно на одном уровне, лишь по потреблению энергии они несколько выше темпов роста населения [11] Это положение хорошо характеризует такой показатель как коэффициент эластичности, рассчитанный как отношение темпов роста потребления энергии к темпам роста ВВП. Его значения следующие: 1970–1980 гг. — 0,5; 1980–1990 гг. — 0,7; 1990–2000 гг. — 0,9; 2000–2010 гг. — 0,5; 2010–2020 гг. — 0,1. Значение коэффициента меньше 1, но больше 0 показывает, что рост одного фактора вызывает рост другого. Эластичность предложения изменяется как под воздействием НТП, так и из-за качественного и количественного изменения состава используемых ресурсов.

Таблица 3.

**Производство энергии в центре, полупериферии и периферии
в 1900–2010 гг.**

	1900 г.	1930 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
1	83,8	78,2	81,4	75,9	62,9	64,5	61,2	67,6	62,9
2	12,4	16,0	18,2	15,6	10,2	21,2	22,0	21,2	22,4
3	3,8	5,8	0,4	8,5	26,9	14,3	16,8	11,2	14,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1 — центр; 2 — полупериферия; 3 — периферия. Расчет автора.

В 1960 г. в мире было произведено 3,3 млрд. т энергии, что на 45% больше, чем в 1950 г. Ядро мировой энергетики было представлено такими странами как США (28,8%), Канада (17,0%), Китай (10,0%), СССР (8%), Саудовская Аравия (5%), ФРГ (3,7%) и Великобритания (3,4%), а четыре из них — США, Канада, ФРГ и Великобритания — входили в ядро мировой экономики. Страны полупериферии (по мере убывания) Польша, Япония, Франция, ЮАР, Иран, Кувейт, Алжир, Египет, Австралия производили в 5 раз меньше энергии, чем страны ядра. Таким образом, в 1960 г. всего 16 стран обеспечивали мировое хозяйство энергией на 92%.

Перенос ряда экологически грязных производств и производств некоторых массовых товаров за пределы ЭРС в 1970-е гг. вызвал снижение потребления энергии в обрабатывающей промышленности этих стран. Появление новых индустриальных стран (НИС), потребление энергии в которых возросло в среднем в 2 раза, практически не отразилось на мировом балансе потребления. В 1970 г. было произведено 5,2 млрд. т энергии. Соотношение центр — периферия было следующим. Центр — США (27,3%), СССР (12%), Китай (9,2%), Саудовская Аравия (6%), ФРГ (3,3%), Канада (3%), Великобритания (2,1%). Полупериферия — Венесуэла, Иран, Кувейт, Австралия, Франция, Алжир, Мексика, Чехословакия, Нидерланды, Япония, ЮАР. Изменения произошли лишь в группе полупериферии, куда вошли страны-экспортеры нефти и ПГ, а также Япония, которая начала активно внедрять в ТЭБ атомную энергию.

Энергетический кризис 1973 г. изменил тенденции развития энергетики в целом. Началось противостояние между странами-экспортерами и странами-импортерами нефти из ЭРС, которые для обеспечения своей безопасности создали Мировое энергетическое агентство (МЭА) для проведения согласованной политики в случае новых энергетических потрясений. Для уменьшения последствий кризиса в ЭРС были приняты национальные энергетические программы, направленные на экономию энергии и приведение структуры ТЭБ в соответствии с собственной ресурсной базой.

До энергокризиса рост шел за счет разработки крупнейших запасов нефти на Ближнем Востоке и в Северной Африке и запасов природного газа и нефти в США и СССР, а также за счет роста добычи угля в СССР, Китае и Восточной Европе. После энергокризиса большое внимание стали уделять нефтеносным районам, не входящим в систему ОПЕК: Северное море, Аляска, арктические районы Канады и др. После начала добычи углеводородов в Северном море укрепились значение европейских стран, особенно Великобритании

и Норвегии, в мировом энергетическом балансе. Вовлечение в разработку нефтяных месторождений развивающихся стран резко повысило удельный вес периферии за счет вхождения в эту зону азиатских и латиноамериканских стран.

После преодоления последствий энергетического кризиса в мировой энергетике значительно снизились темпы роста в потреблении энергии, началось создание стабильной системы энергоснабжения, знаменующей переход к новому энерго- и ресурсосберегающему типу развития. Энергоемкость ВВП в ЭРС уменьшилась почти на четверть. К началу 1980-х гг. мировой рынок энергии стал более диверсифицирован, приобрел четко выраженный региональный аспект. Сформировались три крупнейших энергетических рынка: европейский, североамериканский и восточно-азиатский; в процессе формирования находились южно-американский и южно-азиатский.

Производство энергии в 1980 г. достигло 7,2 млрд. т, ведущими производителями которой стали (в %): США 23,3; Россия 14,0; Саудовская Аравия 7,8; Китай 6,3; Канада 3,6; Великобритания 3,0; ФРГ 2,5; Венесуэла 2,0; Мексика 2,0. В состав ядра вошли Мексика и Венесуэла, благодаря которым возросла доля центра, а рост полупериферии произошел за счет перехода в эту зону ряда стран периферии из разных регионов мира — из Восточной Европы (Польша и Румыния), СССР (Казахстан, Туркмения, Украина и Узбекистан), Южной Америки (Бразилия и Аргентина), Африки (Египет), Азии (Индия, Индонезия).

В 1990 г. производство энергии составило 9 млрд. т. На долю центра приходилось свыше 60% всей произведенной энергии, в т.ч. (в %): США 18,4; Россия 14,2; Китай 9,8; Саудовская Аравия 4,1; Индия 3,2; Канада 3,0; Великобритания 2,3; Германия 2,1; Мексика 2,1; Иран 2,0. Из состава ядра вышла Венесуэла и прибавились Иран и Индия. В зону полупериферии вошла Малайзия. Дефицит энергии в этот период испытывали в основном ЭРС Европы и США. Территориальный разрыв между производителями и потребителями, приведший к энергетическому кризису, продолжает сохраняться. Однако благодаря усилившемуся международному сотрудничеству и реформированию мировой системы энергоснабжения его влияние на страны значительно уменьшилось.

Распад СССР и СЭВ и вызванный им кризис в бывших социалистических странах повлиял прежде всего на их национальные топливно-энергетический комплексы (ТЭК), а не на объемы энергии, поступающие на мировой рынок. В странах б. СССР падение производства энергии за 1990-2000 г. составило 25%. За этот же период производ-

ство энергии в ЭСР возросло на 14%, в других странах — на 26%, т.е. падение производства в бывших социалистических странах не оказало воздействия на стабильность мирового энергоснабжения. Оно негативно отразилось на экономическом положении самих этих стран, для которых ТЭК играл важную роль в экономике.

С конца XX века все явственнее стало проявляться международное географическое разделение труда в энергетической сфере: деление стран и регионов мира на энергопроизводящие и энергопотребляющие при росте числа «транзитных» государств, через территорию которых осуществляются поставки. Это вызвано высокой территориальной концентрацией традиционных энергоресурсов. Так, на долю 10 ведущих стран по запасам нефти, ПГ и угля приходится соответственно 83%, 76% и 91% мировых запасов.

В 2000 г. производство энергии достигло 9,7 млрд. т, за 100-летний период оно возросло в 20 раз. К началу века увеличилось как число участников центра, так и его доля в мировом производстве — до 67,6%, при этом лидер остался прежним — США (17,2%). Тем не менее, расширился круг участников центра и его состав стал следующим (в %): Китай 11,0; Россия 9,9; Саудовская Аравия 5,0; Канада 3,8; Индия 3,7; Великобритания 2,8; Иран 2,5; Австралия 2,4; Индонезия 2,4; Венесуэла 2,3; Мексика 2,3; Норвегия 2,3. Также увеличилась полупериферия за счет вхождения новичков из периферийной зоны. В ее составе находятся: ОАЭ, Алжир, Бразилия, ЮАР, Германия, Франция, Кувейт, Япония, Чили, Аргентина, Казахстан, Малайзия, Польша, Украина, Египет, Колумбия, Катар, Нидерланды, Узбекистан, Вьетнам, Пакистан, Таиланд, Туркменистан, Пакистан.

За последнее десятилетие ядро существенно сократилось. Главным изменением к 2010 г. стала смена лидера — впервые за более чем столетний период США уступили первое место Китаю. В состав ядра вошли (в %): Китай 17,5; США 14,6; Россия 9,9; Индия 4,7; Саудовская Аравия 4,4; Канада 3,3; Индонезия 2,9; Иран 2,9; Австралия 2,7. В составе полупериферии также произошли изменения — вышли Аргентина, Вьетнам, Малайзия и Пакистан, вошли Азербайджан, Великобритания и Норвегия. Соотношение центр — полупериферия стало соответственно следующим: 62,9% и 22,4%. Таким образом, эти две зоны в сумме дают 85% мирового производства энергии, т.е. столько же, сколько было в 1980 г.

Если сравнить ядро мировой экономики с ядром мировой энергетики, то окажется, что по состоянию на 2010 г. три страны — США, Канада и Австралия присутствуют в обоих случаях. В зоне полупериферии совпадения следующие — Польша, Украина, ЮАР, Мексика,

Бразилия. Как видно из предыдущего, границы зон меняются постоянно из-за смены экономических условий, политических ситуаций и т.п. В то же время можно говорить, что страны из экономического ядра стали участниками полупериферийной энергетической зоны (Франция, Великобритания, Норвегия, Германия, Нидерланды), а члены экономической полупериферийной зоны вошли в состав энергетического ядра — Россия, Китай, Саудовская Аравия, Индия, Мексика, Бразилия. Многие из этих стран или входят, или находятся в непосредственной близости от экономического ядра. Последние имеют высокие темпы экономического роста, обладают значительной ресурсной базой, имеют достаточные финансовые ресурсы, внедряют новые перспективные технологии как на основе собственных НИ-ОКР, так и заимствуя их из центра. Все это позволяет говорить о возможности вхождения в экономический центр ряда полупериферийных стран. Об этом можно судить, исходя из данных таблицы 4 о перспективах потребления энергии по регионам.

Страны, входящие в состав центра и полупериферии мировой энергетики и обеспечивающие на 85% мировые потребности в энергии, можно разделить на три основные группы. К первой относятся США и Россия, имеющие все виды энергоресурсов, запасов которых при современном уровне добычи должно хватить соответственно на 280 и 600 лет. Такие длительные временные рамки объясняются наличием огромных запасов угля. Вторую группу образуют страны, входящие в ОПЕК, где в настоящее время сосредоточено около 80% мировых запасов нефти, которых должно хватить на 80–90 лет добычи. Третья группа представлена странами, имеющими, в основном, значительные запасы угля, которые могут разрабатываться примерно 300 лет: Индия, Австралия, Германия, ЮАР, Казахстан, Украина и Польша. Подобное размещение ТЭР предопределило и соответствующую им территориально-производственную структуру топливно-добывающей промышленности. Несмотря на то, что эти страны, в основном, входят в зоны ядра и полупериферии мировой экономики, увеличивается число стран, экономическое развитие которых не обеспечивается собственными ТЭР. Если в 1990 г. они производили 87% мирового ВВП, то к концу 2000-х гг. их доля увеличилась до 90% за счет роста экономик Китая, Индии и других развивающихся стран.

Доля затрат на энергию в ВВП заметно меняется со временем. Поэтому сейчас на глобальном уровне принимаются меры самого разного характера для предотвращения ситуаций, которые могли бы привести мир к энергетическому кризису нового типа — глобальному. Если доля затрат в мировом ВВП превышает 10%, то в мировой эко-

Таблица 4.

Перспективы потребления энергии по регионам в 1990–2030 гг.

Регион	1990 г.		2010 г.		2020 г		2030 г		*
	Q БТЕ	Доля от итога, %	Q БТЕ	Доля от итога, %	Q БТЕ	Доля от итога, %	Q БТЕ	Доля от итога, %	
Экономически развитые страны									
С.Америки	160,8	29,0	130,3	25,5	145,1	23,9	161,6	23,1	1,1
Европы	69,9	20,0	84,1	16,5	86,1	14,2	89,2	12,7	0,4
Азии	26,6	7,8	39,9	7,8	43,9	7,2	47,2	6,7	0,9
Прочие страны									
Евразии	67,2	19,3	54,7	10,7	64,4	10,6	71,5	10,2	1,4
Азии	47,5	13,7	131,0	25,7	178,8	29,5	227,6	32,5	3,2
Африки	9,5	2,7	16,9	3,3	21,2	3,5	24,9	3,5	2,3
Б.Востока	11,3	3,3	26,3	5,1	32,6	5,4	38,2	5,4	2,3
Л.Америки	14,5	4,2	27,7	5,4	34,8	5,7	41,4	5,9	2,4
Итого, ЭРС	197,3	56,8	254,4	49,8	275,1	45,3	298,0	42,5	0,8
Итого, прочие	150,0	43,2	256,6	50,2	331,8	54,7	403,5	57,5	2,6
МИР, всего	347,3	100,0	511,0	100,0	606,9	100,0	701,5	100,0	1,7

* Среднегодовые темпы роста за 2004–2030 гг., %

[6]

номике начинают происходить кризисные явления, как было, например в 1970–1980 гг. В настоящее время волатильность цен на энергию зависит главным образом от двух факторов — высоких темпов роста потребления энергии в странах новой индустриализации и развивающихся странах и ухудшением сырьевой энергетической базы в ряде ЭРС. При росте цен на энергию усиливается неустойчивость мировой энергетики и мировой экономики. Поэтому сейчас на глобальном уровне принимаются меры самого разного характера для предотвращения ситуаций, которые могли бы привести мир к глобальному энергетическому кризису.

Международные организации, как финансовые, так и энергетические, помимо самообеспеченности энергией все большее значение придают движению за устойчивую энергетику. В это понятие включается следующее: надежность и доступность энергоснабжения, потенциальная емкость экологической системы, управление ресурсами, энергобезопасность, устранение рисков при эксплуатации АЭС, повышение эффективности использования энергии. По методике Всемирного банка были проведены расчеты для классификации стран по уровню устойчивости. В расчетах были учтены все страны, где душевое потребление энергии составляет не менее 30 млн. БТЕ² — всего 110 стран.

На этой основе были выделены три типа стран, имеющих разную степень устойчивости энергетики. В первую высшую группу вошли прежде всего страны, имеющие собственные значительные энергоресурсы, на базе которых были созданы ТЭК, которые в своем развитии адаптируются к современным технологиям — США, Россия, Канада, страны Ближнего Востока, Норвегия, Великобритания, Чехия, Нидерланды, Австралия, Казахстан. Во вторую группу вошло большинство европейских стран и стран бывшего СССР (кроме перечисленных в первой группе), страны Латинской Америки, Северной Африки, Юго-Восточной Азии, бывшие азиатские социалистические страны, ЮАР, Новая Зеландия и Израиль. Третья группа представлена развивающимися странами с низким уровнем жизни. Эта классификация также подтверждает вывод о лидирующей роли в мировой экономике стран энергетического ядра и полупериферии. [1]

В настоящее время человечество подошло к необходимости пересмотра темпов и пропорций развития энергетики, с тем, чтобы добиться снижения удельных значений потребления энергии при неизменных или даже растущих темпов развития экономики и жизненного уровня. Ниже приведем прогноз развития мировой энергетики, представленный МЭА на 2020 г. Этот прогноз — один из многих, подготовленных различными международными организациями, но наиболее вероятный.

Согласно этому прогнозу в ближайшее десятилетие структура потребления энергии мало изменится по сравнению с 2006 г. (в %): 2006 г. — уголь 27,9; нефть 36,8; ПГ 22,0; АЭС 6,7; ГЭС 2,4; биомасса и сельскохозяйственные отходы 3,6; прочие альтернативные виды энергии 0,6. В 2020 г. структура будет соответственно следующей — 30,7; 33,3; 22,0; 5,9; 2,5; 4,1; 1,5. Альтернативные виды энергии не бу-

² Британская тепловая единица соответствует 0,252 Ккал.

Таблица 5.

Прогноз МЭА по потреблению энергии на 2020 г.

Вид энергии	Темпы роста потребления, %		Потребление энергии, млн. т н. э		
	2006-2015 гг.	2015-2020 г.	2006 г.	2008 г.	2020 г.
Уголь	3,1	1,7	3053	3246	4374
Нефть	1,3	0,9	4029	4134	4744
Природный газ	2,1	1,5	2407	2509	3130
Атомная энергия	1,3	0,6	728	747	842
Гидроэнергия	2,3	1,9	261	273	353
Биомасса и с/х отходы	1,7	1,3	396	422	582
Прочие альтернативные виды энергии	10,2	6,4	66	80	215
ВСЕГО			10940	11411	14240

[3]

дут играть значительную роль в удовлетворении спроса, т.к. их доля в 5,6% не окажет практического влияния на мировой ТЭБ, хотя темпы роста в этой категории будут очень высокими (в %): ветровая 28; солнечные фотоэлементы 35; ГеоТЭС 3; геотермальное тепло 19; биомасса 39; биоэтанол 15. Таким образом, соотношение центр — периферия в мировой энергетике к 2020 г. останется на прежнем уровне.

Изменения вероятнее всего будут заметны начиная с 2030 г. По мнению ученых из Орегонского университета (США) рост потребления в развивающихся странах окажет влияние прежде всего на душевые показатели. Если сейчас потребление энергии в США составляет 8 т, то в Китае, Индии, Пакистане и Бангладеше, где проживает почти 3 млрд. чел., оно составляет 0,8 т, т.е., используя их фразеологию, «промышленный человек» потребляет энергии в 10 раз больше «сельскохозяйственного человека». Однако темпы роста в 3% в развивающихся странах не смогут уравнивать душевые показатели между этими двумя категориями, несмотря на то, что темпы роста в ЭРС будут на уровне 0,9%.

Ученые из Орегона также считают, что зависимость от нефти будет продолжаться еще долго, что подтверждается их расчетами по прогнозам запасов нефти. Разрабатываемые сейчас крупнейшие и

крупные месторождения нефти содержат 65% мировых запасов и 60% добычи нефти. Они составляют всего лишь 1% от потенциальных, в какой-то мере гипотетических, запасов. По мере их истощения все больше будут разрабатываться тяжелые нефти и нефтеносные пески, а также повысится значение менее крупных месторождений. Считается, что пик добычи нефти был пройден в мае 2005 г., когда цены на нее выросли почти вдвое. С этого времени, по мнению этих же авторов, началось снижение добычи нефти, которое до конца XXI в. будет снижаться в среднем по 5% в год, при увеличении потребления нефти в странах-экспортерах по 2,5% в год, что вызовет снижение и/или прекращение ее экспорта. Структура ТЭБ в 2005 г. и в 2050 г. представлена в таблице 6. Исходя из этого, предполагается, что эра нефти закончится к началу XXII века. [11]

Диаметрально противоположное мнение по этому поводу имеют ученые из Университета Райса (США). Политическая нестабильность, вызванная революциями на Ближнем Востоке и Северной Африке, повлияет на снижение поставок нефти из этих регионов. Ближний Восток может потерять свое значение в качестве крупнейшего нефтедобывающего района. Геологические изыскания на нефть, проводимые в Северной и Южной Америке, дают надежду на то, что здесь будут открыты такие месторождения нефти, что можно будет говорить о смещении центра нефтедобычи в этот регион. В этой части света есть огромные потенциальные запасы нефти, расположенные как глубоко под водой, так и в сланцах и нефтеносных песках. Такие месторождения пока экономически невыгодно разрабатывать, но новые технологии позволят, вероятно, сделать их доступными уже в обозримом будущем.

Таблица 6.

Структура мирового ТЭБ в 2005 г. 2050 г., %

Год	Уголь	ПГ	Нефть	ГЭС	АЭС	ВЭС	Прочие
2005 г.	28	23	36	6	6	—	1
2050 г.	42	12	11	13	8	12	2

Рассчитано по [11]

Потенциальные запасы нефти (без учета доказанных) в Северной и Южной Америке оцениваются в 500 млрд. т, в т.ч. Канаде 180 млрд. т, США и Латинской Америке — по 150 млрд. т. Для сравнения — потенциальные запасы Ближнего Востока и Северной Африки оцениваются в 90 млрд. т. Бразилия планирует увеличить добычу нефти к 2020 г. до 300 млн. т, т.е. почти до уровня США в 2010 г. (339 млн. т),

которые занимали третье место в мире в 2010 г. после России (505 млн. т) и Саудовской Аравии (468 млн. т). Рост добычи в Бразилии произойдет в основном за счет морских месторождений. Половину добытой нефти предполагается экспортировать, что окажет определенное влияние на международную торговлю нефтью. В этом случае американские производители нефти могут потеснить на мировом энергетическом рынке не только ближневосточные страны, но и Россию, которая возлагает большие надежды на партнерство с США.

Стремление стран к национальной энергетической безопасности и/или к укреплению своей роли на мировом энергорынке в качестве экспортеров может даже в ближайшее десятилетии существенно повлиять на структуру энергетического ядра. В 1980 г. удельный вес ядра в ВВП мировой экономики составлял 26,7%, а ядра в мировой энергетике — 64,5%. В 2010 г. это соотношение составляло 47,5% и 62,9%. Поэтому можно говорить об усилении роли центра мировой энергетики за счет вхождения в него не развивающихся стран, а стран с переходной быстро растущей экономикой. Таким образом, развитие энергетики в будущем будет происходить в основном за счет новых технологий, разрабатываемых прежде всего в ЭРС, а в ядре будут превалировать богатые энергоресурсами страны экономического центра с низкими темпами роста и полупериферии с высокими темпами роста ВВП к 2050 г., что приведет к относительному выравниванию уровней потребления энергии по разным группам стран.

Литература

1. Горкина Т.И. Устойчивая энергетика // Региональные исследования, 2010. №3 (29).
2. Динамика, структура, ресурсная обеспеченность мирового производства первичной энергии и электроэнергии в 1860–2000 гг. (Обзор) — Иркутск, 1980. — 405 с.
3. Data Center — Climate, Energy, and Transportation. IEA — 2008.
4. Energy Balance of OECD Countries 2010.
5. Energy Information Adm. International Energy Annual 2005.
6. Energy Information Adm. International Energy Annual 2010.
7. Eurostate. Key Figures. Market Observatory for Energy. June 2011.
8. Oppenheimer A. Americas to Become Mecca of World's Energy. // The Miami Herald — 15 nov. 2011.
9. Vallerstein I. Modern World System. — vol.1 — Cambridge University Press, 1974.
10. World Bank 2010: Working for a World Free of Poverty.
11. World Energy and Population. Trends to 2100.

Атаев З.А.

МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ (Пензенская область)

Постановка проблемы. Одним из индикаторных показателей цементирующей роли энергетики в условиях социально-экономического «сжатия пространства» и роста «моря периферии» выступает критерий обеспеченности и надежности энергоснабжения. Производственные отношения именно в электроэнергетике наиболее жестко связаны с содержанием территории и динамикой ее развития, т.к. в операционной зоне обслуживания время производства и потребления электроэнергии должны синхронно совпадать.

В рамках только лишь технико-экономических подходов достижение такого прямого соответствия невозможно и требует дополнения географическим подходом, что и позволяет выбрать наиболее эффективный вариант пространственной организации социально-экономических систем различного вида и масштаба. Отсюда вытекает актуальность и постоянство отраслевой проблемы (достижение надежности энергоснабжения) и ее географического аспекта: необходимость динамичной корректировки территориальной организации электроэнергетики. В настоящей статье эти и другие вопросы рассматриваются на примере Пензенской области с целью выявления специфики энергетического пространства и перспективных оптимизационных схем пространственной организации региональной энергосистемы.

Общая характеристика электроэнергетики и территориальная организация региональной (централизованной) энергосистемы. Пензенская область — индустриально развитый регион. Промышленность представлена практически всеми основными отраслями, поэтому, развитие электроэнергетики здесь имеет особое значение. В регионе сосредоточен разнообразный отраслевой потенциал генерации (рис. 1), ныне функционирующий в условиях искусственного разделения (множественность форм собственности и подчинения) объективно единого технологического процесса транспортировки и потребления электрической энергии.

Филиал ОАО «СО ЕЭС» «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Пензенской области» (Пензенское РДУ, созданное в 2003 г.) осуществляет функции диспетчерского управления объектами электроэнергетики на площади 43,3 тыс. кв. км с населением почти 1,4 млн. человек, входит в зону операционной деятельности Филиала ОАО «СО ЕЭС» ОДУ «Средняя Волга». На территории Пензенской области осуществляют свою деятельность три группы электрогенерирующих компаний.

1) Наиболее мощная группа генерации — три ТЭЦ суммарной установленной мощностью 405 МВт. в составе Пензенского филиала ОАО «Территориальная генерирующая компания №6» (далее Пензенский филиал ОАО «ТГК-6») «ТГК-6» создано на базе генерирующих мощностей, расположенных на территории Нижегородской, Владимирской, Ивановской, Пензенской областей и республики Мордовия. Место расположения исполнительного аппарата — Нижний Новгород. В состав Пензенского филиала ОАО ТГК№6 входят: Пензенская ТЭЦ-1 находится в пределах городской черты (установленная электрическая мощность ТЭЦ-1 составляет 385 МВт, тепловая — 1168 Гкал/ч.; основной вид топлива — природный газ Уренгойского месторождения с калорийностью 8060 ккал, резервное топливо — мазут). По ЛЭП-110кВ ТЭЦ-1 связана с ЕЭС России.

Пензенская ТЭЦ-2 размещена в пределах городской черты Пензы. Установленная электрическая мощность ТЭЦ-2 составляет 16 МВт, тепловая — 335,5 Гкал/ч. Основным видом топлива является природный газ Уренгойского месторождения с калорийностью 8060 ккал, резервное топливо — мазут. Связь ТЭЦ-2 с ЕЭС России осуществляется с помощью отпайечных ЛЭП ВЛ-110 кВ — Веселовка 1–2 и ВЛ-110 кВ — Южная 1–2.

2) ЗАО «Кузнецкая ТЭЦ-3», является основным источником теплоснабжения центральной и восточной части г. Кузнецка. Установленная электрическая мощность Кузнецкой ТЭЦ-3 составляет 4 МВт, тепловая мощность — 200 Гкал/ч. Основным видом топлива является природный газ с калорийностью 8060 ккал/м³, резервное топливо — мазут.

Котельная Арбеково также размещена в пределах городской черты, установленная тепловая мощность котельной составляет 432 Гкал/ч. Основным видом топлива является природный газ с калорийностью 8060 ккал, резервное топливо — мазут.

3) Автономная энергетика в регионе представлена тремя блоками станциями предприятий (Каменский, Земетчинский и Бекковский сахарные заводы) суммарной установленной мощностью 18 МВт. Кроме того, на территории Пензенской области успешно функ-

ционирует малая ГЭС мощностью 0,2 МВт на плотине Сурского гидроузла, которая полностью обеспечивает потребности гидроузла в электрической энергии.

Для выявления региональных проблем энергоснабжения, необходимо рассмотреть показатели электробаланса Пензенской области. Из анализа представленного материала вытекает, что по состоянию на 2011 г., в Пензенской области в среднем потребляется примерно 4,570 млрд. кВт·ч электроэнергии при собственном объеме производстве до 1,566 млрд. кВт·ч/год. Соответственно, внутренний дефицит составляет почти — 70%. По итогам 2011 г. доля покупаемой электроэнергии ОАО «Пензаэнергосбыт» на оптовом рынке для потребителей составила 76,59% от общего объема потребления. Таким образом, регион является нетто-импортером электроэнергии и получает ее по ЛЭП 110, 220, 500 кВ из Саратовской и Ульяновской областей (от избыточных региональных энергосистем ОДУ «Средняя Волга»).

Таблица 1.

Структура выработки электроэнергии по типам электростанций и видам собственности (млн. кВт. ч) [10. С. 26]

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего по территории,	1836,8	1678,9	1813,5	1583,4	1500	1565,9 5
ПФ ОАО «ТГК-6»	1810,5	1653,4	1738,9	1517,9	1442,1	1483,8
Пензенская ТЭЦ-1	1756,9	1600,0	1679,5	1454,4	1380,2	1416
Пензенская ТЭЦ-2	53,6	53,4	59,4	63,5	61,9	67,8
ЗАО «Кузнецкая ТЭЦ-3»	19,6	20,0	20,6	19,9	19,7	19,7
Блок-станции:	6,7	5,5	54,96	45,6	38,2	62,45
ОАО «Атмис-сахар»	н/д	н/д	28,0	21,4	21,7	30
ООО «Бековский сахарный завод»	н/д	н/д	13,66	19,3	9,0	18,25
ОАО «Земетчинский сахарный завод»	н/д	н/д	13,3	4,9	7,5	14,2

Большая зависимость от импорта электроэнергии определяет необходимость обзора отраслевой инфраструктуры, т.е. обзор второй составной части региональной энергосистемы — потенциала транспортировки электроэнергии по различным сетевым классам ЛЭП (рис. 1, табл. 2).

Таблица 2.

Электросетевые комплексы Пензенской области (2011 г.)

[5; 10. С. 14–26] *

Классификация электрических подстанций, ед.						
Системообразующие подстанции			Питающие подстанции			Сумма
750 кВ	500 кВ	330 кВ	220 кВ	100 кВ	35 кВ	
—	1	—	6	118	196	321
Длина линий электрических передач, км **						
—	277	—	729	3115	43508	47629

Примечание: Значком (*) — отмечено, что информация таблицы скорректирована с учетом изменений за 2010–2011 гг. [5]. Значком (**) — отмечено, что показатель суммарной длины ЛЭП округлен до целых величин. Все электросетевые комплексы напряжением ≥ 220 кВ, с 2008 года является собственностью ОАО «Холдинг МРСК», представленного в регионе дочерним ОАО «МРСК Центра и Приволжья». Электросетевые комплексы напряжением от 110 кВ и ниже являются собственностью ОАО РСК ТГК №6 (филиал ОАО «МРСК Центра и Приволжья»).

Всего по территории Пензенской области проходят 152 воздушных линий классом напряжения 500/220/110 кВ, а также 150 воздушных ЛЭП 35/110 кВ. Суммарная протяженность всех ВЛ 500, 220, 110 кВ по территории Пензенской области составляет 47629 км. Свыше 21383 км ЛЭП аварийны (45 %), а около 71% потенциала подстанций полностью выработали эксплуатационный ресурс [11.С.8,18]. Системообразующие сети формируют пространственный каркас энергосистем высшего ранга (напряжением ≥ 330 кВ, очень редко ЛЭП–220 кВ). В области такая инфраструктура представлена ПС-500 «Пенза-2» суммарной мощностью 751 МВт и четырьмя ЛЭП–500 кВ транзитного значения (участки дальне-магистральной ПС Вешкайма — Пенза-2 и ЛЭП ВЛ 500 кВ, Тамбовская — Пенза-2, Пенза-2 — Тамбов, рис. 1).

Питающие сети формируют рисунок регионального ранга пространства (ЛЭП 35–110–220 кВ). В Пензенской области такой класс представлен: 6 подстанциями 220 кВ (суммарной мощностью — 1000 МВА, табл. 3).

Таблица 3.

Перечень ЛЭП — 220 кВ Пензенской области [10. С. 25–26]

№ п/п	Класс напряжения, кВ, наименование ВЛ.	Протяженность, км.
1	ВЛ 220 кВ Пенза-1 – Ключики I цепь с отпайкой на ПС Кузнецк	168,7
	(ВЛ 220 кВ Пенза – Ключики-1)	
2	ВЛ 220 кВ Пенза-1 – Ключики II цепь с отпайкой на ПС Кузнецк	159
	(ВЛ 220 кВ Пенза – Ключики-2)	
3	ВЛ 220 кВ Пенза-2 – Пенза-1	46,3
	(ВЛ 220 кВ Октябрьская)	
4	ВЛ 220 кВ Пенза-2 – Пачелма	108,8
	(ВЛ 220 кВ Пенза – Пачелма)	
5	ВЛ 220 кВ Пенза-2 – Рузаевка	112,8
	(ВЛ 220 кВ Пенза – Рузаевка)	
6	ВЛ 220 кВ Пенза-2 – Сердобск	99,5
	(ВЛ 220 кВ Пенза – Сердобск)	
7	ВЛ 220 кВ Ртищево – Сердобск	34,2

Питающий класс ЛЭП-110 кВ, насчитывает 118 трансформаторных подстанций и распределительных устройств электростанций с суммарной мощностью трансформаторов 4224 МВА. В соседние региона «выходят» 16 ЛЭП класса 110–550 кВ (в одноцепном исчислении): в Республику Мордовия, Ульяновскую, Саратовскую, и Тамбовскую области (табл. 4).

Распределительные сети — это основа формирования конфигурации локального энергетического пространства (0,4–6,0–10,0 кВ). На балансе ОАО «Пензаэнерго» состоит 6 524 — ТП 6-10/0,4 кВ, уста-

Таблица 4.

Внешние связи энергосистемы Пензенской области

Энергосистема	Диспетчерское наименование линий связи
ОЗ Саратовского РДУ:	ВЛ 220 кВ Ртищево–Сердобск ВЛ 110 кВ Ртищево–Сердобск
ОЗ Ульяновского РДУ:	ВЛ 500 кВ Вешкайма– Пенза – 2 ВЛ 220 кВ Ключики – Пенза-1 I и II цепи с отпайками на ПС Кузнецк; ВЛ 110 кВ Ключики – Евлашево; ВЛ 110кВ Ключики – Никулино с отпайкой на ПС Никулино; ВЛ 110 кВ Ночка – Никольск, I и II цепи (тупиковые ВЛ)
ОЗ Мордовского РДУ	ВЛ 220 кВ Пенза-2 – Рузаевка; ВЛ 110 кВ Рузаевка – Исса; ВЛ 110кВ Рузаевка – Медведовка тяговая;
ОЗ Тамбовского РДУ	ВЛ 500 кВ Тамбовская – Пенза – 2; ВЛ 110 кВ Соседка - правая (Соседка-Рассказовская, нормально отключена с ПС Соседка); ВЛ 110 кВ Соседка - левая (Соседка-Нащекинская, нормально отключена с ПС Соседка)

новленной мощностью более 929 МВА. Протяженность воздушных линий по цепям: 32 627 км, а кабельных линий по трассе: 114,3 км. Весь потенциал сетевых комплексов обслуживается пятью предприятиями электрических сетей ОАО «Пензаэнерго»: Каменские электрические сети (обслуживает Башмаковский, Белинский, Волчковский, Каменский, Пачелмский районы); Кузнецкие электрические сети (Городищенский, Камешкирский, Кузнецкий, Лопатинский, Неверкинский, Никольский, Сосновоборский районы); Нижнеломовские электрические сети (Вадинский, Заметчинский, Наровчатский, Нижнеломовский районы); Сердобское электрические сети (Бековский, Колышлейский, Кондольский, Малосердобинский, Сердобский, Тамалинский районы); Пензенские электрические сети (Бессоновский, Иссинский, Лунинский, Мокшанский, Пензенский, Шемышейский районы).

Выводы по региональной энергосистеме: Пензенская область дефицитна более чем на 70% по мощности и объему генерации элек-

троэнергии; в регионе прогнозируем дальнейший рост энергодефицитности по причине износа отраслевых фондов и, отсутствия планов наращивания собственной генерации. Такая ситуация, провоцирует обострение проблемы надежности энергоснабжения потребителей и определяет необходимость анализа топологии зоны обслуживания региональной энергосистемы.

Методология топологического расчленения региональной энергосистемы, выявление энергетического каркаса территории и анализ уровня надежности энергоснабжения базируется на морфологическом подходе изучения энергоузлов и сетей на основе научных положений математической теории графов О. Оре [3], с целью решения задачи управления режимами работы энергосистем [2; 6–7; 9]. Из этих работ заимствованы и некоторые методы адаптации понятий математической теории графов применительно к анализу энергетического пространства энергосистемы (рис. 2).

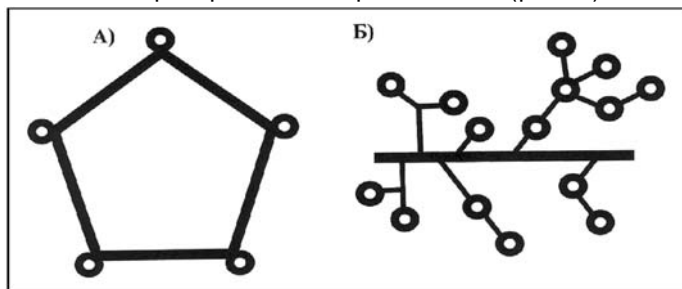

Рис. 2. Структурные элементы энергетического пространства

[1. С. 34]

А — цикл. Б — ветвь-дерево.

Пунсон «вершина» сети представлена энергетическим узлом в составе: электростанция / подстанция. «Ребро» электрической сети, или транспортный перегон, представлено линией электрических передач между энергетическими узлами.

Для реализации морфологического подхода за основу анализа принят питающий класс ЛЭП, а для структурирования сетевых образований использована предложенная С.А. Тарховым методика описания топологического строения сетей сухопутного транспорта и их морфологического расчленения на циклические ярусы [8. С. 47–53]. Первый топологический ярус ЛЭП формирует главный остов сети, он определен круговым обходом вдоль внешней периферии всех циклов региональной энергосистемы, имеющие хотя бы одну общую вершину или ребро с внешней границей остова (рис. 1). Вторым и третий то-

пологический ярус выделен также методом обхода вкруговую, но уже вдоль внутренней границы предыдущего яруса.

Сопряженный анализ данных и рис. 1 свидетельствует, что энергосистема Пензенской области, структурно включает четыре крупных энергоузла: Пензенский, Кузнецкий, Сердобский и Северо-Западный. Главный остов питающей сети является внешней границей энергосистемы (оконтуривает зону наибольшего освоения). Метрика циклов по ярусам позволяет выделить зоны относительно гарантированного энергообеспечения (сгущение циклов — вектор «сжатия пространства»). Сама дифференциация энергопространства отражает главные полосы развития региона с многофункциональными транспортными жгутами. Так, ЛЭП 110–220 кВ «лучами» расходятся от главных узлов генерации энергосистемы (Пензенский, Кузнецкий, Сердобский и Северо-Западный энергоузлов) и идут почти параллельно полимагистралям.

Сочетание морфологических образований в главном остова питающей ЛЭП проявляется сгущением сетевых циклов и их вытянутостью вдоль магистральных железных (Москва — Пенза — Самара — Оренбург — Казахстан; Москва — Пенза — Саратов — Волгоград — Казахстан и др.) и автомобильных дорог и федерального значения М5 (Рязань — Пенза — Сызрань — Самара). и др.

Анализ начертания питающей электрической инфраструктуры свидетельствует о высоком уровне централизации (вертикаль) и соответственно, надежности региональной энергосистемы. Однако вывод требует проверки на условно горизонтальном уровне организации энергетического пространства, для этого использована методика выбора типа управляющей структуры сетевыми комплексами энергосистемы (рис. 3).

Геосетевой анализ рис. 1–3 свидетельствует, что высокая морфологическая мозаичность сети определяет невысокий уровень горизонтальной интеграции энергосистемы. Так в зоне доминирования древовидных сетей характерен строго-централизованный тип управляющей структуры сетями с *очень низкой надежностью* энергоснабжения (4/5 площади области). С внутренней стороны первого топоруса (еще 30–35% площади) доминирует централизованный тип управления с низкой надежностью снабжения.

Следовательно, с точки зрения надежности функционирования питающих ЛЭП, почти 2/3 площади Пензенской области можно признать проблемной в случае возникновения каскадной аварии в энергосистеме. В связи с этим периферийные, приграничные и глубинные части региона представляют собой зоны, наиболее подверженные обострению энергетических проблем. Особенно это заметно на сты-

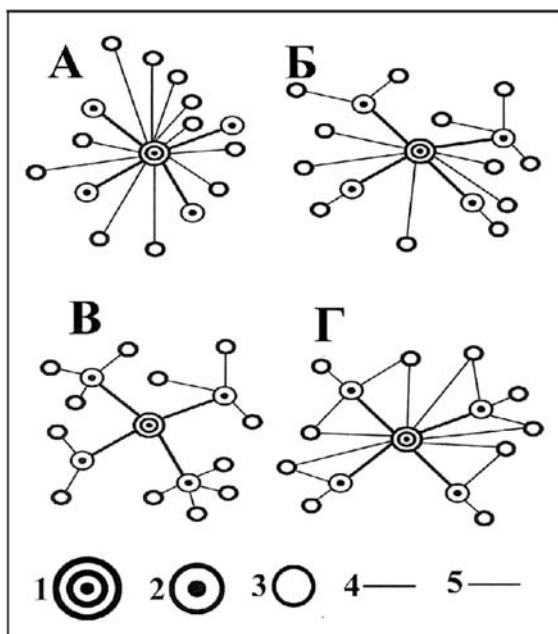

Рис. 3. Графы, отражающие типы и свойства управляющей структуры энергетической системы

(по В.М. Чебану, А.К. Ландману)

1–3 — энергетические узлы различной мощности и назначения (электростанция-подстанция),

4–5 — электрические сети разного класса и назначения.

А — строго централизованный тип, очень высокая уязвимость энергосистемы и потребителей в зоне обслуживания.

Б — централизованный тип, высокая уязвимость энергосистемы и потребителей в зоне обслуживания.

В — иерархический тип, низкая уязвимость энергосистемы и потребителей в зоне обслуживания.

Г — смешанный тип, очень низкая уязвимость системы и потребителей в зоне обслуживания.

Использованы данные и схема из [20. С. 14].

ках между районами в пределах одного региона области и на границе с сопредельными областями. Именно в таких зонах инверсия энергетического пространства наиболее негативно проявляется на уровне локалитета, расширяя зоны социально-экономической депрессии.

Между тем, сама территория является субстратом не только возникновения проблемы, но и поиска путей ее решения по принци-

пу: «Хозяйствование есть постоянное пространственное моделирование» [13. С. 22].

Литература

1. Атаев З.А. Географические основы локальной энергетики Центрального экономического района России: монография / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2008. — 284 с.
2. Ильинский Н.Ф., Цацекин В.К. Приложение теории графов к задачам электромеханики. — М.: Энергия, 1968. — 200 с.
3. Оре О. Теория графов. — 2-е изд. — М.: Наука, 1980. — 356 с.
4. Приваловская Г.А., Волкова И.Н. Эколого-географические противоречия природопользования // Известия РАН. Сер. Географическая. 1997. №1. — С. 19–28.
5. Сайт ОАО «МРСК Центра и Поволжья» филиал «Пензаэнерго» <http://www.mrsk-cp-ru>
6. Совалов С.А. Режимы Единой энергосистемы. — М.: Энергоатомиздат, 1983.
7. Совалов С.А., Семенов В.А. Противоаварийное управление в энергосистемах. — М.: Энергоатомиздат, 1988. — 416 с.
8. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. — Смоленск; Москва: Универсум, 2005. — 384 с.
9. Управление режимами электроэнергетических систем в аварийных ситуациях / В.М. Чебан, А.К. Ландман, А.Г. Фишов. — М.: Высшая школа, 1990. — 144 с.: ил.
10. Схема и программа перспективного развития электроэнергетики Пензенской области на 2013–2017 гг. // Программа разработана коллективом Управления по регулированию тарифов и энергосбережению Пензенской области, на основе постановления Правительства Пензенской области от 04.08.2010 №440-п от 27.04.2012. Пенза: Управление по регулированию тарифов и энергосбережению Пензенской области. — 120 с.
11. Целевая программа энергосбережения и повышения энергетической эффективности Пензенской области на 2010–2012 годы // Программа разработана коллективом Управления по регулированию тарифов и энергосбережению Пензенской области, на основе постановления Правительства Пензенской области от Постановлений Правительства Пензенской обл. от 21.10.2010 №651-пП, от 29.10.2010 №680-пП, от 04.02.2011 №47-пП). Пенза: Координационный совет по реализации энергосбережения и энергоэффективности в координации с Управлением по регулированию тарифов и энергосбережению Пензенской области. — 120 с.

Глава 2. ДИАГНОСТИКА ГЛУБИНКИ

Тихий В.И.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

В процессе реализации пространственной стратегии социально-экономического развития Орловской области ключевым фактором для каждого муниципального образования должны стать конкурентоспособность территории и использование ее объективных преимуществ, обеспечивающее формирование эффективной экономики муниципального образования и на этой основе — достижение устойчивого социального прогресса. Конкурентоспособность — важнейшее стратегическое понятие, которое лежит в основе принятия управленческих решений в любой общественно-экономической системе, включая административно-территориальные образования любого уровня. Если конкурентоспособность хозяйствующих субъектов определяется высокой востребованностью на рынке производимых ими товаров и услуг, то конкурентоспособность территории определяется ее способностью привлекать бизнес и население. Конкурентоспособность территории является результатом эффективного использования имеющихся объективных преимуществ и создания условий для их появления и развития.

Опыт же показывает, что усиление конкурентных преимуществ территории обеспечивается за счет использования новых подходов к управлению формированием территориальной организации экономики, в частности кластерного подхода. Задача исследователей и практиков сводится к нахождению кластеров и созданию стимулов для их развития. Особенность кластера состоит в том, что он представляет собой совокупность высокоинтегрированных организаций и фирм, значимость которых как целого превышает простую сумму их вкладов как составных частей. Составные элементы кластера, будучи самостоятельными организациями, объективно взаимозависимы

благодаря общности интересов и нуждаются в скоординированном развитии и обмене инновациями. Преимущества кластерного подхода усиливаются, когда входящие в кластер элементы расположены на относительно компактной территории. В основу пространственной политики субъекта Федерации целесообразно положить координацию деятельности и стратегий муниципальных образований в границах территориальных кластеров. Кластерная политика призвана содействовать реализации конкурентных преимуществ муниципальных образований региона — субъекта Федерации.

Кластер — это совокупность территориально-сближенных взаимосвязанных и взаимозависимых предприятий и организаций. По территориальному охвату кластеры различны — от территории города до территории некоторых сопредельных государств. Кластеры классифицируются на: индустриальные, региональные, инновационные и др. Преимущества кластерной организации региональной экономики проявляются в повышении производительности труда кластеризующихся фирм, поднимая их инновационную восприимчивость. Кроме того, территориально растущий кластер, играя роль своеобразного «локомотива», по своей периферии вовлекает в развитие другие фирмы (часто относящиеся к смежным отраслям) и способствует появлению некоторых новых производств. Причем в эту орбиту вовлекаются фирмы разного масштаба — от крупных до мелких. В результате формируются многоотраслевые «сгустки» производств, благотворно влияющих на развитие территорий. Это — своеобразные «полюса роста». Чем больше их, тем выше конкурентоспособность территорий и их инвестиционная привлекательность.

Кластеры имеют двухвариантную структуру своего генезиса. В этой связи выделяются кластеры, возникшие в результате целенаправленной региональной политики (экзогенного происхождения) и кластеры, обязанные своим происхождением самой логике развития бизнеса и коммерции, под воздействием рынка, без прямого участия государственных управленческих структур (эндогенного происхождения). Специалисты указывают на существование двух моделей реализации кластерной политики — либеральной и дирижистской. Либеральная модель реализации кластерной политики проявляется в минимизации государственного вмешательства, и в его «неучастии» в развитии инфраструктуры кластера. Кластерная политика дирижистского типа предполагает активное государственное участие в выборе приоритетных кластеров, их формировании и в создании их инфраструктуры.

Известно, что для формирования кластеров необходимо: существование конкурентных предприятий; наличие определенных конкурентных преимуществ для развития кластера; территориальная концентрация и географическая близость производств; достаточно широкое присутствие на территории экономических «игроков» и наличие объективной потребности в кластероформировании; развитие связей и взаимодействия между ведущими участниками кластера.

Из вышеизложенного логично вытекает, что важной задачей региональных исследований является изучение сложившихся территориальных кластеров и генерация предложений по формированию новых, поскольку это ведет к росту конкурентоспособности региональной экономики.

В этой связи можно привести как минимум два конкретных примера формирующихся кластеров в Орловской области. Первый пример относится к городу Мценску и являет собой образец формирующихся там промышленных или индустриальных кластеров.

Именно во Мценске при активной региональной политике, возможно, сформируется полноценный металлургический кластер. Предположительно его основу формируют уже существующие предприятия, а именно:

- ОАО «Межгосметиз-Мценск» — производство сварочных материалов;
- ОАО «МЛЗ» — отливки из цветных сплавов и чугунов, комплектующие для автомобильной промышленности, технологическая оснастка;
- ЗАО «МК «Латуни» — производство вторичных медных сплавов (литейные латуни и литейные бронзы);
- ЗАО «Сталькрон» — приобретение и переработка лома и отходов черных металлов.

Вторым по значению индустриальным кластером может стать машиностроительный (с металлообработкой) кластер. Его базой являются следующие предприятия:

- ОАО «Коммаш» — производство коммунальной и дорожной техники;
- ЗАО «Специнструмент» — производство металлорежущего инструмента (фрезы, сверла, развертки, граверы, пуансоны).

Кроме промышленных кластеров, в городе вполне перспективным может стать формирование туристического кластера. Одним из ключевых моментов развития этого кластера является создание и развитие туристической инфраструктуры.

Ядром данного кластера должна стать усадьба И.С. Тургенева Спасское-Лутовиново, которая является Государственным мемориальным и природным музеем-заповедником И.С. Тургенева и находится в 12 км от города.

Важными составляющими этого кластера могут быть достопримечательности самого Мценска. Ведь во Мценске с его богатейшей историей и культурой сохранились ценные памятники архитектуры.

Второй пример касается Ливенского муниципального района Орловской области. Здесь скорее речь идет о другой разновидности кластеров, так называемых территориальных. Так, имеющийся природно-ресурсный потенциал, наличие подготовленных трудовых ресурсов и других социально-экономических факторов, которыми располагает Ливенский район, выявил объективные предпосылки для формирования территориального кластера. Под территориальным кластером понимается совокупность муниципальных районов на компактной территории, имеющих однонаправленные стратегические цели и задачи, а также общие объективные предпосылки развития. В основу территориальной группировки муниципальных образований положены следующие признаки: притяжение к общим транспортным магистралям, относительная однородность специализации хозяйства, уровень интегрированности в экономику области, направления транспортно-экономических связей между муниципальными образованиями, экономический потенциал, уровень и качество жизни населения в сравнении с областными показателями. Каждый из кластеров характеризуется собственными потенциальными конкурентными преимуществами для создания эффективной структуры хозяйства и развития новых источников экономического роста: инновационной экономики, рекреационного бизнеса, зон и центров экономического сотрудничества и торговли.

На территории Ливенского, Колпнянского, Должанского и Верховского районов Орловской области возможно формирование Юго-Восточного территориального кластера. Профиль его основной деятельности: агропромышленное производство.

Кластерный подход в агропромышленном комплексе региона и его реализация — это сравнительно новый способ развития сельских территорий и региональных отраслевых рынков. Он мобилизует положительные синергические эффекты региональной агломерации, сетевые эффекты и их диффузии, информационное взаимообогащение, некоммерческое распределение ресурсов. Кластерный подход позволяет объединить эффекты от рационального размещения отраслей, взаимных коммуникаций различных отраслей, продовольст-

венных подкомплексов, региональных подразделений правовой, финансовой и институциональной инфраструктуры.

Конкурентные преимущества Юго-Восточного территориального кластера: наиболее плодородные почвы региона, находящиеся на территории юго-востока области; наличие крупных хозяйств с накопленным опытом квалифицированного земледелия; продуктивное мясомолочное скотоводство и свиноводство; наличие довольно крупных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции; транспортные выходы на соседнюю Липецкую область.

Безусловно, ядром этого территориального кластера должен стать Ливенский район в силу своего экономико-географического положения, накопленного агропромышленного потенциала, относительно развитого рынка сбыта, а также в силу нахождения на его территории города Ливны, второго по величине города региона, исполняющего роль субцентра в юго-восточной части области (от Орла до Ливны 138 километров).

Перспективные направления развития Юго-Восточного территориального кластера: сельское хозяйство на основе мясомолочного скотоводства, свиноводства (через строительство современных свинокомплексов), зернового хозяйства и выращивания сахарной свеклы; развитие переработки сельскохозяйственной продукции; развитие рыночной инфраструктуры для АПК; развитие торгово-сбытовых и заготовительных сетей, интегрированных с продовольственными корпорациями Липецкой области; инновационное развитие АПК; создание транспортно-логистического центра; развитие строительной индустрии (прежде всего, строительство цементных заводов в Ливенском и Верховском районах); создание крупных строительных компаний, специализирующихся на строительстве объектов для АПК и на малоэтажном сельском строительстве.

В промышленности Ливны выделяются ведущие группы предприятий, которые определяют его промышленный и экономический потенциал. В перспективе именно они могут стать базой для формирования локальных кластеров — металлургического, машиностроительного, пищевой промышленности, туристско-рекреационного.

Таким образом, кластерный подход способен коренным образом изменить содержание региональной политики. Чаще всего объектами кластерной политики становятся те сферы, которые уже находятся на высоком уровне развития, либо играют значительную роль в экономике региона. Также в последнее время становится актуальным применение кластерного подхода и в социальной сфере, в том числе, всё большее число проектов реализуется в сфере туризма.

Большинство проектов в силу специфики самого кластерного подхода рассчитаны на долгосрочную перспективу и являются частью стратегий социально-экономического развития регионов. Основными проблемами при реализации проектов по созданию кластеров являются сложности в поиске финансирования и инвестиций, устаревшие и изношенные основные фонды, кадровая проблема.

Основной тенденцией является то, что руководители исполнительной власти регионов осознают перспективность кластерного подхода как стратегии повышения конкурентоспособности региона. Зарубежный опыт, в частности опыт скандинавских стран, позволяет утверждать, что кластерный подход способен вывести экономику региона на новый уровень развития.

Ридевский Г.В.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И РАССЛОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА КАК ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РЕГИОНОПОЛИЗАЦИИ В БЕЛОРУССИИ

В 1983 г. Э.Б. Алаев в своём знаменитом понятийно-терминологическом словаре «Социально-экономическая география» предложил три понятия, которые по его замыслу отражают морфологические разновидности урбанизации: «метрополизация», «региополизация» и «мегалополизация» [1, с. 206].

Метрополизация, по Э.Б. Алаеву, — процесс концентрации населения в единственном центре страны, в большинстве случаев — столице. Региополизация — аналогичный процесс на уровне внутри-страновых регионов, а мегалополизация — процесс, охватывающий урбанизацию межгородских территорий и формирование урбанизированных ареалов или мегалополисов.

За почти тридцать лет после издания понятийно-терминологического словаря — шедевра теоретической мысли экономико-географов второй половины XX в., термин «мегалополизация» постепенно трансформировался в понятие, отражающее процесс формирования мегалополисов, т.е. срастание городских агломераций [2, с. 137–138], понятие «метрополизация» всё чаще стало связываться с развитием мировых городов [3], а выражение «региополизация» так и осталось в пассивном багаже экономико-географов и других учёных, специализирующихся на региональной проблематике.

Вышеописанные терминологические коллизии проходили на фоне триумфального шествия центр-периферийного подхода к исследованиям, который постепенно трансформировался в новый общенаучный подход или метод исследования.

Сквозной характер центр-периферийных процессов, проявляющихся на разных иерархических уровнях организации географического пространства, требует пристального внимания научной общественности. В связи с этим с начала XXI в. на пространстве СНГ стали появляться работы, в которых снова использовались понятия «региональная метрополизация» (синоним «региополизации» у Э.Б. Алаева) [4] и «регионополизация» — понятие, близкое по смысловому содержанию к определению региополизации [5].

Регионополизация в отличие от региополизации Э.Б. Алаева понимается не только как форма урбанизации, но и как диверсифицированный процесс повышения значимости регионального центра — регионополиса в социально-экономическом, демографическом, социокультурном и экологическом развитии территориальных систем, которые они возглавляют. Возрастание роли регионополисов в региональном развитии обусловлено концентрацией в них населения, экономического потенциала, учреждений науки, культуры и социального обслуживания окружающих территорий.

Исследования процессов регионополизации в Республике Беларусь в отношении расселения населения, размещения экономического потенциала, пространственной дифференциации условий жизни населения и качества самого населения позволяют утверждать, что регионополизация — фундаментальный закономерный процесс трансформации территориальных структур расселения, хозяйства и природопользования современной Беларуси [6–10].

Однако выявить и исследовать процесс регионополизации в Беларуси оказалось не просто, поскольку существующая в стране система административно-территориального деления (АТД) на субнациональном уровне (шесть областей и город Минск) не позволяла это осуществить по той причине, что области страны — конгломераты внутриобластных систем расселения, хозяйствования и природопользования исторически сложившихся вокруг крупнейших городских центров страны. Только осуществив социально-эколого-экономическое районирование Беларуси на основе оценки ресурсного потенциала административных районов страны и уровня его сбалансированности и работая с сеткой социально-эколого-экономических районов (СЭЭР) Беларуси, изучая процессы трансформации их территориальных структур расселения, хозяйствования и природопользования, яв-

ление регионополизации как процесс повышения значимости региональных центров в развитии СЭЭР стало очевидным [11].

Сходство АТД Республики Беларусь, России, Украины и других стран СНГ, привычка экономико-географов работать, в основном, на уровне институциональных единиц АТД, в силу наличия по ним больших массивов информационных ресурсов, — объективная причина, тормозящая исследование процессов регионополизации на внутриобластном (внутрикраевом уровнях).

Активная регионополизация, проходящая в Белоруссии в последние десятилетия, имеет два главных следствия:

- регионализацию внутристранового пространства, т.е. чёткое обособление и возрастание целостности (связности) внутриобластных систем расселения, хозяйствования и природопользования или СЭЭР под воздействием крупных городских центров — регионополисов;
- расслоение (фрагментацию) внутрирегионального пространства СЭЭР, отдельные части которого всё больше различаются величиной и сбалансированностью ресурсного потенциала, проблемами регионального развития, условиями жизни населения и качеством населения.

Рассмотрим два вышеназванных итога регионополизации на примере СЭЭР и административных районов Белоруссии.

В 2003 г. методами узлового районирования в Республике Беларусь было выявлено 15 СЭЭР (таблица 1) [12]. Каждый СЭЭР представляет собой территориальную систему жизнеобеспечения крупнейших городских центров Белоруссии, а также пространственную систему воспроизводства природно-ресурсного потенциала, населения и экономического потенциала соответствующей территории. Сбалансированность ресурсного потенциала СЭЭР, обусловленная концентрацией населения и экономического потенциала в городских центрах и значительным природно-ресурсным потенциалом периферийных территорий, предопределяет возможность воспроизводства совокупного ресурсного потенциала СЭЭР и может рассматриваться как конфигуратор их границ. В силу сбалансированности ресурсного потенциала СЭЭР выступают в качестве основных регионов, способных обеспечить устойчивое развитие на длительную перспективу. Возможность разработки и эффективной реализации в границах СЭЭР стратегий перехода к устойчивому развитию позволяет рассматривать их как потенциальные единицы АТД [11, с. 64–67], или особые территориально-функциональные регионы (регионы развития или планировочные районы), ориентированные на устойчивое развитие,

создание и успешное функционирование которых возможно и без реформы АТД [12].

Таблица 1.

**Площадь, население и экономический потенциал
социально-эколого-экономических районов Белоруссии**

Социально-эколого-экономические районы	Площадь территории		Население на 01.01.2012 г.		Экономический потенциал, 2011 г.
	тыс. км кв.	%	тыс. чел.	%	%
Брестский	13,6	6,5	691,1	7,3	5,7
Барановичский	12,7	6,1	485,8	5,1	2,4
Пинский	10,9	5,2	374,2	4,0	1,6
Витебский	12,1	5,8	507,6	5,4	5,1
Оршанский	5,7	2,7	249,1	2,6	1,0
Полоцкий	17,9	8,6	409,3	4,3	5,2
Гомельский	12,6	6,1	812,2	8,6	9,4
Мозырский	17,4	8,4	312,8	3,3	4,3
Гродненский	10,3	5,0	598,7	6,3	6,8
Лидский	8,0	3,9	263,8	2,8	1,3
Минский	40,6	19,6	3137,3	33,1	42,4
Солигорский	10,5	5,1	322,3	3,4	4,5
Могилёвский	10,2	4,9	535,1	5,7	4,7
Бобруйский	15,5	7,5	604,3	6,4	5,0
Кричевский	9,6	4,6	161,6	1,7	0,6
Республика Беларусь	207,6	100,0	9465,2	100,0	100,0

Примечания: 1. Экономический потенциал СЭЭР Белоруссии рассчитан по доли показателя «выручка от реализации продукции, работ, услуг» относительно странового уровня. 2. Таблица рассчитана по [14, 15].

Рисунок. Социально-эколого-экономические районы (СЭЭР) и распределение административных районов Белоруссии на районы экономического ядра, экономической полупериферии и экономической периферии

По числу региональных центров все СЭЭР Белоруссии можно разделить на моноцентрические и полицентрические, т.е. с одним или двумя-тремя регионополисами (см. рисунок). К числу моноцентрических было отнесено 13 СЭЭР Белоруссии, а к числу полицентрических — два: Кричевский и Солигорский. В Кричевском СЭЭР сложились три региональных центра: Кричев, Климовичи и Костюковичи, а в Солигорском — два: Солигорск и Слуцк. Центрами двух моноцентрических СЭЭР Белоруссии стали практически сросшиеся парные города Полоцк-Новополоцк и Мозырь-Калинковичи.

Регионополизацию в Белоруссии за 1970–2012 г. на примере возрастания доли региональных центров в населении соответствующих СЭЭР хорошо отражает таблица 2, свидетельствующая о закономерном и общем по отношению к СЭЭР Белоруссии характере этого процесса. Учитывая вышесказанное, регионополизацию можно рассматривать как современный этап регионализации территории Белоруссии, т.е. этап формирования и саморазвития её регионов [16].

Таблица 2.

Регионополизация в социально-эколого-экономических районах Белоруссии в 1970–2012 гг.

Социально– эколого– экономические районы	Доля региональных центров в численности населения, %					
	1970	1979	1989	1999	2009	2012
Брестский	21,6	29,3	37,9	40,2	44,9	46,4
Барановичский	18,4	23,6	28,6	30,2	33,8	35,0
Пинский	15,5	21,8	28,3	31,5	34,3	35,9
Витебский	48,1	56,7	62,0	63,6	70,2	72,3
Оршанский	32,4	37,4	40,7	42,0	51,6	53,1
Полоцкий	21,2	28,5	29,1	35,2	44,6	46,4
Гомельский	35,4	45,4	53,9	56,5	61,1	62,5
Мозырский	16,5	24,7	34,4	41,4	45,9	47,8
Гродненский	25,2	34,8	44,4	47,8	55,0	57,9
Лидский	13,8	19,7	27,8	31,5	35,7	37,4
Минский	38,8	47,0	52,3	54,5	59,1	60,1
Солигорский	20,7	30,2	40,2	44,7	49,7	51,3
Могилёвский	38,8	51,8	59,5	61,8	66,5	67,9
Бобруйский	22,3	29,8	32,2	32,7	34,9	35,8
Кричевский	15,4	21,2	26,8	31,2	35,7	36,5
Республика Белоруссия	29,0	37,7	44,8	47,3	52,4	53,3

Примечания: 1. В качестве региональных центров Мозырского и Полоцкого СЭЭР рассматривались парные города: Полоцк-Новополоцк, Мозырь-Калинковичи. 2. В качестве региональных центров полицентрических Солигорского и Кричевского СЭЭР рассматрива-

лись, соответственно, города: Солигорск и Слуцк; Кричев, Климовичи и Костюковичи. 3. Экс-регионополисы Молодечно и Борисов в качестве региональных центров Минского СЭЭР не рассматривались. 4. В качестве региональных центров Республики Белоруссия рассматривались региональные центры всех СЭЭР. 5. Данные за 1970–2009 приведены на начало соответствующей переписи, данные за 2012 г. даны на начало года. 5. Таблица рассчитана по [14, 17].

В большинстве СЭЭР современной Белоруссии происходит регрессивная регионополизация, т.е. доля регионополисов в населении СЭЭР продолжает увеличиваться, но население самого регионополиса при этом сокращается. Регрессивная регионополизация отмечается в силу того, что население регионополиса сокращается существенно медленнее населения его периферийных территорий [11, с. 194–195]. В ряде СЭЭР, например, Гродненском, Брестском, Минском продолжается прогрессивная регионополизация, при которой и численность населения регионополиса, и его доля в населении региона продолжает расти.

Среди всех СЭЭР районов Белоруссии совершенно уникальное положение занимает Минский СЭЭР, отличающийся наиболее значительными размерами, демографическим и экономическим потенциалом. Это объясняется гипертрофированным ростом Минска на фоне других городов Белоруссии в течение всего послевоенного времени, развитием системы транспортных коммуникаций в его пригородной зоне, особенно появлением электрофицированных железных дорог, что привело к эксплозии (сжатию) пространства и существенному расширению границ Минского СЭЭР, поглотившего ранее самостоятельные Борисовский и Молодечненский СЭЭР. Города Борисов и Молодечно, экс-регионополисы, можно рассматривать в качестве основных городских центров соответствующих подрайонов Минского СЭЭР [18].

Развитие Минска существенно опережает развитие других региональных центров, поскольку регионополизация в Белоруссии сочетается с метрополизацией — повышением значимости крупнейшего городского центра страны — Минска — в расселении населения, социально-экономическом, социокультурном и экологическом развитии всей Белоруссии, т.е. понятие «метрополизация» в настоящем исследовании используется в том смысле, в каком употреблял этот термин Э.Б. Алаев [19]. Процессы развития мировых городов и формирование у крупнейших городских центров мирохозяйственных функций мы склонны именовать понятием «олигополизация».

Будучи метрополисом, г. Минск активно наращивает свой демографический и экономический потенциал. Если в 1970 г. в Минске проживало около 10,1% всего населения и 23,2% всех горожан Беларуси, то к началу 2012 г. — 19,9% всего и 26,3% городского населения страны [14, 17]. В 2011 г. валовой региональный продукт Минска в ВВП Республики Белоруссия составил более 24,8%. При этом Минск всё более специализируется на производстве услуг и постепенно снижает свой промышленный потенциал. Ускоренные темпы метрополизации в Белоруссии в последние постсоветские десятилетия объясняются существенным расслоением регионов страны по качеству и уровню жизни населения, при этом Минск как столица государства по вышеуказанным показателям выгодно отличается от других регионов Белоруссии. Чрезмерно быстрый рост Минска в сравнении с другими метрополисами становится главной проблемой территориального развития Белоруссии. Процессы метрополизации в стране можно остановить только опережающим развитием региональных центров, но для этого необходимо преодолеть существенную асимметрию социально-экономического развития регионов, возникшую в середине 90-х годов XX в. и сохраняющуюся до настоящего времени [20].

Поскольку роль различных метрополисов в территориальной структуре расселения, хозяйствования и природопользования различна, все метрополисы Белоруссии можно разделить на следующие группы (таблица 2) [21]: метрополис (г. Минск), метрополисы первого порядка (современные областные центры, резко выделяющиеся среди других метрополисов Белоруссии своими демографическим и экономическим потенциалами), метрополисы второго порядка (центры прочих моноцентрических СЭЭР, главные метрополисы полицентрических СЭЭР и бывшие метрополисами в недавнем прошлом и сохраняющие важные межрайонные функции города Молодечно и Борисов), метрополисы третьего порядка (прочие метрополисы полицентрических СЭЭР).

В 10-ти СЭЭР Белоруссии можно выделить субрегиональные центры, т.е. городские поселения, имеющие явно выраженные межрайонные функции и помогающие метрополисам «держат» территорию (таблица 3). Субрегиональные центры, в отличие от прочих метрополисов полицентрических СЭЭР, существенно уступают метрополисам как по величине экономического потенциала, так и по численности населения. В большинстве СЭЭР Белоруссии один субрегиональный центр (бицентр), но в Минском и Бобруйском СЭЭР сложилась целая система субрегиональных центров [11, с. 195–196].

Таблица 3.

Основные организующие центры урбанистического каркаса социально-эколого-экономических районов Белоруссии

Социально-эколого-экономические районы	Метро-полис	Регионопополисы			Субрегиональные центры
		Первого порядка	Второго порядка*	Третьего порядка	
1. Минский	Минск	–	Молодечно Борисов	–	Жодино, Вилейка, Сморгонь, Лепель
2. Витебский	–	Витебск	–	–	–
3. Полоцкий	–	–	Полоцк-Новополоцк	–	Поставы
4. Оршанский	–	–	Орша	–	Горки
5. Могилёвский	–	Могилёв	–	–	–
6. Бобруйский	–	–	Бобруйск	–	Жлобин, Рогачёв, Осиповичи, Светлогорск
7. Кричевский	–	–	Кричев	Климовичи, Костюковичи	–
8. Гродненский	–	Гродно	–	–	Волковыск
9. Лидский	–	–	Лиды	–	Новогрудок
10. Солигорский	–	–	Солигорск	Слуцк	–
11. Брестский	–	Брест	–	–	Кобрин, Берёза
12. Барановичский	–	–	Барановичи	–	Слоним
13. Пинский	–	–	Пинск	–	Лунинец
14. Мозырский	–	–	Мозырь-Калинковичи	–	–
15. Гомельский	–	Гомель	–	–	Речица

Примечание: *Города Молодечно и Борисов — экс-регионопополисы, продолжающие сохранять важные меж-региональные функции.

Процессы регионополизации в какой-то мере также проявляются в субрегиональных центрах, поэтому можно говорить о субрегионополизации, т.е. повышении значимости субрегиональных центров в региональном развитии. Естественно, что эти процессы носят менее выраженный и значимый характер.

Единственный в стране метрополис, регионополисы разного порядка и субрегиональные центры — основной урбанистический каркас современной Белоруссии.

«Тень» регионополизации ложится и на некоторые пригородные районы, расположенные в непосредственной близости от регионополисов и имеющие с ними хорошие транспортные связи, что делает подобные районы в какой-то степени привлекательными для мигрантов из более отдалённых территорий. К числу таких районов необходимо отнести, прежде всего, Дзержинский, Пуховичский и Смолевичский районы, в которых достаточно активно протекают процессы формирования Минской городской агломерации и развития городов-спутников: Смолевичи, Дзержинск, Фаниполь, Марьино Горка, Руденск. Пригородный тип регионополизации проявляется также в Несвижском и Жабинковском районах относительно регионополисов Барановичи и Брест.

Процесс своеобразной «отраслевой» регионополизации можно назвать «агрополизацией», т.е. повышением значимости пригородных сельских территорий в развитии сельской местности, в том числе в росте доли сельского населения, проживающего в пригородных зонах регионополисов и Минска; в росте доли пригородных территорий в производстве ряда видов сельскохозяйственной продукции (мяса, молока, яиц, картофеля, овощей) [16]. Естественно, что агрополизация сочетается с процессами рурбанизации — распространения городских форм и условий жизни на сельскую местность, но разница между двумя процессами очевидна.

В результате процессов регионополизации не только явно проявляется регионализация территории, но и происходит расслоение внутрирегионального пространства [22]. Расслоение внутрирегионального пространства проявляется не только как процесс концентрации населения, природопользования и экономического потенциала в региональных центрах, но и как процесс расслоения территорий в составе СЭЗР по проблемам развития, уровню и качеству жизни населения, качеству самого населения (возрастной структуре, уровню образования, уровню здоровья и т.д.) [7–10].

При этом региональные центры, как правило, имеют более высокий уровень и качество жизни населения, более молодое, здоровое

и образованное население, чем периферийные территории. Однако пространство каждого СЭЭР можно рассматривать как полипроблемную, т.е. имеющую множество проблем развития, территорию. В регионополисах наиболее актуальны проблемы экологического развития, а на периферийных территориях наиболее остро стоят проблемы социально-экономического и демографического развития.

По наличию метрополиса, регионополисов разных типов и субрегиональных центров все административные районы Республики Беларусь можно разделить на шесть основных групп: регион метрополиса (г. Минск и Минский район), регионы регионополисов первого порядка (областные центры и соответствующие районы); регионы регионополисов второго порядка (прочие главные регионополисы СЭЭР Беларуси и соответствующие районы); регионы регионополисов третьего порядка и субрегиональных центров (центры и тех и других регионов соизмеримы по своей роли в региональном развитии); регионы пригородной регионополизации (Дзержинский, Пуховичский, Несвижский, Жабинковский) и регионы периферийных территорий. Шесть вышеназванных групп регионов существенно отличаются друг от друга по большинству показателей уровня и качества жизни населения, структуре и величине ресурсного потенциала.

Регионы метрополиса, регионополисов первого и второго порядков — экономическое ядро Беларуси (рисунок, таблица 4). Регионы регионополисов третьего порядка, регионы субрегиональных центров и регионы пригородной регионополизации — экономическая полупериферия страны. Экономическая периферия страны — регионы периферийных территорий.

Таблица 4 свидетельствует о быстрых темпах сокращения демографического и экономического потенциалов периферийных регионов. С момента переписи населения 1959г. доля населения, проживающего в регионах экономической периферии сократилась с 45,8 до 20,8%, т.е. в 2,2 раза (рассчитано по [14, 17]), а их экономический потенциал только за последние восемь лет с 2004 по 2011 гг. сократился почти на 30% — с 8,8 до 6,3% экономического потенциала всех регионов Беларуси (рассчитано по [15, 23]).

Регионы экономического ядра и экономической полупериферии имеют узловое размещение по территории государства (см. рисунок), а периферийные территории, на которые приходится 76 районов из 118 административных районов Беларуси, занимают около 60,9% территории страны, — типичные районы фонового размещения.

Таблица 4.

**Число регионов, площадь территории, население
и экономический потенциал регионов ядра, полупериферии
и периферии экономического развития Белоруссии**

Тип регионов	Число регионов	Доля в населении страны, %		Доля в экономическом потенциале страны, %	
		1959	2012	2004	2012
Регионы экономического ядра	г. Минск, 11 городов областного подчинения и 18 районов	35,0	63,6	78,0	83,3
Регионы экономической полупериферии	1 город областного подчинения и 24 района	19,2	15,6	13,2	10,4
Регионы экономической периферии	76 районов	45,8	20,8	8,8	6,3
Все регионы Белоруссии	г. Минск, 12 городов областного подчинения и 118 районов	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: Таблица рассчитана по статистическим сборникам [14, 15, 17, 23].

В связи с объективными процессами расслоения (фрагментации) внутрирегионального пространства и наличием в Республике Белоруссия трёх существенно различающихся по величине и структуре ресурсного потенциала и тенденциям развития групп регионов, основной заботой государства с точки зрения проведения эффективной государственной региональной политики должны стать:

- политика экономического развития по отношению к регионам экономического ядра, направленная на стимулирование их экономического роста и развитие их человеческого потенциала. Регионы экономического ядра должны быть локомотивами роста

экономики, поскольку они способны эффективно использовать инвестиции, продуцировать и (или) внедрять инновации;

- политика социального выравнивания, по отношению к регионам экономической периферии, направленная на недопущение заметного снижения качества и уровня жизни населения периферийных территорий. Экономическая периферия — реальный итог неравномерности экономического развития разных территорий, но она не должна становиться социальной периферией, т.е. территорией с деградацией социальной инфраструктуры, низким уровнем и качеством жизни населения, на которой проживает маргинальное, люмпенизированное, подверженное алкоголизации и социальной фрустрации население;
- разумное сочетание политики стимулирования экономического роста и социального выравнивания в регионах экономической полупериферии.

К сожалению, современная региональная политика в Белоруссии несмотря, на фундаментальный характер центр-периферийных процессов метрополизации и регионополизации и сопутствующих им явлений регионализации и расслоения внутрирегиональных пространств, не основана на их объективных и значимых для организации территории результатах. В итоге, несмотря на осуществление государством активной и весьма затратной политики регионального выравнивания продолжается гипертрофированный рост Минска в ущерб развитию многочисленных регионополисов, чрезвычайно низкой остаётся экономическая отдача инвестиций, нарастает социально-экономическая асимметрия регионального развития и происходит дегуманизация среды обитания населения большинства территорий, за пределами крупных городских центров. Очевидно, что новая политика инновационного регионального развития в Республике Белоруссия должна придти на смену политике регионального выравнивания, абстрагирующейся от реальных территорий, их экономических возможностей и трендов развития.

В связи с этим возникает задача коренной модернизации региональной политики в Белоруссии путём:

- реформы административно-территориального устройства или изменения сложившихся подходов к практике развития территорий, когда основными объектами социально-экономического развития продолжают оставаться области и районы, а не функционально-территориальные структуры СЭЭР, в границах которых происходит воспроизводство ресурсного потенциала территорий, условий жизни и качества самого населения, формиру-

ются и эффективно работают региональные кластеры. Представляется, что в границах СЭЭР или близких к ним по охвату территории планировочных районах — регионах развития должно осуществляться планирование и прогнозирование регионального развития, разрабатываться и реализовываться действенные стратегии регионального развития, направленные на достижение основных целей устойчивого развития — комплексное решение проблем и эффективное использования имеющегося природно-ресурсного, человеческого и экономического потенциалов;

- учёта внутрирегионального расслоения территорий по проблемам и траекториям дальнейшего развития и проведения локализованной территориально дифференцированной экономической, экологической и социальной политики. Территориально дифференцированный и локализованный подход к регионам экономического ядра, экономической полупериферии и экономической периферии с учётом наличия в регионах полюсов и центров роста, специфики проблем и уровня их напряжённости — важный источник минимизации и повышения эффективности государственных расходов на проведение региональной политики.

Оба вышеназванных направления модернизации региональной политики должны сопровождаться децентрализацией принятия решений в области регионального развития; отказом от жёстких иерархических моделей управления и искусственного насаждения инновационного процесса за счёт инвестиций, без учёта ресурсного потенциала и возможностей регионов их эффективно использовать; активным диалогом власти, бизнеса и общества. Эти требования можно рассматривать как общесистемные императивы успешного перехода к моделям инновационного регионального развития [24, с. 519–523].

Литература

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
2. *Пивоваров Ю.Л.* Основы георбанистики: урбанизация и городские системы. — М. ВЛАДОС, 1999. — 232 с.
3. *Денисенко О.О.* Процеси метрополізації: світогосподарський аспект. — Киев, 2012. — 194 с.
4. *Дружинин А.Г.* Метрополитизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период:

- универсальные проявления и южно-русская специфика // Географический вестник, 2006. №5. — С. 244–257.
5. *Ридевский Г.В.* Регионополизация территориальной структуры хозяйства и расселения Республики Беларусь // Северо-западная Россия: проблемы экологии и социально-экономического развития. — Псков, 2004. — С. 304–306.
 6. *Ридевский Г.В.* Емкость потребительского рынка регионов Беларуси / Г.В. Ридевский, В.О. Овчинникова // Юбилейная научно-практическая конференция (2009, Гомель), 11 июня 2009 г.: материалы в 4 ч. Ч. 4 — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. — С. 256–259.
 7. *Ридевский Г.В.* Оценка качества населения регионов Белоруссии по результатам переписей 1999 и 2009 гг. // Современные проблемы общественной географии. — М., 2011. — С. 50–63.
 8. *Ридевский Г.В.* Уровень образования населения регионов Беларуси по результатам переписей 1999 и 2009 гг. // Наука и образование XXI века. В 2-х томах: Т. 2. География и экология. — Рязань: СТИ, 2011. — С. 31–38.
 9. *Ридевский Г.В.* Оценка и географическое распределение экономического потенциала регионов Республики Беларусь // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. — Рязань: СТИ, 2012. — С. 17–20.
 10. *Ридевский Г.В.* Методика и основные результаты оценки качества населения белорусских регионов российско-белорусского пограничья // Социально-экономическая география: история, теория, методика, практика: Сборник научных статей. — Смоленск: Универсум, 2011. — С. 542–546.
 11. *Ридевский Г.В.* Территориальная организация Республики Беларусь: социально-эколого-экономическая модель перехода к устойчивому развитию: монография. — Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. — 525 с.
 12. *Ридевский, Г.В.* Социально-эколого-экономическое районирование Республики Беларусь // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии. Сборник научных статей. — Псков: Издательство ПГПИ, 2003. — С. 87–96.
 13. *Ридевский Г.В.* Расслоение регионов Беларуси по уровню жизни населения и необходимость смены парадигмы региональной политики // Национальная экономика и регионы Беларуси: тенденции и перспективы развития (1 квартал 2012 года). — Мн.: НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2012. — С. 34–43.

14. Регионы Республики Беларусь: социально-экономические показатели. Стат. сборник. — Минск, 2012. — 702 с.
15. Финансы Республики Беларусь. Стат. сборник. — Минск, 2012. — 595 с.
16. *Ридевский Г.В.* Три модели сжатия пространства и процесс регионополизации как процесс сжатия пространства на внутривнутристрановом уровне // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. — М. Эслан, 2010. — С. 49–59.
17. Население Республики Беларусь: его численность и состав. Перепись населения, 2009. Т.2. — 414 с.
18. *Ридевский Г.В.* Урбанизация и процессы регионализации в Беларуси в конце XIX— начале XXI вв. // Працесы ўрбанізацыі ў Беларусі ў XIX — пачатку XXI ст. — Гродна: ГрДУ, 2010. — С. 15–23.
19. *Ридевский Г.В.* Метрополизация территориальной структуры Беларуси и проблемы реализации национальной стратегии устойчивого развития // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: В 5 т. Т. 3. — Минск, 2004. — С. 223–225.
20. *Ридевский Г.В.* Процессы регионополизации и необходимость их учёта в разработке Стратегии регионального развития Республики Беларусь // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. — 2011. №4. — С. 57–63.
21. *Ридевский Г.В.* Регионополисы Беларуси и региональное развитие // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин). — Витебск, 2010. — С. 357–358.
22. Финансы Республики Беларусь. Стат. сборник. — Минск, 2010. — 614 с.
23. *Ридевский Г.В.* Процессы регионополизации, структурная неоднородность и социальное расслоение российско-белорусского пограничья // Региональные исследования. 2011. №4 — С. 127–133.
24. *Cooke, P.* The Handbook of Regional Innovation and Growth / P. Cooke, B. Asheim, R. Boschma, R. Martin, D. Schwartz and F. Todtling (eds) / — Cheltenham, «Edward Elgar», 2011. — 524 p.

Салькаева Д.Ф.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА (на примере регионов Приволжского федерального округа)

Для оценки развития региона особое значение имеет исследование инфраструктурного потенциала (ИП), который является составной частью комплексного социально-экономического потенциала территории. Инфраструктура способствует формированию экономического, социального облика региона, обеспечивает оптимальное размещение и развитие производительных сил. В связи с этим возникает необходимость изучения инфраструктурного потенциала территории.

Своеобразие исследования ИП заключается в сложном отраслевом составе инфраструктурного комплекса (рис. 1, табл. 1) и неоднозначном понимании самого термина «инфраструктура». Такое положение обусловлено разными критериями в его определении специалистами различных профилей. В связи с этим возникает необходимость объективной формулировки понятия инфраструктурный потенциал.

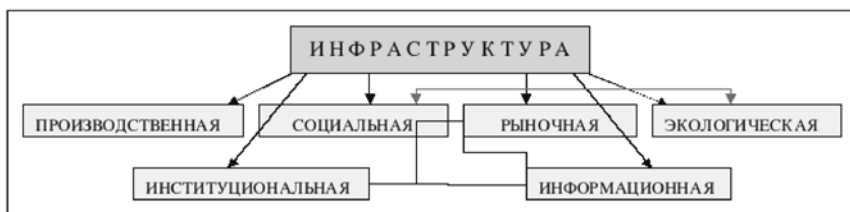

Рис. 1. Состав инфраструктурного комплекса — цветными стрелками обозначены наиболее тесные взаимосвязи структурных элементов (составлено автором).

Таблица 1.
Поэлементная трактовка термина «инфраструктура» (составлено автором по ист.: 5–8)

Элемент инфраструктуры	Состав	Узкая трактовка	Широкая трактовка
Производственная	Грузовой транспорт, электро-, газо-, водоснабжение, складское хозяйство, связь.	Совокупность сооружений, зданий, систем и услуг, необходимых для обеспечения внешних условий непосредственно процесса производства.	Комплекс материально-производственных отраслей сферы обращения.
Социальная	Здравоохранение, образование, розничная торговля, пассажирский транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера организации досуга, туризм, общественное питание, служба быта и пр.	Совокупность предприятий, функционально обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения.	Группа обслуживающих отраслей и видов деятельности, призванных удовлетворять потребности людей, поддерживать уровень качества жизни населения.
Институциональная	Государственный аппарат экономического регулирования, учреждения, обеспечивающие управление народным хозяйством района, страны.	Комплекс организаций, осуществляющих деятельность по макроэкономическому регулированию экономики, поддерживающих близкие к оптимальным макроэкономические пропорции развития национального хозяйства.	Комплекс отраслей и сфер деятельности, осуществляющих управление производственными социальными, экономическими и политическими процессами, поддерживающих оптимальное функционирование региона.

Термин инфраструктура был заимствован из военного лексикона, где означал комплекс тыловых сооружений, обеспечивающих действия вооружённых сил (склады боеприпасов и других военных материалов, аэродромы, ракетные базы, полигоны, площадки для запуска ракет и т.п.). С конца 40-х гг. XX в. понятие «инфраструктура» начинает употребляться в экономической литературе. Экономисты С.А. Хейнман, И.Ф. Чернявский, В. Жамин рассматривают инфраструктуру как группу отраслей, от которых в большой степени зависит бесперебойность и эффективность общественного производства как элемента производительных сил страны [9]. В.А. Мешков понимает инфраструктуру как экономическую систему, обеспечивающую развитие всей системы рынков в регионе [2]. Таким образом, специалисты в области экономики понимают под инфраструктурой систему, обеспечивающую устойчивое функционирование рынка.

В географии термин «инфраструктура» начал использоваться с конца 60-х гг. XX в. В энциклопедическом словаре географических терминов инфраструктура определяется как «совокупность сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования процесса материального производства и обеспечения повседневной жизни населения» [10].

В словаре экономико-географических терминов Э.Б. Алаев дает следующую трактовку — «инфраструктура — это сочетание действующих сооружений, зданий, сетей и систем, прямо не относящихся к производству материальных благ, но необходимых как для самого процесса производства (производственная инфраструктура), так и для обеспечения повседневной жизни населения (социальная инфраструктура)» [3].

Критический анализ определения инфраструктуры проведен В.П. Дроновым, который предлагает «различать инфраструктуру (определенную часть фондов страны), инфраструктурные работы, т.е. деятельность по ее созданию и ремонту и процесс эксплуатации инфраструктуры» и говорит о принципе многоступенчатости построения системы междисциплинарных определений данного термина [9].

Также В.П. Дронов определяет, что «для географов инфраструктура один из факторов территориального развития, размещения и функционирования производства, территориальной организации общества. Естественно, что в этом случае основное внимание уделяется материально-техническим обслуживающим элементам, привязанным к определенной территории. Инфраструктура при этом активно влияет на всю территориальную триаду: специализацию (функционирование) территории, ее облик, условия жизнедеятельности населения» [5].

Под потенциалом понимаются возможности, способности, скрытые, нереализованные резервы изучаемого объекта, которые при изменении окружающих условий могут перейти из возможности в действительность. Наличие потенциала у какого-либо объекта обязательно предполагает множество вариантов использования этого потенциала [1].

Таким образом, можно определить, что *инфраструктурный потенциал региона* — это возможность развития его территории при использовании всех составных элементов инфраструктуры (фондов, «инфраструктурных работ») в целях обеспечения устойчивого функционирования экономики и улучшения качества жизни населения.

Трактовка инфраструктуры как части основных фондов территории, в сравнении с другими ее определениями открывает для географов ряд новых подходов в географическом анализе. Прежде всего, основные фонды можно рассматривать как экономический ресурс. И.М. Маергойз отмечал, что они и мерило экономической мощи, и база текущего воспроизводственного процесса [11].

Чтобы дать оценку инфраструктурного потенциала территории и выявить пространственные различия в уровне развития инфраструктуры воспользуемся представлением о ней как совокупности основных (производственных и непроизводственных) фондов территории. Тогда можно рассчитать интегральный показатель фондооснащенности (Φ_o) по формуле (1), отражающий величину стоимости основных фондов на единицу площади (рис. 2, 3):

$$\Phi_o = \Phi/S \quad (1)$$

Φ — величина стоимости основных фондов территории, в руб.;
 S — площадь территории, км².

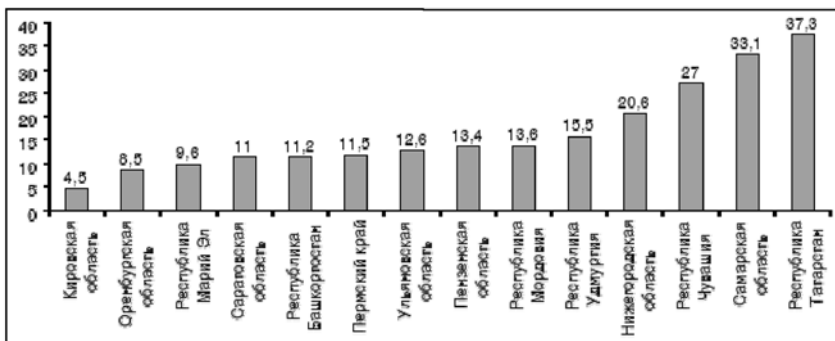

Рис. 2. Показатель фондооснащенности регионов Приволжского федерального округа, млрд.руб/км²
 (рассчитано и составлено автором по материалам ист. 4).

**Рис. 3. Фондооснащенность регионов ПФО
(составлено автором).**

Как видно из приведенного расчета, регионами-лидерами по показателю фондооснащенности являются Республика Татарстан, Самарская область, Республика Чувашия и Нижегородская область, где данный показатель выше 20 млрд. руб./км², что говорит об относительно высокой стоимости и концентрации основных фондов на единицу площади территории. Так называемыми регионами-аутсайдерами по данному показателю являются Кировская, Оренбургская области и Республика Марий Эл (менее 10 млрд. руб./км²), остальные регионы, такие как Саратовская, Ульяновская, Пензенская области, Республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и Пермский край, имеют показатель, колеблющийся от 10 до 20 млрд. руб./км².

Для более объективной оценки считаем возможным рассчитать (авторский подход) показатель фондонасыщенности (Фн) по формуле (2), отражающей величину стоимости основных фондов на единицу площади и душу населения (млрд.руб./км²; чел.) (рис. 4, 5):

$$\Phi_n = \Phi / \sqrt{SP} \quad (2)$$

Φ — величина стоимости основных фондов территории, в млрд. руб.;

S — площадь территории, км².

P — численность населения территории, чел.

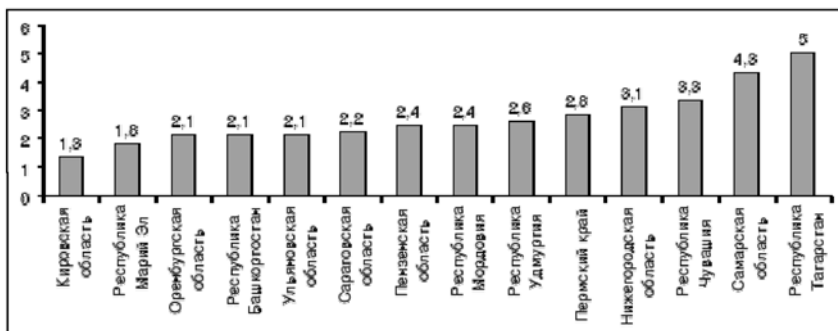

Рис. 4. Показатель фондонасыщенности регионов Приволжского федерального округа, млрд.руб./км²;чел
(рассчитано и составлено автором по материалам ист. 4).

Рис. 5. Фондонасыщенность регионов ПФО
(составлено автором)

При подсчете фондонасыщенности с учетом численности населения выделяются 4 группы регионов. Лидерами являются 2 региона с относительно высокими показателями — Республика Татарстан и Самарская область (более 4 млрд.руб/км²;чел). Самые низкие показатели фондонасыщенности в Кировской области и Республике Марий Эл (менее 2 млрд.руб/ км²;чел). Оставшиеся регионы можно отнести к группе с показателем от 3 до 4 млрд.руб/кв.км.чел (Нижегородская область и Республика Чувашия) и от 2 до 3 млрд.руб/ км²;чел (Оренбургская, Ульяновская, Саратовская, Пензенская области, Республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и Пермский край).

Проведем балльную оценку регионов ПФО по уровню инфраструктурной обеспеченности (в данном случае фондооснащенности и фондонасыщенности). Используя расчетные данные (рис. 3, 4) введем следующую систему баллов:

по фондооснащенности по фондонасыщенности

менее 10 = 1 б

менее 2 = 1 б

10–20 = 2 б

2–3 = 2 б

более 20 = 3 б

3–4 = 3 б

более 4 = 4 б.

Данный подход позволил выявить регионы ПФО являющиеся наиболее и наименее оснащенными основными фондами с учетом их стоимости, площади и численности населения (табл. 2). Данная методика заключается в балльной оценке обеспеченности регионов основными фондами.

В результате проведенных расчетов были выделены следующие группы регионов по уровню инфраструктурной обеспеченности:

- невысокий (Кировская, Республика Марий Эл)
- средний (Оренбургская, Саратовская области, Пермский край, Ульяновская, Пензенская области, Республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия)
- выше среднего (Республика Чувашия и Нижегородская область)
- относительно высокий (Самарская область, Республика Татарстан) (рис. 6).

Таблица 2.

**Сумма баллов по показателям фондооснащенности
и фондонасыщенности регионов ПФО**

Регион	Баллы фондо- оснащенности	Баллы фондо- насыщенности	Сумма баллов
Кировская область	1	1	2
Оренбургская область	1	2	3
Республика Марий Эл	1	1	2
Саратовская область	2	2	4
Республика Башкортостан	2	2	4
Пермский край	2	2	4
Ульяновская область	2	2	4
Пензенская область	2	2	4
Республика Мордовия	2	2	4
Республика Удмуртия	2	2	4
Нижегородская об- ласть	3	3	6
Республика Чувашия	3	3	6
Самарская область	3	4	7
Республика Татарстан	3	4	7

Определенный интерес вызывает исследование инфраструктурного потенциала в отраслевом разрезе. Для данной оценки проведен сравнительный анализ структуры стоимости основных фондов регионов ПФО по видам деятельности (%) и структуры валового регионального продукта по видам деятельности (%). Такая оценка необходима для выявления использования потенциальных инфраструктурных возможностей региона по определенным видам экономической деятельности.

Из проведенного анализа следует, что значительная стоимость основных фондов в ряде регионов не оправдана, т.к. не находит стоящее отражение в структуре валового регионального продукта, что говорит о неполном использовании инфраструктурной составляющей основных фондов по видам деятельности:

Рис. 6. Уровень инфраструктурной обеспеченности регионов ПФО
(составлено автором).

- 1) сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство — Республика Татарстан;
- 2) добыча полезных ископаемых — Республика Башкортостан;
- 3) обрабатывающие производства — Ульяновская область, Республика Татарстан, Самарская область;
- 4) оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования — Саратовская область, Кировская область;
- 5) транспорт и связь — Оренбургская область, Республика Чувашия, Республика Удмуртия, Республика Мордовия, Республика Марий Эл, Пермский край.

Таким образом, одним из аспектов изучения инфраструктурного потенциала региона является исследование мощности и структуры основных фондов в масштабах территории и численности населения.

Оценка инфраструктурного потенциала в сравнительной характеристике регионов Приволжского Федерального округа представляет собой особый интерес, направленный на выявление различий и контрастов оснащенности инфраструктурой для выявления перспектив регионального развития. Чем больше показатель инфраструктурного потенциала региона, тем более он привлекателен для ведения предпринимательской деятельности и внедрения инноваций, поскольку затрат на строительство инфраструктурных объектов необходимо гораздо меньше.

Отраслевой анализ инфраструктурного потенциала позволяет выявить диспропорции в использовании инфраструктурной составляющей, что может быть применено для корректировки программы развития региона.

Литература

1. Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации (на примере г. Тольятти Самарской области) / Под ред. В.Е. Рохчина, С.Ф. Жилкина. — СПб.: ИСЭП РАН, 1999.
2. *Борисов Е.Ф.* Экономика. / Е.Ф. Борисов, А.А.Петров, Ф.Ф. Стерликов. — М: Финансы и статистика, 1997. — 400 с.
3. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М: Мысль, 1983. — 350 с.
4. Российский статистический ежегодник. 2011: Стат.сб. / Росстат. — М., 2011. — 795 с.
5. *Дронов В.П.* Инфраструктура и территория (географические аспекты теории и российской практики). — М.: Изд-во МПГУ, 1998. — 246 с.
6. Экономика организации (предприятия) // Под ред. Н.А. Сафронова, 2-ое изд. — М.: Экономистъ, 2004 г. — 617 с.
7. Государственное регулирование рыночной экономики: Учебник. // Под общ. ред. Кушлина В.И. 3-е изд. доп. и перераб. — М.: Изд-во РАГС, 2006. — 615 с.
8. *Тетиор А.Н.* Экологическая инфраструктура. — М.: «Колосс», 2004. — 271 с.
9. *Семина И.А.* Методология изучения региональной транспортной инфраструктуры (на примере Республики Мордовия) // Известия РАН. Серия географическая, 2009. №1. — С. 48–56.

10. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. — М.: «Советская энциклопедия», 1988.
11. Жуков В. Т., Маергойз И. М. Некоторые вопросы картографирования основных фондов как экономического ресурса // Оценочные карты природы, населения и хозяйства. — М: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — С. 150.
12. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2011: Стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 662 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 990 с.

Замятина Н.Ю., Порутчик Е.С.

МОЖЕТ ЛИ КРЕАТИВНОСТЬ БЫТЬ ФАКТОРОМ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИИ?

Введение

Креативность как фактор экономического развития стала модной темой последнего десятилетия. Однако сделанные в рамках западных исследований креативности выводы — например, о зависимости регионального развития от концентрации «богемы», а не наоборот — в условиях России кажутся, в лучшем случае, фантастикой. На Западе эффект креативности среды в значительной степени увязан со специализацией на наиболее «знаниеемких» отраслях (компьютерный бизнес, фармацевтика и др.). Успех в данных отраслях напрямую связан с умением быстро создавать и внедрять инновации¹. Сетевые коммуникации как средство распространения в сообществе неявного знания, в том числе технического, здесь становятся реальным фактором производства, а креативная среда — питательной средой таких коммуникаций. Знаменитый автор теории креативного класса Р. Флорида приложил немало усилий доказательству того, что интересная музыкальная жизнь привлекает, в том числе, технарей-

¹ В качестве примера можно назвать фирмы знаменитой Силиконовой долины, конкурентное преимущество которых было основано на скорости вывода на рынок новых товаров [16].

профессионалов, а тесное общение последних между собой дает «взрывной» экономический эффект [13, 14].

Ситуация, однако, сложнее; влияние среды тоньше. Как заметила ведущий исследователь региональной экономики Силиконовой долины, А. Саксениан, в Кремниевой долине в середине XX века во всех кафе говорили о полупроводниках, а в районе Бостона (другой район концентрации высокотехнологичной промышленности США) — о гольфе; в экономической конкуренции в сфере полупроводников выиграла Кремниевая долина [16]. Соответственно, не только концентрация профессионалов и не всякие поводы их общения связаны с технологическими прорывами. Возможные пути связи творчества и экономического развития в условиях России — тема настоящей статьи.

1. Толерантные таланты, занятые в высоких технологиях: западные методики оценки креативности

О роли креативности в региональном развитии впервые упомянул шведский исследователь А. Андерсон [12]; однако, детальное описание креативного класса как экономической силы и особого типа экономических агентов (*homo creativus*) принадлежит американцу Ричарду Флориде [15]. Параллельно сложился еще один — преимущественно качественный — подход к креативности как важнейшей, но почти неуловимой субстанции городского развития² [6]. В обоих случаях, однако, креативность увязана с творчеством и нестереотипным поведением. Последнее легло в основу бытового понимания креативности как модного синонима оригинальности (это хорошо передает появление характерных выражений типа «креативная стрижка» или «креативная вечеринка»). Большинство упоминаний понятия «креативность» в русскоязычном интернете связано с психологическими тренингами, обучающими программы и авторскими методиками, в ходе которых желающим развить в себе умение мыслить креативно предлагают запоминать второстепенных персонажей фильмов и пересказывать на память главы из прочитанных книг (Креативность...). В более узком смысле креативность увязывается с «богемностью». Отсюда проистекает настороженное отношение к креатив-

² Лэндри приводит десять критериев креативности — однако, без соответствующих количественных индикаторов. В числе показателей политическая и общественная среда, разнообразие, жизненность (*vitality and expression*), предпринимательство, исследования и инновации, стратегическое мышление, среда для обучения и таланта, коммуникации, развитие сетевых структур (*connectivity and networking*), профессионализм и эффективность, хорошие условия жизни, местное саморазвитие (*the place & placemaking*). <http://www.charleslandry.com/>

ности со стороны части научного сообщества, справедливо полагающей, что появление в городе нескольких оригинальных культурных проектов еще не ведет к улучшению качества жизни в городе и тем более — к изменению траектории развития данного города [10].

И тот, и другой подходы радикально отличаются от западных подходов к пониманию креативности и ее оценке.

1. Принцип оценки креативности по Флориде: «три Т»

Базовые принципы понимания креативности в двух основных подходах Флориды и Лэндри совпадают. Мы обратимся к оценкам Флориды как более параметризованным и потому, как казалось бы, более удобным для сравнения (далее мы покажем, что ситуация значительно более сложная). В вышедшей в 2002 г. первой книге Р. Флориды, посвященной оценке креативного капитала, автор составил, по сути, формулу, определяющую конкурентные преимущества региона в современной экономике: наличие в данном месте «таланта», «технологий» и «толерантности». Флорида постоянно подчеркивает, что ни один из данных показателей в отдельности не может обеспечить успешного инновационного развития. Главный элемент креативного капитала — системное сочетание его базовых компонентов:

Некоторые американские регионы вроде Питтсбурга или Кливленда обладают знаменитыми университетами и «продвинутым» технологическим уровнем — но люди уезжают оттуда, там неуютно целым группам населения вроде иммигрантов или гомосексуалистов. Другие регионы типа Майами переполнены иммигрантами, и открыты для всех возможных вариантов образа жизни — но низкий уровень технологий и узкий рынок труда не привлекает таланты. Наиболее успешные регионы — такие как Сан-Франциско, Бостон или Сиэтл — обладают всеми тремя «Т»: они инвестируют в технологии, притягивают таланты и открыты новым людям и новым идеям. (Florida 2007: 154).

Таким образом, оценка креативного капитала строится на комплексной оценке регионального уровня развития таланта, технологий и толерантности.

Талант регионального сообщества — концентрация в данном месте высоко образованных и творческих людей — по сути, главная движущая сила инновационного развития.

Технологии представляют собой своего рода «поле» и результат³ реализации креативности в экономической сфере: они оценива-

³ Для учета зависимости уровня развития технологий от концентрации таланта, равно как и для учета некоторых других взаимосвязей между отдельными компонентами итогового индекса, применялась регрессионная модель [15].

ются через степень развития в регионе высоких технологий и уровня инноваций (чаще всего измеряемого через число патентов).

Толерантность в трактовке Флориды является фактором, обеспечивающим в обществе *низкие входные барьеры* для потенциально креативных представителей любых социальных групп. Высокие входные барьеры для тех или иных социальных групп, по Флориде, означают «отсечение» от регионального сообщества потенциально креативных людей по причине их пола, расы, происхождения и сексуальной ориентации — и, соответственно, заведомое сужение креативного потенциала сообщества в целом. Кроме того, указывается, что свободная и толерантная среда служит магнитом и для креативных людей, не относящихся к разного рода меньшинствам, поскольку разнообразная среда служит для креативных людей источником вдохновения и более привлекательна при выборе места жительства. Таким образом, *оценка толерантности Флориды является, по сути, оценкой факторов концентрации креативного класса в определенных регионах в условиях свободного перетока человеческого капитала на национальном и международном рынках труда.*

Для подбора показателей креативности различных городов США Флорида использовал материалы многочисленных фокус-групп и иных качественных исследований, на основе которых выбрал параметры оценки креативности. В итоге, в работе по США Флорида [14] использовал индекс креативности, составленный из следующих показателей: доля креативного класса в занятом населении; индекс высоких технологий, индекс инноваций, основанный на количестве патентов на душу населения (вариант: на росте числа выдаваемых патентов в год:[13] и гей-индекс, отражающий отношение доли гомосексуального населения США, проживающего в данном регионе, к доле всего населения США, проживающего в данном регионе ⁴.

Дискуссионные аспекты использования принципа «трех Т»

Обратим внимание на тот факт, что при сопоставлении отдельных показателей между собой, на фоне относительно невысоких (хотя и положительных) значений коэффициентов корреляции между отдельными показателями креативности и экономического развития,

⁴ Хотя в качестве главной причины использования гей-индекса Флорида называет тот факт, что он отражает толерантность сообщества в целом, указывается также на высокую долю гомосексуалистов среди занятых в высокотехнологичных отраслях: «среди мужчин-гомосексуалистов в 1,3 раза больше ученых и инженеров, чем среди населения в целом»; для мужчин-геев вероятность работать в компьютерной отрасли «в 2,3 раза, для лесбиянок — в 1,3 раза выше, чем для населения в целом» (Флорида 2002: 408).

Флорида широко использовал **простое сопоставление списков городов, вошедших в первую-вторую десятку по значению различных индексов**. Именно здесь, «на вершине», все рейтинги почти совпадали. Удивительным образом одни и те же города США оказывались на первых позициях по инновациям, высокотехнологичным индустриям, доле гомосексуалистов, художников и музыкантов и т.д. Складывается впечатление, что это особый тип городов, отличных от других — отличных, главным образом, качественно.

Данное обстоятельство логично интерпретировать следующим образом: по-видимому, *не существует жестких линейных зависимостей между показателями креативности и экономическим развитием, проявляющихся во всей совокупности городов или регионов страны*: креативные факторы начинают оказывать важное влияние на экономику только начиная с какого-то определенного этапа развития сообщества (при переходе в особую «креативную эпоху»). При этом важно не столько конкретное количественное значение используемых показателей, сколько накопление неких «критических масс» таланта, технологий и толерантности.

На наш взгляд, следует говорить не вообще об уровне креативности того или иного региона или города, а о выборе «клуба» городов, перешедших в «стадию» креативного развития, накопления в городе «критической массы» креативности.

На наш взгляд, роль креативности в жизни сообщества определяется не столько степенью креативности местных жителей, сколько статусом креативности (и креативных видов деятельности) в данном сообществе. Статус креативных видов деятельности, в свою очередь, определяется структурными свойствами сообщества. Именно с этих позиций в следующем разделе мы оценим возможность изучения креативности как фактора экономического развития в условиях России.

2. Креативны ли российские мигранты: критический анализ практики оценки креативности российских регионов

Первая попытка статистически оценить креативность в России была предпринята в 2008 г. (Пилясов и Колесникова 2008) и за необычностью темы широко обсуждалась в среде географов и региональных экономистов. В основу был положен принцип оценки креативности Флориды на основе нормированных показателей таланта, толерантности и технологий; для чего были подобраны — надо заметить, филигранно-доступные показатели российской статистики.

Сводный индекс таланта был рассчитан как среднее арифметическое индексов креативного класса, человеческого капитала и на-

учного таланта. Индекс креативного класса, в свою очередь, был оценен через «число профессиональных постановщиков задач» на 1000 жителей — к таковым были отнесены выделенные переписью 2002 г. «руководители всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий» и «специалисты высшего уровня квалификации». *Индекс человеческого капитала* в соответствии с методикой Р.Флориды, рассчитывался как доля занятых, имеющих высшее образование; *индекс научного таланта* оценивался как число исследователей (ученых) на миллион жителей (из общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками были исключены техники, вспомогательный персонал и прочие занятые, оставлены только исследователи).

Сводный индекс технологий представляет собой среднее арифметическое от индексов затрат на изобретения и инновационной деятельности. *Индекс затрат на изобретения* рассчитывался как доля расходов на НИОКР в валовом региональном продукте; *Индекс инновационной деятельности* оценивался по числу патентов на изобретения, выданных на один миллион жителей региона.

Оценка индекса толерантности вызвала наибольшие затруднения. Были опробованы три показателя: степень этнического разнообразия региона; способность региона принимать беженцев и переселенцев; доля иностранных граждан в общей численности населения. Применялась и гибкая методика, основанная на использовании разных показателей для национальных республик и областей России. В итоге авторы «исходили из гипотезы о том, что уровень толерантности местных сообществ коррелирует со степенью мобильности местных жителей: чем больше в регионе людей «повидавших мир», тем выше степень толерантности. Мигранты имеют опыт жизни в сообществах с другими традициями и ценностями, правилами жизни иными, чем те, в которых они проживают сейчас. ... При расчетах оценивалась доля жителей, проживающих в регионе не с рождения, для чего были использованы данные Всероссийской переписи населения 2002 года». [9]

В итоге, первая десятка регионов РФ по сводному индексу креативности получилась следующей: Москва, Санкт-Петербург; Московская, Томская, Нижегородская, Калужская, Новосибирская, Магаданская, Тюменская и Ульяновская области. При этом, однако, смущает не столько получившийся набор регионов, сколько механический перенос американских принципов оценки креативности на российскую почву.

Исследования Флориды опирались не только на специфическую исследовательскую базу, но и специфические механизмы реализации креативности в американском обществе, выявленные по результатам проведенных Флоридой фокус-групп и иных качественных исследований. В этой связи очевидно, что в других обществах могут существовать иные механизмы реализации креативности в сфере экономического развития, а также иные факторы, влияющие на концентрацию креативного капитала. В первую очередь, необходима переоценка среды как фактора креативности. В американском варианте влияние среды сводилось, как уже указывалось выше, к двум факторам: толерантности, определявшей высокие или низкие входные барьеры в местное сообщество потенциально креативных людей, и разнообразию (по сути, следствие толерантности) как «аттрактору» свободно мыслящих представителей креативного класса. Очевидно, что в России влияние социальной и институциональной среды на экономическое проявление креативности и креативность в целом также специфично.

Интересный аспект российского варианта реализации креативности подмечен в работе Гайван [3], разделившей креативный потенциал (отражающий творческий потенциал регионального сообщества, оцененный, например, через долю населения с высшим образованием и др.), и креативные возможности, отражающие возможности реализации креативного потенциала (оцениваемые через долю расходов на НИОКР, число выходов в Интернет и др.).

Очевидна необходимость дальнейшего приближения инструментария оценки креативности к российским реалиям.

Суть необходимой российской поправки к методике оценки креативного класса Флориды заключается в более широкой трактовке роли региональной среды. По Флориде, среда привлекает креативный класс в определенное место — или отталкивает от него. На наш взгляд, ключевой вопрос — в оценке ограничивающего (или, наоборот, высвобождающего) влияния среды.

Ограничивающее влияние среды может выражаться двояко. Во-первых, оно может ограничивать аттрактивность территории для внешней креативности (случай, которому столь большое внимание уделено у Флориды: высокие или низкие входные барьеры для мигрантов и меньшинств). Во-вторых, оно может ограничивать или высвобождать собственный социальный потенциал сообщества через влияние разного рода институциональных факторов (традиции, социальные нормы, формальные институциональные барьеры или меры поощрения). Замечательный пример социального регулирования

«внутренней креативности» приведен А. Саксениан: пока в Массачусетсе с сомнением качали головами относительно идеи молодого человека основать компьютерную фирму, в Силиконовой долине буквально модно было основывать старт-апы в области компьютерного бизнеса. [16]

Таким образом, помимо оценки притягательности региона для внешней креативности, *желательна комплексная оценка возможности проявления креативности в конкретном сообществе*. В условиях США таким индикатором стал скандальный гей-индекс — во многом благодаря тому, что в американском обществе совпала терпимость к сексуальным меньшинствам и специфичным программистам. При этом, заметим, что индекс толерантности категорически не совпал, например, с расовым разнообразием; в частности, китайцы долгое время не могли занимать руководящие позиции в фирмах предельно толерантной (по Флориде) Силиконовой долине [17]. Индикатором креативности оказывается не терпимость к разнообразию «вообще», но терпимость к, скажем так, экспериментальным вариантам образа жизни.

Ключевую роль, на наш взгляд, здесь играют структурные свойства определенного сообщества. В первую очередь, укажем на *место креативной деятельности в системе ценностей сообщества*. На наш взгляд, именно здесь лежит грань между креативным классом и богемой (в понимании Флориды понятие «богема» не имеет негативного оттенка, присущего данному термину на русском языке; речь идет, скорее, о творческих людях в целом). Общества, в которых креативная деятельность не занимает высоких позиций в системе ценностей, она рассматривается как чудачество, а творческая прослойка (художники, музыканты и т.д.) существует в своего рода социальной изоляции («богема» в российском понимании). Богема становится креативным классом, когда ее ценности начинают определять ценности общества в целом, а творчество из сферы вдохновения направляется на решение конкретных прикладных задач⁵. Примерно такой переход описан и Флоридой: огромное количество видов деятельности -организация производства, досуг, дизайн офисов, режим работы предприятий сферы обслуживания, организация городского пространства и т.д. — «вдруг» стало структурироваться по новым матрицам, «родным» для творческой прослойки [15]. Ключевую фразу Р. Флори-

⁵ Очень характерно разъяснение понятия креативности Д. Букина, приведенное в контексте трудоустройства: «В чистом виде творчество — это самовыражение, не ограниченное никакими рамками, а креативность — способность решать нетривиальные задачи в жёстких условиях и под конкретный заказ» [1].

ды, буквально выведшего креативный класс на научную «сцену», практически никто не заметил: по-настоящему эпоха креативного класса наступает тогда, когда «экономическое положение и образ жизни одних людей определяют и ограничивают варианты, доступные для других» [15, С. 90] причем место первых, структурирующих жизнь других, занимает в данном случае «креативный класс».

Оценить значимость творческой прослойки общества, ее социальный статус и тем более — степень влияния на остальное общество нелегко. Лучше всего для этого применять социологические, в том числе качественные, исследования. Как уже указывалось, гипотеза креативного класса Флориды родилась в многочисленных интервью и фокус-группах, позволивших очертить ценности, образ жизни и статус креативного класса в США. Для определения социального статуса творческой прослойки в России, степень ее трансформации в креативный класс, в силу специфики развития российского общества необходимы не менее масштабные исследования. За отсутствием таковых все прочие исследования должны оцениваться как рекогносцировочные. В следующем разделе рассматриваются подобные пробные походы к оценке креативности в российских условиях.

3. В поисках креативного городского развития: варианты эмпирических оценок креативности российских городов

В данном разделе рассматривается несколько попыток оценить креативность российских городов.

В первую очередь, оценивается пригодность для наших целей различных показателей муниципальной статистики. Затем рассматривается опыт анализа репрезентации креативности в новостном потоке, а также в качественных исследованиях.

3.1. Креативность в статистике?

Российская муниципальная статистика скудна на показатели, которые можно было бы использовать для оценки креативности. В частности, даже численность занятости в культуре невозможно оценить, поскольку она, по-видимому, поглощена показателями численности занятых в сфере «здравоохранение и предоставление социальных услуг» и особенно в сфере «предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг»; данное обстоятельство само по себе свидетельствует о чрезвычайно низком статусе творческой деятельности на уровне России в целом. Еще несколько показателей было отброшено из-за их предположительно низкой неточности. Например, креативность местного сообщества в российских городах нередко проявляется в создании альтернативных музеев (утога, самовара, валенка, почты и т.д.), однако, анализ значения «музейных» показате-

лей по конкретным городам показал, что значительное число такого рода альтернативных (обычно частных) музеев не отражается муниципальной статистикой.

Укажем, тем не менее, на некоторые возможные направления исследований.

В качестве едва ли не главного *фиксируемого в условиях России проявления креативности* можно рассматривать малый бизнес. Выбор именно малого бизнеса в качестве специфического российского индикатора креативности связан с тем, что именно малый бизнес очень чувствителен к ограничительным институциональным факторам среды⁶.

Важным показателем уровня развития малого бизнеса в конкретном городе является поступление в муниципальный бюджет налогов по статьям «налог на совокупный доход» и «единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности» (налоги, выплачиваемые преимущественно малыми предприятиями и индивидуальными предпринимателями). Поскольку уровень развития малого бизнеса в российских условиях зависит не только и не столько от покупательной способности населения, сколько от политики местной администрации, данный показатель, по сути, косвенно отражает толерантность местной среды к эксперименту.

Мы провели пробное мини-исследование данного показателя по российским городам с населением от 100 до 150 тыс. человек (по данным Росстата). Как и Флорида, не претендуя на открытие линейной зависимости между выбранным показателем и креативностью, выберем первую и последнюю десятки городов по доле данного налога в муниципальном бюджете (см. табл. 1 и 2).

Результаты, заметим, лишь частично отвечают интуитивным представлениям относительно выбора креативных городов России. Ожидаемо «попадание» в число городов с наилучшими показателями

⁶ В западном обществе малый бизнес в силу гибкости и мобильности зачастую становится проводником инновационных технологий. В российских условиях «в рамках ныне сложившейся в России институциональной модели «средней» развивающейся страны малый бизнес не может раскрыть свой потенциал стимулирования научно-технических инновационных процессов, а также разностороннего противодействия монополизму и в целом — генератора ускоренного экономического роста» (Виленский 2004: 246–256). Тем не менее, не следует пренебрегать малым бизнесом как индикатором креативности. Причина сопряжения малого бизнеса и креативности, однако, не в увязке малого бизнеса с высокими технологиями, а в особой чувствительности его к ограничительным институциональным факторам среды: «Малый бизнес — единственный вид предпринимательства, всецело находящийся во власти местных органов власти» [7].

наукоградов Обнинска и Димитровграда, а в число городов с наихудшими показателями — традиционно консервативных «шахтерских» городов (Междуреченск, Ленинск-Кузнецкий, Киселевск, Ачинск, Новошахтинск), промышленного уральского Копейска. В то же время вопиющая «непредприимчивость» подмосковного «интеллектуально-го» Жуковского, а также, напротив, выдающиеся показатели бизнес-активности жителей Нефтекамска, Коврова и Новомосковска не могут быть объяснены без детального знакомства с жизнью данных городов.

Обратимся поэтому к более «адресному» показателю креативности, а именно, к данным о публикациях базы данных e-library.ru (на 3 июня 2012 г.). Не смотря на некоторые недостатки базы (особенно это касается подборки работ за более ранние годы), проведенный анализ позволяет рассматривать данные о числе публикаций как своеобразный индекс эффективности работы местного «таланта».

Здесь также ожидаемо выделяется Обнинск; в списке городов с минимальным числом публикаций те же шахтерские города. Тем не менее, более интересным нам представляется качественный анализ публикаций. После анализа структуры публикаций по выбранным городам можно уверенно указать на индикативную роль доли публикаций по теме *«Педагогика и народное образование»* (см. табл. 1 и 2) — он отражает *творческое разнообразие городского сообщества*. Ситуация, когда почти все городские публикации относятся к сфере педагогики, характерна преимущественно для монопрофильных, промышленных городов — в значительном числе случаев для тех же, что отличаются низким уровнем развития малого бизнеса (Междуреченск, Киселевск, Копейск). Напротив, например, в наукограде Обнинске большое абсолютное число педагогических публикаций (которое «сделало бы погоду» для любого промышленного города с аналогичной численностью населения) буквально растворено в мощном потоке научных публикаций в других сферах (физика и технические дисциплины, метеорология, радиобиология и др.). В число городов с низкой долей публикаций по педагогике ожидаемо попали и другие «научные» города выборки (Димитровград, Жуковский); объяснить случай-исключение с Ленинском-Кузнецким пока не представляется возможным.

Удивительным образом наши выводы согласуются с наблюдениями Флориды относительно того, что концентрация человеческого капитала в образовании и здравоохранении имеет скорее негативное влияние на городское развитие. Более динамично развиваются города имеющие разнообразную, диверсифицированную — и креа-

тивную — творческую среду. «Варящаяся в своем соку» педагогика, напротив, может служить хорошим индикатором консервативных тенденций городского развития.

Наиболее перспективным нам представляется, однако, использование комплексного показателя креативности, рассчитанного на основе сопоставления (сложения) результатов по доле публикаций по педагогике (показатель разнообразия творческой среды) и по доле поступлений в бюджет налогов малого бизнеса (косвенный показатель степени толерантности местной среды к эксперименту). Сопоставление результатов по разным показателям приводит к наиболее адекватной оценке креативных городов России: к наиболее креативным городам страны (с населением 100–150 тыс. чел.) по нашим данным можно было бы отнести Обнинск, Димитровград, Муром, к наименее креативным — Ногинск, Междуреченск, Ачинск, Елец, Копейск и Киселевск.

Таблица 1.

**Наиболее «креативные» города России
(для городов с населением 100–150 тыс. чел.)**

Первая десятка «городов малого бизнеса»	Первая десятка городов по числу научных публикаций	Первая десятка городов по творческому разнообразию (минимальная доля публикаций по специальности «Педагогика и народное образование»)
Уссурийск <i>Обнинск</i> Октябрьский <i>Муром</i> Нефтекамск Новомосковск Майкоп Ковров Элиста <i>Димитровград</i>	<i>Обнинск</i> <i>Муром</i> Миасс Майкоп Ухта Кызыл Элиста Уссурийск Коломна Ленинск-Кузнецкий	Ленинск-Кузнецкий <i>Обнинск</i> <i>Муром</i> Ухта Камышин Жуковский Миасс <i>Димитровград</i> Серпухов Черкесск

Примечание. Курсивом выделены города, вошедшие в первую десятку по показателям развития малого бизнеса и творческого разнообразия.

Таблица 2.

**Наименее «креативные» города России
(для городов с населением 100—150 тыс. чел.)**

Города с минимальной долей поступлений в бюджет налогов от малого бизнеса	Города с минимальным числом публикаций	Города с максимальной долей публикаций по народному образованию
Красногорск <i>Ногинск</i> Камышин Миасс Кызыл Жуковский Новотроицк <i>Междуреченск</i> <i>Ачинск</i> <i>Елец</i> Ленинск-Кузнецкий <i>Копейск</i> <i>Киселевск</i> Новошахтинск Альметьевск	Электросталь Жуковский <i>Междуреченск</i> <i>Ачинск</i> Нефтекамск Ковров Первоуральск <i>Ногинск</i> Новотроицк Новочебоксарск Батайск <i>Копейск</i> <i>Киселевск</i> Новошахтинск Артем	Уссурийск Октябрьский <i>Ногинск</i> <i>Ачинск</i> Коломна Нефтекамск Арзамас Электросталь <i>Елец</i> <i>Междуреченск</i> Орехово-Зуево <i>Киселевск</i> Ковров <i>Копейск</i> Батайск

Примечание. Курсивом выделены города, вошедшие в число последних 15 городов по показателям развития малого бизнеса и творческого разнообразия.

Тем не менее, наиболее показательными оказываются все же качественные исследования, рассмотренные в следующих разделах.

3.2. Креативность в новостях

Одним из косвенных показателей креативности территориального сообщества можно считать новостной поток по соответствующей территории. Нами был предпринят анализ новостного потока по двум малым городам — Муравленко и Губкинский (ЯНАО) по системе Гугл-новости за 2006–2010 годы [8]. Города представляют собой идеальную пару для сопоставления: оба близки по населению (Муравленко — 37 тыс. жителей, Губкинский — около 25), молодые (оба основаны в середине 80-х годов). Появление и развитие экономики обоих связано с добычей нефти и газа на ближайших таежных месторождениях. В обоих городах, как и в других городах Ямало-Ненецко-

го округа, муниципальный бюджет и спонсорская помощь нефтегазодобывающих предприятий позволяет реализоваться социально-культурным проектам, невозможным в малых городах коренных районов России: уровень развития СМИ и количество новостей, связанных с культурной жизнью городов, представляют богатый материал для анализа.

При этом важно, что города существенно различаются по следующим аспектам развития: в Губкинском существенно лучше развит малый бизнес, ведется интенсивное жилищное строительство, лучше развита сфера услуг (по торговой площади на душу населения, количеству предприятий сферы услуг, площади залов ресторанов и кафе и т.п.⁷) и т.д. Если согласиться с Флоридой в том, что креативность городской бизнес-среды идет рука об руку с развитием культуры, то можно предположить, что доля новостей в области культуры в Губкинском должна оказаться выше, чем в Муравленко (где могли бы преобладать, например, криминальные новости).

Однако анализ пятилетней динамики новостного потока опровергает данное предположение. Доля новостей о культурных событиях (праздники, концерты, выставки) оказывается примерно сопоставима (10–20% новостей в год); во многом это связано с продуманной структурой новостного потока, формируемой местными СМИ с учетом муниципального заказа.

Радикальные различия проявляются на качественном уровне: в Губкинском более оригинальные культурные новости, чем в Муравленко. В Муравленко культурные новости посвящены концертам и конкурсам (например, юных скрипачей и танцоров) — заметим, однако, что хорошие кружки художественного развития есть в каждом из ямальных городов. В Губкинском, помимо аналогичных мероприятий, в исследованный период проводились и более оригинальные: местный музей организовал, например, выставку скульптур из монтажной пены, создал музейный автобус (выставка в курсирующем по городу автобусе). Одновременно в Губкинском проходили и более оригинальные события в области спорта и молодежной политики — так, например, молодежь Губкинского раньше опробовала фрироуп, чем молодежь Муравленко, довольствующаяся обычными (для Ямала) бассейнами и стадионом. Аналогична ситуация в области жилищного строительства: в Муравленко в исследуемый период вводили в строй новые школы, в Губкинском — помимо строительства социальных объектов — внедряли специальные ипотечные программы. Когда

⁷ Подробные статистические данные приведены: Пилясов, Замятина, 2012.

в Муравленко закрывались кафе, в Губкинском строился новый торговый центр, а местные предприниматели расширяли производство пищевых продуктов. В Муравленко, где «бремя» моногорода постоянно упоминалось в речах главы города, даже скульптура новогоднего ледового городка изображала нефтяную вышку (во всяком случае, зимой 2010/2011 годов), тогда как ажурные ледяные терема Губкинского знамениты на всю Западную Сибирь, а глава администрации принимает меры к диверсификации городской экономики. Заметим при этом, что экономические показатели градообразующих компаний обоих городов («Муравленковскнефть» в рамках ОАО «Газпром-нефть» в Муравленко и «Роснефть-Пурнефтегаз» в Губкинском) довольно схожи [8].

Очевидным образом повторяется ситуация, описанная Флоридой в отношении *качества* сферы культуры Питтсбурга и других «корпоративных» городов: руководство города и корпорации регулярно «вкладывают деньги в культуру», однако стимулирующая роль в развитии местного сообщества не велика. Традиционные, классические отрасли культуры не будят воображение, а отсутствие новых, экспериментальных направлений довольно четко свидетельствует о господстве консервативной, охранительной среды и стиля руководства городом (в стиле товарища Дынина из фильма Э. Климова «Добро пожаловать или Посторонний вход воспрещен»: «Главное, чтобы дети поправлялись, чтобы дисциплина была»), проявляющегося — как показывает детальный анализ двух городов с применением глубинных интервью (в 2011–2012 гг.) — в культуре, в молодежной политике, оформлении городского пространства, поощрении инициатив малого бизнеса. Культурные новости служат здесь хорошим индикатором коммуникативной и инновационной среды города в целом.

3.3. Креативность в живую?

Ключевым моментом роли креативности в Российском сообществе является ее слабая интегрированность с доминирующими социальными структурами — в частности, с официальными. Практически полная «незасекаемость» креативности официальной статистикой в значительной степени связана с полуподпольным статусом креативной деятельности в российском обществе⁸.

Креативные преобразования в городской среде, например, связаны с деятельностью двух типов активистов. Первые действуют автономно от власти, вторые — с ней борются. Так, например, основной

⁸ По мнению более старшего из авторов, это наследие времен, когда креативность расценивалась как проявление недовольства советской властью.

российский сайт, посвященный стрит-арту и «улучшаингу» территорий, называется «Партизанинг» [18]. Результатом деятельности «креативных партизан» может быть нарисованная самостоятельно «зебра» на месте «народного» пешеходного перехода (людям было удобно идти к метро в определенном месте, а им приходилось лавировать в потоке машин), починка лавочек и установка урн, или смешные дорожные знаки, не несущие в себе информации о ПДД. Они не идут на контакт с властями и не получают разрешений на свои акции. Вторая категория выступает резко против самостоятельной деятельности и требует улучшений от власти. Здесь можно привести пример сообщества «Дом. Двор. Дороги» [19]. Главная его идея состоит в том, что все мы платим налоги — и за это можем требовать от ЖКХ или ТСЖ идеального содержания общественных пространств. «Если вы наняли домработницу или садовника, и они ничего не делают, стали бы вы платить им деньги и все делать за них?» — Дмитрий Левенец, создатель «Дом. Двор. Дороги». Попытки интеграции власти и креативности «снизу» буквально единичны.

По словам Максима Каца, 27-летнего депутата муниципального собрания района Щукино: «Власти просто не знают, что можно — красиво. Они делают неудобно не из вредности — по большому счету им все равно — а от незнания.». О похожих вещах говорит Антон Кириллов, создатель первого в России передвижного кинотеатра— лектория : «Нам кажется, что город — не только Москва, но и другие города по всей России — это абсолютно открытое пространство, пустое поле, в котором ничего не растет и которое только и говорит: «Возьмите и сделайте что-нибудь». Но никто не берется. Все думают, что слишком много административных препон. Но на самом деле это все решаемо. Просто надо сразу идти к главным начальникам [20].

Тем не менее, это не означает, что в России невозможно влияние креативности на экономическое развитие. В качестве примера приведем скромный, но реальный пример влияния креативности на экономические практики, выявленный в ходе интервью с участниками событий. В рассматриваемом случае креативная деятельность в сфере культуры способствует продвижению продукции производственных видов деятельности, и тем самым — развитию производства. Речь идет о музее пастилы, соответствующем производстве, туристическом бизнесе и сопряженных культурных проектах в подмосковной Коломне. Здесь, по сути, произошла интеграция нескольких, казалось бы, несмежных видов деятельности, а результате сформировался своеобразный культурно-производственно-туристический кластер. В него входят:

- созданный в 2009 г. в городе Коломне музей пастилы (традиционный русский вид сладости, производимой из яблок);
- культурная проектная деятельность, заключающаяся в регулярном издании литературного журнала «Околоколомна», проведении межрегиональных литературных фестивалей, перфомансов и других мероприятий;
- открытая в 2011 г. фабрика по производству пастилы;
- производство яблок, а также другой продукции (варенье, сувениры) в хозяйствах местных жителей; сдача местными жителями в аренду жилья для гостей художественных мероприятий.

Предлагаемые музеем пастилы интерактивные программы включены также в различные туристические программы, связанные с использованием других туристических ресурсов Коломны — здесь происходит взаимное усиление территориально смежных проектов в рамках одной и той же туристической отрасли. Но еще более интересно взаимное усиление туристической отрасли, литературно-художественной деятельности и производства.

В основе кластера лежит проект по воссозданию старинного процесса производства пастилы и организации интерактивных музейных программ, получивший поддержку ряда благотворительных грантов. В результате было создано производство пастилы — дорогой продукт ручного изготовления, пользующийся, тем не менее, большим спросом. С самого начала проект получил информационную поддержку со стороны литературно-художественного сообщества. При этом художественный (и креативный) потенциал самой Коломны (промышленный город с населением около 150 тыс. чел., специализирующийся на производстве тепловозов, цемента, красок) весьма ограничен. Тем не менее, существующие в рамках литературно-художественного сообщества *социальные сети* позволили привлечь к проекту высококлассных художников, эссеистов и, главное, менеджеров культурных проектов из Нижнего Новгорода, Саратова и Москвы. Для них, в свою очередь, Коломна оказалась интересным «материалом» для творческой работы — в силу сохранившейся аутентичной городской среды (кремль и церкви XVI в.; городские кварталы XIX в.), красивых пейзажей, литературного наследия (в Коломне жили Б. Пильняк и В. Ерофеев). Кроме того, литературные проекты материально поддерживаются за счет средств, выручаемых от продажи пастилы. Деятели культуры не живут постоянно в Коломне, но регулярно организуют в городе те или иные проекты. В результате, музей и производство пастилы получают, в свою очередь, эксклюзивную промо-продукцию: снят авторский мультфильм о Коломне; про-

водятся литературные фестивали, с помощью коммуникационных связей в рамках социальных сетей «художественной богемы» привлекающие участников и посетителей из Москвы и других городов; в конце 2011 г. создан новый городской музей («Музей-коммуналка. Ерофеев и другие», включающий резиденцию для проживания художников и выставочный зал), который должен усилить туристическую отрасль города в целом. Важным свидетельством успеха такого рода культурно-производственного симбиоза стало открытие новой фабрики по производству пастилы в 2011 г., призванной удовлетворить возрастающий спрос на ключевую продукцию проекта.

Заключение

Теоретическое изучение креативности как фактора развития городского сообщества приводит к необходимости различать статус креативной деятельности в конкретном сообществе. В широком смысле роль креативности в сообществе должна оцениваться по той степени, в какой креативные принципы структурируют социальную среду в целом.

Оценить роль креативности в сообществе довольно сложно; западные показатели не отражают специфики соотношения творческих сфер с городским развитием в российских реалиях. В качестве «пробных» индикаторов креативности на муниципальном уровне могут быть применены данные об уровне развития малого предпринимательства (как показателя институциональной открытости городской среды к эксперименту), количество научных публикаций (косвенный показатель концентрации таланта), а также доля публикаций по педагогике как индикатор разнообразия творческой среды.

Качественное разнообразие и оригинальность (по сравнению с общероссийским фоном, с соседними городами, с городами аналогичной специализации) культурных событий может служить индикатором «незашоренности» городского сообщества и, особенно, городской администрации («лица, принимающие решение»), от которой в условиях малых городов в существенной степени зависит развитие местных инициатив в самых разных сферах городского развития.

Таким образом, оригинальность культурной деятельности парадоксальным образом — в силу совершенно иных механизмов, нежели в западных странах — является наиболее адекватным показателем креативности в российских условиях.

Литература

1. Боровикова Е. Конкретная креативность // «Наука и технологии России — STRF.ru» 17.05.12 Интернет-публикация. http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=46861
2. Виленский В.А. Особенности российского малого предпринимательства // Экономический журнал ВШЭ. 2004. Т. 8. №2. — С. 246–256
3. Гайван Е.А. Потенциал формирования креативного пространства в городах России. Дипломная работа. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2012.
4. Занятость в малом бизнесе // Социальный атлас российских регионов. Интернет-публикация: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/labor_market/index.shtml#small_business
5. Креативность, путь к себе. Способы развития. Интернет-публикация: <http://master-777.ru/kreativnosty.htm>
6. Лэндри Ч. Креативный город. Пер. с англ. — М.: Классика-XXI, 2011.
7. Мамедов О. Невыносимая тяжесть малого бизнеса // TERRA ECONOMICUS. 2008. Т. 6. №4. — С. 5.
8. Пилясов А., Замятина Н. Сравнительный институциональный анализ // Региональные исследования. 2012. №1. — С. 34–66.
9. Пилясов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопросы экономики, 2008. №9. — С. 50–69.
10. Трубина Е. Полюса урбанистики: лекция в Московском философском колледже. 2012. Интернет-публикация: <http://www.youtube.com/watch?v=qcwTGqhsrJl&feature=youtu.be>
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика — XXI, 2007.
12. Andersson, Ake 1985. Creativity and regional development // Papers of the Regional Science Association. Illinois, USA. Vol. 56.
13. Florida R. The Flight of the Creative Class. New York: Collins. 2007.
14. Florida R. Bohemia and economic geography // Journal of Economic Geography; Jan 2002. — Pp. 55–71.
15. Florida R., Mellander Ch., and Qian H. The university, human capital and the creative class in Chinese regional development. Martin Prosperity Institute. October 2008.
16. Saxenian A. Regional Advantage. Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge and London. 1996.

17. *Saxenian A.* The new Argonauts. Regional advantage in a global economy. Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts and London, England. 2006. Pp. 424.
18. <http://partizaning.org>
19. <http://domdvordorogi.ru>
20. <http://www.bg.ru/places/10722/>

Голубченко И.В.

ПОЛИМАСШТАБНАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ: ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ

Полимасштабность как идея, ее обоснование и краткое описание

В географии имеется богатый арсенал способов познания объектов, но некоторые из этих способов занимают особое место. Среди них наше внимание привлёк полимасштабный подход, который, несмотря на очевидную значимость для географической науки, остается недостаточно разработанным и используемым. Как указывает А.И. Трейвиш, «игра масштабами есть завет, кредо, принцип географии. Однако работ по этой теме на удивление мало. Кое-что было в книгах 70-х годов у П. Хаггета, А.Ф. Асланикашвили» [11].

Полимасштабный подход, или «игра масштабами» — прием географического описания, анализа (Н.Н. Баранский, И.А. Витвер, И.М. Маергойз), в основном именно он представляет полимасштабность в учебниках [4, 14]. За последние 10 лет были защищены не менее 20 диссертаций, заявивших в качестве основного полимасштабный подход, только по специальности 25.00.24 (экономическая, социальная, политическая и рекреационная география) (например: [9, 12]).

В то же время полимасштабность до сих пор принимается как данность, которая не требует специального обоснования и изучения: «работы на эту тему редки, хотя каждому профессионалу есть что сказать, и он делает это, но чаще всего мимоходом» [12, с. 39]. Многие географические объекты не могут быть поняты без полноценного полимасштабного анализа — наряду с хрестоматийными примерами из книг вышеупомянутых классиков это «сельские миры» [6], культурный

ландшафт [3] и др. Для многих исследовательских (а также прикладных) задач таким объектом является и географический район в целом.

Остановимся на основных чертах полимасштабного подхода. В наибольшей степени они раскрыты в работах А.И. Трейвиша, особенно в докторской диссертации. Главной особенностью полимасштабного подхода нам видится не просто оперирование территориальными таксонами разных рангов (видимо, именно такой прием и получил название «игра масштабами»), а рассмотрение взаимодействия масштабности разных иерархических уровней (например, макро-, мезо- и микро-масштабного) и, что не менее важно, взаимодействия масштабности разных ее носителей — сущности, пространства и времени. В связи с этим А.И. Трейвиш говорит, например, о явлении характерных масштабов, т.е. некоторого (нежесткого) соответствия масштаба территории и масштабов сущности объектов, располагающихся в пределах этой территории. Действительно, при несоответствии данных масштабов мы обращаем внимание на данное явление, анализируя наличие относительно высокой концентрации на территории (при более крупном сущностном масштабе) либо более низкой концентрации (если территориальный масштаб крупнее). Аналогичные соображения можно применить и к соотношению масштабов территориального и временного, сущностного и временного. Мы еще остановимся на этом подробнее.

Укажем еще на два технологических элемента полимасштабного подхода, описанные в литературе: возможность движения по масштабной шкале в обоих направлениях, как вверх, так и вниз [6, с. 6]; возможность использования как дискретного масштабирования, более привычного в географии, так и непрерывного «зума», своеобразной «лестницы без ступеней» [3, с. 30–36].

Имеются и определенные *содержательные* черты полимасштабного подхода [12]:

- отнесение изучаемых объектов к группам мономасштабных, полимасштабных, омнимасштабных (т.е. всемасштабных) и внемасштабных;
- рассмотрение каждого места как целого мира масштабов и межмасштабных отношений;
- учет возможности не только сочетания в одном объекте разных масштабов, но и «пропуска», выпадения отдельных масштабных уровней;
- изучение не только масштабности территорий, городов и других более-менее традиционных объектов, но и масштабности функционирования, ритмов, потоков, связей и т.п.

Отметим также важность использования полимасштабности как принципа в прикладной деятельности на территории, о чем говорит во многих работах тот же А.И. Трейвиш.

За рубежом обнаруживаются признаки как минимум использования элементов полимасштабного подхода, причем, видимо, в большей мере, чем в России (правда, применительно прежде всего к вопросам географии природы и природопользования). О наличии иерархических уровней территориального масштаба писал, например, П. Хаггет [13, с. 32–34]. Канадский географ Дж. Хэй с соавторами показал, как «расширение масштаба» (изменение уровня территории, расширение территории исследования) может помочь в автоматическом определении границ изучаемой территории и ее частей применительно к задачам ландшафтного анализа [17], он также во многих других публикациях изучает вопросы полимасштабности (ключевые слова multiscale object, scale-space, scaling, scale issue и др.) [16]. Статья канадских ученых К. Уолтерса и Дж. Кормана (университет Британской Колумбии, г. Ванкувер) — пример гидролого-географического изучения несоответствия пространственно-временных и сущностных масштабов (cross-scale), когда даже небольшие масштабы события могут привести к большим последствиям на более высоком уровне (например, кратковременный прорыв дамбы на небольшом участке может привести к длительному затоплению больших площадей) [18]. Кроме того, в США с 2003 г. издается специальный журнал «Multiscale Modeling and Simulation» (<http://epubs.siam.org/loi/mmsubt>), посвященный вопросам полимасштабного математического моделирования, в т.ч. для экологических задач, работы транспорта и т.д.

Таким образом, можно констатировать наличие определенного опыта в использовании полимасштабного подхода в географии наряду с тем, что его применение обычно отличается фрагментарностью, зачастую состоит лишь в рассмотрении разномасштабных территорий без анализа взаимосвязей масштабов ни территориальных, ни других. Мы поставили задачу поиска путей более полного использования возможностей полимасштабного подхода для изучения территории.

Иерархия масштабов

Рассмотрим вопрос об иерархических уровнях масштабов, начиная с территориального. Минимальный из них относится к ближайшему окружению отдельно взятого человека или небольшой группы людей, максимальным традиционно считается географическая оболочка (что уже под вопросом в связи с растущим интересом к анало-

гичным сложным оболочкам других планет и спутников). Между этими двумя полярными уровнями территориальной шкалы масштабов разные исследователи помещают обычно еще 3-5 ступеней. В связи с этим интересен вопрос о формировании в последние десятилетия ряда научных и прикладных дисциплин, занимающихся изучением территории определенного уровня масштаба: глобалистика, страноведение, регионоведение, краеведение. При этом можно сказать, что для первых двух дисциплин основным является макроуровень территорий, для регионоведения — мезоуровень, для краеведения — микроуровень. Не раз наличие территориальных масштабов вдохновляло ученых на теоретические обобщения, среди которых назовем лишь некоторые: наука о регионе (У. Изард), концепция малых стран (Б.Н. Зимин), идея теории больших стран (А.И. Трейвиш).

Различия территорий от места к месту заставляют предположить, что при разных сочетаниях компонентов, разных степенях концентрации тех или иных объектов, процессов, явлений, иерархия территориальных масштабов может быть вариативной. Это подтверждается использованием в географии и других науках «промежуточных» терминов для обозначения территорий: макрорегион, подрайон, группа районов и т.д. Мы обратим внимание на макрорегион, который, по нашему мнению, является недостаточно изученным уровнем территориального масштаба.

Макрорегионы обычно выделяют двух видов. Во-первых, это группы стран мира — например, ООН в своих материалах пользуется делением обитаемой части суши на 22 макрорегиона. Но, во-вторых, в некоторых странах, прежде всего отличающихся большими размерами, можно говорить о необходимости помимо регионального уровня выделять и макрорегиональный, т.е. объединять регионы в более или менее устойчивые группы. Мало того, в России как самой большой стране планеты, отличающейся к тому же сложным административно-территориальным устройством (как считает ряд авторов, наиболее сложным среди стран мира), можно вести речь о наличии даже не одного, а двух уровней территориальной иерархии между страной (Россия в целом) и регионом. Регионы объединяются в группы, образуя экономические районы (по разным версиям, числом от 11 до 20–25), а из экономических районов складываются макрорегионы. По одной из наиболее популярных точек зрения, в России два макрорегиона: Восточный и Западный (их еще называют экономическими зонами) [2]. Есть и другие варианты группировки экономических районов и даже фактически их приравнивание к макрорегионам (например, в атласе А.С. Мартынова с соавторами [5]).

Мы склоняемся к более традиционному варианту понимания российских макрорегионов, но на месте двух (Западного и Восточного) предлагаем выделять три, считая третьим Урало-Поволжье. Ядром этой территории можно считать Среднее Поволжье, Южный и частично Средний Урал (имеется в виду наиболее освоенная его часть — южные районы Пермского края и Свердловской области). В состав макрорегиона также можно отнести остальные регионы Урала и Поволжья, и Волго-Вятского района. События последних 20 лет, существенно ослабившие прежние социально-экономические связи, привели к снижению значимости сетки экономических районов Госплана, поэтому границы макрорегионов следует, во-первых, уточнять, а, во-вторых, считать нечеткими, и тогда ряд регионов могут входить одновременно более чем в один макрорегион с той или иной степенью вероятности. Ввиду трудности однозначного решения данного вопроса мы будем использовать прежде всего понятие ядра Урало-Поволжья, а другие территории включать в его состав вероятно.

Территории разных масштабов влияют друг на друга посредством связей, отношений, потоков, процессов различных сущностных и временных масштабов, на иерархии которых необходимо остановиться для дальнейшего изложения. Сущностные масштабы могут передаваться посредством структурных отношений (например, в этногеографии: языковая макросемья — семья — группа — подгруппа — этнос) либо размерами объекта, явления (объем запасов полезного компонента в месторождении, доля населения района в населении страны и т.п.). Поскольку сущностей в географии изучается огромное количество, здесь нет возможности рассмотреть даже основные их виды.

Временные масштабы имеют наиболее простую иерархию ввиду одномерности и однонаправленности их носителя — времени. Заявляя это, мы абстрагируемся от субъективности восприятия времени человеком, территориальной диахронности и различных скоростей протекания процессов, считая на этом этапе исследования географическое время относительно простым явлением (по сравнению с пространством и тем более по сравнению с сущностью). Предварительно можно обозначить ступени иерархии временных масштабов таким образом: эон — эра — эпоха — этап — период — момент.

Обратим внимание, что количество уровней для всех носителей масштаба оказывается близким — в пределах от 5 до 7. Это может быть обусловлено субъективными обстоятельствами (например, удобством описания, изучения и т.п.). В то же время давно известная закономерность перехода количественных изменений в качествен-

ные приводит к тому, что изменение размеров объекта рано или поздно приводит к изменению его сущности. *Можно сказать, что сущностное масштабирование является определяющим.* Оно, может быть, и не является исключительным фактором, от которого зависит масштабность пространства и времени, но, несомненно, во-первых, само наличие их взаимосвязи, и, во-вторых, зависимость пространственных и временных характеристик от соответствующей им сущности — как «черные дыры» во Вселенной, так и городские агломерации в системах расселения влияют на пространственно-временную метрику [15].

Особенности уровней масштаба

Каждый масштаб отличается определенными особенностями. Выявив эти черты, мы сможем определить, что именно меняется в объекте с изменением масштаба, движением вдоль масштабной шкалы. Пока мы можем говорить об этом в основном на отдельных примерах. Так, П.А. Чистяков установил ряд особенностей трех уровней территориального масштаба для некоторых демографических показателей [8, гл. 3]. Например, динамика численности населения в 1970–2003 гг. для России в разрезе регионов демонстрирует среднюю степень территориальной дифференциации, для регионального уровня (Курская обл.) в разрезе административных районов — низкую степень, а для локального уровня (Суджанский район Курской обл.) — высокую степень. Таким образом, «среди муниципалитетов Суджанского района наблюдается большее число вариантов динамики численности населения, чем среди районов Курской области или регионов России» [8, с. 102]. Очевидно, что изучение «поведения» различных показателей при продвижении вдоль масштабной шкалы может выявить интересные закономерности.

Помимо отдельных показателей, включая абсолютные (численность населения) или относительные (плотность населения), уровни масштабов могут отличаться другими чертами: тенденциями процессов, их скоростью и ускорением; факторами процессов; характером рисунка размещения объектов и т.д.

Связи уровней масштаба

Вопрос отношений и связей в географии изучается прежде всего в плане пространственном: географическое положение, потоки вещества, энергии, информации, людей и т.п. Немаловажно также исследование сущностных (например, функциональных, таксономических, причинно-следственных) и временных (в т.ч. хронологических,

генетических) отношений и связей. Из этого многообразия, изучаемого в рамках вопросов георелятивистики, для нашей темы наибольшее значение имеют иерархические отношения и связи в пределах одного носителя масштаба (например, пространства). Сложнее вопрос о том, каким образом осуществляется взаимодействие между масштабностью разных носителей. Не исключено, что в ходе изучения этого вопроса придется вводить новые виды отношений (или пользоваться аналогиями из других наук, в т.ч. физики).

Наиболее простым и в то же время очевидным видом межмасштабных отношений можно считать соответствие масштабов. Выше мы перечисляли предварительные списки уровней масштабов трех носителей — сущности, пространства и времени. Для каждого вида (типа) географических объектов можно установить характерные (средние) соответствия масштабов. Например, в России для регионального уровня характерны территориальные масштабы 10–200 (63 региона-субъекта) и 300–1000 (13 субъектов) тыс. кв. км, временные масштабы (период существования) 66–90 лет (62 субъекта) и сущностные масштабы по показателю «численность населения» 0,1–3 млн. чел. (70 субъектов).

Сильные отклонения от этих данных, как в сторону превышения, так и в сторону отставания, обращают на себя внимание и являются предметом изучения и объяснения, о чем уже говорилось. Так, несоответствие масштаба пространственного и сущностного — концентрация (превышение сущности, например, высокая плотность населения) и рассеянность сущности на территории. Несоответствие временного и сущностного масштабов — концентрация (частая встречаемость, повторяемость событий — например, повышенная рождаемость) и рассеянность (редкость) сущности во времени. Несоответствие пространственного и временного масштабов — нехарактерное время существования: малые объекты могут существовать долго, как государство Сан-Марино; большие — недолго, как империя Чингисхана. Несоответствия масштабов могут сопровождаться своеобразным «давлением масштаба» (по аналогии с «давлением места» Б.Б. Родомана [10, с. 80–82]), для преодоления которого и сохранения существующего положения дел может требоваться определенная дополнительная сила, ресурсы.

Основным видом отношений и связей масштабов одного носителя разных уровней можно считать иерархию. Иерархические отношения, реализуемые в одноименных связях, могут выстраиваться между объектами, разномасштабными по сущности (завод, подчиняющийся комбинату; диаспора, находящаяся под влиянием материн-

ского этноса и т.д.), либо между объектами, разномасштабными по территории (регион в составе страны и т.п.).

Большое значение для геореалистики применительно к взаимодействию масштабов могут иметь также причинно-следственные связи. Они могут иметь как однонаправленный характер (от более масштабных явлений и процессов — к объектам меньших масштабов), так и двусторонний (см. уже упоминавшуюся статью К. Уолтерса и Дж. Кормана [18]).

Географическое изучение объектов редко обходится без пристального внимания к географическому положению. Этот специфический для нашей науки вид отношений также может дать хорошие результаты применительно к изучению разномасштабных объектов — об этом неоднократно писали Н.Н. Баранский, И.М. Маергойз и др. Важным является расположение малых объектов относительно больших (например, город в пределах своей страны и относительно зарубежных стран) и больших относительно ключевых малых (например, страны относительно важнейших морских каналов). Кроме того, географическое положение само по себе имманентно содержит полимасштабность, что приводит к необходимости рассмотрения его на разных территориальных уровнях (макро, мезо, микро).

Существуют и другие виды отношений и связей, в т.ч. функциональные, генетические и т.д. На данном этапе исследования полимасштабности мы эти аспекты не рассматриваем.

Полимасштабная модель

Попытаемся сконструировать полимасштабную модель территории, исходя из необходимости изучения прежде всего населения.

В общественной географии используется большое разнообразие моделей для отображения (визуализации), оценки, прогнозирования объектов и решения других задач. Это морфологические модели (отражение картины размещения, в т.ч. геоситуации — в последние десятилетия в основном с применением средств ГИС); структурно-функциональные модели (например, на основе теории центральных мест); системные модели (в частности, с взаимосвязями городской и сельской местности, например, как у Ю.Р. Архипова — в виде системы моделей); модели развития (в т.ч. «центр-периферия» Джона Фридмана, пространственного неравенства Пола Кругмана и др.).

Целеполагание — первый этап для построения модели расселения населения. С одной стороны, в период относительной стабилизации численности населения может показаться, что особой необходимости в моделировании нет, но это не так. Даже неизменная или поч-

ти неизменная численность — результат многих, порой весьма сложных процессов, зыбкая точка равновесия, которое легко может быть нарушено. Кроме того, необходимо помнить, что население и его размещение — сложные объекты, и для прикладной деятельности они важны не только как единое целое, но и их компоненты, составляющие, которые при поверхностной общей стабильности часто оказываются весьма подвижны. Так, к относительно консервативным элементам населения обычно относят каркас расселения (но и он может быть подвержен значительной динамике), а к подвижным — миграции.

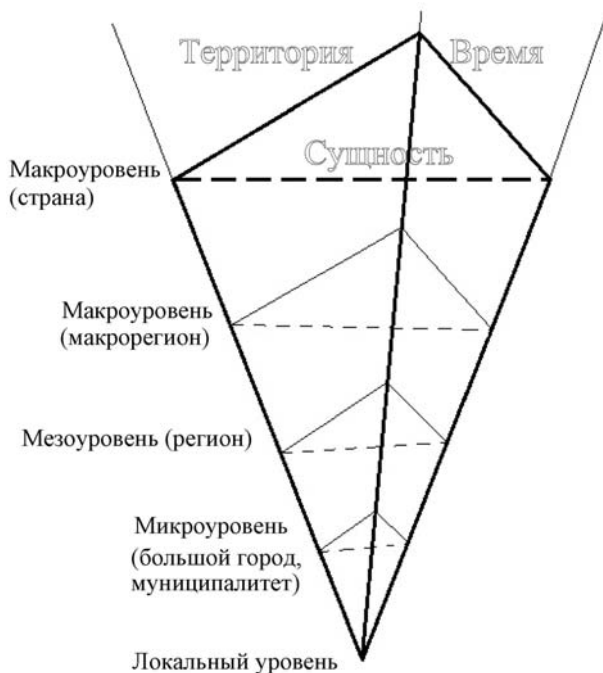
Зачем в настоящее время нужны модели населения вообще и многомасштабные модели в частности? Во-первых, остается актуальной задача прогнозирования населения (численности, размещения, различных структур) для хозяйственной деятельности, включая социальную сферу экономики (бытовое обслуживание, образование, здравоохранение, транспорт и т.п.). Во-вторых, большое значение имеют вопросы экологического характера: соблюдение нормативной обеспеченности населения необходимыми ресурсами (например, зелеными насаждениями), предельно допустимые нагрузки на те или иные участки ландшафта (в частности, в национальных парках), расчеты экологических рисков и т.д. В-третьих, необходимы сведения для разработки многих вопросов социальной политики, а также оценки ее эффективности и формулировки рекомендаций по оптимизации этой политики.

Многомасштабная модель имеет ряд преимуществ по сравнению с теми, которые ориентированы только на один уровень территориальной организации. Главным представляется согласованность, сопряженность этих уровней в модели, что позволяет учитывать связи между уровнями, а также их подобие (в некотором смысле можно говорить о фрактальности). Кроме того, введение разных масштабов делает модель универсальной — построив ее один раз, потом можно, с учетом коррекции, использовать ее для разных целей (разных основных уровней территориальной организации).

Представим визуализацию модели территории — или, скорее, модель моделей (см. рисунок). У тетраэдрической пирамиды, стоящей на вершине, основание и параллельные (более или менее) ему срезы соответствуют уровням масштаба, причем грани пирамиды — атрибуты, или носители масштаба (сущность, пространство, или территория, и время).

На рисунке примеры четырех уровней: микро-, мезо-, два макро. Основание принято как уровень страны, но продолжение ребер вверх

показывает возможность перехода и на более высокие уровни (вплоть до глобального). Вершина, на которой стоит тетраэдр — locus, место (например, сельский населенный пункт).

Общая схема полимасштабной модели территории

Данная графическая модель позволяет «разворачивать» ее в другие графические модели, детализирующие отдельные элементы, аспекты всех трех носителей масштаба. Например, можно показать подробнее каждый срез (уровень масштаба) или фрагмент грани (например, структуры населения и т.д.). При этом предполагается основной объем пирамиды использовать для создания схемы межмасштабных отношений, связей и взаимодействий. Поэтому данная система моделей может быть названа нейронной, т.к. полная схема может оказаться весьма сложной. Дополнительно показать разномасштабность времени логично будет на графиках, территории — на картах, сущности — на структурных схемах и др.

Моделирование пространственно-временной организации населения требует введения как пространственных и временных, так и

пространственно-временных параметров. К пространственным показателям населения мы относим, например, плотность населения и плотность населенных пунктов, к **временным** — темпы естественного прироста населения, к **пространственно-временным** — плотность возникновения городов [8, с. 114–115]. Объекты, которым соответствуют те или иные значения параметров, должны располагаться на сущностной грани пирамиды, а сами значения отображаются не в данной модели, а в других видах: карты, таблицы, графики, диаграммы. Предполагается построение динамических рядов, что позволит говорить о прогнозировании основных процессов, тенденций.

Кроме того, необходимо выявление линейной и прочих видов зависимости отдельных показателей от изменения масштаба при движении вдоль шкалы — подобно тому, как в приведенном выше примере была выявлена такая зависимость степени территориальной дифференциации типа динамики численности населения (см. раздел «Особенности уровня масштаба»). При наличии данных возможным станет построение графиков, показывающих зависимость показателей от изменения масштаба.

Выводы

Полимасштабный подход — один из заметных инструментов в арсенале географа, но используется он обычно поверхностно. Необходимо сформулировать основные правила его применения, расширить круг объектов, изучаемых с помощью данного подхода, показать его возможности.

В числе технологических черт полимасштабного подхода — рассмотрение взаимодействия масштабов (например, микро-, мезо- и макроуровня), включая масштабы не только территориальные, но и сущностные и временные, а также продвижение по масштабной шкале в обоих направлениях (вверх и вниз) и использование не только дискретного масштабирования, но и непрерывного. Кроме того, можно говорить о некоторых содержательных чертах полимасштабного подхода.

Среди выделяемых уровней территориального масштаба мы упомянули на макрорегиональный уровень (например, в России — Урало-Поволжье), который имеется не повсеместно, но там, где он есть, не всегда оказывается в сфере внимания исследователей. Наблюдается примерное соответствие наиболее часто изучаемых уровней масштаба трех его носителей: сущности, пространства и времени (обычно 5–7 уровней в каждом случае).

Одной из основных задач изучения полимасштабных объектов (в т.ч. географического изучения территории) является определение особенностей каждого масштабного уровня, с выявлением таких параметров, которые изменяются при продвижении вдоль масштабной линейки. Другой ключевой вопрос полимасштабного подхода — внимание к взаимодействию масштабных уровней, которое проявляется в изучении отношений и связей между разными масштабами и в пределах одного носителя, и между ними. Это могут быть отношения разных видов: соответствие уровней масштабов, иерархия, причинно-следственные связи, географическое положение и т.д.

Моделирование в рамках географического исследования, базирующегося на полимасштабном подходе, представляется «двухярусным» — сначала необходимо построение общей, концептуальной модели («модель моделей»), а затем — частных моделей, отражающих и уровни масштаба, и другие особенности изучаемых явлений. В одном из вариантов общей модели, представленном в настоящей статье, отражены три атрибута действительности (сущность, пространство и время), которые могут менять свои черты в зависимости от изменения масштаба.

Для полимасштабного исследования географических объектов важно использование не только сущностных, пространственных и временных показателей, но и производных от них — пространственно-временных, сущностно-пространственных и сущностно-временных.

Настоящая статья во многом носит характер постановочной, и стоит рассчитывать на продолжение изучения вопросов полимасштабности в географии. Это, например, дальнейшая разработка основ технологии полимасштабного подхода, становление терминологии, изучение характерных объектов и т.п. Представляется, что географический масштаб может стать основой для формирования не одной теории, причем не только географической, но и общенаучной.

Литература

1. Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник РАН. 2009, т. 79. №2. — С. 101–112.
2. Воронова О.Н. Региональная экономика [Электронный ресурс] // Образовательный сайт Вороновой О.Н. Режим доступа открытый <http://www.voronova-on.ru/regioneconom/page504/index.html>
3. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.

4. *Максаковский В.П.* Общая экономическая и социальная география: курс лекций. В 2 ч. — М.: ВЛАДОС, 2009.
5. *Мартынов А.С., Артюхов В.В., Виноградов В.Г.* Россия как система: атлас. Режим доступа открытый http://www.sci.aha.ru/RUS/wab_.htm
6. *Нефедова Т.Г.* Социальная география сельского хозяйства // Региональные исследования. 2006. №4. — С. 3–22.
7. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат.сб. / Росстат. — М.: Статистика России, 2011. — 87 с.
8. Пространство циклов: Мир — Россия — регион / Под ред. В.Л. Бабурина, П.А. Чистякова. — М.: ЛКИ, 2007. — 320 с.
9. *Раужин И.Г.* Полимасштабный мониторинг демографических процессов в России с использованием геоинформационных технологий: дисс. ... канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2011. — 214 с.
10. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999. — 256 с.
11. *Трейвиш А.И.* Географическая полимасштабность в развитии России // География (приложение к газете «Первое сентября»). 2006. №11. — С. 3–8.
12. *Трейвиш А.И.* Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир: дисс. ... д-ра геогр. наук. — М., 2006. — 309 с.
13. *Хэггет П.* География: синтез современных знаний. — М.: Прогресс, 1979. — 684 с.
14. *Шарыгин М.Д.* Введение в экономическую и социальную географию: учебное пособие / М.Д. Шарыгин, В.А. Столбов. — М.: Дрофа, 2007. — 253 с.
15. *Шупер В.А.* Самоорганизация городского расселения. — М.: РОУ, 1995. — 166 с.
16. *Geoffrey J. Hay (Ph.D)* GIScientist, Landscape Ecologist [Электронный ресурс] // Sympatico Personal Webspace. Режим доступа открытый http://www3.sympatico.ca/ghay/people/Geoff_new/geoff_pubs.htm
17. *Hay G.J., Marceau D.J., Dube P., Bouchard A.* A multiscale framework for landscape analysis: Object-specific analysis and upscaling. In: Landscape Ecology, 16 (2001), 6, p. 471–490.
18. *Walters C., Korman J.* Cross-Scale Modeling of Riparian Ecosystem Responses to Hydrologic Management. In: Ecosystems, 2 (1999), 5, p. 411–421.

Самусенко Д.Н.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПРЯМОГО ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РОССИИ

Необходимым условием развития современной экономики является высокая инвестиционная активность, поскольку прямые иностранные инвестиции (ПИИ) играют важную роль, как на макро-, так и на микроуровне. Использование иностранных инвестиций является объективной необходимостью, обусловленной системой участия экономики страны в международном разделении труда и притоком капитала в отрасли, свободные для предпринимательства.

Россия, являясь крупнейшей страной с переходной экономикой, относится экспертами Всемирного Банка к «возникающим рынкам». С началом экономических реформ 1990-х гг. наша страна активно привлекает иностранный капитал.

Прежде, чем приступить к географическому анализу процессов прямого иностранного инвестирования в России, необходимо определиться с использованием информационных источников, предоставляющих необходимые для исследования статистические данные. Существует ряд авторитетных организаций, предоставляющих данные о географии ПИИ, а также их отраслевой структуре. На международном уровне это Комитет ООН по Торговле и Развитию (UNCTAD), Всемирный Банк (The World Bank), а также Международный валютный фонд (IMF). На национальном уровне это Банк России и Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат).

Анализируя общие закономерности динамики ПИИ в России, можно заметить, что данные о накопленных ПИИ в России и российских ПИИ за рубежом, в международных и национальных источниках информации значительно отличаются. Объясняется это рядом причин. Например, публикуя данные о географии участия России в международном движении капитала, Банк России дает сведения только о географии движения прямых и портфельных инвестиций, не приводя данных о географии международной инвестиционной позиции нашей страны. В отличие от Банка России, Росстат публикует сведения о географии накопленных инвестиций, однако они базируются на другой

методологической базе (не включающей, в частности, данные об организациях денежно-кредитной сферы), сильно занижающей объем этих инвестиций. Однако и эти неполные данные позволяют сделать некоторые выводы. Один из российских исследователей в области ПИИ А.И. Кузнецов пишет: «Неадекватность российской официальной статистики (поскольку Росстат формально не учитывает ПИИ только в финансовом секторе) связана с тем, что отечественные компании даже в случае легального прямого инвестирования не склонны особенно афишировать на родине вывоз своего капитала. В то же время в странах, получающих их средства, они реже заинтересованы преуменьшать размеры своих вложений, поскольку обычно ПИИ позитивно воздействуют на принимающую экономику (например, увеличивая число рабочих мест). Тем не менее, информация по таким важным получателям российских ПИИ, как Великобритания и Италия, отсутствует. В частности, британское статистическое ведомство после 2000 года не обнародует данные о ПИИ из России. Некоторые государства (например, Нидерланды) часто являются местом регистрации российских дочерних структур, инвестирующих средства в третьи страны или репатрирующих капитал на родину, что снижает точность статистических сведений». И всё же сопоставление данных центральных банков разных стран позволяет получить общие представления о масштабах российских ПИИ [1].

В данном исследовании анализ производился на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, поскольку наиболее полные сведения о географии ПИИ по субъектам РФ предоставляет только эта организация. При этом не рассматривались регионы, в которых потоки ПИИ в отчетном периоде были нулевыми, не регистрировались или были незначительными. Выбор 2010 года для исследования обусловлен наличием наиболее полных статистических сведений о ПИИ в России и российских ПИИ за рубежом.

Место России в мировом процессе прямого иностранного инвестирования

Согласно оценкам ЮНКТАД, Россия относится к группе стран с высоким потенциалом привлечения ПИИ и их низким притоком.

По данным этой организации, на конец 2010 г. суммарный объем прямых иностранных инвестиций в мире достигал примерно 20 трлн., долл. При этом, объем накопленных ввезённых ПИИ в России, составлял 423 млрд. долл., а накопленных за рубежом российских ПИИ

— 434 млрд. долл. По данным Росстата, эти цифры составляли около 116,2 млрд. долл. и 56 млрд. долл. соответственно [3, 5].

На конец 2010 г. в экономике России накоплены инвестиции из 156 стран мира. На долю стран-основных инвесторов (Кипр, Нидерланды, Люксембург, Китай, Германия, Великобритания, Ирландия, Франция) приходилось 73,1% общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций. Наибольший объем накопленных прямых инвестиций приходился на Кипр — 44,7 млрд. долл. и Нидерланды — 22,4 млрд. долл.

Накопленные ПИИ из стран СНГ составляли 595 млн. долл. Крупнейшими инвесторами в этом случае являются Казахстан (324 млн. долл.) и Азербайджан (150 млн. долл.).

Странами с наибольшими объёмами накопленных на конец 2010 г. российскими ПИИ являлись Нидерланды, Кипр, США, Швейцария, Белоруссия, Великобритания, Британские Виргинские острова, Армения, Люксембург. На их долю приходилось 92,4% от общего объема направленных прямых инвестиций (524 млрд. долл.).

В 2010 г. по сравнению с предыдущим годом поступление прямых инвестиции снизилось на 13,2% (в 2009 г. по сравнению с 2008 г. — снижение на 41,1%), что вызвано снижением объемов прямых иностранных инвестиций из основных стран-инвесторов: из Виргинских (Британских) островов — на 395 млн. долл. (на 56,3%), Финляндии — на 286 млн. долл. (на 42,4%), Кипра — на 253 млн. долл. (на 6,8%), Швейцарии на 231 млн. долл. (на 68,2%), Китая — на 180 млн. долл. (на 59,8%) [3].

Наибольшее снижение объемов прямых иностранных инвестиций в 2010 г. по сравнению с 2009 г. отмечено в организациях, осуществляющих оптовую и розничную торговлю; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования — на 1,6 млрд. долл. (на 45,6%); в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых — на 1,0 млрд. долл. (на 37,3%); в строительстве — на 318 млн. долл. (на 42,7%).

Значительный рост прямых инвестиций наблюдался в производстве транспортных средств и оборудования — на 468 млн. долл. (в 2,0 раза), машин и оборудования — на 268 млн. долл. (на 60%), производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака — на 228 млн. долл. (на 61,1%).

В целом, среди видов экономической деятельности наиболее привлекательными для вложения иностранного капитала в 2010 г. была финансовая деятельность; обрабатывающие производства; добыча полезных ископаемых, оптовая и розничная торговля; ремонт ав-

тотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт и связь. В эти же отрасли, главным образом, направлялись и российские ПИИ [3].

Место регионов России в процессах прямого иностранного инвестирования

К сожалению, Росстат не предоставляет сведений о накопленных ввезённых и вывезенных ПИИ по субъектам РФ. Однако, даже анализируя данные о потоках ПИИ за 2009–2010 гг., возможно получить представление о процессах прямого иностранного инвестирования в регионах России.

В 2010 году в Россию от иностранных инвесторов поступило 13,8 млрд. долл. ПИИ, что примерно на 14% меньше показателя 2009 г. [4]

Бессменным лидером по привлечению прямых иностранных инвестиций в 2010 году, несмотря на значительное сокращение объема притока, остался Центральный федеральный округ, в который поступило более 59,2% от всего объема привлеченных в Россию ПИИ (в 2009 г. — 58,1%, в 2008 г. — 46,4%).

Вторым по объему поступивших иностранных инвестиций является Северо-Западный Федеральный округ, который привлек 14,5% от общего объема ПИИ. На Дальневосточный федеральный округ, занимавший второе место в 2008 году, пришлось около 8,5% от объема ПИИ в Россию, из которых основная часть приходится на Сахалинскую область (68,2%), что обусловлено участием иностранных инвесторов в разработке нефтегазовых месторождений региона.

Рост объема притока иностранных инвестиций наблюдается только в Уральском Федеральном округе (на 24,9%) и Приволжском Федеральном округе (14,5%). При этом рост прямых инвестиций в данных Федеральных округах в абсолютном значении не столь существен (прирост составляет 58,1 млн. долл. и 134,0 млн. долл. соответственно).

Во всех остальных округах продолжилось снижение притока ПИИ, однако уже в гораздо меньшем темпе, чем в 2009 г. Наибольшее снижение отмечено в Северо-Кавказском Федеральном округе — на 41%, Южном федеральном округе — 24,6% и Сибирском Федеральном округе — 23,6%.

Распределение ПИИ по регионам также характеризуется значительными диспропорциями, показатель колеблется от 140 долл. в Республике Мордовия до 2,2 млрд. в Московской области и 3,8 млрд. долл. в г. Москве. В 8 регионах приток ПИИ был нулевым или не регистрировался (Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика

Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика и Чеченская Республика). В двух регионах приток ПИИ был незначительным, Республике Мордовия и в Магаданской области объем приток прямых иностранных инвестиций составил 140 долл. и 750 долл. соответственно.

Значительное увеличение поступления прямых иностранных инвестиций наблюдалось в Чукотском автономном округе — с 52 тыс. до 24 млн. долл. (в 470,5 раза), Орловской области — с 2,5 млн. до 65 млн. долл. (в 25,3 раза), Курской области — с 2,5 млн. до 17 млн. долл. (в 6,9 раза), Ульяновской области — с 7,7 млн. до 44,5 млн. долл. (в 5,8 раза), Еврейской Автономной области — с 3 млн. до 16 млн. долл. (в 5,5 раза), Липецкой области — с 58 млн. до 177 млн. долл. (в 3,0 раза), Воронежской области — с 11 млн. до 30,6 млн. долл. (в 2,7 раза), Свердловской области — с 88 млн. до 204 млн. долл. (в 2,3 раза) [4].

Среднегодовые тенденции привлечения ПИИ в регионы России за период 2006–2010 гг. представлены на картосхеме (рис. 1).

В 2010 году из России было направлено 10,2 млрд. долл. ПИИ, что примерно на 59% меньше показателя 2009 г. При этом, прямые инвестиции осуществлялись лишь из 30 субъектов РФ.

Лидером по этому показателю также является Центральный Федеральный округ, из которого было направлено 85% годового объема ПИИ. На втором месте Северо-Западный Федеральный округ, доля которого составляет лишь 5,5%. На третьем месте Сибирский Федеральный округ (2,4%). Далее следуют Южный (2,3%), Приволжский (2%), Уральский (1,5%), Дальневосточный (1,3%) Федеральные округа. Из Северо-Кавказского Федерального округа было вывезено менее 1% ПИИ. При этом, пятерка регионов лидеров-экспортёров ПИИ выглядит следующим образом: г. Москва (8,6 млрд. долл.), Вологодская область (465 млн. долл.), Красноярский край (249 млн. долл.), Краснодарский край (236 млн.долл.), Чувашская Республика (171,6 млн.долл.). Пятерка регионов аутсайдеров по данному показателю представлена Ярославской областью (22 тыс. долл.), Иркутской областью (20 тыс. долл.), Сахалинской областью (12 тыс. долл.), Калининградской областью (1 тыс. долл.) и Калужской областью (0,3 тыс. долл.)

Показатель отношения прямых иностранных инвестиций к численности населения (ПИИ на душу населения) характеризует обеспеченность трудовых ресурсов ресурсами инвестиционными,

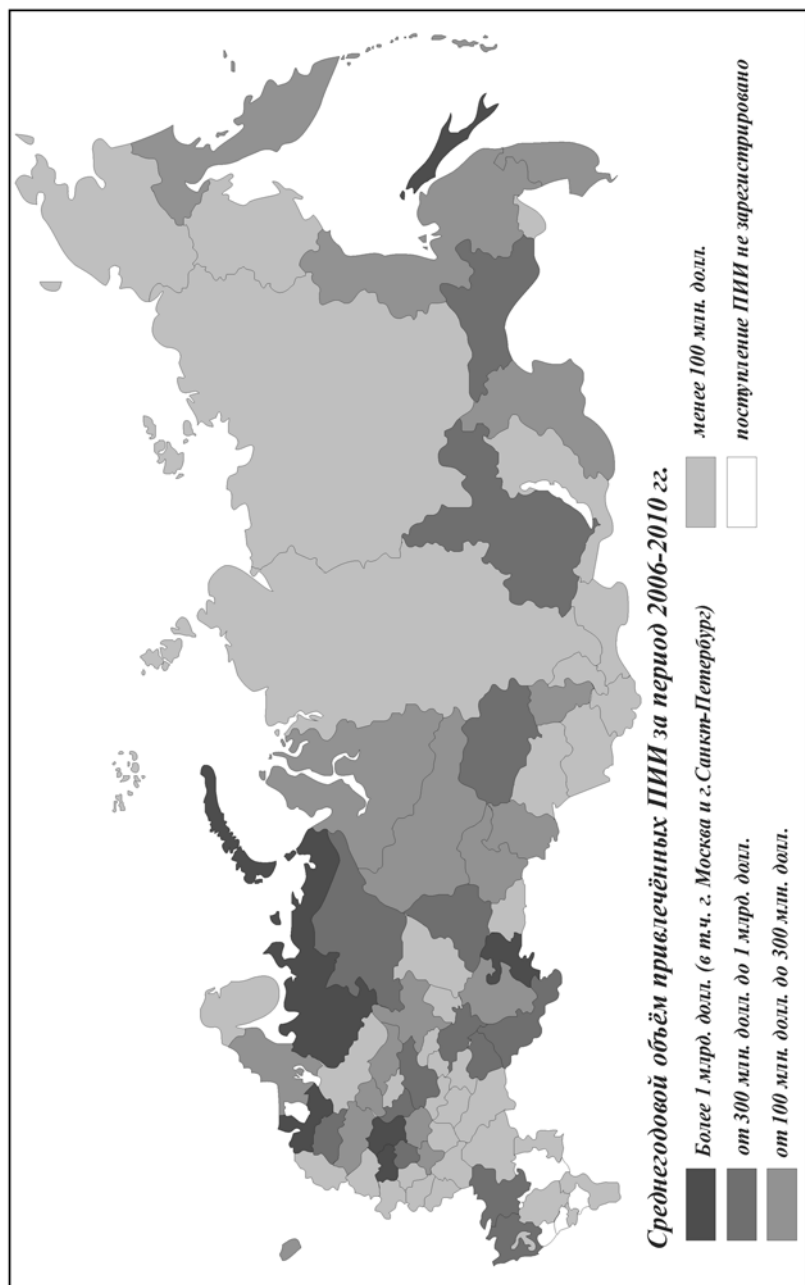

Рис. 1. Распределение привлечённых ПИИ по регионам России за период 2006–2010 гг. (не включая прямые иностранные инвестиции с Кипра и Британских Виргинских островов). Рассчитано автором по [3].

что делает его довольно удобным инструментом для межрегиональных сопоставлений.

В целом по Российской Федерации приток прямых иностранных инвестиций на душу населения в 2010 году составил 97,3 долл. на человека, что ниже показателя 2009 г. на 13,2%.

Лидером по рассматриваемому показателю в 2010 году остался Центральный Федеральный округ. Объём ПИИ на душу населения в округе снизился по сравнению с 2009 годом на 11,6%, что, тем не менее, является неплохим результатом в сравнении с другими федеральными округами.

Дальневосточный Федеральный округ сохранил за собой второе место (сокращение показателя на 21,7%), третье место занимает Северо-Западный Федеральный округ (сокращение показателя на 20,7%).

Положительная динамика показателя отмечена только в Уральском Федеральном округе (рост показателя на 24,7%) и Приволжском Федеральном округе (на 14,7%). Однако по сравнению с показателем 2008 года объём ПИИ на душу населения остается незначительным и составляет лишь 11% в Уральском Федеральном округе и около 50% в Приволжском Федеральном округе [4].

На региональном уровне отмечается значительная диспропорция по уровню ПИИ на душу населения. В регионе-лидере по показателю ПИИ на душу населения — Ненецком автономном округе, в 2010 году было инвестировано примерно 9 тыс. долларов на чел., что почти в 6 раз больше чем в Сахалинской области, занимающей второе место, и почти в 9 раз больше чем в Калужской области, третьем регионе по этому показателю. Высокие показатели Ненецкого автономного округа и Сахалинской области обуславливается двумя основными факторами, типичными для активного ресурсного освоения слабозаселённых территорий, — высокой стоимостью проектов разработки нефтегазовых месторождений при отсутствии потребности в большом количестве постоянного населения для их реализации [2]. Низкой численностью населения обуславливается и высокое значение показателя в Чукотском автономном округе, занимающем четвертую строчку.

Значение показателя ниже 10 долл. на чел. было зарегистрировано в 16 регионах (против 19 регионов в 2009 г.). Помимо регионов, занявших последние 10 строчек (Астраханская область, Саратовская область, Брянская область, Челябинская область, Тамбовская область, Республика Саха (Якутия), Пензенская область, Вологодская

область, Республика Дагестан, Республика Бурятия), к ним относятся Мурманская область, Смоленская область, Ивановская область.

Отток ПИИ на душу населения по России в 2010 году составил 72,3 долл. на чел. Лидером по рассматриваемому показателю в 2010 году остался Центральный федеральный округ (235 долл. на чел.); на втором месте Северо-Западный (42 долл. на чел.); на третьем Дальневосточный (20,8 долл. на чел.); далее следует Южный (17,2 долл. на чел.). Из Сибирского и Уральского Федеральных округов было вывезено примерно одинаковое количество ПИИ (12,7 долл. на чел. и 12,6 долл. на чел. соответственно). Из Приволжского было вывезено 6,8 долл. на чел. Наименьший показатель соответствует Северо-Кавказскому Федеральному округу — менее 1 долл. на чел.

На региональном уровне пятёрка лидеров выглядит следующим образом: г. Москва (752 долл. на чел.), Вологодская область (387 долл. на чел.), Чувашская Республика (137 долл. на чел.), Красноярский край (88 долл. на чел.), Приморский край (68 долл. на чел.). Пятёрка наиболее явных аутсайдеров представлена Сахалинской областью, Ярославской областью, Иркутской областью, Калининградской областью и Калужской областью. Во всех данных регионах объёмы вывезенных ПИИ на душу населения в 2010 г. составляют менее 1 долл. на чел.

Показатель отношения объема прямых иностранных инвестиций к валовому внутреннему продукту традиционно принято использовать для проведения межстрановых сравнений. Отношение ПИИ к валовому региональному продукту можно рассматривать как сопоставимый по значению показатель, который иллюстрирует соответствие масштабов инвестирования размерам региональной экономики.

Отношение притока прямых иностранных инвестиций к ВВП РФ в 2010 году составило 1,6%.

Среди регионов, максимальное значение показателя в 2010 году отмечено в Калужской области (19,5%) и Ненецком автономном округе (9,2%). Несколько отстают Сахалинская область (6,0%) и Владимирская область (5,8%). Еще в 8 регионах показатель превысил уровень 2%: Амурская область (4,1%), Новгородская область (4,0%), Московская область (3,8%), Тульская область (3,1%), Республика Коми (3,0%), Ленинградская область (2,6%), Томская область (2,1%) и Республика Хакасия (2,1%). В 54 регионах значение показателя не превышает 1% (против 58 регионов в 2009 году).

В целом по России в 2010 году отмечалось снижение отношения притока ПИИ к ВРП, показатель снизился почти на 29%. При этом в

различных регионах динамика сильно различается. Наибольшее увеличение показателя отмечено в Чукотском автономном округе (в 536 раз), Орловской области (в 20 раз), Курской области (в 5,9 раза), Ульяновской области (в 4,9 раза) и Еврейской Автономной области (в 4,5 раза). Однако в большинстве случаев такие цифры достигнуты за счет крайне низкого значения показателя в 2009 г. [4]

Из 30 субъектов Федерации, которые осуществляли экспорт ПИИ в 2010 г. лишь 4 имеют показатель отношения оттока ПИИ к ВРП более 1%: Вологодская область (5,63%), Чувашская Республика (3,43%), г. Москва (3,14%) и Республика Карелия (1%). В оставшихся 26 субъектах данное отношение крайне незначительно.

Основные выводы

1. Ввиду существенных расхождений международной и национальной статистики, анализ процессов прямого иностранного инвестирования в России затруднён. Согласно данным национальной статистики, Россия относится к нетто-импортёрам ПИИ, хотя по данным международной статистики, она скорее относится к промежуточному (сбалансированному) типу стран по её роли в процессах прямого инвестирования в мировую экономику.
2. Основными прямыми инвесторами для России, как и получателями российских прямых инвестиций, преимущественно являются страны со льготной налоговой политикой.
3. Среди видов экономической деятельности на территории России для ПИИ наиболее привлекательны, прежде всего, финансовая деятельность, далее, отрасли обрабатывающей промышленности (главным образом производство кокса и нефтепродуктов) и, на последнем месте, отрасли добывающей промышленности. В эти же отрасли, главным образом, направляются и российские прямые инвестиции.
4. Большая часть получаемых ПИИ оседает в регионах Центрального и Северо-Западного Федеральных округов. С одной стороны, этому способствует развитая инфраструктура, которая создаёт благоприятные условия для ведения бизнеса, с другой стороны — значительные запасы разведанных полезных ископаемых, в особенности нефти и газа, добыча которых является рентабельной ввиду их высокого качества и неглубокого залегания. Эти же регионы являются и крупнейшими экспортёрами ПИИ.
5. В целом, для России характерна положительная динамика притока и оттока ПИИ, наблюдаемая в посткризисный период.

Литература

1. Кузнецов А.В. Российские прямые инвестиции в странах ЕС // Современная Европа. 2007. №1. — С. 37–50.
2. Самусенко Д.Н. Особенности функционирования предприятий крупного бизнеса в России // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. — М.: Эслан, 2010. — С. 395–403.
3. <http://www.gks.ru/> — Федеральная служба государственной статистики РФ
4. http://www.nisse.ru/work/projects/monitorings/investment/investment_5.html — Мониторинг инвестиционной активности в регионах России: прямые иностранные инвестиции в 2010 году.
5. <http://www.unctad.org/fdistatistics> — UNCTAD database

Семина И.А.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИВНОСТИ

Характеристика «депрессивности» применительно к району, региону, территории, городу впервые получила хождение в период мирового экономического кризиса в 20–30-е годы XX столетия. «Депрессия» — «спад», «подавление» (лат. — *depressio*), то есть ухудшение состояния после периода подъема или нормального функционирования [8].

Термин «депрессивные регионы» появился в Великобритании в период кризиса 1929 г. К разряду таких территорий были отнесены: Уэльс, Шотландия, Северо-Восток и Северная Ирландия. Большинство из них являются старыми промышленными центрами, выросшими на добыче каменного угля, в них давно сложилась узкая специализация в обрабатывающей промышленности на черной металлургии и судостроении.

Депрессия в этих районах имела структурную природу, а точнее была связана со стадийной отсталостью промышленной структуры данных регионов и, как следствие, с трудностью замещения депрессивных отраслей (угледобыча, производство стали и текстиля) совре-

менными, быстрорастущими (электроника, химия и др.). Важнейшими индикаторами такого состояния экономики явились [5]:

- быстрый упадок преобладающих традиционных отраслей (быстрее, чем в национальном масштабе);
- низкий рейтинг предпринимательской способности;
- высокий уровень безработицы, возрастающий, в связи с высвобождением рабочих в традиционных для региона отраслях;
- повышенная миграция из региона.

В ФРГ депрессия обострилась в районах угольных бассейнов Рура и Саара, железорудных месторождений в Герце и Зигерлянде. Черты региональной депрессии наиболее полно проявились в экономике Рура — крупного индустриального района.

Исследователи региональной структуры экономики США наибольшее внимание уделяют Аппалачскому региону, представляющему собой зону тотальной депрессии [10]. Среди причин и факторов, предопределивших небывалую по своим размерам и глубине депрессию, выделяют:

- географическую изолированность региона от центров экономического и культурного прогресса;
- устойчивость хозяйственного уклада и стойкую приверженность жителей к патриархально-семейным связям и традициям, что явилось тормозом в формировании предпосылок рыночных отношений;
- индустриальное развитие Аппалачей ориентировалось преимущественно на интенсивную ресурсную эксплуатацию региона и на последующий вывоз капитала за его пределы, что привело к гипертрофированному росту угольного производства и его дальнейшей долгосрочной отрицательной динамике в результате структурных сдвигов в экономике страны.

Совокупное действие указанных факторов нашло свое отражение в опережающих темпах спада производства, резком ухудшении качества окружающей среды, низких показателях социально-демографического развития.

Представляя интерес и точечные ареалы депрессии. Одним из них является американский г. Питтсбург — центр Западной Пенсильвании (окраина Аппалачского региона). Исторически значение Питтсбурга как индустриального центра было обусловлено уникальным по размерам, обилию и качеству сочетанием полезных ископаемых. Во второй половине XIX века в данном центре было сосредоточено около половины американского производства стали, треть производства

стекла, но уже с 20-х годов XX века город оказался в сложной социально-экономической ситуации. Узкая специализация на некогда процветавших, а ныне упадочных отраслях тяжело сказалась на экономике, и г. Питтсбург потерял почти 20% своего населения. Надежды на возрождение города связаны с коренной перестройкой его хозяйственной структуры — от металлургии к наукоемким отраслям, от промышленности к сфере услуг.

Исследователи территориальной структуры Франции отмечали существование трех основных проблем, определяющих специфику регионального развития страны: противоречия между гипертрофированной столицей и подавляемой ею провинцией; наличие обширных слабообразованных сельскохозяйственных районов, образование депрессивных регионов, нуждающихся в структурной модернизации [5, 11]. Во Франции к депрессивным промышленным районам относят ряд районов довольно старых угольных месторождений в бассейне р. Луары, в горах Севены, Аквитании, Оверне. Быстрый научно-технический прогресс и изменения экономической структуры усилили региональные диспропорции в стране. Еще недавно передовые промышленные районы — Северный промышленный район и Лотарингия — внезапно оказались в числе наиболее кризисных, несомненно, требующих поддержки государства. Под влиянием структурных сдвигов экономика этих районов, базирующаяся на традиционных отраслях, оказалась неподготовленной к изменившемуся характеру спроса на рынке и переходу на производство современных товаров потребления. Общей проблемой депрессивных регионов Франции была нехватка местной рабочей силы в отличие от Великобритании, для депрессивных регионов которой характерна безработица.

У каждой страны своя национально-историческая специфика проблемы региональной депрессивности. Однако при всем многообразии моделей этого явления можно установить ряд объективных причин и факторов формирования депрессивных территорий. Обобщая изложенные факты, можно сказать, что одна из основных причин региональной депрессии заключается в выбранной схеме хозяйственного развития конкретной территории. Для всех рассмотренных регионов характерна однобокая зависимость промышленности от одной — двух отраслей (угольная, металлургическая, текстильная), основу развития которых составили богатые запасы природных ресурсов.

Депрессивные регионы схожи между собой не только относительно узостью структуры промышленности, но и слабой адаптацией к альтернативным видам деятельности, малой диверсифициро-

ванностью производства, устарелым характером социальной и промышленной инфраструктуры, дисбалансом в развитии различных секторов экономики, а также высокой концентрацией производства. Несмотря на внешний динамизм, обусловленный бурным ростом лидирующих отраслей, такая экономическая система становится особо уязвимой в части зависимости от изменений рыночной конъюнктуры. Нарушение воспроизводственных циклов традиционных отраслей вызывает цепную реакцию кризисных явлений во всех взаимосвязях территориального комплекса. Старые отрасли из стимулятора развития региона скоро превращаются в его тормоз. Происходит своеобразный «моральный износ», устаревание отраслевой структуры, производственного аппарата, социальной инфраструктуры. Наряду с катастрофическим падением производства к основным социально-экономическим признакам — последствиям развития депрессивных процессов — относятся хроническая безработица и связанная с этим миграция населения [5]. Следствием развития депрессивных ситуаций становится также снижение доходов населения, негативные тенденции в сфере демографии, экологии, социальных услуг. Обращение к проблемам депрессивных регионов вызывает необходимость обозначения таксономического уровня использования этого понятия. Депрессивными могут считаться [1, 7]:

- территории, объединяющие несколько субъектов федерации (Аппалачский регион, Новая Англия в США);
- собственно региональные образования (Шотландия, Уэльс в Великобритании);
- административно-территориальные звенья, городские агломерации (Рур в ФРГ, Питтсбург в США).

В теоретическом аспекте проблематики депрессивных территорий в России накоплен определенный позитивный опыт [2, 3, 4, 8, 9]. Таблица 1 отражает анализ сущностно-характерных черт депрессивных территорий, откуда видно, что в официальных правительственных документах и научной литературе не выработано единого критерия проблемного региона, не существует четкого определения понятия «депрессивный регион».

Депрессивные регионы, как считает А.Г. Гранберг, принципиально отличаются от остальных тем, что при более низких, чем в среднем по стране, современных социально-экономических показателях в прошлом эти регионы были развитыми, а по некоторым производствам занимали ведущие места в стране. Как правило, эти регионы имеют достаточно высокий уровень накопленного производственно-технического потенциала, значительную долю промышленного про-

Таблица 1.

Анализ сущностно-характерных черт депрессивных территорий

Авторы	Родовое понятие	Отличительные признаки	Достоинства	Недостатки
Правительство РФ	Район	1. Достаточный экономический потенциал. 2. Устойчивое снижение производства, доходов населения и растущая безработица в результате структурного кризиса.	1. Выделено свойство явления – устойчивость. 2. Указана общая причина явления – структурный кризис.	Признак – «достаточный экономический потенциал» – не является определяющим свойством явления
Смирнягин Л.В. Былов С.	Территория	Отставание (сильное и устойчивое) по главным социально-экономическим показателям	1. Выделены свойства явления – сила и устойчивость. 2. Региональная депрессия характеризуется как явление, имеющие не только экономическое, но и социальное измерение.	1. Родовое понятие «территория» носит общий характер – не ясен масштаб явления. 2. Отсутствует ясность относительно специфической причины явления.
Лексин В.Н. Швецов А.Н.	Пространственно-локальное об-разование	1. Экономические, социальные, экологические и другие причины. 2. Отсутствие стимулов саморазвития. 3. Невозможность само-разрешения кризисных ситуаций	1. Родовое понятие содержит указание на уровень проявления региональной депрессии в чистом виде. 2. Депрессия характеризуется как системное явление	Размытость определения природы явления.

Штульберг Б.	Ограниченные территории	1. Сравнительно высокий уровень ранее накопленного экономического потенциала. 2. Значительная доля промышленного производства в структуре хозяйства. 3. Высокий уровень квалификации трудовых ресурсов. 4. Причина – низкая конкурентоспособность профилирующих отраслей. 5. Определяющие темпы экономического спада. 6. Высокий уровень безработицы. 7. Низкая степень инвестиционной активности. 8. Низкий уровень доходов населения	Выделены основные характеристики явления: глубина, интенсивность, устойчивость, системность, локализация на ограниченной территории.	1. Громоздкость определения. 2. Отсутствие обобщенных формулировок в определении признаков.
Гранберг А.Г.	Регион	1. Устойчивое снижение производства. 2. Старопромышленные регионы. 3. Высокий уровень ранее накопленного экономического потенциала.	1. Выделено свойство явления – глубина. 2. Указана общая причина явления – структурный кризис.	Отсутствие обобщенных формулировок в определении признаков.

изводства в структуре хозяйства, относительно высокий уровень квалификации кадров. Однако, по разным причинам (из-за падения спроса на основную продукцию или снижения ее конкурентоспособности, истощения минеральных ресурсов и т. п.) эти регионы потеряли свое бывшее экономическое значение и относительные преимущества. Продолжительность и глубина региональной депрессии определяется в значительной мере составом отраслей производства, кризис в которых стал основной причиной распространения депрессии, на всю экономику региона. Не вызывает сомнения утверждение этого автора, что конкретными причинами образования разновидностей новых депрессивных регионов стали переходные процессы и их переплетения, особенности социально-экономической динамики, а также трансформационные тенденции в экономическом пространстве Российской Федерации [4].

Согласимся с мнением, что депрессивными считаются территории, охваченные структурным кризисом, которые некогда развивались и укрепляли национальную экономику, а затем, уступили свое лидерство другим районам. Именно утрата ведущих позиций, значительное и устойчивое отставание от других регионов по важнейшим социально-экономическим показателям, структурный кризис экономики и связанные с этим трудности обозначают депрессивное состояние территории. Продолжительность и глубина региональной депрессии определяется в значительной мере составом отраслей производства, кризис в которых стал основной причиной распространения депрессии на всю экономику региона, и малой степенью ее диверсифицированности.

Депрессивные регионы России в наибольшей степени пострадали от разрыва прежних экономических связей; сокращения государственных заказов на продукцию доминирующих отраслей; значительного увеличения импорта, вытесняющего собственного производителя в виду устаревающего производственного аппарата, требующего обновления. Данные регионы имеют значительную долю производственных отраслей в структуре хозяйства, относительно высокий уровень квалификации кадров. К регионам депрессивного типа следует отнести и регионы с доминантой отраслей агропромышленного комплекса, экономическое положение которых находится в зависимости от ситуации на продовольственном рынке страны. Низкий уровень социально-экономической устойчивости и падение производства (промышленного, сельскохозяйственного) характерны для региональной депрессивности постсоветского пространства. Депрессивные регионы характеризуются как территории с устойчивым, глубо-

ким и долговременным спадом экономической активности, резким снижением уровня жизни населения, как регионы, значительно уступающие другим субъектам Федерации по ряду важнейших социально-экономических показателей. Формирующаяся под влиянием обозначенных депрессионных признаков структура региональной экономики характеризуется отсутствием сбалансированности и комплексности в развитии отраслей и секторов, инерционностью развития и слабой инновационной восприимчивостью. Однако и внутри таких регионов (субъектов Федерации) рассматриваемая «депрессивность» не повсеместна, имеется немало населенных пунктов и районов, состояние которых не отличается от среднего уровня. Поэтому, согласимся и с таким мнением [8], что депрессивными можно считать сколь угодно большие территории (в нашем случае рассматривается региональный уровень депрессивности), но если имеется намерение конструктивно решать проблему, то было бы более правильным сосредоточить внимание только на компактных территориальных образованиях (например, населенных пунктах), которые и являются действительно точками наиболее острых и безнадежных (если рассчитывать только на собственные возможности) депрессивных напряжений. При этом указанные «точки депрессии» могут и должны стать предметом особой государственной поддержки.

Депрессивные территории образуют большинство регионов, «проблемность» которых обусловлена, как правило, механизмами экономической реформы. Отсталые регионы являются таковыми традиционно в силу причин структурного и/или географического характера. «Отсталость» является долговременной характеристикой, подразумевает структурное и, в большинстве случаев, традиционное отставание в развитии по сравнению с более развитыми регионами. «Депрессия» — более динамичное явление, указывающее на недостатки в экономической деятельности. Истинная трагедия депрессивных территорий не в том, что это по определению «гиблое место», а в том, что ранее это место не было «гиблым». Поэтому депрессивность должна оцениваться одновременно по двум шкалам аномальных ухудшений: по сравнению с другими территориями и по сравнению со своим собственным прежним состоянием [8].

Существуют разные методические подходы к выделению регионов депрессивного типа (таблица 2). Результаты имеют как расхождения, так и совпадения в группе депрессивных регионов, что отчасти вызвано изменением круга анализируемых показателей, разной методикой обработки и оценивания данных и ранжирования регионов. Однако есть еще один фактор, который играет важную роль —

Таблица 2.

Методические подходы к выделению депрессивных регионов России

Автор/год	Методический подход	Индикаторы	Регионы
Постановление Правительства РФ №112 от 19 сентября 1998 г.	Расчетное превышение расходов над доходами в объеме регионального бюджета	– социально значимые расходы по бюджетам субъектов РФ; – доходы субъектов Российской Федерации с учетом финансовой помощи	Калужская обл., Тульская обл., Республика Мордовия, Тамбовская обл., г. Сочи (Краснодарский край), Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская респ., Республика Дагестан, Респ. Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия, Курганская область, Коми-Пермяцкий АО, Республика Удмуртия, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Хакасия, Таймырский АО, Эвенкийский АО, Усть-Ордынский Бурятский АО, Агинский Бурятский АО, Читинская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Амурская область, Камчатская область, Корякский АО, Чукотский АО, Сахалинская область

А.Г. Гранберг, 1997 г.	Сравнение с пороговыми значениями (среднероссийскими)	– индекс промышленного производства; – уровень безработицы; – отношение денежных доходов к прожиточному минимуму; – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Ивановская обл., Кировская обл., Псковская обл., Республика Чувашия, Владимирская обл., Тамбовская обл., Курганская обл., Волгоградская обл., Алтайский край, Читинская обл., Хабаровский край, Амурская обл., Еврейская автономная область, Республика Удмуртия
С.С. Артоболевский, Г. Вилкенс, 1998 г.	Сравнение с пороговыми значениями	– падение индекса промышленного производства 1990-1998 гг.; – объем промышленного производства на душу населения (мее чем 2500 рублей); – уровень безработицы (14% и выше).	Амурская обл., Читинская обл., Калининградская обл., Пензенская обл., Псковская обл., Сахалинская обл., Еврейская автономная область

А.А. Вьяльшина, 1999 г.	Многомерное ранжирование регионов	– накопленный спад промышленного производства; – удельный вес убыточных предприятий; – уровень безработицы; – число потребителей корзин в доходах населения; – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума.	Ивановская обл., Читинская обл., Республика Чувашия, Амурская обл., Брянская обл., Республика Алтай, Волгоградская обл., Курганская обл., Алтайский край, Ленинградская обл., Рязанская обл., Магаданская обл., Камчатская обл., Омская обл., Новосибирская обл.
С.Н. Леонов, 2002 г	Сравнение с пороговыми значениями	– уровень общей безработицы (9% и выше); – падение индекса промышленного производства к уровню 1990г. (менее 55%); – объем промышленного производства на душу населения (свыше 11 тыс. рублей).	Калининградская обл., Воронежская обл., Рязанская обл., Волгоградская обл., Республика Мордовия, Республика Бурятия, Новосибирская обл., Омская обл., Читинская обл., Амурская обл., Хабаровский край, Камчатская обл., Корякский АО

динамика типологии. Необходимо отметить, что в приведенных методиках исследовалась социально-экономическая обстановка в регионах как в различных временных интервалах, так и с помощью оценивания разнообразных индикаторов.

Проведенный анализ показал, что существует два основных подхода к выделению депрессивных регионов. Первый предполагает использование для анализа ряда показателей и их сопоставление с «пороговыми» значениями. Второй подход опирается на создание расчетного интегрального показателя, предполагающего агрегирование информации, а затем, ранжирование и типизацию регионов по количественному значению данного показателя.

Для выделения депрессивных регионов России и их дальнейшей типизации автором использовался алгоритм оценочной классификации, разработанный Тикуновым В. С. [14], который позволяет использовать ГИС-технологии в экономико-географических исследованиях. Получение интегральных характеристик выполнено на основе вектора размерности, который показывает степень удаленности всех исследуемых территориальных единиц (регионов России) от «условного» региона (за который принята в данном случае Республика Ингушетия) с наихудшими оценочными условиями. Каждая территориальная единица (регион) характеризуется набором показателей: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, объем промышленной продукции на душу населения. Показатели нормируются с использованием формулы 1:

$$x_{ij}^{\boxtimes} = \frac{|x_{ij} - \mathcal{L}_j|}{|\max/\min x_j - \mathcal{L}_j|}, \quad i = 1, 2, 3, \star, n, \quad (1)$$

$$j = 1, 2, 3, \star, m,$$

где n — количество территориальных единиц; m — количество показателей (x_{ij}); $\mathcal{L}_j$ — наихудшие для каждого показателя оценочные значения; $\max/\min x$ — экстремальные значения показателей, наиболее отличающиеся от величин $\mathcal{L}_j$:

$$\begin{aligned} \max/\min x &\equiv \min x && \text{если} && |\min x - \mathcal{L}| > |\max x - \mathcal{L}|, \\ \max/\min x &\equiv \max x && \text{если} && |\min x - \mathcal{L}| \leq |\max x - \mathcal{L}|. \end{aligned} \quad (2)$$

Данное нормирование дает возможность выразить отклонения всей системы показателей от наихудших оценочных значений и соизмерить их между собой. Суммарные значения показателей находятся по формуле 3

$$S_i = \sum_{j=1}^m \frac{|x_{ij} - x_j|}{|\max/\min x_j - x_j|}, \quad i=1,2,3,\star,n, \quad (3)$$

$$j=1,2,3,\star,m.$$

Такие величины приближенно характеризуют положение территориальных единиц: чем значительнее региональные показатели отличаются от наихудших значений (x_j), тем величина S_i будет больше, тем лучше оценочное социально-экономическое положение региона. Средние для таксонов величины S_i позволяют дать им оценочные характеристики, например, как очень плохие («отсталые»), плохие, («депрессивные»), хорошие («благополучные») и т. д., а также по значению расчетного интегрального показателя сопоставить их между собой.

По значениям интегрального показателя, отражающего комплекс рассматриваемых социально-экономических характеристик, было выделено пять основных типов регионов России — отсталые, депрессивные, «переходного типа», относительно благополучные, благополучные. Среднее значение интегрального индекса по региональным группам соответственно составило 0,238; 0,374; 0,430; 0,494; 0,649, для Республики Ингушетия — 0,106 [12].

При проведении социально-экономической типологии опробовали три варианта систем оценки по пяти показателям по всем субъектам РФ, включенным в сборники статистической информации. Первый вариант (описанный выше) отличался от второго тем, что расчет производился без учета автономных округов. Во втором и третьем вариантах учитывались автономные округа, но расчетные показатели не совпадали. В третьем варианте показатель «объем промышленной продукции на душу населения» заменен, включен в расчет — «ввод в действие жилых домов на 1000 жителей». Это связано с тем, что в Российской Федерации достаточно много регионов аграрного и аграрно-индустриального типа и развитие промышленного производства не так показательно как для регионов индустриального типа. Разновариантность в данном случае использовалась для детализации состава депрессивных регионов. Таблица 3 отражает второй и третий варианты оценки, где показано положение депрессивных ре-

гионов относительно «отсталых» и «переходного типа». Выделяется ряд субъектов Федерации, положение которых не совпадает в разных вариантах оценивания при дифференцировании депрессивных территорий (Камчатская и Иркутская области, Республика Хакасия). Особая ситуация по интегральному индексу характерна для автономных округов и Республики Чувашия. Таймырский и Корякский округа во втором варианте оценивания попали в группу «переходного типа», в третьем — «депрессивного типа». Республика Чувашия во втором варианте оказалась в «депрессивной» группе, а в третьем — в переходном типе. Положение остальных депрессивных регионов совпало во втором и третьем варианте оценки, что дало возможность «отсечь» их в отдельную группу. Сравнительно-географический подход к вопросам экономического развития данных регионов показал, что все они являются «высокодотационными» территориями со спадом производства в ведущих отраслях и низким уровнем доходов населения. Рост ВРП (в 2004 г.) отмечался лишь только в некоторых из них — Республике Мордовия, Кировской и Курганской областях, а остальные депрессивные территории либо значительно ухудшили свои позиции по сравнению с 1990 г. (Амурская и Читинская области, Приморский край, Республика Бурятия), либо «остались на месте». По оценкам уровня социально-экономического развития российских регионов в 2003–2005 гг. (согласно данным Министерства экономического развития и торговли РФ), выделенные в ходе данного исследования, депрессивные регионы (таблица 3) имели уровень развития — низкий, ниже среднего, «отсталые» — низкий и крайне низкий, «переходного типа» — средний и ниже среднего, «относительно благополучные» и «благополучные» — средний и выше среднего (за исключением Кемеровской области) [12]. Такого рода совпадение определенным образом подтверждает некоторую достоверность проведенных исследований.

Для проведения сравнительного анализа региональной депрессивности в 2011 году повторили расчет интегрального показателя, предполагающего агрегирование информации, а затем — ранжирование и типизацию регионов по количественному значению данного показателя по трем вариантам оценивания. Каждая территориальная единица (регион) характеризовалась набором показателей (таблица 4):

I вариант оценивания: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, **объем отгруженных**

Таблица 3.

Дифференциация депрессивных регионов России, 2004 г.

Регионы (второй вариант оценивания)	Значение интегрального показателя ¹	Регионы (третий вариант оценивания)	Значение интегрального показателя ²
Отсталые			
Республика Ингушетия	0,034	Республика Ингушетия	0, 215
Республика Калмыкия	0,205	Республика Калмыкия	0,878
Усть-Ордынский Бурятский АО	0,164	Усть-Ордынский Бурятский АО	1, 248
Республика Тыва	0,241	Республика Тыва	1, 281
Депрессивные			
Республика Дагестан	0,269	Республика Адыгея	1,578
Кабардино-Балкарская респ.	0,292	Республика Дагестан	1,611
Республика Адыгея	0,295	Ивановская область	1,612
Республика Марий-Эл	0,297	Курганская область	1,718
Республика Бурятия	0,298	Республика Марий Эл	1,735
Ивановская область	0,306	Республика Бурятия	1,736
Агинский Бурятский АО	0,320	Кабардино-Балкарская рес- публика	1,754
Карачаево-Черкесская респ.	0,320	Карачаево-Черкесская респуб- лика	1,781
Курганская область	0,322		
Республика Алтай	0,324		

¹ Интегральный показатель: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, объем промышленной продукции на душу населения.

² Интегральный показатель: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, ввод в действие жилых домов на 1000 жителей.

Амурская область Читинская область Ульяновская область Республика Чувашия Еврейская автономная область Приморский край Владимирская область Эвенкийский АО Алтайский край Республика Мордовия Ставропольский край Саратовская область Пензенская область Кировская область Камчатская область	0,340 0,341 0,345 0,347 0,352 0,352 0,356 0,358 0,358 0,360 0,361 0,365 0,365 0,367	Амурская область Ульяновская область Еврейская автономная область Камчатская область Читинская область Республика Алтай Приморский край Агинский Бурятский АО Алтайский край Иркутская область Корякский АО Эвенкийский АО Кировская область Костромская область Республика Мордовия Владимирская область	1,829 1,844 1,854 1,869 1,872 1,878 1,895 1,931 1,942 1,969 1,975 1,993 1,993 1,995 1,999 2,003
Республика Хакасия Иркутская область Костромская область Брянская область	0,368 0,374 0,375 0,376	Саратовская область Республика Хакасия Пензенская область Таймырский АО Брянская область Ставропольский край	2,013 2,045 2,049 2,053 2,070 2,080
Переходного типа			
Республика Удмуртия Воронежская область Рязанская область Новосибирская область Тверская область Оренбургская область Новгородская область Курская область Таймырский АО Корякский АО	0,377 0,377 0,378 0,379 0,382 0,384 0,386 0,388 0,394 0,411	Республика Удмуртия Рязанская область Новгородская область Тверская область Красноярский край Хабаровский край Тульская область Оренбургская область Курская область Республика Чувашия	2,127 2,142 2,145 2,157 2,176 2,184 2,187 2,189 2,195 2,277

товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами;

II вариант оценивания: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, **ввод в действие жилых домов на 1000 жителей;**

III вариант оценивания: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, **объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, ввод в действие жилых домов на 1000 жителей.**

Таблица 4 отражает результаты авторской методики выделения регионов России депрессивного типа по данным 2004 г. и 2010 г. Видно, что Республика Дагестан, Приморский край, Кировская, Пензенская, Саратовская, Иркутская области в 2010 году не вошли в группу изучаемых регионов, поскольку интегральный показатель строился по ряду статистических составляющих. Так, например, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума в 2010 году составило в Дагестане 442,2 %, в то время как в Республике Мордовия — 249,2 %. Другие регионы улучшили свои показатели: Кировская область — отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума и уровень бедности; Приморский край — отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума; Пензенская и Саратовская области — отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень безработицы; Иркутская область — отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами.

Проведенный анализ показал, что депрессивность — динамичное явление, которое должно оцениваться по сравнению с другими территориями и своим прежним состоянием; у регионов депрессивного типа много общих специфических черт регионального развития, между ними также проявляется определенная социально-экономическая дифференциация. Регионы Российской Федерации отличаются большим разнообразием географического положения, природно-климатических условий, демографической ситуации, исторически сложившимся местом в национальном хозяйственном комплексе и могут быть типизированы с точки зрения регионального развития [12,13]. Регионы депрессивного типа могут быть классифицированы

Авторская методика выделения регионов России депрессивного типа

2004 г.		2010 г.		
		варианты оценивания		
		<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>
1		2	3	4
Брянская обл.		Брянская обл.	–	–
Владимирская обл.		Владимирская обл.	Владимирская обл.	Владимирская обл.
Ивановская обл.		Ивановская обл.	Ивановская обл.	Ивановская обл.
Костромская обл.		Костромская обл.	Костромская обл.	Костромская обл.
Республика Адыгея		Республика Адыгея	Республика Адыгея	Республика Адыгея
Республика Дагестан		–	–	–
Кабардино-Балкарская республика		Кабардино-Балкарская республика	Кабардино-Балкарская республика	Кабардино-Балкарская республика
Карачаево-Черкесская республика		Карачаево-Черкесская республика	Карачаево-Черкесская республика	Карачаево-Черкесская республика
Ставропольский край		Ставропольский край	Ставропольский край	Ставропольский край
Республика Марий Эл		Республика Марий Эл	Республика Марий Эл	Республика Марий Эл
Республика Мордовия		Республика Мордовия	Республика Мордовия	Республика Мордовия

Кировская обл.	–	–	–
Пензенская обл.	–	–	–
Саратовская обл.	–	–	–
Ульяновская обл.	Ульяновская обл.	Ульяновская обл.	Ульяновская обл.
Курганская обл.	Курганская обл.	Курганская обл.	Курганская обл.
Республика Алтай	Республика Алтай	Республика Алтай	Республика Алтай
Республика Бурятия	Республика Бурятия	Республика Бурятия	Республика Бурятия
Республика Хакасия	Республика Хакасия	Республика Хакасия	Республика Хакасия
Алтайский край	Алтайский край	Алтайский край	Алтайский край
Иркутская обл.		Иркутская обл.	Иркутская обл.
Читинская обл.	Забайкальский край	Забайкальский край	Забайкальский край
Приморский край	–	–	–
Амурская обл.	Амурская обл.	Амурская обл.	Амурская обл.
Еврейская автономная обл.	Еврейская автономная обл.	Еврейская автономная обл.	Еврейская автономная обл.
Камчатская обл.	–	Камчатский край	Камчатский край
–	Чувашская республика	–	Чувашская республика
–	Воронежская область	Воронежская область	Воронежская область

по социально-экономическому положению и имеют различный потенциал выхода из депрессивного состояния. Условием перспективного развития регионов выступает необходимость преодоления ситуации, способствующей воспроизводству депрессивных процессов. Депрессивность — преодолимое явление при разумно построенной региональной политике, глубина депрессивных процессов уменьшается в зависимости от внешних и внутренних факторов регионально-го развития.

Литература

1. *Артоболевский С.С.* Региональная политика в развитых странах Европы: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. — М., 1992. — 27 с.
2. *Артоболевский С.С., Вилкенс Г.* Группировка российских регионов с целью территориальной концентрации федеральной поддержки. — <http://ieie/ncs/ru/and-and-recon>.
3. *Бочко В.С.* Социально-экономическая емкость депрессивных территорий: особенности выявления и изучения // Проблемы региональной экономики. 2004. №3/4. — С. 20–32.
4. *Гранберг А.Г.* Региональное развитие Российской Федерации // Региональное развитие: ОПЫТ России и Европейского Союза. — М: Экономика, 2000. — С. 60–62.
5. *Григорьева Л.О.* Организационно-экономический механизм развития депрессивных территорий: дис. ... канд. экон. наук. — Иркутск, 2003. — 204 с.
6. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
7. *Ларина Н.И., Кисельников А.А.* Региональная политика в странах рыночной экономики: Учебное пособие. — М.: Экономика, 1998. — 174 с.
8. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 8. Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения // Российский экономический журнал. 2001. №9. — С. 35–63.
9. *Леонов С.Н.* Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий // Известия РАН. Серия географическая. 2005. №2. — С. 68–76.
10. *Павлов Ю.М.* Региональная политика капиталистических государств. — М.: Наука, 1990. — 67 с.
11. *Павлова М.А.* Региональная политика Франции. — М.: Наука, 1974. — 27 с.

12. *Семина И.А.* Депрессивные регионы России: подходы к выделению и дифференциации // Проблемы региональной экологии. 2009. №4. — С. 109–115.
13. Типология субъектов Российской Федерации с точки зрения регионального развития / Под ред. В.В. Климанова // *Общественные финансы*; Вып. 1 (13). — М.: ИРОФ, 2007. — 208 с.
14. *Тикунов В.С.* Классификации в географии: ренессанс или увядание? (опыт формальных классификаций). — М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. — 367 с.

Булинина Н.С.

ТРАНСПОРТНАЯ ПОДСИСТЕМА ГОРОДА (на материалах Нижнего Новгорода)

В современном мире город — это не просто населённый пункт, но и «среда жизни огромного числа людей, место концентрации разнообразных видов деятельности, место рождения и распространения новых идей, технологий и достижений» [1]. В своём труде «География городов» Г.М. Лаппо говорит о городе как о совокупности трёх основных подсистем: население, экономическая база, сфера жизнеобеспечения. Однако, на наш взгляд, город имеет более сложную структуру, включающую в себя большее количество элементов: население, экономическая подсистема, информационная подсистема, экологическая подсистема, сфера жизнеобеспечения, транспортная подсистема, подсистема управления.

В городах-миллионерах, одним из которых является Нижний Новгород, особое значение имеет транспортная подсистема. Транспорт — это своеобразная артерия города, связывающая все его части между собой и обеспечивающая взаимодействие всех его подсистем. С давних времён, благодаря выгодному экономико-географическому положению на знаменитой стрелке — месте слияния рек Оки и Волги, Нижний Новгород является одним из крупнейших транспортных узлов страны. Однако расположение города у места слияния двух рек создает массу транспортных внутригородских проблем.

Общероссийское значение имеют крупный речной порт, Горьковская железная дорога, аэропорт, носящий статус международно-го. В самом городе широко развиты все виды транспорта — наземный (автобус, троллейбус, трамвай), подземный (метро) и даже речной

транспорт. Городской транспорт представлен муниципальными автобусами (59 маршрутов), маршрутными такси (60 маршрута), трамваями (19 маршрутов), троллейбусами (18 маршрутов) и метрополитеном (2 линии) [2]. С недавнего времени функционирует канатная дорога через Волгу, соединяющая Нижний Новгород с Бором. Общая протяжённость магистральных улиц и дорог в городе составляет 325 км (рис. 1).

Общая транспортная подвижность населения крупных городов весьма высока. В среднем за год один житель совершает 408 поездок общественным транспортом и 362 поездки автомобильным. Средняя дальность поездки по городу на любом виде транспорта составляет 7,3 км [2].

Однако, несмотря на достаточно хорошую обеспеченность Нижнего Новгорода транспортом, в функционировании транспортной подсистемы существует ряд проблем, среди которых выделяются:

1. Большой ежедневный пассажиропоток из заречной части в нагорную (и наоборот), обусловленный суточными миграциями населения от места жительства до работы или учебы. Большинство университетов, техникумов и колледжей Нижнего Новгорода расположены в нагорной части города, поэтому наибольший пассажиропоток обеспечивают именно студенты. Многие из них добираются на личном транспорте, что увеличивает поток автомобилей по сравнению с летним периодом.
2. Скопление транспорта в часы-пик на главных транспортных развязках (ул. Пролетарская, пл. Ленина, пл. Революции, Сормовское шоссе и др.) и мостах через Оку (метромост, Канавинский, Мызинский, Молитовский), образование «пробок». Преодоление транспортных заторов может потребовать 2–3 часа.
3. Из-за ежедневных трудовых или учебных миграций, связанных с долгими поездками по городу на общественном транспорте, среди населения распространяется феномен «транспортной усталости». Среднее расчетное время поездки на работу или учебу составляет 37 минут [2], однако в действительности этот показатель намного больше. Так, чтобы добраться из Автозаводского района города в Нижегородский, с минимальной потерей времени в «пробках», уходит 1,5–2 часа. Такое же время затрачивается и на обратный путь. Получается, что зачастую население города проводит в транспорте по 3–4 часа в день, что практически равно половине рабочего дня.
4. Неравномерное распределение транспорта по территории города и отсутствие всеохватывающей системы скоростного

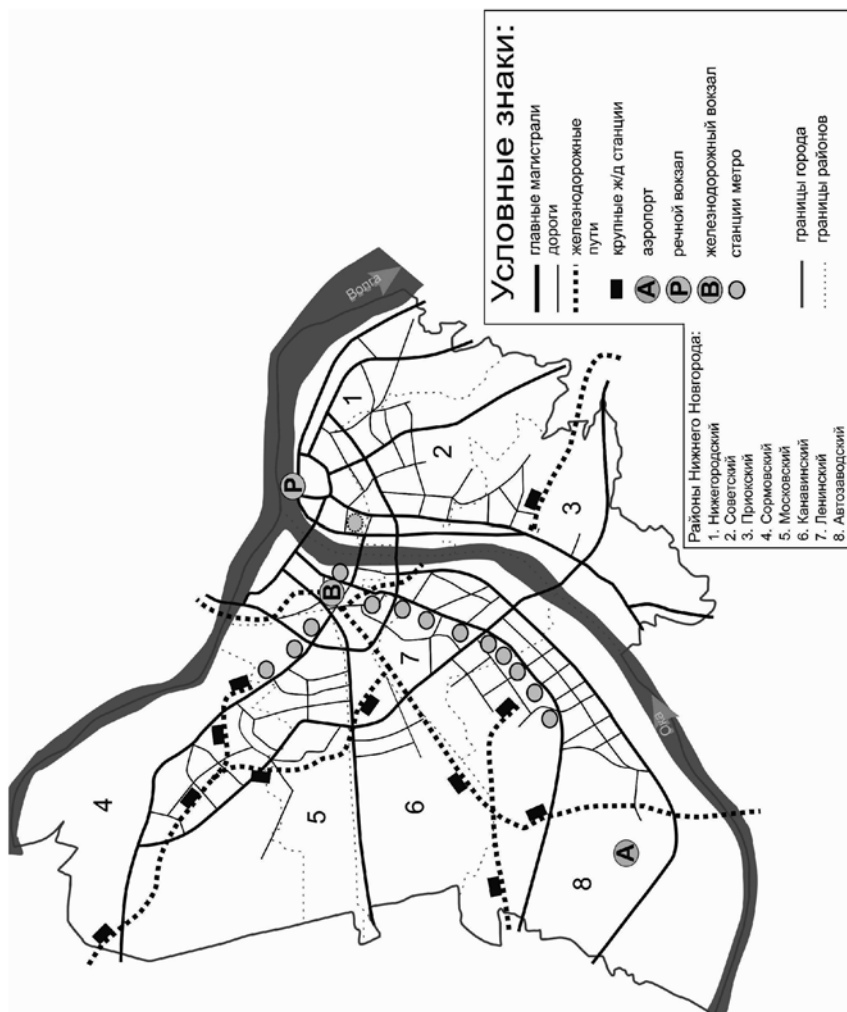

Рис. 1. Транспортный каркас Нижнего Новгорода
(составлено автором по данным источника 3)

транспорта. На рис. 1 видно, что наиболее густая транспортная сеть представлена в заречной части города. Особенно негативно сказывается отсутствие в нагорной части Нижнего Новгорода метро. При затруднении движения на центральных улицах нижней части города (пр. Ленина, ул. Пролетарская и др.) можно

воспользоваться метро и миновать сложные участки пути. Однако в верхней части города при образовании транспортных заторов на пр. Гагарина возможности объехать их не существует.

5. Ограниченное количество дорог-дублеров.
6. Узкие улицы, особенно в центральной части города. На некоторых улицах (например, ул. Варварская) транспорт движется в один ряд. На таких участках дорог большое количество общественного транспорта (автобусы и троллейбусы) лишь усугубляет положение, останавливаясь для посадки пассажиров и тормозя общий поток движения транспорта.
7. Отсутствие необходимого числа парковок. Эта проблема актуальна для каждого из районов города, но наиболее остро представлена в центральной части Нижнего Новгорода (ул. Варварская, пл. Минина, ул. Покровская, ул. Горького и др.). Большая концентрация офисов, учебных и культурно-развлекательных учреждений в сочетании с отсутствием необходимого числа парковок приводит к образованию стихийных стоянок. Для их ликвидации привлекаются автомобили-эвакуаторы, что также лишь затрудняет движение транспорта.
8. Частые пересечения железных и автомобильных дорог в заречной части Нижнего Новгорода. Движение поездов и электричек создаёт многокилометровые «пробки» на железнодорожных переездах, чаще при выезде из города. Наибольшее скопление автотранспорта на переездах наблюдается утром и вечером (связано с рабочими и учебными миграциями), а также в понедельник и пятницу (связано с выездом горожан в пригороды и на дачные участки).
9. К проблемам функционирования транспортной системы Нижнего Новгорода население города относит недостатки работы общественного транспорта: это слишком высокая стоимость проезда (которая в августе была резко увеличена с 15 до 20 рублей) и несоответствующее этой стоимости качество обслуживания, особенно в маршрутных такси.

Литература

1. Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. — М.: ВЛАДОС, 1997.
2. www.admgor.nn.ru — официальный сайт администрации города Нижнего Новгорода.
3. www.2gis.ru — электронные карты городов России.

Крылов П.М.

ТРАНСПОРТНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ (на примере Тайшетского района Иркутской области)

1. Анализ и оценка существующей планировочной ситуации

Территориальная организация Тайшетского района и входящих в его состав муниципальных образований представляет собой в настоящий момент планировочную структуру с функциональным зонированием, обусловленным ее географическим положением, природными условиями, соответствующей инфраструктурой.

Исторически сложившийся планировочный каркас, современная планировочная структура и функциональное зонирование Тайшетского района и муниципальных образований находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии с планировочно-функциональной структурой Иркутской области и Красноярского края.

Характерной особенностью территориального размещения района является его пограничное положение с Красноярским краем; с ним граничат 8 поселений: Полинчетское, Тамтачетское, Новобирюсинское, Шелаевское, Чертчетское, Шиткинское, Половино-Черемховское, Венгерское. Из них транспортные связи с Красноярским краем имеют все поселения, кроме Чертчетского и Шиткинского.

Тайшетский район расположен на перекрестке, в узле двух важнейших транспортно-коммуникационных коридоров, представленных железными дорогами: Транссибирской магистралью (Транссиб), линией Тайшет–Братск–Лена (БАМ), а также: федеральной магистральной автодорогой М53 Новосибирск–Иркутск (Московский тракт) и автодорогой Тайшет–Чуна–Братск.

Размещение производительных сил района, развитие транспортной инфраструктуры и системы расселения *характеризуются значительной неравномерностью* по его территории. Для территории района характерна низкая градостроительная освоенность, за исключением центральной части.

Отсутствуют хорошо развитые транспортная инфраструктура и система расселения. *Наиболее освоенными и заселенными* являют-

ся муниципальные образования, расположенные в центральной части района. К ним относятся городские поселения: Тайшетское, Бирюсинское, Квитокское, Шиткинское, Юртинское; сельские поселения: Берёзовское, Бирюсинское, Борисовское, Старо-Акульшетское.

Основой современной организации территории Тайшетского района является исторически сложившийся планировочный каркас, отличающийся, нецелостностью, *несбалансированностью* своих элементов, недостаточной насыщенностью и развитием коммуникационных осей и основных центров.

Планировочная структура территории района ориентирована на историческую систему расселения и основные транспортные коридоры. Исторически сложившаяся территориальная организация района представляет собой *линейно-радиальную планировочную структуру*.

Сложившаяся *неравномерность развития планировочной структуры* отражается на плотности населения и плотности транспортных потоков.

Ведущую и важную роль в формировании планировочного каркаса района сыграла его *основная природная ось* — р. Бирюса и ее основные притоки. Долина реки, являясь территорией, наиболее ценной для градостроительного освоения и развития производительных сил, сформировала современную систему расселения и *основные природные планировочные оси* района и муниципальных образований.

Эти природные оси определили формирование одних из *основных планировочных осей* современной сети поселений. Долина р. Бирюса исторически является осью расселения, стержнем формирования планировочной структуры района. В настоящее время она утратила свою главенствующую роль в связи с развитием других, более мощных транспортных коммуникаций, но в дальнейшем может получить развитие как *транспортно-рекреационная ось*.

Позднее основную роль в формировании планировочного каркаса района, наряду с природными факторами, стали играть пересекающие его территорию коммуникационные коридоры федерального и регионального значения.

Анализ современной планировочной структуры района показывает, что она сформировалась в соответствии с направленностью природного, а затем — транспортного каркаса территории. Ее становление происходило под воздействием пересечения развитой речной сети транспортными магистралями, связывающими г. Тайшет в субширотном направлении — с городами Красноярском, Братском, и Иркутском.

2. Пространственная планировочная организация территории

Основой опорного каркаса территории района являются транспортные артерии и расположенные на них основные городские поселения.

Планировочная структура района характеризуется наличием двух *основных* и нескольких второстепенных *транспортных планировочных осей*.

Главными транспортно-планировочными осями являются:

- Транссибирская магистраль (Транссиб) и федеральная автодорога М–53 Новосибирск–Иркутск, проходящие с запада на северо-восток;
- железнодорожная магистраль «Тайшет–Братск–Лена» (БАМ); автодорога регионального значения «Тайшет–Чуна–Братск», с продолжением к северу на Тынду, а к югу — на Абакан.

Второстепенные транспортно-планировочные оси проходят по следующим направлениям:

- автодорогам местного значения: «Квиток — Борисово»,
- «Квиток–Невельск–Малиновка»;
- железной дороге «Решеты–Карабула».

Кроме того, выделяются *природно-планировочные оси* по рекам Бирюса, Чуна, и их притокам.

Таким образом, система планировочных осей района состоит из трех элементов:

- основных транспортно-коммуникационных коридоров;
- второстепенных транспортных осей, связанных с малыми городскими образованиями;
- природно-планировочных осей.

Важнейшим элементом планировочной структуры Тайшетского района является сеть городских населенных пунктов, расположенных, в основном, в ее центральной части, и сеть сельских населенных пунктов, являющихся центрами поселений, размещенных по ее территории вдоль основной реки — Бирюсы.

Основными центрами планировочного каркаса территории района являются городские населенные пункты, выполняющие роль системообразующих центров прилегающих территорий и населенных пунктов. В планировочной организации района выделяются города Тайшет, Бирюсинск, поселки городского типа Квиток, Новобирюсинский, Шиткино, Юрты — центры одноименных муниципальных обра-

зований, являющиеся наиболее значительными *узловыми элементами опорного каркаса территории*.

Центральным элементом планировочной структуры и *главным планировочным центром* является г. Тайшет. Вокруг него складывается система второстепенных подцентров из крупных населенных пунктов. Город Тайшет обладает промышленным, социально-экономическим потенциалом, выполняет функции центра районной системы расселения.

Основные урбанизированные центры планировочного каркаса района составляют городские поселения. Поселок Новобирюсинский является по планировочным условиям планировочным подцентром северной части территории района. На роль планировочных подцентров центральной части территории могут претендовать р.п. Шиткино и р.п. Квиток. Южная часть территории района практически не освоена и не заселена.

Развивающаяся планировочная структура определяет градостроительную стратегию формирования муниципальных образований района. В настоящее время она *не в полной мере отвечает* требованиям обеспечения взаимоувязанного территориального развития района.

Недостаточно развит планировочный каркас территории: система планировочных подцентров и второстепенных транспортно-планировочных осей. Отсутствуют развитые транспортные связи с севером района, транспортная инфраструктура требует реконструкции и развития.

3. Особенности местоположения, демографического, социально-экономического и инфраструктурного состояния проектируемых муниципальных образований Тайшетского района

Тайшетский район расположен в западной части Иркутской области на границе с Красноярским краем и входит в переходную зону от Средне-Сибирского плоскогорья к Восточному Саяну. Территория района представляет сравнительно плоское плато, расчлененное глубоко врезанными долинами рек Бирюсы, Тагул, Туманшет и их притоков. Южную часть района занимают предгорья и горы Саянского хребта.

Тайшетский район — самый западный в Иркутской области. До Красноярска менее четырехсот километров, в то время как до областного центра — около семисот (Тайшетский район «поглядывает» на Красноярск, но помощь просит в Иркутске). Неудивительно, что на тайшетских прилавках больше красноярских товаров, а местные жители предпочитают учиться и просто ездить по делам или за покупка-

ми в Красноярск, а не в Иркутск. Электроснабжение поселений, расположенных на западе района, осуществляется от Красноярской энергосистемы. Сообщение с районным центром муниципальных образований, расположенных на севере района, например, Полинчетского, осуществляется через территорию Красноярского края по железной дороге Решеты–Карабула.

Через территорию района проходит Транссибирская железнодорожная магистраль (МО Бирюсинское городское и Юртинское городское поселения, Николаевское, Разгонское, Березовское, Бирюсинское, Тимирязевское, Половино–Черемховское сельские поселения), начальный участок Байкало–Амурской магистрали (МО Старо–Акульшетское, Борисовское сельские поселения, Квитокское городское поселение), конечный участок железной дороги Абакан–Тайшет (Венгеровское, Рождественское, Зареченское, Тимирязевское сельские поселения, Бирюсинское городское поселение), участок железной дороги Решеты–Карабула (МО Тамачетское, Шелаевское сельские и Новобирюсинское городское поселения).

Существенная особенность района, его центральной части, — наличие крупного транспортного узла, пересечение железнодорожных, автомобильных и трубопроводных коммуникаций. Тайшет — важнейший для Восточной Сибири узел железных и автомобильных дорог — Транссибирской магистрали, линии Тайшет–Братск–Лена (БАМа), железной дороги Абакан–Тайшет, федеральной автодороги М–53 «Новосибирск–Иркутск» (Московский тракт) и автодороги «Тайшет–Чуна–Братск» (территориальная дорога IV–V категорий). Через западную окраину района проходит также участок железной дороги «Решеты–Карабула». Магистрали Транссиба и «Байкал» (М–53) на территории района являются участком главного транспортного коридора России «Запад–Восток».

Наиболее освоенные и заселенные территории района расположены вдоль Транссибирской магистрали и, прежде всего, в зоне относительного влияния районного центра — г. Тайшета.

Поселения центральной части территории района имеют коммуникации для связи с крупными ближайшими городами (расстояние от Тайшета по железной дороге до областного центра Иркутска составляет 668 км, до Абакана — 647 км, до Красноярска — 418 км, до Братска — 315 км).

За период 2005–2011 гг. в большинстве сельских и во всех городских поселениях района сократилась или стабилизировалась численность населения. Небольшой рост численности населения за этот период имел место в Старо–Акульшетском МО.

Демографическая ситуация в муниципальном образовании «Тайшетский район» продолжает оставаться напряженной. Наблюдается устойчивый процесс снижения численности населения Тайшетского района, как и области в целом. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составляет около 25% от общей численности населения района

Территория района *заселена весьма неравномерно*. Северные и южные территории — сельские поселения, заселены крайне редко. Плотность населения здесь составляет 0,2–0,3 чел./км² (МО Полинчетское, Соляновское, Венгерское). За их пределами на территории большинства поселений немало незаселенных территорий, в пределах которых имеются лишь зимовья охотников.

Уровень сегодняшнего экономического развития района низкий; предприятия, которые ранее формировали основной оборот в наиболее крупных населенных пунктах (гидролизное производство, пищевая промышленность, лесная, деревообрабатывающая промышленность, промышленность стройматериалов), прекратили свою деятельность или находятся в кризисном состоянии. В несколько лучшем положении находятся лишь предприятия транспорта.

В настоящее время в структуре материального производства в муниципальном образовании «Тайшетский район» лидируют транспорт и связь, промышленность и торговля. На сельское хозяйство и лесозаготовку приходится около 10%.

В структуре промышленного производства наибольшую долю составляет деревообрабатывающая промышленность, производство пищевых продуктов, производство и распределение электроэнергии, пара и воды.

Из года в год сокращается число действующих предприятий и объемов производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, соответственно — падает показатель занятости населения и возрастает его механическая убыль.

На территории района действует несколько десятков предприятий-арендаторов, занимающихся лесозаготовками. Лесовозный транспорт разбивает дороги и улично-дорожную сеть большого числа поселений.

Значительная часть заготавливаемой древесины вывозится из района в виде круглого леса. Небольшая переработка осуществляется в р.п. Новобирюсинский. По оценке эффективности сельскохозяйственного производства район занимает только 17 место среди районов области. Слабо решается вопрос заготовки, переработки и, особенно, сбыта сельхозпродукции.

Среднедушевая обеспеченность населения общей площадью жилищного фонда невысокая и составляет менее 20 м². Подавляющая часть жилищного фонда, особенно в сельской местности, находится в частной собственности граждан, и имеет низкий уровень благоустройства. Значительная часть жилищного фонда имеет высокую степень износа и относится к категории ветхих. В сельской местности много заброшенных домов.

В районе организован подвоз школьников автомобильным транспортом из 35 населенных пунктов района.

На территории Тайшетского района находится 122 км федеральных дорог, которые обслуживает Тайшетский участок Управления автомагистрали «Красноярск–Иркутск», 463 км областных дорог, находящихся на обслуживании Тайшетского филиала ОАО «Дорожная служба Иркутской области» и 991 км муниципальных дорог, обслуживание которых производится силами муниципальных образований района.

Автомобильные дороги, находящиеся на балансе ОГУ «Дирекция по строительству и эксплуатации автомобильных дорог Иркутской области» (в частности дороги Тайшет–Шиткино–Шелаево, Тайшет–Шелехово–Сереброво) находятся в аварийном состоянии: разрушены большие участки с асфальтобетонным покрытием, на участках с гравийным покрытием занижены обочины, многочисленные просадки, ямы, пучины. На этих автодорогах производятся регулярные пассажирские перевозки, а такое состояние дорог и мостов является угрозой безопасности дорожного движения, кроме того, ведёт к частым выходам из строя техники.

Большой проблемой являются дороги, не имеющие балансодержателя, а их в Тайшетском районе насчитывается 305 км. При реорганизации колхозов и совхозов, обслуживающих раньше эти дороги, они остались «бесхозными».

Из-за отсутствия финансирования неудовлетворительно состояние внутрипоселенческих дорог.

Плохое состояние существующих дорог областного подчинения обусловлено недостаточным финансированием на их содержание, большим износом и недостаточным количеством дорожной техники. В южной и северной части района практически отсутствует транспортная инфраструктура.

Трасса нефтепровода «Восточная Сибирь–Тихий океан» (ВСТО), (протяженностью 984 км по территории Иркутской области), по Тайшетскому району имеет протяженность 69,2 км.

Район относится к депрессивным, устойчиво дотационным территориям.

4. Ключевые проблемы транспортного обслуживания Тайшетского минимального района

Общими проблемами поселений района можно считать:

- 1) крайне низкое качество покрытия автодорог и низкий уровень автодорожной освоенности территории (преобладают автодороги 4 и 5 категорий); низкое качество автодорог обусловлено как действием природных факторов, так и влиянием лесохозяйственной деятельности на территории района, которая способствует усиленному использованию для транспортных нужд автодорог района лесохозяйственными предприятиями;
- 2) аварийное состояние мостов на многих дорогах местного значения в пределах Тайшетского района, что в условиях древовидного (неблагоприятного) рисунка автодорожной сети района может способствовать в случае чрезвычайной ситуации выводу из строя значительного по протяженности участка автодороги и транспортной изоляции части района. Так, аварийное состояние характерно для моста между д. Троицком и с. Заречное;
- 3) минимальный уровень развития придорожной инфраструктуры и объектов придорожного сервиса (в т. ч. наличие небольшого количества АЗС и АГЗС в пределах района);
- 4) нестабильная работа пригородного общественного транспорта, в т.ч. в сообщениях между городами Тайшет, Бирюсинск и п. Юрты. Около 3% жителей Тайшетского района проживают в населенных пунктах, не имеющих регулярной связи общественным транспортом (автобусным или железнодорожным) с другими населенными пунктами;
- 5) отсутствие минимально достаточного уровня сети действующих аэродромов, которые могут обеспечить транспортное и функционально-территориальное единство территории Тайшетского района;
- 6) отсутствие в пределах района газификации населенных пунктов.

5. Концепция транспортного развития территории Тайшетского района предполагает решение следующих задач:

1. Гарантированный круглогодичный подъезд по автодорогам с твердым покрытием для всех населенных пунктов с числом жи-

- телей не менее 50 человек, а для всех прочих, исчезновение (вымирание) которых не предполагается к расчетному сроку, гарантированная связь при помощи вертолетного транспорта.
2. Гарантированный уровень транспортного обслуживания населения общественным транспортом (в зависимости от людности поселения), начиная с 50 человек постоянного населения.
 3. В области повышения качества жизни, снижения затрат коммунального хозяйства и отдельных домохозяйств необходимо расширение и ускорение темпов газификации поселений с людностью не менее 100 человек (а также менее населенных, с людностью не менее 30 человек, расположенных не далее 5 км от поселений с людностью не менее 100 человек).
 4. В области оздоровления экологической ситуации необходим переход на стандарты евро-4, а также переход на газомоторное топливо (что потребует строительства сети АГЗС). Соблюдение жестких природосберегающих стандартов важно и при реализации проекта строительства нефтепровода ВСТО.
 5. В области внутренней безопасности транспортного процесса необходима первостепенная ликвидация наиболее узких мест транспортной системы (аварийные мосты, паромные переправы, опасные участки автодорог), выход из строя которых может способствовать транспортной изоляции больших по площади частей района.
 6. В области гарантирования внешней безопасности транспортного процесса необходимо строительство обходной железной дороги вокруг г. Тайшета (при выводе из эксплуатации существующего участка сети железных дорог ОАО «РЖД» даже на короткий период парализуется железнодорожное сообщение между регионами Восточной Сибири, Дальнего Востока и регионами Западной Сибири и Европейской части России).
 7. Необходимо формирование и развитие современной клиентоориентированной транспортной среды, элементами которой являются не только современные дороги 1–3 категорий, но также интеллектуальные системы мониторинга транспортных объектов (с помощью спутниковой космической навигации), современные здания кемпингов, торговых комплексов, автосервисных и гаражных комплексов на дорогах и прилегающих территориях. Вдоль крупнейших автомагистралей, в частности, М–53 «Байкал», необходимо строительство шумозащитных экранов в черте населенных пунктов.

8. Для преодоления транспортной периферийности территории Тайшетского района в условиях больших расстояний Азиатской части России необходимо осуществление регулярных авиалиний, которые могли бы связать Иркутск и Красноярск с Тайшетом (как с промежуточным пунктом маршрута).
9. Улучшение качества работы железнодорожного транспорта, коренная реконструкция автодорог (в первую очередь автодороги М–53 «Байкал»), что будет способствовать реализации транзитного потенциала территории, который сейчас используется не в полной мере.

6. Возможные направления развития и пространственной организации муниципальных образований Тайшетского района

Главная цель развития поселений на долгосрочную перспективу — повышение уровня и качества жизни населения, предполагает в виде приоритетных направлений создание новых рабочих мест и обеспечение населения «набором благ», обеспечивающих достойное существование: качественные дороги, связывающие с «внешним» миром, прежде всего с районным центром, развитие современных средств связи, обеспеченность жилищами, инженерное благоустройство территорий населенных мест (прежде всего, обеспечение качественной питьевой водой), транспортная доступность дошкольного и школьного образования и медицинской помощи, в т. ч. скорой, инженерные сооружения и меры, обеспечивающие безопасность в случае чрезвычайных ситуаций, создание инфраструктуры для растущей численности населения в возрастах старше трудоспособного.

В связи с предшествующим промышленным, производственным развитием на территории многих поселений, особенно городских, имеется значительное количество площадок, с разной степенью инженерного оборудования, которые могут повторно использоваться. На территории района могут быть выделены и новые площадки для строительства производственных, логистических объектов.

На территории нескольких поселений, приближенных к Тайшету, возможно возникновение ряда объектов, способных изменить там социально-экономическую и планировочную ситуацию. Однако, территория большинства муниципальных образований мало привлекательна для инвестирования. Поэтому изменение указанной выше ситуации в ближайшем будущем маловероятно. За счет развития и совершенствования транспортной и инженерной инфраструктуры можно повысить инвестиционную привлекательность территории.

Литература

1. НИР по Тайшетскому району. М.: Гипрогор, 2012 [Рукопись].
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации, утвержденный 29 декабря 2004 года №190-ФЗ (в редакции от 20.03.2011 N 41-ФЗ с изм., внесенными Федеральным законом от апреля 2012 г.).
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (с изменениями от 30 июня 2003 г., 29 июня, 3 октября, 21, 29 декабря 2004 г., 7 марта, 21, 22 июля, 31 декабря 2005 г.).
4. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (закон о МСУ) от 06.10.2003 №131-ФЗ.
5. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 №200-ФЗ вступивший в силу с 01.01.2007 в ред. Федеральных законов от 25.06.2012 №93-ФЗ.
6. Водный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 25 июня 2012 года).
7. Закон Иркутской области от 23 июля 2008 г. №59-ОЗ «О градостроительной деятельности в Иркутской области» (с изменениями от 30 июня 2009 г.).
8. Программа социально-экономического развития Иркутской области на 2011–2015 годы, принятая постановлением Законодательного собрания Иркутской области от 15.12.2010 года №28/18-ЗС.
9. Программа социально-экономического развития муниципального образования «Тайшетский район» на 2007–2017 годы, утвержденная решением Думы муниципального образования «Тайшетский район» №231 от 26 июня 2007 г..
10. Программы комплексного социально-экономического развития всех муниципальных образований района и их Комплексные планы мероприятий социально-экономического развития, перечисленные в п. 6.2 «Задания на подготовку сводной программы» по Тайшетскому району.
11. Методические рекомендации по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов. Утверждены Приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 26 мая 2011 г. №244.
12. Требования к описанию и отображению в документах территориального планирования объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения. Ут-

верждены Приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 30 января 2012 года №19.

13. ГОСТ 7.32-2001. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления.
14. СП 11-112-2001. Порядок разработки и состав раздела «Инженерно-технические мероприятия гражданской обороны. Мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций» градостроительной документации для территорий городских и сельских поселений, других муниципальных образований. Утверждено приказом МЧС России от 22.10.2001 №471.
15. «Методическое руководство по разработке Правил землепользования и застройки муниципальных образований» (ООО ИТП «Град», 2012 г.).
16. Схема территориального планирования Иркутской области. ФГУП «РосНИПИУрбанистики», Санкт-Петербург, 2009 г.

Симакова Н.А., Колыганов Д.В.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ОСВОЕННОСТИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Транспортный комплекс является одним из ведущих звеньев экономики Пензенской области, как и любого другого региона страны. Это важнейший элемент производственной и социальной инфраструктуры, играющий существенную роль в процессе развития и размещения производительных сил. Уровень развития транспорта, наличие хороших путей сообщения, обеспеченность современными транспортными средствами во многом определяют уровень социально-экономического развития области и ее отдельных районов. Различия в транспортной освоенности территории определяют наряду с другими факторами региональные особенности развития хозяйственных комплексов и формирования основных элементов территориальной структуры хозяйства.

Транспорт выступает материальной основой развития территориального разделения труда. Благодаря его работе возникает хозяйственная специализация регионов, комплексное развитие в них отраслей экономики и их межотраслевых сочетаний. Работа транспор-

та осуществляет непосредственную связь между производителями и потребителями различной продукции.

Транспорт как вид хозяйственной деятельности подразделяется на транспорт общего и необщего пользования. Транспорт общего пользования является в области главным и удовлетворяет потребности всех отраслей экономики и населения в перевозках грузов и пассажиров.

Пространственный рисунок транспортной сети на территории Пензенской области (как железнодорожной, так и автомобильной) — линейно-узловой, близкий к радиальному. Главным транспортным узлом является областной центр, от которого в западном направлении отходят дороги на Москву и Тамбов (железная дорога на Москву проходит через районные центры Каменку, Пачелму и Башмаково, авто-трасса — через Мокшан, Нижний Ломов и Спасск; на Тамбов — через Каменку и Белинский). В восточном направлении от Пензы отходит дорога на Сызрань (через Кузнецк), в северном — на Рузаевку и Саранск (через Бессоновку, Лунино и Исса), в южном направлении — железная дорога на Ртищево (следует через Колышлей и Сердобск) и автомагистраль — на Петровск и Саратов. Железнодорожной сетью области связаны не все районные центры. Практически оторваны от нее Никольск, Неверкино, Камешкир, Мокшан, Белинский, Наровчат, Вадинск и ряд других.

Современное население Пензенской области отличается большой транспортной подвижностью. Это обусловлено сочетанием производственной и общественной деятельности, различными бытовыми потребностями, отдыхом в пригородных зонах и т.д. Поэтому уровень транспортного обслуживания населения является важным фактором рационального использования его времени.

Численность населения Пензенской области увеличивалась до начала 90-х годов XX века и составила 1553 тыс. чел. в 1993 г. Увеличивались площади производственной и жилой застройки, росла и общая протяженность транспортных магистралей, которая достигла в 2010 г. 8670 км. Из всех путей сообщения автомобильные дороги имеют наибольшую эксплуатационную длину, которая составляет 7562 км. И в их структуре преобладают дороги общего пользования. Отметим, что в 90-е годы XX века общая протяженность автодорог увеличилась: с 8077 км в 1991 г. до 9399 км в 2000 г., а в последующие годы она стала уменьшаться за счет уменьшения длины ведомственных автодорог (с 2967 км в 1991 г. до 756 км в 2010 г.), что явилось следствием перехода большинства сельскохозяйственных предприятий в малые. Протяженность автодорог общего пользования, наоборот, увеличилась до 6806 км к 2010 г.

Из общей протяженности автомобильных дорог удельный вес дорог с твердым покрытием составляет в Пензенской области 100% (по этому показателю область является лидером в Приволжском федеральном округе). В таких субъектах, как Самарская область, Республика Удмуртия и Татарстан данный показатель значительно ниже (соответственно 79,9%, 77,8% и 63,7%).

В общей протяженности автодорог Пензенской области с твердым покрытием достаточно высок в Пензенской области удельный вес автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием (84,2%). Это значительно выше, чем в таких субъектах Приволжского Федерального округа, как Республика Башкортостан (49,5%), Оренбургская область (45,9%), Пермский край (47,6%). Лидерами в округе являются республика Мордовия (98%); Самарская (95,1%) и Саратовская (92,2%) области.

Основную часть дорожной сети составляют дороги областного значения, доля которых увеличилась с 23% в 1990 г. до 73% в 2010 г. Доля дорог федерального значения составляет 10,5%, местного значения — 16%.

Для территории области характерно достаточно равномерное размещение сети автомобильных дорог. Но все же есть и некоторые порайонные различия: наиболее протяженная их сеть (более 350 км) характерна для Пензенского, Каменского и Кузнецкого районов. От 300 до 350 км длина автодорог в Белинском, Нижнеломовском, Мокшанском, Колышлейском, Городищенском и Никольском районах. В остальных районах области протяженность автодорог значительно ниже. Минимальные показатели (менее 150 км) характерны для Бековского, Спасского и Вадинского районов (рис. 1).

Районы области существенно различаются по густоте (плотности) автомобильных дорог. В целом наибольшая густота автомобильных дорог характерна для районов пригородной зоны (Пензенский, Бессоновский районы), а также для районов, по территории которых проходит автомагистраль федерального значения «Урал» — М5 (Спасский, Нижнеломовский, Кузнецкий районы). Слабее развита сеть автодорог в северо-западных, северо-восточных и южных районах области. При среднеобластной плотности автодорог, составляющей 157 км на 1000 кв. км, наибольшая их густота (более 180 км) характерна для Пензенского, Нижнеломовского, Колышлейского, Тамалинского, Иссинского и Лопатинского районов. Достаточно высокие показатели (от 160 до 180 км на 1000 кв. км) в Бессоновском, Кузнецком, Белинском, Каменском и некоторых других районах. Минимальная густота автодорог (менее 140 км на 1000 кв. км) характерна для

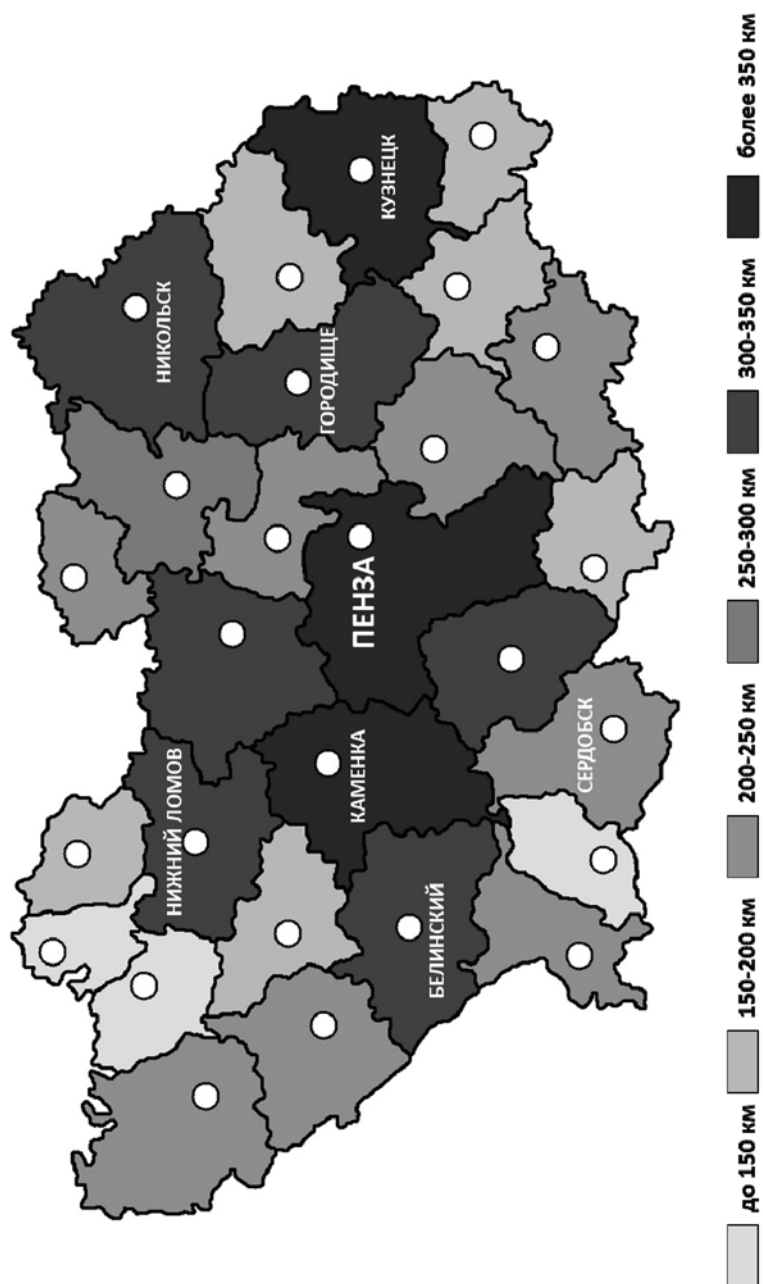

Рис. 1. Протяженность автомобильных дорог общего пользования, км

Земетчинского, Башмаковского, Бековского, Никольского и Сосновоборского районов (рис. 2).

По густоте автомобильных дорог с твердым покрытием Пензенскую область в Приволжском Федеральном округе опережают Самарская, Ульяновская, Нижегородская области, Республики Татарстан, Чувашия и Мордовия. Во всех субъектах за последние 20 лет этот показатель существенно вырос, особенно в Татарстане, Чувашии и Самарской области (более чем в 2 раза). Увеличение плотности автодорог с твердым покрытием — это важная положительная тенденция в развитии транспортного комплекса и экономики области в целом, поскольку это способствует улучшению надежности и стабильности связей между отдельными районами и населенными пунктами.

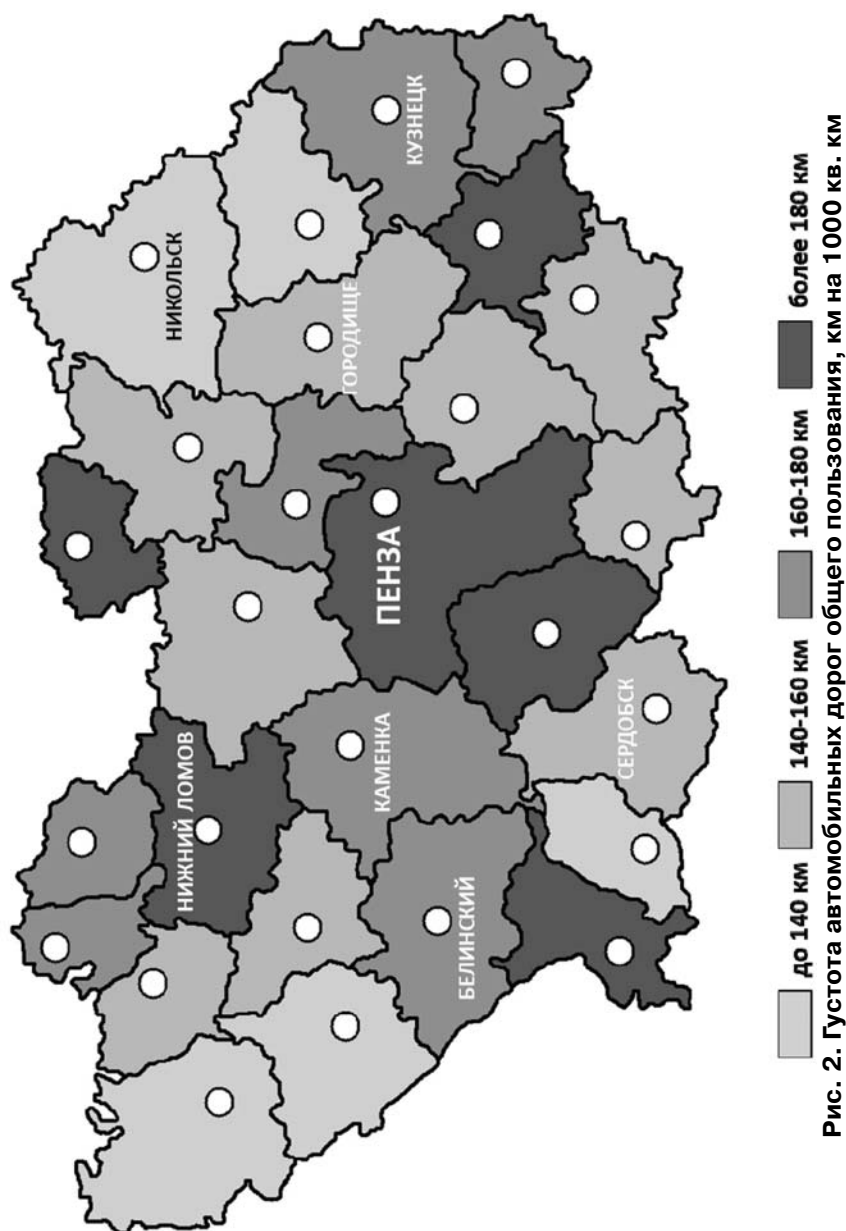
Густота железных дорог в Пензенской области составляет 191 км на 10 тыс. кв. км. По этому показателю в ПФО область опережают Самарская и Саратовская области (соответственно 255 и 227 км), республики Чувашия и Мордовия (217 и 208 км).

Многие количественные показатели, которыми характеризуется работа транспортного комплекса области, снизились за последние 20 лет. В частности, это касается грузоперевозок автомобильным транспортом, который в Пензенской области является главным.

Особенно резкое снижение объема грузоперевозок было характерно для 90-х годов, когда произошло уменьшение их объема с 95 млн. т в 1990 г. до 20 млн. т в 2000 г. В последующие годы объем грузоперевозок существенно не менялся. Уменьшилось количество перевозок грузов автомобильным транспортом и во всех субъектах Приволжского округа: особенно значительно в республиках Башкортостан (с 343 до 70 млн. т, т.е. почти в 5 раз), Татарстан (с 303 до 83 млн. т, т.е. в 3,7 раза), Оренбургской области — в 9,4 раза (с 244 до 26 млн. т). В Пензенской области произошло снижение объема грузоперевозок автотранспортом более чем в 8 раз (с 98 до 12 млн т). По этому показателю Пензенская область занимает в округе почти последнее место, опережая только Республики Чувашию и Марий Эл.

Снизился в Пензенской области и грузооборот автомобильного транспорта: с 3,2 млрд. т-км в 1990 г. до 540 млн. т-км в 2000 г. В последнее десятилетие наблюдался некоторый его рост; а максимальным был этот показатель в 2008 г. — 1,5 млрд. т-км.

Произошло снижение грузооборота автомобильного транспорта с 1990 по 2000 гг. и во всех субъектах Приволжского округа, особенно существенно в Оренбургской области, Башкортостане, в меньшей степени — в Самарской области и Пермском крае. В Пензенской об-

ласти грузооборот автотранспорта снизился в 3 раза (рис. 3), что является непосредственным следствием снижения объема перевозимых грузов.

Наибольший грузооборот автотранспорта в пределах области характерен для таких районов, как Пензенский, Кузнецкий, Мокшанский, Каменский, Нижнеомовский, Сердобский и Бессоновский. Минимален грузооборот в Спасском, Вадинском, Лопатинском, Наровчатском и Шемышейском районах. Таким образом, наибольшие показатели характерны для областного центра и пригородных районов, а также районов, занимающих выгодное транзитное положение, по территории которых проходит автомобильная магистраль федерального значения «Урал».

За последние 20 лет перевозки грузов и железнодорожным транспортом в Пензенской области уменьшились. Это касается практически всех видов грузов (минеральных строительных материалов, лесных, хлебных и других грузов). Объем грузоперевозок снизился за этот период в 5 раз (с 5 до 1 млн. т). Это были самые высокие темпы снижения объема грузоперевозок среди всех субъектов Приволжского округа. Подобное уменьшение объема грузоперевозок по железным дорогам было характерно для Мордовии, Удмуртии, Чувашии; Кировской, Саратовской и Ульяновской областей.

Динамика пассажироперевозок железнодорожным и автомобильным транспортом за последние 20 лет аналогична. В частности, количество перевозок пассажиров по железным дорогам уменьшилось в 2,6 раза — с 9,0 до 3,5 млн чел. Число пассажиров, перевозимых автомобильным транспортом, снизилось с 250 млн чел. в 1990 г. до 33 млн в 2010 г., т.е. в 7,6 раза. Одним из основных факторов такого снижения явилось повышение степени обеспеченности населения собственными легковыми автомобилями: их количество в расчете на 1000 чел. населения области возросло со 110 автомобилей в 2001 г. до 211 автомобилей в 2010 г., т.е. почти в 2 раза за 10 лет.

Тенденция уменьшения количества перевозок пассажиров автобусами общего пользования характерна и для всех субъектов Приволжского округа. Более чем в 10 раз уменьшились пассажироперевозки в Саратовской (с 420 до 38 млн. чел.) и Оренбургской (с 415 до 30 млн чел.) областях, в Пермском крае (с 700 до 37 млн. чел.). В меньшей степени имело место это снижение в республиках Башкортостан (примерно 2,5 раза), Мордовия (около 3 раз), Удмуртия (2,5 раза), Марий Эл (3,5 раза), а также в Нижегородской области (менее 3 раз) (рис. 4).

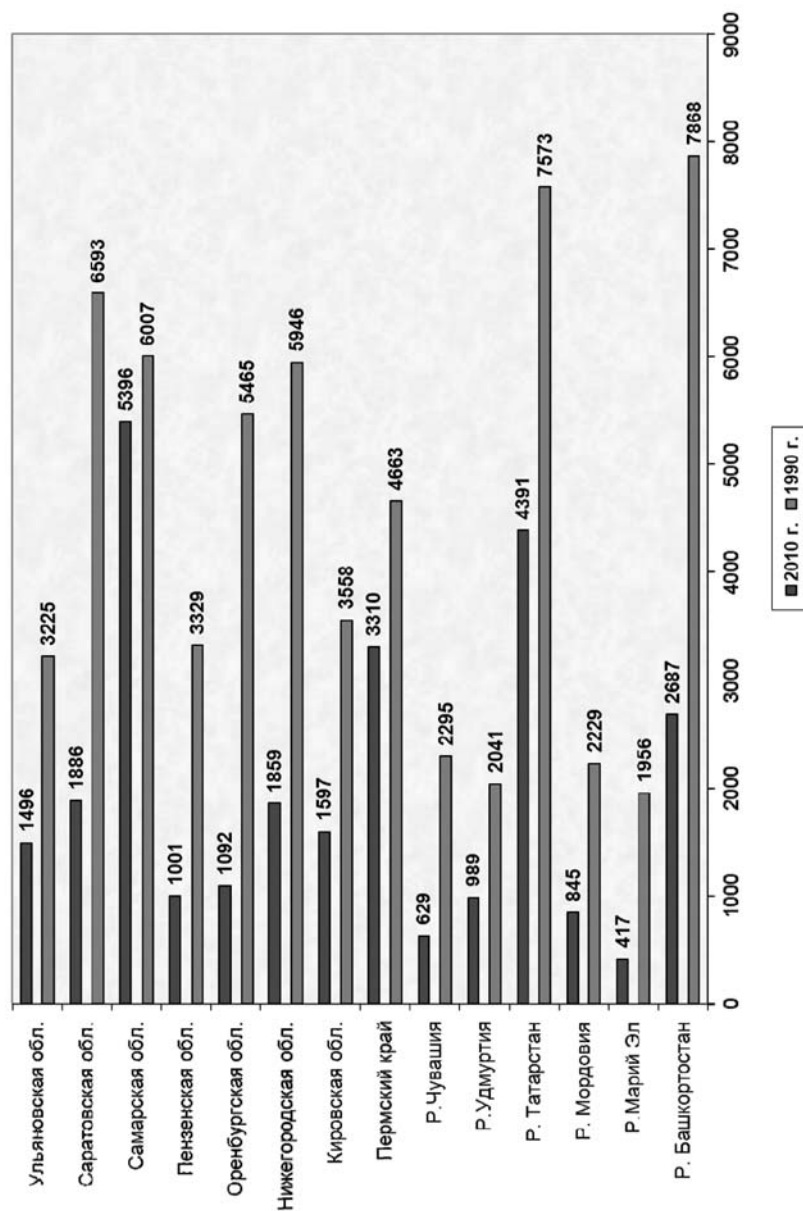

Рис. 3. Грузооборот автомобильного транспорта, млн т.-км.

Сокращение количества пассажироперевозок привело к снижению числа автобусов общего пользования в расчете на 100 тыс. чел. населения. Количество автобусов в области уменьшилось более чем в 5 раз, что является следствием кризисного состояния отрасли, выходом из строя значительного количества автобусов и слабыми возможностями в приобретении новых машин. Пензенская область занимает последнее место в округе по данному показателю: на 100 тыс. чел. населения приходится лишь 21 автобус. Это меньше, чем в соседних Саратовской и Ульяновской областях и Республике Мордовии.

В 1990 г. лидерами по этому показателю с большим отрывом от других субъектов были республика Татарстан, Оренбургская и Самарская области. Два первых субъекта остаются лидерами и в настоящее время.

За последние 10 лет в Пензенской области существенно изменилась структура пассажирооборота. Значительно увеличилась в ней доля железнодорожного транспорта — с 37,5% до 60,5%. Доля автобусного транспорта несколько уменьшилась — с 44,0% до 37,5%. Очень резко снизилась доля троллейбусного транспорта — с 18,5% до 2,0%. В развитии пассажирского транспорта в системе социальной инфраструктуры Пензенской области значительная роль принадлежит перевозкам пассажиров частными автобусами и маршрутными таксомоторами. Это в целом способствует снижению остроты транспортной проблемы, особенно на наиболее напряженных линиях внутригородского сообщения.

Вследствие снижения количества перевозок пассажиров автобусами общего пользования в области снизился и пассажирооборот: почти с 2,5 млрд. пасс. км в 1990 г. до 340 млн. пасс. км в 2010 г., т.е. 7,4 раза. Эта тенденция устойчиво сохраняется в области последние 20 лет. Аналогичная тенденция снижения пассажирооборота автобусов общего пользования характерна для всех субъектов Приволжского округа: в 1990 г. лидерами по этому показателю были Самарская и Нижегородская области, Республики Татарстан и Башкортостан. Кроме Самарской области эти субъекты лидируют по величине пассажирооборота и в настоящее время. Наиболее же существенно пассажирооборот снизился в Пермском крае, Республиках Мордовия и Чувашия, Ульяновской, Саратовской, Кировской и Самарской областях.

Для Пензенской области характерны значительные порайонные различия по количеству перевозимых пассажиров и пассажирообороту. Максимум пассажироперевозок автомобильным транспортом приходится на областной центр и Кузнецкий район. Выделяются также Пензенский, Каменский, Никольский и Сердобский районы. Мини-

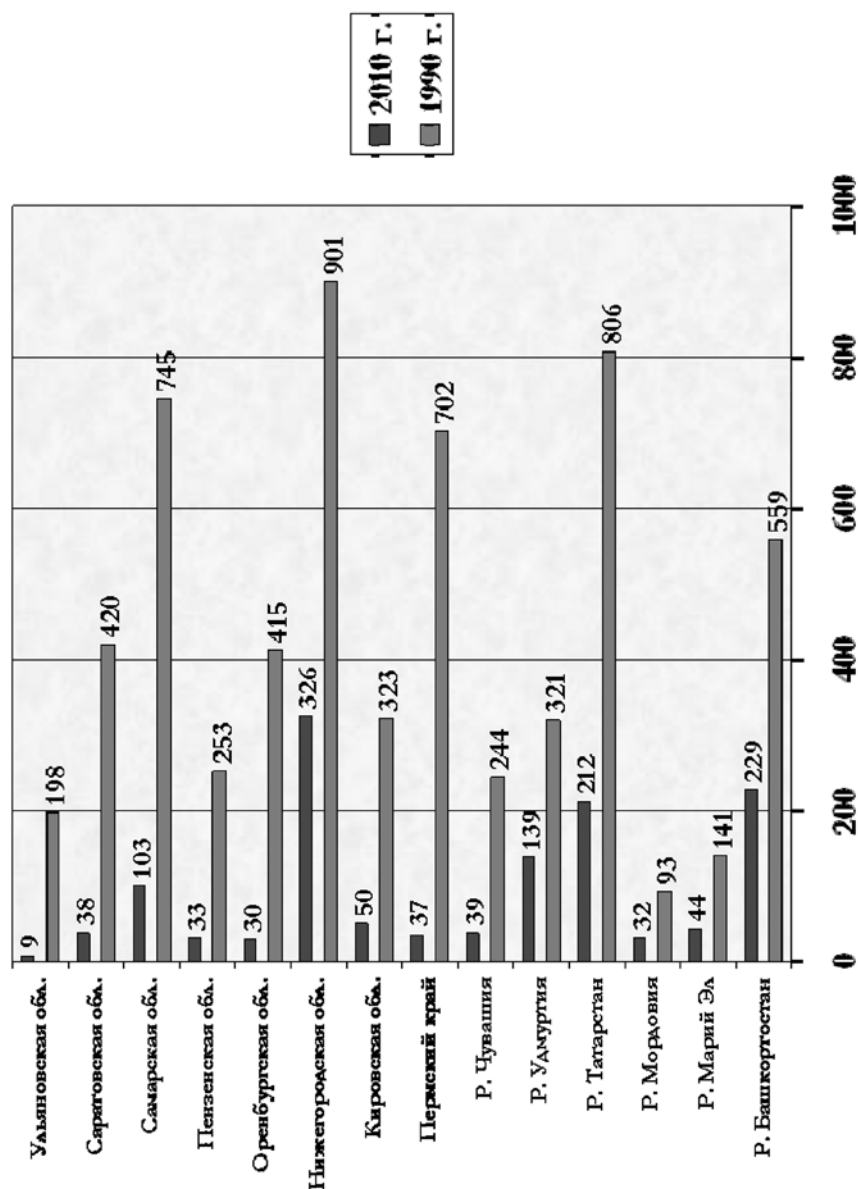

Рис. 4. Перевозки пассажиров автобусами общего пользования, млн. чел.

мальные показатели пассажироперевозок характерны для периферийных районов области: Тамалинского, Бековского, Земетчинского, Лопатинского и Неверкинского.

Главным фактором, влияющим на возникновение существенных различий в количестве пассажироперевозок, является экономико-географическое положение областного и районных центров. Для Пензы характерно уникальное ЭГП: город расположен в центре области, где сходятся важнейшие транспортные магистрали. Близко к центральному (в пределах административных районов) экономико-географическое положение городов Кузнецка, Каменки, Сердобска и Никольска, т.е. центров районов, для которых характерны наибольшие пассажироперевозки. Эти города расположены на важных транспортных магистралях, связывающих Пензу с соседними субъектами ПФО. Наряду с ЭГП, к факторам, определяющим величину пассажироперевозок, относится численность населения, его возрастная структура, уровень урбанизации и степень транспортной подвижности населения.

Значительные территориальные различия характерны и для пассажирооборота автомобильного транспорта в пределах Пензенской области. Его максимальные показатели характерны для областного центра, Кузнецкого, Каменского, Белинского, Никольского и Мокшанского районов. Периферийные районы имеют пассажирооборот намного ниже среднеобластного показателя.

Пассажирооборот непосредственно зависит от двух факторов: количества перевозимых пассажиров и расстояния перевозок. Для районов с максимальным пассажирооборотом характерны не только самые высокие в пределах области пассажироперевозки, но и наибольшие расстояния перевозок — более 300 км. В районах с небольшим пассажирооборотом минимальны пассажироперевозки и относительно небольшие их расстояния (в среднем менее 150 км).

Автомобильному транспорту принадлежит ведущая роль во внутриобластных перевозках, в подвозе грузов к железнодорожным станциям и узлам, в развитии сельскохозяйственного производства и размещении сельского населения. Быстрому развитию автомобильного транспорта способствует компактность территории области и благоприятные природные условия: равнинный рельеф, отсутствие крупных водных преград, наличие месторождений минеральных строительных материалов, необходимых для прокладки автомобильных дорог.

Но все, же в развитии этого вида транспорта в пределах области существуют серьезные проблемы, основными из которых являются следующие:

- преобладание транспортных путей широтного направления, в том числе транзитного характера, что определяет более низкую транспортную освоенность северо-западных, северо-восточных, южных и юго-восточных районов;
- низкое качество значительной части автомобильных дорог, в том числе дорог федерального и областного значения;
- наличие сельских населенных пунктов, практически оторванных от транспортной сети области;
- невысокий уровень качества обслуживания пассажиров;
- высокая степень износа автотранспортных средств, используемых в хозяйствах области, включая автотранспортные предприятия;
- высокая себестоимость грузо- и пассажироперевозок.

Перспективными направлениями развития транспортного комплекса области, которые определены в качестве приоритетных в долгосрочной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения, развитие территориальной сети автомобильных дорог и транспортного комплекса Пензенской области на 2011-2014 гг.», являются следующие:

- рационализация транспортной сети области путем создания подъездных автомобильных дорог с твердым покрытием к магистральным автотрассам и сельским населенным пунктам;
- повышение качественных характеристик автомобильных дорог за счет увеличения удельного веса автодорог с усовершенствованным покрытием;
- строительство автодороги «Восточный коридор г. Пензы», соединяющей транспортный коридор со стороны Волгограда и Саратова с федеральной автомагистралью М5 «Урал»;
- прокладка автомагистрали «Северный коридор г. Пензы».

Литература

1. Географический атлас Пензенской области. Природа. Население. Хозяйство. Культура. — Пенза: Облиздат, 2005.
2. Пензенская область. Основные показатели развития с 1993 г. по 2010 г. Комплексный статистический сборник. — Пенза: Пензас-тат, 2011.

Глава 3. РЕСУРСЫ: ПРИРОДНЫЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ

Логинова Н.Н., Федотов Ю.Д.

ФИННО-УГРЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Финно-угорские народы — это часть совокупности народов, называемых урало-юкагирскими, которые объединены, прежде всего, принадлежностью к одной языковой группе. К ним относятся венгры, водь, вепсы, ижорцы, карелы, коми, коми-пермяки, ливы, марийцы, манси, мордва, саамы, удмурты, финны, ингерманландцы, ханты, эстонцы.

Финно-угры уже в древности являлись одним из наиболее крупных этнокультурных образований Евразии. Их родство и происхождение из одного ареала установлено на основе данных сравнительного исторического языкознания. В лексике любого языка представлен первичный основной слой, в который входят многие термины, имеющую общую корневую основу в большинстве родственных языков.

Процесс длительного исторического развития привел к тому, что ныне представители различных финно-угорских народов мало или почти совсем не понимают друг друга, но примерно 6–7 тыс. лет назад их предки говорили на общем языке и размещались в более компактном ареале — Урало-Поволжский регион современной России. Общность языка, компактный ареал расселения, некоторые общие особенности культуры, комплекс антропологических признаков дают основания считать, что уральский пранарод некогда представлял собой реально существовавшую этническую общность. Следует отметить, что в настоящее время расовый облик уральских народов довольно разнообразен: от классических северных европеоидов (прибалтийский финны и мордва-эрзя) до классических монголоидов (нганасаны).

Все финно-угорские народы обладают самобытной культурой: имеют особенности традиционного быта, занятий, ремесел и про-

мыслов. Они внесли значительный вклад в мировую сокровищницу — нарты и лыжи, меховая одежда и обувь, пельмени и токайское вино, разнообразные банные традиции, оригинальный эпос «Калевалы», музыка, многоголосное пение, хореография, декоративно-прикладное искусство.

Общая численность финно-угорских народов в 1961 г. составляла 22 млн. чел., (в 1975 г. — 23), а в настоящее время — около 25 млн. чел. Самым крупным народом по численности являются венгры — в 2009 г. их было около 15 млн. чел. (около 90% венгров, проживающих в Европе, расселены на территории Венгерской Республики). Кроме венгров, относятся к крупным (миллионным) финно-угорским народам также финны (около 6 млн.) и эстонцы (около 1 млн. чел.). За ними следуют народы, проживающие на территории России, — это мордва (744,2 тыс. чел.), удмурты (552,3 тыс. чел.), марийцы (547,6 тыс. чел.), а также коми, коми-пермяки, карелы, ханты и манси, численность которых невелика (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика численности финно-угорских народов на территории Российской Федерации,* тыс. чел.

Народ	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Мордва	1335	1375	1211	1177	1111	1073	843	744
Удмурты	514	600	616	678	686	715	637	552
Марийцы	428	476	498	581	600	644	605	547
Коми	226	415	283	315	320	336	293	228
Коми-пермяки	149	...	143	150	146	147	125	94
Карелы	248	250	164	141	133	125	93	60
Ханты	22	18	19	21	21	22	29	31
Манси	5,8	6,3	6,3	7,6	7,4	8,3	12	12
Саамы	1,7	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	2	1,8
Итого народов финно-угорской группы	2929,5	—	2942,1	3072,4	3026,2	3072,1	2 639	2 270

* Составлено автором по данным переписей населения.

По данным переписи 1989 г., численность финно-угорских народов на территории России составляла 3,2 млн чел., или 2,1% от численности всего населения. В 2002 г. она уменьшилась до 2,6 млн чел. и составила 1,9% населения страны. Численность финно-горских народов увеличивалась до 1970 г., а затем стала сокращаться. Так, в 1926 г. в России народов финно-угорской группы проживало 2,9 млн чел., в 1970 г. — 3,1, в 2002 г. — 2,6, в 2010 г. — менее 2,3 млн чел.

Таблица 2.

Расселение и численность финно-угорских народов в пределах собственной государственности*

Народ	Расселение этноса	Численность в республиках и округах, 2002 г.		Численность в РФ, 2010 г.	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Марийцы	Республика Марий Эл	260,0	42,9	547,6	0,40
Мордва	Республика Мордовия	283,8	31,9	744	0,54
Удмурты	Республика Удмуртия	460,6	29,3	552	0,40
Карелы	Республика Карелия	62,1	9,2	61	0,04
Коми	Коми Республика	242,0	25,2	228	0,18
Коми-пермяки	Пермский край	—	—	94	0,06
Ханты	Ханты–Мансийский АО	1,8	1,2	31	0,02
Манси	Ханты–Мансийский АО	1,0	0,7	12	0,008
Саамы	Мурманская область	—	—	1,8	0,001
Итого:		—	—	2 270	1,6

*Составлено автором по данным Росстата.

Кроме того, по данным переписи населения 2010 г., в России проживали 20 267 финнов, 17 875 эстонцев, 2781 венгров, 5936 вепсов и 1771 саамов. За Уралом финно-угорскими народами являются ханты (30 943) и манси (12 269) (2010 г.). На Крайнем Севере России проживают народы, относящиеся к самодийской группе урало-юкагирской семьи: ненцы (44 640) и совсем малочисленные селькупы (3649) и нганасаны (862).

Финно-угорские республики, округа и ареалы проживания этноса занимают 8% территории России. А общая численность населения, проживающего в них, составляет порядка 9 млн. чел., или около 6% от всей численности населения страны.

В среднем около 70% финно-угров России сосредоточено на территории Волго-Уральского региона. За его пределами они проживают в Западной Сибири, Средней Азии, Казахстане, Центральной и Северо-Западной России. Однако расселение финно-угорских народов уже давно имеет ареально-дисперсный характер. Например, *марийцы* проживают в Кировской, Нижегородской, Свердловской обл., Башкирии и Чувашии; *удмурты* — в Башкирии, Татарстане и Сибири. Значительная часть *мордвы* расселена на территории Волго-Вятского (Нижегородская обл., Чувашская Республика), Поволжского (Самарская, Пензенская и Ульяновская обл.) и Уральского (Оренбургская обл., Республика Башкортостан) районов, а также в Сибири и на Дальнем Востоке, в Закавказье и Средней Азии.

В сравнении с переписью 1989 г. в 2002 г. общее сокращение численности финно-угорского народа составило 443,4 тыс. чел., а в 2010 г. по сравнению с 2002 г. — на 377 тыс. чел.

Из коренных финно-угров России наиболее сильно сократилась численность карелов (35%) и коми (22%), а некоренных финнов — (40%). Сократилась численность марийцев (на 9%) и мордвы (11,7%). В местах своей государственности выросла численность народов ханты, манси и мордвы. В Республике Мордовия численность мордвы увеличилась на 17,4%. Общий прирост составил 49,3 тыс. чел. В результате по данным переписи населения 2010 г. в Республике Мордовия проживало 333 112 чел. мордовской национальности (39,9% всего населения Республики).

Изменения в национальном составе обусловлены многими причинами. Среди них наиболее значимыми являются: различия в уровнях рождаемости и смертности разных финно-угорских народов; усиление с распадом СССР роли миграции как внутренней, так и внешней; постоянно происходящие этнические процессы, связанные, в частности, с развитием национального самосознания отдельных на-

Таблица 3.

Краткая характеристика финно-угорских народов России*

Название народа	Численность, чел., 2010 г.		Язык	Ареал расселения в России	Ареал расселения за рубежом
	городское	сельское			
Бесермяне (бесер, бесерман, бешермяне)	651	1550	Наречие удмуртского языка	Бассейн р. Чепцы (приток реки Вятки), Юкаменский, Глазовский и Базельский и Ярский районы Удмуртской респ., Кировская, Свердловская обл.	—
Венгры (мадьяры)	1811	970	Венгерский язык (имеет 6 диалектов)	Республика Коми, г. Москва, Краснодарский край, Ставропольский край, Тюменская обл.	Венгрия, Австрия, Германия, Канада, Румыния, Сербия, Словакия, США, Украина.
Вепсы (вепсь, вепся, людик, «чудь»)	3 348	2 588	Прибалтийско-финская группа (имеет 3 диалекта)	Республика Карелия, Ленинградская и Вологодская обл.	—
Водь (вадьялайн, вадьякко)	50	14	Язык бесписьменный	Ленинградская обл., г. Санкт-Петербург, г. Москва	—
Ижора (ижорцы, изури, ингры)	130	136	Ижорский язык (имеет 4 диалекта)	Ленинградская обл., г. Санкт-Петербург, Республика Карелия	—

Название народа	Численность, чел., 2010 г.		Язык	Ареал расселения в России	Ареал расселения за рубежом
	городское	сельское			
Карелы (каръялайзет, каръялани)	35 211	25 604	Карельский язык	Республика Карелия, Тверская, Ленинградская, Мурманская обл.	—
Коми (коми морт, коми войтыр, «зыряне»)	109 705	118 530	Коми (зырянский) язык	Республика Коми, Архангельская, Мурманская, Тюменская обл.	Финляндия
Коми-пермяки (коми отир, коми йоз)	34 759	59 697	Коми-пермяцкий язык	Пермский край	—
Ливы (ливли, калимиез)	—	—	Прибалтийско-финская группа	—	Побережье Латвии
Манси (маньси, меньдси, моансь, «вогулы»)	7 028	5 241	Мансийский язык	Ханты-Мансийский АО-Югра, Свердловская обл.	—
Марийцы (маар, мари, марий, «черемисы»)	233 179	314 426	Марийский язык	Республика Марий Эл, Республики Татарстан, Башкортостан, Удмуртская, Кировская, Свердловская, Волгоградская обл.	—

Название народа	Численность, чел., 2010 г.		Язык	Ареал расселения в России	Ареал расселения за рубежом
	городское	городское			
Мордва (моксшэрзят)	379 327	364 910	Мордовский-эрзя и мордовский-мокша языки	Республика Мордовия, Республики Башкортостан, Чувашская, Самарская, Пензенская, Ульяновская, Московская, Нижегородская, Оренбургская, Саратовская, Челябинская обл., г. Москва, районы Сибири и Средней Азии	—
Саамы (саами, самм, «лопари»)	787	984	Саамский язык (имеет 10 диалектов)	Мурманская обл.	Норвегия, Финляндия, Швеция
Сету	—	—	Сетуский говор эстонского языка	Псковская обл.	Эстония
Удмурты (одморт, одмурт, удморт, «вотяки»)	246 290	306 009	Удмуртский язык (4 наречия)	Удмуртская респ., Республики Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская обл, Пермский край	—
Финны (суомалайсет)	14 198	6 069	Финский язык	Республика Карелия, Ленинградская обл., г. Санкт-Петербург	Финляндия, Канада, Норвегия, США, Швеция

Название народа	Численность, чел., 2010 г.		Язык	Ареал расселения в России	Ареал расселения за рубежом
	городское	городское			
Финны-ингерманландцы (инкерилайнен)	389	52	Финский язык (восточный диалект)	Республика Карелия, Ленинградская обл.	Эстония
Ханты (хантэ, ханти, хандэ, «остяки»)	11 879	19 064	Прафинно-угорский язык	Ханты-Мансийский АО-Югра и Ямало-Ненецкий АО, Томская обл.	—
Эстонцы (эсты, ээстласед)	11 678	6 197	Эстонский язык (3 диалекта)	Ленинградская обл., г. Санкт-Петербург, Псковская обл., Омская обл.	Эстония, Латвия, Украина, Австралия, Канада, США, Швеция

*Составлено автором по данным Росстата.

родов и этнических групп под влиянием смешанных браков и других явлений.

Демографическая ситуация в районах проживания финно-угров достаточно сложная. В сравнении с 1990 г. показатели естественного движения населения ухудшились во всех финно-угорских регионах России. К середине 1990-х гг. основной тенденцией становится превышение смертности над рождаемостью (исключение составляет Ханты-Мансийский АО—Югра). Темпы сокращения численности коренных финно-угорских народов — карел, коми, коми-пермяков, вепсов и др., остаются высокими.

Самый высокий коэффициент естественной убыли в 2009 г. был в Республике Мордовия — 5,9‰ (табл. 4). Например, в 2011 г. коэффициент рождаемости составил 9,5‰ (при разрыве от 13,0 до 6,5‰); коэффициент смертности — 14,8‰ (при разрыве от 24 до 12‰); естественная убыль — -5,5‰ (при разрыве от 15 до 3,6‰). Миграционная убыль населения была высокой — -3424 чел. В результате численность населения в начале 2012 г. составила 825 454 чел. Общее уменьшение численности населения за 2011 г. — 0,94%. Во всех финно-угорских регионах общий уровень смертности сельского населения заметно выше городского при достаточно близких значениях общего уровня рождаемости.

В тесной связи с воспроизводством населения находится брачность. Она выступает как один из важнейших факторов рождаемости и смертности. Однако число браков зависит от общей численности и от демографической структуры населения, в том числе и от уже сложившихся пропорций в брачной структуре населения. В регионах проживания финно-угров обращает на себя внимание неустойчивый характер динамики общих коэффициентов брачности и разводимости, в котором обнаруживается долговременная тенденция снижения коэффициента брачности и роста разводимости. Кроме того, изменившееся брачное поведение населения сокращает число желающих вступать в зарегистрированный брак. Растет доля тех, кто никогда не состоял в браке. Для большинства этносов характерно также увеличение, в сравнении с переписью 2002 г., удельного веса вдовых и разошедшихся. Из числа вдовствующих женщин на возрастную группу 20–44 года заметная часть приходилась у народов манси и хантов (более 20%), а также марийцев (около 10%).

Динамику общих коэффициентов естественного движения населения можно проследить на примере Республики Мордовия (табл. 5). Низкая рождаемость в республике стала хронической, и длительный период ее спада привел к сильнейшей деформации всех демографи-

Таблица 4.
Основные демографические показатели по субъектам–регионам проживания финно-угорских народов в 2009 г.*

Народ	Расселение этно- са	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰	Естественный прирост, ‰	Миграционный Прирост (убыль), ‰
Марийцы	Республика Марий Эл	12,7	14,9	- 2,2	- 6,0
Мордва	Республика Мор- довия	9,8	15,7	- 5,9	- 1,9
Удмурты	Республика Уд- муртия	13,8	13,2	+0,6	- 2,0
Карелы	Республика Каре- лия	11,5	15,5	- 4,0	1,7
Коми	Коми Республика	12,4	12,8	- 0,4	- 5,8
Венгры	Венгрия	10,0	13,0	- 3,0	2,0
Финны	Финляндия	11,0	9,0	2,0	3,0
Эстонцы	Эстония	12,0	12,0	0,0	0,0

* Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2009. С. 56–94; Основные характеристики субъектов Российской Федерации. М., 2010. С. 74–91, 414–444.

ческих процессов и структур. На их восстановление, по мнению некоторых демографов, потребуется не менее 150 лет, а возможно и 500.

Процесс депопуляции охватил все муниципальные образования Республики. С 2002 г. в Мордовии не осталось ни одного поселения (исключение в 2009 г. составил только г. Саранск) с положительной динамикой численности и естественного движения населения.

Важнейшей демографической тенденцией в настоящее время стал значительный рост удельного веса детей, рожденных матерями, не состоящими в зарегистрированном браке. Эта тенденция с 1990 г. получила распространение во всех регионах и типах поселений. Особенно большой рост внебрачной рождаемости был отмечен в сельской местности финно-угорских республик.

Таблица 5.

Динамика общих коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения Республики Мордовия, ‰*

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост (убыль)	Естественный прирост (убыль)	
				в городах	в сельской местности
1970	15,0	8,8	+6,2	+10,7	+3,5
1979	15,0	10,6	+4,4	+9,99	+0,9
1989	14,2	10,6	+3,6	+7,3	-1,3
2002	8,0	16,7	-8,7	-5,1	-13,2
2010	9,5	15,7	-6,2	-3,1	-11,0
2011	9,5	14,8	-5,3	-2,3	-10,0

*Составлено автором по данным Мордовиястат.

Современное состояние демографических процессов в регионах проживания финно-угров не соответствует представлениям о завершающей фазе демографического перехода. Следует отметить, что некоторые из них, например, Республика Мордовия, по важнейшим показателям демографического развития — рождаемости, смертности и естественного прироста — входят в число самых неблагоприятных регионов России. Изменение демографических показа-

телей в 1990-е гг. можно оценить как регрессивное. Такая оценка определяется, прежде всего, повышенными показателями смертности населения.

Следует обратить внимание на экономические последствия ухудшения демографической ситуации. В результате сокращения численности населения снизилась освоенность территорий, уменьшилась людность поселений, что значительно повысило затраты на социальное обустройство самого населения.

Важнейшей характеристикой сложившейся демографической ситуации является возрастно-половая структура населения. С одной стороны, она является существенным фактором естественного движения населения, с другой — сама зависит от него, так как оказывается результатом демографического развития и миграционного движения.

Для финно-угорских народов характерна существенная половая диспропорция. Заметное преобладание женщин над мужчинами фиксировалось всеми переписями населения. По данным переписи населения 2010 г. превышение численности женщин отмечено у всех финно-угров, а наибольшее — у карелов и коми.

Деформация возрастной структуры населения финно-угорских этносов — результат низкой рождаемости. За последний межпереписной период удельный вес детей и подростков (основание демографической пирамиды) до 16 лет сократился у всех основных национальностей финно-угорской группы, за исключением хантов и манси. У хантов он не только увеличивается, но и имеет максимальную долю среди других этносов. Наименьший показатель у карелов и мордвы (14,3‰). Причем сокращение численности детей и подростков происходит быстрее, чем взрослого населения. В Мордовии за межпереписной период население моложе трудоспособного возраста уменьшилось на 22,9%, трудоспособного — на 3,0%, старше трудоспособного — на 1,0%. Такая же ситуация сложилась у коми, коми-пермяков и удмуртов. При этом в численности населения трудоспособного возраста наблюдается перевес в пользу лиц 35 лет и старше.

Динамика лиц среднего возраста подтверждает тенденцию демографического старения населения крупнейших финно-угорских народов России. Например, средний возраст жителей Республики Мордовия увеличился на 1,7 года и составил 40,4 года (в 2002 г. — 38,7 лет), а медианный — 45 лет. Мужское население финно-угорских народов заметно моложе женского. Сокращение продолжительности жизни мужчин более быстрыми темпами, в сравнении с женщинами, определило заметно меньший удельный вес мужского населения в

возрастной группе 60 лет и старше (в среднем в 2 раза против такого же показателя у женщин).

Таким образом, в финно-угорских регионах сложилась регрессивная возрастная структура населения, для которой характерно превышение доли женщин и населения старших возрастов над долей детей. Это в свою очередь приводит к понижению экономической активности населения, что не отвечает интересам регионального развития. Особенности демографической ситуации обусловлены давно начавшейся деформацией возрастно-половой структуры населения, связанной, в первую очередь, с длительным миграционным оттоком. Миграция привела к процессу старения населения, что снижает как общие показатели рождаемости и естественного прироста, так и специальные, например коэффициент суммарной рождаемости. Динамика коэффициента суммарной рождаемости на территории Мордовии до 2030 г. отражена в табл. 6.

Таблица 6.

**Предполагаемая динамика коэффициента
суммарной рождаемости**

Год	Всё население	Городское население	Сельское население
2010	1,328	1,213	1,571
2015	1,419	1,334	1,587
2020	1,507	1,457	1,600
2025	1,548	1,506	1,631
2030	1,572	1,536	1,657

* Демографический ежегодник Республики Мордовия : стат. сб. №900. Саранск, 2011. С. 173.

Республика Мордовия уже давно входит в группу регионов России с самой старой возрастной структурой населения. Свидетельством старения жителей Мордовии является неуклонный рост доли старших возрастов и сокращение доли детей. Сложившаяся возрастная структура давно является фактором не столько демографического развития, сколько депопуляции.

Социально-экономическая сущность возрастно-половой структуры проявляется не только через количественные, но и качественные характеристики демографического потенциала. Негативно меня-

ются прежде всего профессионально-квалификационные параметры населения и потенциал его социальной мобильности.

Одним из существенных факторов изменения численности и территориального перераспределения населения является миграция. Нерациональные миграционные потоки между сельской местностью и городскими поселениями являются одной из демографических угроз для населения финно-угорских территорий. Миграционные процессы уже давно играют отрицательную роль в демографическом развитии регионов.

Механический отток населения из финно-угорских республик — один из самых высоких в сравнении с другими субъектами России. Коэффициент миграционной убыли в 2009 г. составил у мордвы — 1,9‰, удмуртов — 2,0‰ и мари — 6,0‰.

Например, для Республики Мордовия уже с середины 1990-х гг. характерна устойчивая миграционная убыль населения (рис. 1).

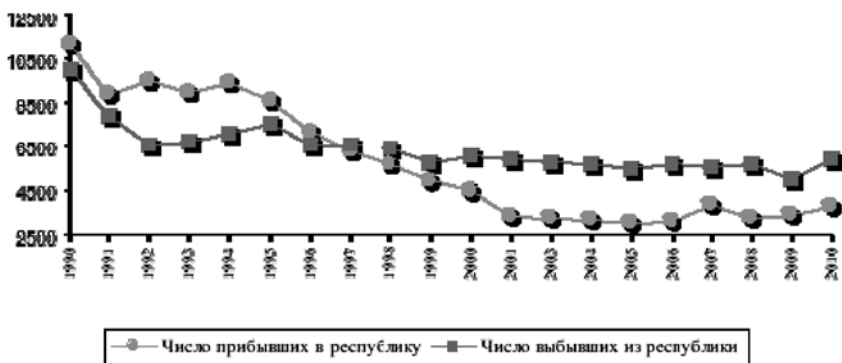

Рис. 1. Внешняя для республики миграция.

Основу внешнего миграционного оборота составляет внутри-российское переселение граждан. Центральное положение финно-угорских республик Урало-Поволжья — между Москвой и Уралом — определило повышенные потери населения и значительно ухудшили его качественный состав. Основными направлениями миграции по России являются г. Москва и Московская область, которые с 1990-х гг. являются основными центрами притока мигрантов как из Мордовии, так и из других финно-угорских регионов, а также и стран СНГ. Столица и Федеральный центр вытягивают наиболее активных, квалифицированных и преимущественно молодых жителей республик. В среднесрочной перспективе привлекательность для мигрантов будут на-

рашивать и другие российские города-миллионники, которые уже столкнулись с проблемой дефицита трудовых ресурсов. Для привлечения молодых трудовых мигрантов в этих городах будет быстро увеличиваться уровень средней заработной платы, развиваться сектор социальных услуг, торговли и развлечений, увеличиваться объемы жилищного строительства. Прибывают мигранты из экономически слабо развитых и трудоизбыточных регионов стран СНГ, о чем свидетельствует рис. 2.

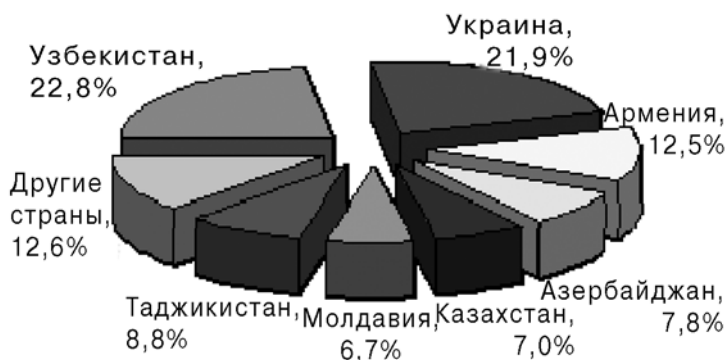

Рис. 2. Структура прибывших в Республику Мордовия из стран СНГ и Балтии в 2010 г. (в процентах от общего числа прибывших).

В результате высокого миграционного оттока населения сокращается его численность, усиливается деформация возрастной структуры, сокращается численность молодежи, растет число лиц старших возрастов, увеличивается демографическая нагрузка на трудоспособное население, формируется дефицит молодых женщин и девушек в сельской местности, что отрицательно сказывается на формировании сельских семей. Негативным последствием миграции сельского населения является отток специалистов с высшим и средним специальным образованием. Это создает дефицит квалифицированных кадров и приводит к снижению трудового потенциала села.

Итак, можно сделать вывод, что крупные и некоторые малые по численности финно-угорские народы России — это стареющие и постепенно вымирающие нации. На грани исчезновения находятся нганасаны, чуванцы, водь, вепсы, ижорцы. Некоторые народы, имея благоприятную демографическую ситуацию (ханты, манси) имеют потенциал увеличения своей численности. Однако вследствие постепенного старения населения потребуются дополнительные финансовые

расходы государства на выполнение социальных обязательств по их пенсионному и социальному обеспечению.

Итак, финно-угорские народы находятся на разных уровнях демографического развития и широко расселяются по территории России. Однако Поволжье и Приуралье нами рассматриваются как основные регионы их проживания и взаимодействия.

Этническая структура населения финно-угорского пространства продолжает развиваться. Численность русского населения — сокращается. Территориальная пестрота этнического состава обусловлена достаточно высокой урбанизированностью регионов и формированием населения преимущественно в результате миграционных процессов.

Этническая структура регионов состоит из четырех основных частей: коренные финно-угры, русские, другие титульные народы России и титульные народы бывшего СССР. Остальные народы доставляют незначительную часть населения.

Своеобразие этнического состава населения регионов можно охарактеризовать следующими чертами:

- низкая доля коренных народов для многих субъектов Федерации, выделенных по национальному признаку (Карелия, Ханты-Мансийский АО — Югра);
- относительно невысокая доля русских для регионов, которые осваивались русскими (Республика Мордовия, Ханты-Мансийский АО — Югра);
- много разнообразных титульных народов России по доле и по количеству;
- много титульных народов бывшего СССР для регионов, расположенных в центре России и имеющих неприграничное положение на территории России.

Можно сделать вывод, что социально-экономическая и демографическая ситуации в финно-угорских регионах России очень разные. В связи с этим необходимо активизировать усилия на приоритетах территориального развития и формировании благоприятной жизненной среды.

Литература

1. *Логинова Н.Н.* Этнодемографическая ситуация в финно-угорском пространстве / Н.Н. Логинова, Ю.Д. Федотов // Финно-угорское пространство в туристском измерении: материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. — Саранск, 2011. — С. 37–43.

2. *Логинова Н.Н.* Финно-угорские народы мира и России: геодемографический аспект / Н.Н. Логинова, М.А. Жулина // Междунар. научн. журнал «Финно-угорский мир, 2/3 2011. — Саранск, 2011. — С. 75–81.
3. *Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат.* — Саранск, 2011. — 444 с.
4. *Регионы России. Социально-экономические показатели 2008: стат. сб. / Росстат.* — М., 2008. — 999 с.
5. *Российская газета.* — 2011. — №64 (5440).

Орлов А.Ю.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Всесторонность изучения населения предполагает анализ демографических процессов как во взаимодействии с общественным развитием, так и в пространственной, географической дифференциации. Состояние населения всегда привязано к конкретному пространству и времени. Независимо от существующих в общественных науках определений демографической системы, неотъемлемым ее аспектом является пространственная локализация. Поэтому, каждая демографическая система — это, прежде всего, территориально определенная совокупность людей.

До настоящего времени, как в России, так и в мире, не так много работ, которые содержали бы комплексный анализ теоретико-методологических и прикладных вопросов этнодемографии с географических позиций, то есть применительно к локальным территориям. Аксиологическое и телеологическое значение данной работы заключается в некотором восполнении этой лакуны.

Несмотря на то, что этнические и демографические феномены обусловлены своим системным содержанием, происходят они на конкретной территории с присущими ей характеристиками. Отсюда, следует считать, что географический подход в этнодемографических исследованиях является и корректным, и перспективным.

Рассмотрение этнодемографических структур и процессов «от географии» предполагает в качестве объекта изучения территориальную систему и этнотерриториальную общность людей, как ее центральный элемент. Ее структурной единицей предстает не этнос, как в культурно-антропологических исследованиях, не народонаселение, как в демографии, но система поселений определенной локальной территории.

Перед исследователем стоит ряд задач, связанных с двумя главными направлениями географического анализа: что и как меняется от места к месту в рассматриваемом явлении, а также установлением причинной связи между соединенными на одной территории различными явлениями. Первая группа задач включает установление территориальных этнодемографических различий, вторая — охватывает комплексное изучение этнодемографической структуры населения и ее динамики на конкретной локальной территории.

Динамика этнодемографической структуры населения включает изменения как во времени, так и в пространстве и определяетсякумулятивным эффектом основных этнодемографических процессов: естественного и миграционного движения населения, а так же процессами этнической ассимиляции и переидентификации.

Процессы естественного движения, включающие рождаемость и смертность, представляют собой модификацию, преобразование и эволюцию демографического режима воспроизводства и имеют временную и пространственную составляющую. Изменение демографического режима во времени, так или иначе, описывается всеми известными демографическими теориями, прежде всего теориями переходов. Меньше внимания уделяется рассмотрению распространения демографических режимов воспроизводства в пространстве.

Территориальную динамику процессов естественного движения населения наиболее адекватно можно описать при помощи географической теории диффузии инноваций¹, которая гармонично интегрируется с базовыми принципами демографического перехода. В данном случае в качестве инноваций выступают характеристики рождаемости и смертности, определяющие демографический режим, который распространяется в пространстве от одних территориальных общностей людей к другим. Таким образом, диффузия инноваций в данном случае — есть пространственный аспект демографических изменений, а население каждой локальной территории на пути

¹ Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. University of Chicago press, 1973.

распространения инновации находится в определенной фазе демографического перехода — «здесь и сейчас».

Географичность при изучении миграционных процессов проявляется при рассмотрении различий в миграционной подвижности у разных народов, населяющих ту или иную территорию, баланса прибытий и оттока в их этнической и территориальной дифференциации и степени интеграции мигрантов в принимающее общество, под которой здесь понимается конвергенция демографических характеристик.

Акцент в этнодемографических исследованиях ассимиляционных процессов с географических позиций ставится на нескольких аспектах: на объективной и направленной переидентификации коренного населения в условиях этнотерриториальной черезполосицы; на субъективной и, иногда, возвратной переидентификации, совершаемой в зрелом возрасте, преимущественно, в полиэтнической среде определенного региона, и отражаемой в переписях населения; на процесс приживаемости иммигрантов и степень их этнического поглощения принимающим обществом.

Исследование населения конкретных территорий предполагает использование географических методов, прежде всего, сравнительно-географического и районирования. Важнейшим методом предстает концепция выделения в пределах страны ключевых этнодемографических районов — наиболее полиэтничных территорий с характерными демографическими особенностями, а в их пределах — локальных территорий низового уровня с дисперсным расселением двух и более этносов.

Например, на территории Российской Федерации целесообразно выделение трех ключевых этнодемографических района: Северокавказского, Волго-Уральского и Сибирского. В каждом из них концентрируется значительное число локальных полиэтнических территорий, в совокупности определяющие «лицо» района.

В этнодемографических исследованиях с географических позиций целесообразна следующая обобщенная последовательность действий.

1. Выделение этнотерриториальных общностей людей локального уровня.
2. Выявление этнодемографических процессов и тех факторов, что их обуславливают.
3. Выделение этнодемографических районов как совокупности локальных полиэтнических территорий со схожими демографическими характеристиками.

4. Выявление взаимосвязи районов в пределах полиэтнического государства.

Географическое рассмотрение этнодемографического состава населения дает определенные практические преимущества, заключающиеся в возможности территориальной локализации управленческих действий. Она обуславливает проведение социальной и демографической политики с учетом социокультурной, экономической и институциональной специфики локальных территорий.

Герасименко Т.И.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКО- КАЗАХСТАНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ¹

Государственная российско-казахстанская граница, рассёкшая единое прежде геопространство — многослойную мегасистему, одной из подсистем (слоем) которой является этнокультурное пространство, и сделавшая его в одночасье трансграничным, за истекшее двадцатилетие превратилась из условной в реальную с усиливающейся барьерной функцией. К моменту распада СССР о её существовании можно было догадаться лишь по географическим картам. В сложившихся этнокультурных регионах, превратившихся в трансграничные (ЭКТГР) после делимитации постсоветского пространства, сформировались сходные формы проявления национальной культурной традиции, а также ярко выраженная региональная идентичность, в ряде случаев доминировавшая над этнической. В настоящее время граница обросла сложной инфраструктурой и сильно осложнила жизнь населения, привыкшего к постоянным контактам. Демаркация стала мощным фактором трансформации геопространства по разные стороны границы и предопределила неизбежность его дивергенции. Такие процессы прогнозировались, однако предположить, что кардинальные изменения будут происходить во всех его слоях такими быстрыми темпами, было невозможно.

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Оренбургской области (грант №12-11-56000а)

Серьёзным изменениям подверглись этнокультурная, этнодемографическая, геополитическая, геоэкономическая, этноландшафтная составляющие. Меняется территориальная структура региона в связи с изменением зоны влияния прежних центров.

Проведённые в течение ряда лет автором данной статьи исследования этнокультурного пространства российско-казахстанского порубежья (в том числе экспедиционные) позволили уточнить и внести коррективы в оценку происходящих изменений. В мае 2012 г. сотрудники кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета приняли участие в международной экспедиции «По маршруту П.С. Палласа». Проведённое анкетирование, интервьюирование, а также собранные статистические данные и оценки экспертов в трёх административных районах Западно-Казахстанской области, находящихся на разном расстоянии от российско-казахстанской границы, позволили говорить о разных аспектах процесса трансформации. Ранее были проведены аналогичные исследования на территории России.

После распада СССР серьёзно изменилась *этническая структура* региона в результате массовой эмиграции представителей отдельных этносов (с российской стороны — немцы и евреи, с казахстанской — русскоязычные граждане, включая и русскоязычных казахов) и иммиграции в Россию прежде всего русскоязычного населения из бывших союзных республик, а также представителей других этносов (армяне, узбеки и др.). Сформировались диаспоры и этнии, в ряде мест они селятся компактно и образуют неформальные этнические районы. Новые для территории России этнокультурные группы, привнёсшие новые элементы культуры, способны изменить сложившуюся структуру. В крупных урбанизированных центрах, в некоторых районах сельской местности реальностью стала сегментизация экономики по этническому признаку. К примеру, прибывшие армяне заняты или владеют предприятиями сферы услуг, корейцы заняты в сельском хозяйстве, таджики и узбеки — в строительстве. Как известно, в миграциях принимает участие наиболее активная и деятельная часть населения. Это порождает у местных жителей (особенно на фоне экономического кризиса) уверенность, что у них отнимают рабочие места. Привнесение иной культуры нередко является стрессовой ситуацией для местного населения и меняет культурный ландшафт и привычный ритм жизни. Так, опустевшие немецкие районы Оренбургской области заселяются башкирским населением и выходцами из Средней Азии и Казахстана, по большей части горожанами, плохо приспособленными к сельским условиям. Села утратили безу-

пречный вид и строгую планировку. В Казахстане, напротив, этнокультурная среда становится более однородной.

Рост барьерности границы, помимо процессов экономической дезинтеграции, привел к усложнению контактов населения. Граница стала серьёзным препятствием для *перемещения товаров и людей*. Особенно это коснулось населения, имеющего родственников в соседнем теперь уже государстве, но не только их. Североказахстанское население разных национальностей, в том числе казахи, традиционно учились и лечились в Оренбурге, объективно являвшимся культурным центром региона. Известны парадоксальные случаи, когда людям приходится ездить в гости в соседнее село за речкой не через привычный мост, а делая большой круг через райцентр, где находится таможенный пропускной пункт. В Северном Казахстане на определённом этапе проявились сецессионистские настроения среди русскоязычного населения. Следствием стала реформа АТД Казахстана, приведшая к изменению этнического состава населения территориальных единиц разного уровня в пользу казахов. Проведенные социологические опросы показали, что большинство жителей региона за сохранение прозрачной границы. Однако часть населения Оренбургской области возражает, что связано с экономическими проблемами, безработицей и увеличившимся притоком иммигрантов разных национальностей из соседней страны.

В приграничной зоне Казахстана не останавливаются поезда, следующие в Россию, что затрудняет трансграничные контакты. Российской стороной установлены квоты на ввоз товаров из Казахстана, и фермерам приходится продавать продукцию в Казахстане, несмотря на то, что транспортировка в Россию ближе и выгоднее. Действует международный роуминг у операторов мобильной связи. В соседних государствах теперь действуют разные законы. Всё перечисленное осложняет трансграничные контакты. Казахская экономика менее подверглась рыночным реформам по сравнению с Россией. Сильно различаются цены на одни и те же товары и услуги (например, на услуги мобильной связи).

Образ границы у населения по обе стороны границы негативный, и чем ближе к границе, тем он хуже. Географические особенности Казахстана (большая заселенность и освоенность приграничных регионов по сравнению с центром) также способствовали и способствуют интеграционным трансграничным процессам. Это показало проведенное нами анкетирование. Многие казахстанцы испытывают ностальгию по прошлому времени, когда границы не было, опасаются усиления влияния Китая и ориентированы на партнёрские отноше-

ния с Россией. То же можно сказать и о российском населении. Казахстанско-Российская граница не являлась экономической пустыней (по Б.Б. Родоману), до сих пор сохраняется единая инфраструктура (интересен прецедент: в Соль-Илецке железнодорожная станция Илецк-1 принадлежит Западно-Казахстанской железной дороге), однако после рассечения этого пространства в результате ослабления связей, как следствие, возможно через некоторое время экономическое опустынивание приграничной полосы. Негативный образ границы не может предотвратить происходящие изменения.

В первую очередь граница вносит коррективы в *информационное пространство*, а разделённые этносы подвергаются языковой дивергенции, и это обстоятельство в значительной степени предопределяет изменение идентичности. Проиллюстрируем это на примере казахского этноса, который неоднороден и делится на жузы и роды. На юге Казахстана, где исторически располагались земли Старшего жуза, позднее других присоединенные к России, среди казахов сильнее влияние ислама, лучше сохранились родоплеменная структура, казахский язык и традиционная культура. В северных, центральных и восточных районах, где проживают представители Младшего и частично Среднего жузов, в условиях иноэтничного окружения традиционная культура была сильно трансформирована и отчасти вытеснена современными стандартами жизни, именуемыми здесь «русскими». Эта ситуация сохраняется за пределами Казахстана, в России. Российские казахи, многие из которых имеют родственников в Казахстане, русскоязычны и не знают казахского языка. Для казахстанских казахов в настоящее время родной язык — казахский. Русскоязычные эмигрировали ещё в 90-е годы. В современном Казахстане родовые флаги как маркеры висят рядом с национальными на офисах семейных предприятий. Русский язык пока не вышел окончательно из употребления. Однако чем дальше от российской границы, тем хуже его знание.

Всё больше различаются *системы образования* в Казахстане и России. Различия касаются содержания и набора дисциплин. К примеру, в школы Казахстана введены обязательные уроки самопознания, в педагогических университетах ведётся подготовка преподавателей этой дисциплины, в основу содержания которой легло учение целителя Порфирия Иванова.

В школах Казахстана обучение ведётся на казахском и русском языках, наблюдается тенденция к росту числа казахских классов в силу востребованности в государстве казахского языка, а в некоторых районах в следующем учебном году не будут набирать русскоязыч-

ные классы. Делопроизводство в Казахстане постепенно переводится на казахский язык (в том числе в университетах), что приводит к этническому замещению руководящего звена. В приграничной с Россией зоне (например, в Джаныбеке — у границы с Волгоградской областью) русский язык не вышел из употребления, поскольку он необходим для экономических контактов и, следовательно, для общения с россиянами. В глубинных районах Западно-Казахстанской области по-русски не говорят вообще. Русский язык используют в крупных городах и поликультурных индустриальных центрах, но и там казахские дети его уже не знают. Представители старшего поколения неказахских национальностей (татары, греки и др.) говорят по-казахски и по-русски, молодёжь — только по-казахски. Язык своей национальности почти никто не знает. Если тенденция сохранится, русский язык также исчезнет из употребления. Система трёхязычия, которую пытаются внедрить на государственный уровень, не работает вовсе. Для изучения английского языка пока нет мотивации..

Несмотря на изменения этнического состава населения и превращения многих районов в однонациональные, *образ территории* сохраняется как многонациональный, о чём говорят проведённые социологические опросы и интервью. Так, в Урде интервьюируемые единодушно утверждали, что район многонациональный, называли среди проживающих греков, татар, русских. Однако по официальным статистическим данным в настоящее время осталось лишь несколько семей представителей неказахской национальности (6 татарских, 1 греческая, 3 русских). Двадцать лет назад в этническом составе населения преобладали русские и татары, разговорным языком был русский, а казахи составляли меньше половины от общей численности. Неказахское население частично ассимилировалось, но большинство мигрировало (главным образом, по экономическим причинам) в казахстанские города или в Россию. Практически все браки межэтнические, что объясняется как толерантностью и комплиментарностью (по Л.Н. Гумилёву) соседствующих этносов, так и изменившимся этническим составом. Немногочисленные представители этнических меньшинств не могут найти для брака партнёра своей национальности. В межэтнических семьях пользуются казахским языком даже в быту, хотя сохраняют иное этническое самосознание. Так, в Новой Казанке, основанной татарами, проживают лишь несколько смешанных (татарско-казахских) семей, являющихся родственниками. Они двуязычны (казахский и русский языки), идентифицируют себя как татары. Ограничивают возможность однонациональных браков и национальные традиции: к примеру, в казахских семьях (в том числе сме-

шанных) нельзя жениться на родственниках до седьмого колена. Увеличивается число браков с российскими казахами, которым приходится учить казахский язык.

Возрастающая барьерность границы и изменение языкового состава уже привели к изменению *региональной идентичности* и частично *этнической самоидентификации* населения. Если сразу после делимитации население всех национальностей приграничных территорий обеих стран осознавало принадлежность к единому региону, а представители разделённых границей народов — к единому этносу, то теперь утрачивается не только региональное единство, но и единство с представителями своего этноса по другую сторону границы. Противопоставление «мы — они» относится и к зарубежным родственникам, с которыми поддерживают связи. Нередко этнокультурные группы сохранили лишь этническую самоидентификацию, утратив язык и даже внешность. Например, татары в глубинных районах говорят по-казахски и по-русски, обладают выраженными монголоидными чертами, но осознают себя татарами. Говорят по-русски и по-казахски греки и представители других национальностей.

Не так быстро, как в России, в Казахстане трансформируется *социокультурная обстановка*. Различия возрастают и в отношении к *религии*. Казахи традиционно не являются религиозными фанатами. И в настоящее время, хоть и строятся мечети, большая часть населения мечети не посещает. Среди казахстанцев других национальностей также не наблюдается серьёзного роста религиозности. С российской стороны отношение к религии иное.

Изменилась *топонимия*, что полностью отражает складывающиеся тенденции. Большая часть неказахских топонимов исчезла с географической карты. Изменились названия городских улиц, для них широко используются имена казахских композиторов и литераторов. Среди редких исключений, например, ойконом Чапаево. Для тех топонимов, что пока сохраняются на географической карте, чаще используются вернакулярные названия. Так, местное название р. Большой Узень — Кара-Узень, Малый Узень — Сара-Узень (соответственно Чёрный и Жёлтый). Указатели географических названий на трассах по казахстанскому законодательству должны быть представлены на двух языках (казахском и русском), однако де-факто в глубинных районах надписи двуязычны лишь в официальных местах.

Дивергенции этнокультурных систем способствует и *этноландшафтный фактор*, действие которого в годы социализма сглаживалось тоталитарно-административными методами управления. Ландшафты в значительной степени предопределяют или корректируют

особенности и динамику быта, экологической, экономической и духовной культуры, представления о времени и пространстве, жизни и смерти. Не все этнокультурные группы смогли адаптироваться в суровом ландшафте сухих и солончаковых степей — например, евреи, многие из которых погибли. При единой административной системе двух ныне суверенных государств его действие сглаживалось, сейчас всё больше проявляется различий. Этносы вписаны в ландшафт, адаптируются в нём, преобразуют его, формируют культурные ландшафты. Ландшафты по обе стороны границы сходные, но при продвижении на север степь сменяется лесостепью и лесом, при продвижении на юг ковыльные степи сменяются полынными и солончаковыми. Степной ландшафт нарушается песками антропогенного происхождения (Рын-пески), южнее степи сменяются полупустынями и пустынями. Это предопределяет всё большие различия в природопользовании, в частности, на этноландшафтных особенностях поселений отдельных этносов. Многообразие естественно-природных условий, проявляющееся в особенностях орографии, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, ландшафтной зональности и т. п., в значительной степени оказывает влияние на систему расселения и особенности населенных пунктов, проявляется в выборе места для поселения, определяет набор строительных материалов и планировочные особенности населенных пунктов, характер застройки. Активно в качестве строительного материала применяется саман. Для строительства домов, заборов и надворных построек используют камышовые плиты, представляющие собой натянутые на каркасную основу и связанные между собой стебли камыша, в большом количестве произрастающего на местных озерах. Изменения пока мало коснулись крупных населённых пунктов, сохранившихся с доперестроечных времён — ведь основные фонды меняются медленно. Принцип регулярной планировки казахских поселений в первую очередь связан с относительно небольшим возрастом населенных пунктов; в момент их возникновения уже был выпущен ряд указов о перестройке деревень, в которых улицы предполагалось делать прямыми и правильными. Однако в Казахстане появились дисперсные поселения, отражающие происходящие *экономические* изменения (развитие фермерства, отгонно-пастбищное животноводство). Российские населённые пункты также меняются в сторону улучшения, удорожания и стандартизации жилья.

Трансформацию претерпела *территориальная структура (ТС)*. Она менялась от очаговой к ячеистой и гомогенной, затем — узловой. С начала российской колонизации регион развивался как нуклеарный

топохрон. Тяготение к Оренбургу, объективно являвшемуся его культурным, политическим и экономическим центром, прослеживается на картах разного времени, а также по архивным документам. Социометрические исследования (наряду с анализом связей, в том числе экономических и миграционных) показывают, что это ядро остается дееспособным для ряда территорий и в настоящее время, однако зона его влияния сильно сокращается. Реально к нему тяготеет большая часть Оренбургской области, юг Башкирии, а вот влияние в приграничных районах Казахстана значительно уменьшилось. Оно ещё распространяется на образовательное и научное пространство, в меньшей степени на экономическое, однако зона влияния в остальных сферах сократилось. Регион все больше «размывается», появились новые центры. Современная территориальная структура очень неоднородна, ее можно характеризовать как ячеисто-мозаичную с элементами узловых.

Таким образом, под влиянием всех этих процессов меняется *этнокультурная система региона*, которая складывается из отдельных этнических культур, неравноценных по роли в регионе. Большая совместная этнокультурная история сопровождалась трансформацией этнокультурных систем (оседлую культуру сменили несколько волн кочевых народов). За период российской колонизации доминирующей культурой на большей части территории ЭКТГР долгое время была русская, имеющая региональную специфику и заимствования. Однако теперь на Казахстанской части ЭКТГР доминирующей она не является. В ряде районов доминируют прочие коренные культуры нацменьшинств и даже локальные. Некоторые культуры можно отнести к категории угасших, поскольку они почти полностью трансформированы и ассимилированы. Сохраняется ряд культур, развивавшихся изолированно, которые можно считать реликтовыми. В городских поселениях доминирует урбанистическая конгломеративная культура, в которой постепенно доминирующим становится казахский компонент.

В этнокультурном развитии фактор трансграничности играет очень большую и неоднозначную роль, предопределяя различные сценарии в зависимости от типа границы и от трансграничной политики соседних государств. Этнокультурное пространство после делимитации проходит несколько этапов в развитии независимо от причин (в данном случае это распад страны). Развитие «врозь» в случае усиления барьерности границы первоначально приводит к разной степени дивергенции, а иногда даже к этническому разделению (монголы и буряты). В дальнейшем при определенных условиях возможна

интеграция и конвергенция этнокультурных систем на новой основе в результате процессов диффузии и интеграции, но этот процесс очень длительный. ЭКТГР обладают свойствами системности (единство, взаимодействие, центростремительные тенденции). Усиление барьерной функции российско-казахстанской границы уже привело к затруднению трансграничных контактов для населения, и в этих условиях выросло новое поколение казахстанцев и россиян. Важным обстоятельством, способствующим дивергенции, стало изменение этнического состава населения. В Казахстане уменьшилась доля русскоязычного населения, а в России — к примеру, в Оренбуржье усилились новые этнокультурные группы (армяне, азербайджанцы и др.), привнесшие новые этнокультурные характеристики в ЭКТГР. Этнотыпы еще не успели подвергнуться окончательной дивергенции главным образом благодаря старшему и среднему поколениям, однако этот процесс стал необратимым для молодёжи. В случае сохранения наметившейся тенденции этнической трансформации даже одних и тех же этносов по разные стороны границы, которая приведёт со временем к окончательному этническому разделению. В случае же режима благоприятствования и прозрачной границы возможна дальнейшая интеграция в рамках единого этнокультурного региона, что представляется логичным, обусловлено геополитическим положением двух стран и вписывается в историко-географический контекст.

Трифорова З.А.

ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В СОХРАНЕНИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА

(на примере Чувашской Республики)¹

Попытки модернизации социально-экономической системы региона как правило сталкиваются с множеством ограничений. При этом, чем меньше может общество достичь успехов в модернизации, тем глубже становятся основания для поиска и утверждения «своих путей» развития. В таких случаях уже не столько квалификационные и

¹ Статья подготовлена по гранту РГНФ 12-12-21600 е(р).

профессиональные различия становятся социальными индикаторами дифференциации, сколько статусные различия традиционного общества. В условиях этнического региона на первый план выходят, в том числе, этнокультурные индикаторы. Тем интереснее анализ этно-профессиональной и этно-социальной структуры населения Чувашии.

Положение Чувашии на стыке двух культур — европейской и азиатской, на стыке двух религий — христианства и мусульманства, на стыке двух мировоззренческих стилей — западного практицизма и восточного идеализма способствовало формированию в Республике и ее столице атмосферы компромиссных, толерантных взаимоотношений проживающих здесь народов.

При общем анализе этно-профессионального состава населения Чебоксар, а также Республики в целом, наблюдается их соответствие соотношению основных этнических групп Республики и города. Однако при детальном анализе выявляются некоторые различия, которые сформировались еще в советский период и сохранились в настоящее время [1].

Так, общий анализ материалов Всесоюзной переписи по национальному составу населения 1989 года позволил выявить диспропорции в представительстве этнических групп по отраслям хозяйства Республики. Если доля чувашей составляла 67,8%, а доля русских — 26,7% в целом по Республике, то в отраслевой структуре занятости чуваша в промышленности составляли 58,2% всех занятых, в науке и научном обслуживании 53,1%, а в сельском хозяйстве Республики 86,9% [2]. При уточнении сельско-городского расселения чувашей и русских, удельный вес корректируется, согласно переписи 1989 г. доля чувашей составляет 54,7% среди горожан республики, а русских 40%. Заметим, что с учетом уточненного соотношения, в целом, занятость в промышленности и науке пропорциональна удельному весу чувашей среди горожан Республики.

Однако детальный анализ этно-социальной пирамиды городского сообщества показал довольно явное расслоение, не соответствующее пропорциональному распределению основных этносов города. Учитывая, что как правило, вершину социальной пирамиды возглавляют руководители различных предприятий и ведомств, мы обратились к анализу их этнического состава. Так, по исследованиям В.П. Иванова, доля чувашей в 1989 г. среди руководителей предприятий и организаций отраслей экономики и их структурных подразделений составляла 50,9%, русских — 42,3%, представителей других этнических групп — 6,8%. При этом довольно скромно чуваша были

представлены в директорском корпусе промышленных предприятий — 17,1% (в 1985 году), для сравнения, русские составляли 68,3%. Представители других национальностей, объединенные в одну группу составляли 14,6%, заметим, что в основном это были евреи, украинцы, белоруссы и др. Типичным примером может служить история организации крупнейших промышленных предприятий Чебоксар. Чебоксарский электроаппаратный завод в самый сложный период его становления возглавлял Бенский Я.С., еврей, уроженец Харьковской области. Эвакуированные вместе с заводами специалисты, возглавили цеха и структурные подразделения вновь созданного электроаппаратного завода, при этом много представлено евреев [3]. Также организовывалась деятельность чебоксарского агрегатного завода, чебоксарского тракторного завода. Для руководства их техническими, финансовыми, инженерными службами приглашались специалисты со всей страны. Как правило, это были представители нетитульной национальности, в основном, евреи, русские, белоруссы и украинцы.

Сложившаяся ситуация в этно-социальной структуре горожан объяснялась объективными причинами. Чебоксары в первой половине XX в. были городом с преобладанием русского населения, чуваши лишь начинали активно выезжать из сельской местности. Отсутствие индустриальных навыков и высокой квалификации не позволяло чувашам в тот период массово занимать верхние слои в социальной пирамиде городского сообщества. Немаловажен и практически неиспользуемый в тот период чувашами ресурс этно-социальных сетей, в отличие от евреев, имевших представление о желательном получении высшего образования, а также активно использовавших ресурса этно-социальных сетей. Механизм их действия демонстрирует и объективно представляет Д.М. Костинская, описывая роль евреев в формировании предприятий промышленности, энергетики и связи, а также в развитии медицины и науки города Чебоксары [3]. Положительный эффект действия социальных сетей проявлялся в успешной деятельности промышленных предприятий и учреждений непродовольственной сферы. Наличие личных контактов в центральных (московских) ведомствах способствовало быстрому решению проблем в пользу чебоксарских предприятий и учреждений, а следовательно, и наращиванию инвестиционного потенциала города.

Таким образом, сложившийся механизм привлечения внешних ресурсов через этнические и социальные сети русских, евреев и представителей других нетитульных народов способствовал формированию своеобразного действия социокультурного потенциала Че-

боксар. При этом чувашы формировали внутренний ресурс социальных сетей сельско-городского характера.

Постепенно образовательный уровень чувашей повысился, но незначительная унаследованная дистанция между двумя основными этносами Республики сохранилась (табл. 1).

Таблица 1.

Образовательный уровень населения по основным этническим группам в Чувашии (на 1000 человек в возрасте от 15 лет и старше)

	Высшее и после- вузов- ское	Непол- ное высшее	Среднее специ- альное	Среднее (полное)	Непол- ное среднее	Началь- ное
Чуваши						
1989	65	12	141	327	249	136
2002	114	23	409	195	160	89
Русские						
1989	113	15	220	277	190	120
2002	176	33	398	185	131	69

Составлено по [4,5]

Образовательный уровень русских в целом остается выше, чем у чувашей. При этом различия заметно сгладились, если в 1989 г. среди чувашей индекс величины лиц с высшим образованием на 1000 жителей был почти в два раза меньше, чем у русских, то в 2002 г. разница сократилась до 0,6 раз.

Анализируя положение этнических групп в современной социальной пирамиде горожан, отмечаем некоторые отличия по сравнению с первой половиной XX в. Условия демократических перемен 1990-х годов способствовали вертикальной социальной мобильности многих представителей чувашского этноса. В результате действий в том числе модели этно-социальных сетей, во властных структурах города и Республики существенно увеличился удельный вес чувашей. В то же время в индустриальной сфере городского хозяйства практически сохранилась прежняя этно-социальная стратификация. Более того, среди топ-менеджеров крупнейших предприятий города появились «варяги» — высококвалифицированные специалисты, приезжающие лишь в качестве трудовых мигрантов в Чебоксары и постоянно не проживающие в городе. Во многом подобное положение «обкрадывает» социокультурный потенциал города. Положение «временщи-

ков» не способствует социальной ориентации крупного бизнеса, который ориентирован, к сожалению, на получение лишь экономической выгоды. За последние десятилетия, крупным бизнесом (в лице крупнейших градообразующих предприятий города) не было проведено практически ни одной социальной акции в пользу развития городской среды. Во многом это связано с полной независимостью крупного бизнеса от республиканских и городских властей.

В связи с этим большая нагрузка легла на средний бизнес, на который имеет возможность влиять местная городская и республиканская власть. Именно на средства и при поддержке среднего и малого бизнеса в городе осуществляются социокультурные проекты.

Не менее важным процессом в этносоциальной стратификации и мобильности населения города стала этническая консолидация чувашей. Речь идет о чувашах, родившихся за пределами Республики, в частности в Татарстане или в Башкирии. Использование этно-социальных сетей, модель которых воспринималась на примере подобных моделей взаимодействия татар или башкир, позволило многим чувашам, уроженцам Татарии или Башкирии, достичь высоких личных позиций в социальной пирамиде городского сообщества. При этом в дальнейшем они продолжают воспроизводить модели этносоциальной связи и поддержки чувашей из других регионов, что позволяет надеяться на формирование устойчивого инвестиционного ресурса через этнические взаимоотношения.

Местные чуваша также образуют земляческие сети, деятельность которых особенно проявляется в социокультурной сфере Чебоксар и в соответствующих районах. Громко землячества заявляют о себе в рамках республиканских и городских культурно-массовых мероприятий, а также в дни землячества. Однако имеется и текущая, незаметная работа, связанная с поддержкой земляков в трудоустройстве, в социальных проектах, в поддержании деятельности детских, молодежных, культурных и общественных организаций.

Сочетание модернистских черт и традиционализма приобретает оригинальный и очень разнообразный характер. Сложно сказать, станет ли такое разнообразие только спецификой этнокультурных черт социальных слоев или это будет симптомом нового типа социального неравенства.

Литература

1. Васильева, О. Чувашская Республика / <http://igpi.ru/info/people/vasiljeva/chuvash/>

2. *Иванов, В.П.* Этническая карта чуваш. / В.П. Иванов. — Чебоксары: Чуваш. Кн. изд-во, 1997. — 120 с.
3. *Костинская Д.М.* Евреи Чувашии. / Д.М. Костинская. — Чебоксары: Руссика, 2003. — 174 с.
4. Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) / Финансы и статистика. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 118 с.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2004, т.4, кн. 2. 2004. — С. 1784–1890.

Жогова М.Л.

СУДЬБЫ СТАРИННЫХ УСАДЕБ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Природное и культурное наследие России складывается из множества объектов разного ранга, разбросанных по субъектам Федерации. В Пензенской области значительную долю наследия составляют старинные усадьбы. Усадебные ландшафты — это единые территориальные комплексы, сформировавшиеся в результате взаимодействия природы и человека. Для старинных усадеб характерна целостность природной и культурной среды. Там, где разрушены дворцы, здания, именно природа несет в себе отпечатки прошлых эпох, исторических событий, память о знаменитых людях.

С XVIII века получила широкое распространение помещичья колонизация Пензенского края. Среди крупных землевладельцев были князья Голицыны, Долгорукие, Трубецкие, графы Головины, Апраксины, Шереметевы. Практиковалась правительственная раздача земель и местному дворянству.

К настоящему времени многие усадьбы исчезли с лица земли, от других остались отдельные постройки или только заросшие парки. Но в той или иной мере сохранившиеся усадьбы представляют большую ценность для культуры и истории Пензенской области.

Ландшафты пензенских усадеб можно разделить на несколько групп по значимости: национального, краевого, местного масштаба.

Усадьбы местного значения известны небольшому кругу людей, но это не снижает их ценность для местных жителей.

К национальным природно-рукотворным памятникам относится усадьба Тарханы. Начало создания усадьбы восходит к 1794 году. Статус музея-заповедника помог сохранить родные места М.Ю. Лермонтова: парк, обрамленный рощами и полями, фруктовые сады, каскад прудов на речке Марарайке. Декоративное оформление усадьбы удачно включило естественные природные детали. Ценность тарханских ландшафтов заключается в том, что жизнь среди них способствовала развитию творческого дара поэта, давала материал для художественных образов. Природные участки усадьбы — наиболее постоянная «экспозиция» музея-заповедника, хранящая для потомков память о поэте. В 1997 г. музей-заповедник Тарханы включен в государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

С судьбой Лермонтова связана и усадьба Апалиха, расположенная в 3 км от усадьбы Тарханы. Лермонтов бывал в Апалихе. Эти земли были куплены родственниками бабушки Лермонтова Е.А. Арсеньевой — Шан-Гиреями. Один из сыновей Шан-Гиреев, Аким, учился вместе с Лермонтовым в Тарханах и был участником его детских игр. Наследники Шан-Гиреев сохранили многие рукописи Лермонтова.

Усадебные постройки не сохранились, но парк, заложенный во второй половине XVIII века, существует. Он раскинулся на левобережье реки Марарайки. С трех сторон он ограничен канавой и валом, заросшим ивой. Грунтовые дорожки делят парк на несколько частей. Сохранились сильно изреженные многорядные посадки акации желтой, которые защищали пашню от северных ветров. Пашня и фруктовые сады сейчас заросли. В парке произрастают преимущественно местные породы: клен, вяз, береза, липа. Возраст липовой аллеи 220 лет. Густые заросли сейчас образуют черемуха, терн и вишня. После 1917 г. в усадьбе проводились большие вырубki; многие ценные насаждения погибли. В 1969 г. парк Шан-Гиреев был передан музею-заповеднику «Тарханы», что помогло сохранить его до наших дней.

Многие известные русской культуре имена связаны с Зубриловской усадьбой (село Зубрилово Тамалинского района). Основана усадьба в 1780 году неподалеку от реки Хопер князем Сергеем Федоровичем Голицыным. Три года он обустроивал территорию с помощью Смоленского драгунского полка. Ансамбль усадьбы состоял из княжеского дворца, церкви, часовни, колокольни, декоративной башни-руины и усадебного парка. Парк сформирован на основе большого массива дубравы. Использование возможностей рельефа, созда-

ние системы декоративных водоемов и каскадов, флористическое богатство обусловили живописность и видовое многообразие. В 1797 г. здесь жил баснописец И.А. Крылов, преподававший молодым приближенным князя Голицына словесность. Крылов любил бродить по живописным местам Зубриловки. По предположениям литературоведов, здесь он написал оду «Уединение», в которой особо отмечена природа усадьбы:

*Здесь, по следам, едва заметным,
Природы чин я познаю,
Иль бога моего пою
Под дубом, миру равнолетним.*

Дуб, о котором упоминал Крылов, считался знаменитостью усадьбы и доживал тогда свои последние годы. Неоднократно посещал Зубриловскую усадьбу тамбовский наместник поэт Г.Р. Державин. Впечатления от посещения усадьбы в 1788 г. легли в основу содержания стихотворения «Осень во время осады Очакова»:

*Уже румяна осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам...*

При С.Ф. Голицыне парк носил регулярный характер. Его сын Федор Голицын в 1820-х гг. начал вырубать аллеи старого регулярно-го парка, придавая дорожкам и аллеям живописные очертания. После смерти Федора Голицына в 1826 г. имение отошло его жене Анне Александровне, урожденной Прозоровской, а затем его сыну Александру, и с того времени началась распродажа зубриловской коллекции.

Художник Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов жил в имении позднее — с 1901 по 1905 гг., тогда усадьба уже приходила в запустение. Здесь им созданы многие известные картины: «У водоема», «Гобелен» «Призраки», «Прогулка при закате», «Жемчужное ожерелье». В них отражена мечта художника о гармонии человека и природы. В разное время Зубриловку посещали поэты П.А. Вяземский и Я.П. Полонский, писатель И.И. Лажечников.

В 1905 г. был сожжен дворец, уничтожены художественные коллекции. В 1914 г. наследники продали усадьбу в казну. В конце 1930-х гг. дом был восстановлен, но при этом его облик изменился. В нем поочередно располагались коммуна, дом отдыха партийного актива, госпиталь, санаторий для туберкулезных больных. Сейчас усадьба заброшена. В 1990-е гг. дворец был вновь razорен. В 2005 г. частично восстановили церковь, она стала действовать один день в неделю.

Культурным гнездом XVIII–XIX веков была Рамзайская усадьба, принадлежавшая Загоскиным. Писатель, автор исторических романов Михаил Николаевич Загоскин родился в 1789 г. и провел детство в деревне Тужилровка, недалеко от Рамзая. Затем писатель неоднократно приезжал в Рамзай. Облик родной усадьбы писатель отразил в романе «Искуситель». В Рамзае охотно бывали современники. Среди них — князь Иван Михайлович Долгорукий, вице-губернатор Пензы в 1791–1797 гг., поэт, театрал, стараниями которого в Пензе был открыт первый театр. Память об этих знаменитых людях хранит парк, в настоящее время заросший и запущенный. Основной частью парка, занимавшего относительно небольшую площадь, был плодовый сад. С южной стороны парк примыкал к лесному массиву. Вдоль северной границы располагалась липовая аллея. В овраге был устроен пруд с купальней, к которой вел каменный спуск. На берегу пруда находилась оранжерея. Барский дом, церковь, дворовые постройки были окружены тополями, липами, кленами. Сохранились отдельные деревья — «старожилы»: липы, лиственницы, тополя в возрасте 150–170 лет. От строений прежних лет остался лишь фундамент церкви. На месте сгоревшего барского дома установлен бюст писателя Загоскина.

В селе Куракино Сердобского района находится усадьба Надеждино. Земля здесь была пожалована Петром I князю Борису Ивановичу Куракину в 1700 г. Позже, в 1782 г., Екатерина II сослала в имение правнука Б.И.Куракина князя Александра Борисовича Куракина. Это известный государственный деятель, дипломат. Он переименовал село (ранее Борисоглебское) в Надеждино. Друг будущего императора Павла надеялся вновь вернуться в столицу. В Надеждино князь жил до 1797 г. — года возвращения в столицу после смерти Екатерины. После этого село приняло третье название — Куракино.

Князь задумал построить дворец, не уступавший дворцу Павла в Гатчине. Проект был заказан столичным архитекторам, частично сам Куракин рисовал облик усадьбы. В конце XVIII века в окружении вековых дубрав и лип был построен каменный дворец с флигелями и гале-

реями. Восемьдесят шесть комнат дворца были украшены бронзой, фарфором, богемским стеклом, редкими книгами, скульптурами и картинами русских и иностранных мастеров. Внутренние покои и внешние фасады обрамлялись мрамором и красным деревом. Архитектурно-парковый ансамбль привлекал внимание своим художественным совершенством и оригинальностью композиции. Удачно было выбрано место усадьбы — высокий берег реки Сердобы. Крутой спуск к реке являлся как бы естественным подиумом для дворца. От дворца открывалась широкая перспектива, и он хорошо обозревался с отдаленных степных пространств. На откосе перед дворцом был устроен живописный серпантин, следы которого прослеживаются и теперь. Восточнее дворца находился фруктовый сад. С северной стороны дворца располагался огромный парк. Его формировали дубы, клены, липы. Усадебный парк имел две системы планировки: регулярную (радиально-лучевую) и свободную (пейзажно-ландшафтную). Регулярная часть начиналась от дворца широкой и прямой аллеей, пронизывавшей с юга на север всю парковую зону. Примерно в 250 метрах от дворца на аллее находилась круглая площадка с аркой. От нее веером расходились лучевые аллеи с площадками, украшенными скульптурами и павильонами. Судя по изображениям на гравюрах и по перечню на старинном плане, в парке были храмы Истины, Верности, Лады, Дружбы, Славы; потайная беседка, обелиск, галерея «Вместилище чувствий вечных». Все эти сооружения фиксировали пересечения парковых аллей. Начиная с XIX века парк постепенно приходил в запустение, а усадьба разрушалась. В 1907 г. наследники продали усадьбу купцам Асеевым. В 1920-х гг. дворец сгорел. В сохранившихся после пожара корпусах располагался дом партийной учебы, затем техникум, дом инвалидов.

Сейчас усадьба заброшена. Дворец представляет собой кирпичный остов. Парк развивается стихийно. Аллеи заросли, на окраинах парка ведется строительство домов.

Выдающимися эстетическими свойствами обладает ландшафт Голицынского парка в Нижнеомовском районе, который находится в бассейне реки Мокши. Парк начали формировать в 1885 году графы Толстые. За несколько лет захудалое хозяйство было превращено ими в многоотраслевое высокодоходное заведение. Земля стала давать небывалые урожаи. Заработали молочная ферма, конезавод, сырозавод, стекольный и винокуренный заводы. Через Мокшу был возведен деревянный мост. Дорогу в усадьбу уложили булыжником, а обочины обсадили ветлами, которые сторожат ее до сих пор. При въезде в имение особо выделялась сиреневая аллея, в ней насчитыв-

валось более тридцати сортов. В центре усадьбы было построено двухэтажное кирпичное здание с колоннами. Вокруг дома располагался дендропарк с множеством диковинных экзотических деревьев и кустарников. Парк украшали фонтаны. В верхней части парка росли пихта сибирская, лиственница сибирская, сосна веймутова, кедр сибирский, ель сибирская. Особую красоту придавала парку еловая аллея протяженностью 450 метров. Широко были представлены кустарники — шиповник, боярышник, барбарис, жимолость, жасмин, миндаль. На освещенных местах были разбиты цветники, клумбы. Цветение продолжалось с ранней весны до поздней осени, а в оранжереях цветы выращивались и зимой. Здесь можно было увидеть подснежники-первоцветы, тюльпаны, гладиолусы, маки, флоксы, левкои. Проголочный маршрут был проложен по периметру верхней части парка и строился при последовательном открытии парковых картин. Нижняя часть парка была представлена каскадом водоемов. Местами из-под земли били родники. В чистой воде двух прудов, соединенных желобом, плескалась форель. Фруктовый сад с пасекой располагался на южном склоне холма. Вода для полива саженцев и цветов подавалась по трубам из родника с помощью насосов. Всеми работами по созданию усадьбы руководили профессионалы, привезенные из столицы.

После революции 1917 года дом помещиков был сожжен. Фермы и заводы закрылись. Оранжереи погибли, беседки были разрушены. В последние годы усилиями лесников в парке поддерживается элементарный порядок. Парк был заново огорожен. Вновь посажена аллея из елей. Однако фруктовый сад погиб, пруды покрылись ряской, аллеи заросли.

Один из самых старых парков нашей области — Белокаменский. Возраст его — 200–240 лет. При этом он хорошо сохранился. Площадь более 40 га. Он признан уникальным памятником садово-паркового искусства XVIII — начала XIX веков. Владельцами парка в XIX веке были помещики Сабуровы. Парк располагается вдоль левого берега реки Синеомутки (приток Арчады-Хопра) и правого берега Тезина ручья, впадающего в Синеомутку. Раньше вокруг парка были степные пространства и леса. Теперь — только поля. Парк сформирован на основе естественной дубравы в пейзажном стиле, с учетом рельефа местности. Имеет форму треугольника. Барский дом (XVIII в.) был построен в русском классическом стиле. Он имел два этажа, и от него открывалась широкая перспектива. Стены дома, обшитые тесом, были выкрашены светлой краской, веранды застеклены. В усадьбе имелись сады, пасеки, конюшни, дома для прислуги. В парке создава-

лось впечатление висячих садов Семирамиды благодаря многоярусной растительности и нисходящему по склону каскаду прудов. Посадочный материал завозили из питомников России, имелся собственный лесопитомник. Бархат амурский (1 дерево еще растет), орех маньчжурский, виноград амурский из Уссурийского края присылал родственник Сабурова, который служил на Дальнем Востоке. Был даже лимонник китайский (сейчас не сохранился). Сейчас в парке доминирует клен остролистный. Растут липы, дубы, вязы, осины, ивы. Сохранились интродуцированные породы: сосна веймутова, кедр сибирский, лиственница сибирская. Традицией рода Сабуровых являлась посадка деревьев по случаю памятных семейных событий. Наиболее старые на настоящий момент деревья — тополя серебристые (им более 160 лет), укрепляющие плотину пруда. Дом был уничтожен пожаром в 1922 г., но парк до сих пор несет на себе отпечаток таланта и вкуса людей, его создававших.

Владельцами усадьбы в селе Нижний Шкафт Никольского района были Шуваловы. В 1750 году земли приобрел столичный граф Петр Шувалов. За два века владений рода Шуваловых здесь были запущены две суконно-ткацкие и бумажные фабрики, винокуренный, поташный, смолокуренный и стекольные заводы. Село стало крупнейшим в Пензенской губернии производителем воска. Количество жителей Нижнего Шкафта к середине XIX века значительно превышало 3000 человек (сейчас 600). Украшением Нижнего Шкафта, наряду с возведенной в 1796 году каменной церковью Петра и Павла, являлась графская усадьба. Построенная в 1833 году, она включала в себя двухэтажный дом с сопутствующими зданиями, пруд и роскошный парк с аллеей из тополя. Внутреннее убранство графского дома включало прекрасные картины и изящные ковры. Планировка шуваловского поместья была классической для сельской дворянской усадьбы. В центре был графский дом. В парке две центральные аллеи. Аллея из тополя обыкновенного шла от графского дома до церкви, пересекая речку Шкафтянку. Эта аллея посажена в память дочери графа, которая умерла в усадьбе в один из приездов семьи туда. Надгробная плита сохранилась в ограде церкви. Вторая аллея — липовая — идет от графского дома к суконной фабрике. Усадьба была огорожена кирпичной кладкой, вдоль которой росли ряды из тополя серебристого и акации. Украшением парка был чистый пруд. Вода из него шла на нужды дома и принадлежавших графу фабрик — бумажной, стекольной, суконной, кирпичной и спиртового завода. В оранжереях выращивались экзотические растения.

В 1882 году в одном из зданий усадьбы был открыт приют для детей сирот, а чуть позже — лечебница. При больнице работал стационар на десять коек. В 1892 году лечебницу посетило 7032 человека. В послереволюционные 20-е годы в стенах усадьбы разместился детский приют, позже детский дом, сельская школа. Сейчас аллеи заросли. Огромные сосны вырубаются. Парк служит местом отдыха жителей села.

Усадьба Устиновых на окраине села Беково отличается большой площадью (100 га). Началом создания усадьбы считается 1800 г. Помещиками Устиновыми были построены дворцовые здания, кумысолечебница и разбит парк (преобладающие породы — сосна и липа). Парк был украшен беседками, широкой лестницей, спускающейся к озеру, мостами, цветниками. Закончилось создание парка в 1880-х гг. До настоящего времени сохранились две земляные дамбы для защиты парка от затопления в период весеннего половодья. Сейчас в парке произрастает 15 видов деревьев и 11 видов кустарников. Сохранилась сосны возрастом 150 лет и дубовая роща на берегу озера. Парк обнесен металлической оградой. На территории парка находится пансионат.

Салтыковский парк расположен на окраине села Салтыково Земетчинского района. Парк заложен в имении князя П.В. Оболенского в XIX веке. Площадь 12 га. Западная часть парка выполнена в естественном стиле, восточная — в регулярном. Преобладают липа и дуб с вкраплениями сосны и ели. Размещение полян и дорожек было тщательно продумано, чтобы прогуливающиеся могли увидеть самые красивые уголки с наиболее выигрышных точек. На опушках размещались группы экзотов: пихты сибирской, лиственницы европейской, тополя серебристого, клена красного. Древесные насаждения парка находятся в неплохом состоянии, но парк давно утратил свой первоначальный облик.

Ново-Троицкий парк площадью 25 га расположен на территории Каменского района недалеко от села Владыкино. Начало создания относят к первому десятилетию XIX века, и сохранились отдельные 200-летние деревья.

Урочище Шугай (площадь 18 га) раскинулось в 7 км от села Свищевка Белинского района. Это усадьба местного дворянина Шугаева. Никаких документов о парке не сохранилось. Возраст лиственниц и елей позволяет отнести время формирования парка к концу XIX века. Сохранились рядовые посадки березы бородавчатой и вяза гладкого. Очень красива ясеневая аллея. Небольшие копаные пруды очень удачно вписались в общий рисунок парка. Они размещены с

учетом рельефа. Помещичий дом не сохранился. Урочище Шугай нуждается в рубках ухода, в уборке сухостоя, в расчистке.

Пензенский край богат старинными дворянскими усадьбами. Их насчитывается более сорока. Они различаются не только по значимости, но и по времени создания (с первой половины XVIII века до конца XIX века), по площади (от 1 га до 100 га). Парки создавались в различных стилях: в естественном (пейзажном), в регулярном, в смешанном.

Усадьбы отражают диалог культур разных столетий, являются нитями, связывающими разные поколения. Эти элементы наследия формируют отношение людей к своим корням, культуре и родной природе. Посещение старинных усадеб может способствовать поддержанию социальной и этнической идентичности, запечатленной в природной среде, и передаче ее последующим поколениям. Природно-культурное наследие, к которому мы относим старинные усадьбы Пензенского края, — это опора, которая позволяет человеку чувствовать свою причастность к жизни своей страны и своего края. К сожалению, большинство старинных культурных ландшафтов уничтожено или находится в стадии деградации. В ближайшем будущем они могут быть утрачены. Информация о многих усадьбах ограничена и не доступна для ознакомления. Необходима срочная реставрация природных ландшафтов и архитектурных сооружений и их тщательная охрана. Только при этом в дальнейшем старинные усадьбы могут стать объектами посещений и экскурсий. В настоящее время только усадьба Тарханы является объектом массового туризма.

Преподаватели и студенты Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского посчитали необходимым разработать такой инструмент изучения, популяризации и сохранения природно-культурного наследия, как сайт «Старинные усадьбы Пензенского края».

Для этого были поставлены следующие задачи: собрать и обработать информацию об истории создания, о прошлых и современных ландшафтах усадебных комплексов Пензенской области; разработать классификацию усадебных ансамблей; составить план описания усадеб; нарисовать эскизы блоков сайта; перевести полученную информацию об усадьбах в цифровой вид; создать сайт с помощью программы Adobe Dreamweaver CS3.

Материалами для работы послужили результаты полевых исследований, студенческих практик, источники в периодической литературе и в архивах, информация от местных жителей. Однако следует

отметить, что материал об усадебных комплексах неравноценен, о некоторых усадьбах информация представлена слабо.

После сбора первичной информации был разработан план описания каждой усадьбы. В него вошли следующие пункты: географическое положение, размеры усадьбы, история создания, старинные ландшафты, современное состояние компонентов усадьбы (построек, парков, водоемов, растительности) и меры по её охране.

Главная страница оформлена в виде таблицы из 9 ячеек. В верхней центральной ячейке на каждой странице сайта прописано общее название «Дворянские усадьбы Пензенского края». В верхнем левом углу расположена ячейка с названием страницы. В ячейке под названием страницы расположены переходы на страницы «Старинные дворянские усадьбы как природно-культурное наследие Пензенского края» и «Классификация ландшафтов дворянских усадеб». Представлена классификация усадеб по разным признакам: по времени создания, по стилю парков, по культурной значимости, по площади усадебных ансамблей, по связи ландшафтов с выдающимися личностями. В нижней левой информационной колонке расположен список административных районов Пензенской области. Названия районов являются гиперссылками. При нажатии на название района открывается карта с пунсонами усадеб, которые тоже являются гиперссылками. При выходе на страницу каждой усадьбы открывается информация о ней, выполненная по указанному ранее плану. В тексте помещены ссылки на страницы с фотографиями, картосхемами и планами местности времени создания усадеб. При нажатии ссылки на фотографию, картосхему или план местности нужный объект открывается в новом окне. Сайт должен быть динамичной системой, и ему необходимы обновления. Поэтому на страницах с описанием ландшафтов усадеб помещены информационные окна для обратной связи с создателями сайта, комментариев или сообщений об ошибке.

Создание сайта «Дворянские усадьбы Пензенского края» должно положить начало формированию единой информационной базы о природно-культурном наследии области. Он сможет служить справочно-информационным ресурсом, позволяющим оперативно, наглядно и в доступной форме получить информацию о прошлом и настоящем состоянии ландшафтов старинных усадеб. Сайт должен привлечь внимание общественности к объектам наследия и послужить популяризации и сохранению культурных ландшафтов.

Приказчикова О.Ф.

ГЕОГРАФИЯ ТУРИЗМА И РЕКРЕАЦИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Разнообразие природных и культурных ландшафтов России создаёт основу для неоднородности экономического пространства, влияет на структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику модернизации, на социально-экономическую политику. Одной из тенденций современного развития регионов стало усиление межрегиональной дифференциации, что связано с включением механизма рыночной конкуренции, разделившего регионы по их преимуществам и недостаткам. Каждый субъект Российской Федерации проводит политику, направленную на привлечение внешних инвестиционных ресурсов в экономику региона. Одним из аспектов усиления инвестиционной привлекательности является развитая инфраструктура, в том числе инфраструктура туризма, стимулирующая его въездные формы.

Идеи развития въездного туризма в Пензенской области становятся все более актуальными, так как для этого есть и ресурсы, и инфраструктура, включающая совокупность гостиниц, других средств размещения, транспорт, объекты питания, объекты познавательного, делового, оздоровительного, спортивного и иного назначения, организации, осуществляющие туроператорскую и турагентскую деятельность, а также организации, предоставляющие экскурсионные услуги и услуги гидов-переводчиков. Проблемы географии туристской инфраструктуры будут рассмотрены ниже.

Принято выделять три формы внутреннего туризма: организованный, самостоятельный, клубный и санаторный [1]. В зависимости от преобладающего типа различаются принципы организации и методы управления этой сферой деятельности. Видов туризма больше — среди них: рекреационный, потребительский, культурно-познавательный, деловой и профессиональный, лечебно-оздоровительный, спортивный, приключенческий, религиозный и другие. Среди главных факторов, влияющих на туристскую привлекательность Пензенской области выделим природно-географические, экологические, культурно-исторические, социальные, экономические, технологические и т.д.

Дадим оценку видов туризма Пензенской области в соответствии с рекреационным потенциалом территории [1, 2].

Рекреационный туризм. Пензенской области включает в себя главным образом отдых на воде и лесную рекреацию. В качестве основного мотива выездов почти 80% россиян предпочитают отдых на воде, поэтому в области водные объекты активно используются для туризма и рекреации. Отдых на воде организуют: туристический комплекс «Русская охота» в 15 км от Пензы на берегу р. Суры, турбазы «Чистые пруды» в районном поселке Рамзай Мокшанского района, «Кленовая роща» в г. Спасске, «Кристалл» в 30 км от Пензы, на берегу Сурского водохранилища, «Околица» в селе Пяша Мокшанского района, пансионат «Нижнелиповский» в Сосновоборском районе и другие. Как правило, услугам отдыхающих предлагается прокат лодок, квадрациклов, катамаранов. Одним из видов отдыха на воде является сплав по рекам. Семейный сплав не преследует спортивных целей. Им занимаются люди, которые любят размеренный отдых. Очень удобны для семейного туризма живописные малые реки Пензенской области, они пригодны для сплава в течение всего летнего периода. Условий для спортивных категорийных сплавов на байдарках, каноэ, катамаранах и плотках в области практически нет, но есть отдельные участки рек со сложным рельефом и перепадами высот, что способствует прокладке маршрутов, в том числе по реке Узе (от районного поселка Лопатино до села Усть-Уза с заходом в Сурское водохранилище) и по реке Айве (от села Казарка с последующим выходом в Суру).

Леса Пензенской области занимают около 20% территории, поэтому лесная рекреация имеет большое значение для реализации культурно-оздоровительных, туристских и спортивных целей. Формирование особого микроклимата нивелирует амплитуду температур, относительную влажность и движение воздуха. Важным лечебным фактором выступает ионизация воздуха и выделение фитонцидов. Во всех административных районах области распространены повседневная, стационарная, спортивно-массовая, туристская и экскурсионная лесная рекреация.

Потребительский туризм. Реки и озера Пензенской области активно используются для любительского лова рыбы, главным образом карася, ерша, карпа, стерляди, уклеи, жереха, красноперки, леща, плотвы, сома, судака, щуки и др. В Вадинском водохранилище, втором по площади в области, объектами рыбной ловли стали карп, толстолобик, амур.

Спортивная и любительская охота противоречит принципам экологического туризма, однако нашла своих поклонников и в Пензенской области. Охотничьи туры сравнительно дороги, так как включа-

ют доставку охотников до труднодоступных угодий, оплату лицензии на отстрел, вывоз трофея, таксидермическую экспертизу. Фирм, специализирующихся на охотничьих турах в Пензенской области, пока мало, но спрос на такие услуги рождает предложение. При соблюдении биотехнических мероприятий, гарантирующих восстановление численности, в регионе возможна охота на лося, кабана, бобра, сурка, зайца, куницу, белку, лисицу, барсука. Особо следует отметить охоту на волка, как русский вид охоты, привлекательный для иностранцев. В Пензенской области обитает боровая дичь (глухарь, тетерев, рябчик, вальдшнеп, горлица, вяхирь; болотная: бекас, дупель гаршнеп), водоплавающая (кряква, чирки, нырки), полевая (дрофа, серая куропатка, перепел). В связи с отсутствием четкой системы биотехнических мероприятий и браконьерским отстрелом численность ряда промысловых зверей и птиц не позволяет в настоящее время выдавать лицензии на их отстрел.

В любом районе Пензенской области при прохождении туристского маршрута в теплое время года можно встретить съедобные и лекарственные растения различных сообществ, которые часто являются объектами потребительского туризма. В лугово-степных сообществах встречаются чабрец (тимьян ползучий), ромашка аптечная, тысячелистник, пижма, полынь горькая, алтей лекарственный, тмин; в сообществах болот и водоемов — горец перечный, череда трехраздельная, хвощ полевой. В особую группу выделяют растения широкого спектра произрастания: одуванчик, подорожник, мать-и-мачеха, пустырник пятилопастной, пастушья сумка. Важнейшими травянистыми лекарственными растениями Пензенской области, заготавливаемыми в наибольшем объеме являются: душица, зверобой продырявленный, бессмертник, лапчатка прямостоячая, крапива двудомная, ландыш.

Культурно-познавательный туризм основан на ресурсах наследия, национальных традиций с использованием современных коммуникационных систем и высокотехнологичной инфраструктуры гостеприимства. Культурно-познавательный туризм в пределах России наиболее развит в Северо-Западном федеральном округе, столичном регионе и городах «Золотого кольца». В Пензенской области существуют условия для развития этого вида туризма, поскольку сохранились имения, принадлежавшие знаменитым дворянским фамилиям — Куракиным, Голицыным, Шереметевым, Суворовым, Долго-руким и др., однако области пока не хватает средств, чтобы восстановить все значимые старинные усадьбы и дворцово-парковые ансамбли региона, но работа в этом направлении ведется. Кроме того, уни-

кальные раскопки сделаны на территории Ахунско-Ленинского лесничества под поселком Золотаревка, недалеко от Пензы, где сохранилось с XIII века единственное в Восточной Европе поле боя с монголо-татарами. Редчайший археологический комплекс используется как объект познавательного туризма. Одним из подвидов познавательного туризма является музейный. В одной только Пензе располагается 11 музеев, от единственного в мире музея одной картины до музея сценического искусства В.Э. Мейерхольда.

К деловому и профессиональному туризму относятся поездки с целью установления или поддержания деловых контактов с партнерами, участие в различных научных мероприятиях: конференциях, симпозиумах, съездах, конгрессах и т.д. Ежегодно этот вид туризма увеличивает свое значение и в первую очередь, конечно, развит в областном центре.

В последние годы наблюдается повышение интереса пензенских потребителей к **лечебно-оздоровительному туризму**, причем все большее их число старается не менять климатический пояс, лечиться и отдыхать недалеко от постоянного места жительства. Это объясняется меньшими расходами на дорогу и уменьшением периода акклиматизации. В статистике лечебного российского туризма самый большой рейтинг у Подмоскovie и Кавказских Минеральных Вод. Лечебные ресурсы Сурского края — это природные объекты, обладающие лечебными свойствами, выявленными в результате многолетней практики использования или соответствующих научных исследований. К ним относятся минеральные воды (хлоридно-натриевые), лечебные грязи, климатические особенности, живописные ландшафты, леса, лесопарковые насаждения, другие ресурсы, используемые для лечения, профилактики заболеваний и организации отдыха населения. В Пензенской области общероссийскую известность приобрели санатории им. В.В. Володарского, им. С.М. Кирова, «Березовая роща», «Хопровские зори», «Надежда», «Полесье», туристско-оздоровительный комплекс «Серебряный бор», турбаза «Чистые пруды». Ежегодно здесь отдыхают и лечатся более 30 тысяч человек из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

К спортивному туризму относят пешеходный, водный, горный, в том числе горнолыжный и альпинистский туризм, лыжный, велосипедный, автомобильный, мотоциклетный, парусный, спелеотуризм, конный, экстрим-туризм, а также их комбинации.

Пешеходные туристские маршруты распространены в Пензенской области повсеместно. Такие путешествия, как правило, предус-

матривают посещение и осмотр историко-культурных или природных объектов.

Для *горнолыжного отдыха* в селе Ива Нижнеломовского района создана база, привлекающая туристов разнообразием ландшафтов. Пока там не хватает горнолыжных трасс, различающихся по категориям сложности, однако инфраструктура этой базы постоянно обновляется.

Велосипедный туризм в его массовом варианте обычно не предполагает серьезных спортивных нагрузок: это неспешные путешествия по проселочным дорогам и заранее проложенным лесным тропам. Велосипедный туризм пока развит слабо, однако имеет все предпосылки стать одним из самых массовых видов туризма в области.

Конный туризм развит в Городищенском районе на турбазе «Никоново». Используют выносливые породы маршрутных лошадей, которые прошли специальный тренинг. Конные туры пролегают по живописным ландшафтам лесной глубинки и по продолжительности, как правило, не превышают нескольких часов. Конный туризм развивается и в других районах области.

Специфика областного *спелеотуризма* заключается в том, что он тесно связан с религиозным. Он наиболее распространен в Наровчатском и Сердобском районах, где доступны пещеры с большой амплитудой глубин и протяженностью, превосходящей пещеры Киево-Печерской лавры. Спелеотуризм региона базируется на кельях и ходах, вырытых старцами и монахами. В Сазань-горе в Сердобском районе найден крупнейший в России подземный храм на глубине 5 метров. Рукотворные, вырытые в горе пещеры, тянутся на 700 метров, высота переходов достигает 2 м. А в Наровчате в Скановых пещерах когда-то, спасаясь от мирской суеты, в абсолютной тишине и уединении селились монахи-отшельники, выдолбив себе в скале кельи. Долгое время пещерный лабиринт рос и расширялся, строились новые уровни, даже своя часовня. Многоярусные подземные ходы тянутся более чем на 600 м.

Религиозный (паломнический) туризм появился на российском внутреннем туристском рынке после празднования 1000-летия крещения Руси в 1988 г. Самым популярным религиозным туром Пензенской области стало посещение Троице-Сканова монастыря, с пещерным комплексом, который привлекает не только местных и российских туристов, но и белорусских, казахских, прибалтийских.

В своей простейшей форме **экологический туризм** представляет путешествие «среди природы» (природный туризм, биотуризм и

др.). В более развитой форме он охватывает все стороны жизни, куда входят: мир животных, растений, разнообразие жизненных форм, стабильные виды экономики, охрана окружающей среды, культура, наследие, общество и человек. Другими словами, экологический туризм оказывается важным средством устойчивого развития территорий. К экологическому туризму относится сельский туризм с проживанием в домах сельских жителей, *агротуризм* или *агроэкологический туризм*, при котором туристы во время своего отдыха ведут сельский образ жизни на фермах. Принципы или признаки экологического туризма основаны на стремлении человечества к достижению устойчивого развития территорий, сохранении био- и социокультурного разнообразия. Отдых на территории области должен быть комфортным и привлекательным. В сельской местности необходимо создавать гостевые дома, которые уже функционируют в Земетчинском и Шемышейском районах, однако, чтобы такие дома начали приносить прибыль, их наполняемость должна составлять не менее 60% [9].

В Пензенской области экологический туризм имеет предпосылки для развития в любом районе. Первых агротуристов уже приняли Мокшанский, Бессоновский, Кузнецкий районы. Правительство области оказывает поддержку предпринимателям, занимающимся развитием сельского туризма; отделом туризма управления инвестиционного развития и туризма правительства области создается электронная база данных, включающая объекты, подходящие для развития агротуризма. Областные данные войдут в первый в России информационный портал, призванный увеличить туристский поток в сельскую местность, обеспечить дополнительный доход и занятость населения, создать условия для развития муниципалитетов [8].

Создана рабочая группа, которая регулярно выезжает в районы в поисках новых площадок для развития сельского туризма. Сельчане готовы организовать отдыхающим экскурсии по историческим и живописным местам, рыбалку, походы, сплавы по рекам. Пилотный проект работает в Наровчатском районе. Хорошее состояние дорог, великолепная природа, богатое культурное и духовное наследие Наровчата предполагают разработку проекта программы по созданию фольклорной деревни на базе района. В селе Наровчат туристам предлагают три гостевых дома местных жителей и небольшую гостиницу на 7 человек. Имеется транспортное предприятие, готовое оказать услуги такси.

Представляют интерес и села Сосновоборского района — Русский Качим и Шугурово. Их жители согласились принимать туристов в

своих домах, обеспечивая гостей питанием, экскурсиями, знакомством с мордовской кухней. Каменский район перспективен для создания нескольких туристских проектов. Главное — привлечь потенциальных туристов качественной рекламой. Услуги должны быть предоставлены на высоком уровне, для этого прорабатываются все аспекты их оказания. Начинающие предприниматели обращаются в местную администрацию, где их консультируют по вопросам организации такого бизнеса, получения субсидий, грантов или образовательной помощи.

При условии развитой туристской инфраструктуры Пензенская область способна принимать до миллиона туристов в год. Поэтому туризм — одна из наиболее интенсивно развивающихся отраслей современного хозяйства региона. Сейчас ее развитием в области занимаются свыше 80 туристских и экскурсионных организаций, более половины из которых специализируются на внутреннем туризме. Целевая программа «Развитие туризма в Пензенской области на 2009–2012 гг.» регулирует эту сферу деятельности.

Развитие туризма привлекательно для предпринимателей по разным причинам: небольшие стартовые инвестиции, растущий спрос на туристические услуги, высокий уровень рентабельности, минимальный срок окупаемости затрат. Эффективность туризма доказана мировой практикой: это средства для обеспечения занятости населения, это расширение вклада в платежный баланс территории, это развитие отраслей, обслуживающих сферу туризма (строительство, торговля, сельское хозяйство, связь, производство товаров народного потребления, различные услуги и т.п.). Поэтому в настоящее время целью является расширение географии туризма и рекреационной деятельности для повышения инвестиционной привлекательности региона. Помимо явной прибыльности туризм является мощным фактором усиления престижа Пензенской области, имеет социальное значение как фактор повышения культурного уровня людей, проживающих в регионе, что усиливает привлекательность области.

Изучая географию востребованности объектов туристской инфраструктуры, следует отметить, что наиболее востребованными стали те, что расположены в областном центре и ближайшей зоне его влияния: гостиницы «Россия», «Пенза», «Для Вас», «Heliopark Residence», «Буртасы», «От и до», «Ласточка», «Кагау», «Лондон — Париж», «Пенза-1», «Виктория», парк-отель «Русская охота», отель «Чистые пруды», в которых можно разместить более 600 человек в сутки. Объектами туристской инфраструктуры спортивной направленности являются Ледовый дворец спорта «Дизель — Арена», дворцы спорта

«Рубин», «Олимпийский», «Буртасы», дворец водного спорта «Сура», спортивные клубы «Зенит», «Ахуны», стадион «Первомайский», спортивно-ледовый комплекс «Золотая шайба» и др. [4, 5].

Поток туристов в область ежегодно увеличивается, однако, мест для их размещения пока недостаточно, особенно это относится к административным районам области. Необходимы современные гостиницы в районных центрах, таких как Белинский, Наровчат, Никольск, в селе Тарханы. В результате, география туристской инфраструктуры расширяется и уже вышла за пределы областного города. В районах области функционируют такие положительно зарекомендовавшие себя проекты, как горнолыжная база «Ива» в Нижнеломовском районе, база отдыха и туризма «Кленовая роща» в Спасском районе, туристическая база «Никоново» — в Городищенском, конно-туристический клуб «Лукоморье» в районном поселке Золотаревка, загородный клуб «Волков» в селе Засечное Пензенского района, базы отдыха «Сосновый бор» в Кузнецком районе, «Белая гора» в городе Каменка, «Михайловская слобода» в селе Большой Вьяс Лунинского района и др. [3, 7].

Основными требованиями туристов, предъявляемыми к средствам размещения являются высокие стандарты обслуживания, развитая система средств связи, хорошо организованное питание, оздоровительные услуги. Бизнес-туристы предпочитают размещаться в центре города, в непосредственной близости к местам, где проводятся деловые мероприятия, в гостиницах должна быть удобная система резервации, быстрое оформление при заселении, круглосуточное обслуживание.

Услуги питания также являются частью туристской инфраструктуры. Если в городе Пензе проблем с организацией питания нет, так как в достаточном количестве представлены кафе, кафе-бары, кофейни, пиццерии, трактиры, рестораны, то в области ситуация другая, требующая решения. Особенно эта проблема актуальна для Тархан, Наровчата, Никольска, Сердобска.

Туристские программы часто предполагают организацию досуга. Для этого в Пензе есть культурно-развлекательные центры «Квадрат», «Изумрудный город», «Подполье», «Парад планет», «Джельсомино», «Strike», «Shikana» и др. [6]. Из загородных поездок это могут быть поездки на уже упоминавшиеся туристские базы «Чистые пруды», «Никоново», «Русская охота», горнолыжную трассу в селе Ива Нижнеломовского района.

Пензенскую область пересекают транспортные магистрали Москва–Челябинск, Волгоград–Нижний Новгород, Пенза–Тамбов,

что предполагает возможность развивать придорожный сервис. Анализ уже существующих объектов показывает, что за последние годы созданы целые комплексы в Кузнецком, Нижнеломовском, Мокшанском районах. Тем не менее, они неравномерно расположены по магистралям, ими не предоставляется весь комплекс необходимых туристам услуг (средства размещения, организация питания, АЗС, пункты торговли). Их география требует расширения.

Литература

1. География туризма / Под ред. А.Ю. Александровой. — М.: КНО-РУС, 2008.
2. Кустов А.С., Голубева В.Л., Одинцова Т.Н. Рекреационная география. — М., 2005.
3. <http://penza-afisha.ru/org.php?id=17>
4. <http://penza-sport.com>
5. <http://www.58zan.ru/home.aspx>
6. <http://www.gdevpenze.narod.ru>
7. <http://www.google.ru>
8. <http://www.naselo.ru>
9. <http://www.tatar-inform.ru>

Гаева И.В., Комарова Т.М., Суховеева А.Б.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА¹

(на примере Еврейской автономной области)

Проблема заселения и сохранения населения является одной из важнейших для Дальнего Востока России, особенно его приграничных территорий. Сокращение численности населения, обусловленное естественной и миграционной убылью населения, и снижение качественных характеристик населения (ухудшение состояния здоровья, сверхсмертность мужского населения в трудоспособном возрасте, алкоголизм, наркомания, высокий уровень безработицы и др.)

¹ Работа выполнена по грантам РГНФ 09-02-88201 а\Т и ДВО РАН 12-III-B-09-196.

имеют чрезвычайно негативные последствия для будущего, как дальневосточного региона, так и страны в целом. В связи с этим актуальны вопросы социально-демографической безопасности (СДБ), являющиеся составной частью национальной безопасности страны.

Современная демографическая ситуация в Еврейской автономной области (ЕАО) характеризуется ростом гендерных диспропорций, уменьшением численности трудоспособного населения, увеличением демографической нагрузки и имеет очевидные социальные, экономические и геополитические последствия для будущего региона, что создает потенциальную угрозу национальной безопасности не только в региональном аспекте, но и в рамках всей страны.

Комплексная оценка социально-демографической безопасности в регионе включает в себя достаточно большой спектр различных показателей: воспроизводство населения, миграции, рынок труда, образование, преступность, здоровье и др. Здоровье населения является одним из важнейших индикаторов качества населения региона, от которого зависит смертность и продолжительность жизни населения.

В современной литературе существуют различные научные подходы к анализу рисков, социально-демографической безопасности, ее содержания и форм проявления. В нашей работе оценка состояния социально-демографической безопасности была проведена с помощью метода индикативного анализа [3], позволяющего оценить наличие, характер и уровень проявления угроз в социально-демографической сфере и их динамику. При оценке уровня и характера проявления угроз сравниваются фактические значения индикаторов СДБ с их пороговыми значениями [3]. Выделяют следующие **классы состояний** по социально-демографической безопасности [3, с. 196–197]:

1. **Нормальное состояние (Н)** характеризуется значениями индикативных показателей, которые соответствуют общепринятым нормативам.
2. **Предкризисное состояние (ПК)**, такое состояние, при котором устойчивое развитие территории оказывается под угрозой. Выделяют три подзоны:
 - *предкризис 1 (ПК1 — начальная стадия)*. В данной зоне идет только отслеживание угроз и величины их отклонения от нормального состояния;
 - *предкризис 2 (ПК2 — развивающаяся стадия)*. В данной зоне помимо простого отслеживания угроз и характера их проявления начинаются определенные управляющие воздействия на

систему в направлении предотвращения нарастания угроз и ее возврату в нормальное состояние.

- *предкризис 3 (ПКЗ — критическая стадия)*. В данной зоне начинают реализовывать профилактические мероприятия по нейтрализации угроз.
- 3. **Кризисное состояние (К)**. Попадание ситуации по индикатору в данную зону означает существенное действие угроз, в результате чего требуется проводить срочные действия по их нейтрализации и устранению. Иначе возможна потеря устойчивости развития системы. Выделяют три подзоны [3]:
 - *кризис 1 (К1 — нестабильная стадия)*. В этой зоне система остается устойчивой и ей для нейтрализации угроз достаточно собственных ресурсов;
 - *кризис 2 (К2 — угрожающая стадия)*. При попадании в данную зону требуется проведение комплекса срочных широкомасштабных воздействий для предотвращения развития кризисной ситуации и нарушения устойчивой работы системы и ее элементов. Требуется помощь извне;
 - *кризис 3 (К3 — чрезвычайная стадия, зона потери устойчивости)*. В данной зоне уровень проявления угроз таков, что нарушаются процессы устойчивого развития системы. При нахождении ситуации глубоко в зоне чрезвычайного кризиса устойчивость функционирования системы под угрозой. В этой области значений вопросы о развитии системы уходят «на второй план», в основном решаются задачи ее выживания. Для выхода из этой зоны требуются сильные внешние воздействия, требующие больших материальных и иных ресурсов.

Проведенный расчет и анализ синтетических индикативных показателей социально-демографической безопасности Еврейской автономной области показал, что за анализируемый период 2000–2008 гг. большинство показателей социально-демографической безопасности области располагались в зоне предкризиса на критической стадии с переходом в критическую зону. Отдельные показатели, касающиеся, прежде всего, качества жизни населения (уровень доходов населения, развитие здравоохранения, условия труда), относятся к чрезвычайной стадии кризиса, и требуют сильных внешних воздействий для выхода из него.

Более детально мы рассмотрим состояние социально-демографической безопасности по здоровью населения. Анализируемый блок «**Здоровье населения**» включает в себя два подблока: состояние здоровья населения и состояние системы здравоохранения.

Состояние здоровья населения региона. Состояние здоровья населения оценивалось по пяти индикативным показателям: распространенность социально-значимых заболеваний, здоровье детей, смертность в трудоспособном возрасте, младенческая смертность, врожденная патология и число инвалидов на 1000 чел.

Оценка распространенности социально-значимых заболеваний складывалась из оценок по четырем частным индикативным показателям (распространенность злокачественных новообразований, туберкулеза, психических расстройств, алкоголизма), каждый из которых рассчитывался с одинаковым весом. Учитывая средние коэффициенты латентности и классификационные признаки районирования пороговых значений по исследуемым нами частным показателям, ситуация по безопасности для синтетического показателя распространенности социально-значимых заболеваний за период 2000–2008 гг. находилась на уровне П2–К1 (табл.1). Причем тенденция роста данного показателя прямо пропорциональна увеличению распространенности злокачественных новообразований и алкоголизма у населения области. Анализируя ситуацию по показателю распространенности социально-значимых заболеваний, следует отметить, что тенденция роста данного показателя будет продолжаться, поскольку с 2006 г. остается критичной ситуация по распространенности злокачественных новообразований и алкоголизма. Именно злокачественные новообразования и алкоголизм наряду с травмами, отравлениями и болезнями системы кровообращения являются главными причинами смертности населения ЕАО.

Одним из главных системных индикаторов, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в качестве интегральной характеристики состояния общественного здоровья, является уровень младенческой смертности. В конечном итоге, по уровню младенческой смертности в странах и регионах судят об уровне социально-экономического развития территории.

Следует отметить, что показатель младенческой смертности в ЕАО в 2003 и 2004 гг. был самым высоким среди всех регионов РФ, и составлял 22,3 и 21,6 на 1000 новорожденных соответственно [1]. В то время как в развитых странах данный показатель в среднем составляет 3,0–4,5 промилле. Высокие показатели младенческой смертности в регионе связаны с низким уровнем и качеством жизни рожениц и молодых матерей, а также с низким уровнем развития системы здравоохранения (ее оснащенностью современным оборудованием, квалифицированными кадрами, а также первичной помощью в сфере родовспоможения и педиатрии). Так, ситуация по безопасно-

сти по значению младенческой смертности и врожденной патологии в отдельные годы относилась к уровню ПК2-К3, причем уровень К3 зарегистрирован в 2003–2004 гг.

Таблица 1.

Оценка социально-демографической безопасности по состоянию здоровья населения Еврейской автономной области

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Распространенность социально-значимых заболеваний	ПК2	ПК2	ПК2	ПК3	ПК3	ПК3	К1	К1	К1
Здоровье детей	К1	К1	К2	К2	К2	К3	К2	К2	К2
Смертность в трудоспособном возрасте	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2	ПК2	ПК3	ПК2	ПК1	ПК1
Младенческая смертность и врожденная патология	К3	К3	К3	К3	К3	К3	К3	К3	К3
Число инвалидов на 1000 чел.	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1
В целом по показателям «состояние здоровья населения»	К2	К3	К2	К2	К2	К3	К2	К2	К2
Финансирование здравоохранения	–	–	–	К3	К2	К2	К2	К2	–
Обеспеченность населения больничными койками	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1
Обеспеченность населения врачами и средним медперсоналом	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3
В целом по показателям «состояние системы здравоохранения»	ПК3	ПК3	ПК3	К2	К1	К1	К1	К1	ПК3
В целом по блоку «здоровье населения»	К1	К2	К1	К2	К2	К2	К2	К2	К1

Оценка показателя здоровья детей проводилась на основе анализа индикативных показателей заболеваемости детей, а также детской и подростковой смертности за период 2000–2008 гг. Показатель детской и подростковой смертности (число умерших в возрасте 0–17 лет) за период 2002–2008 гг. хотя и имеет тенденцию к снижению в 1,8 раза, однако остается очень высоким за счет высокого значения коэффициента младенческой смертности. В целом в ЕАО ситуация по социально-демографической безопасности по показателю здоровья детей находится на уровне К1–К3, что свидетельствует о ее критичности.

Число инвалидов в области за период 2000–2006 гг. выросло в 2,8 раза, однако ситуация по безопасности остается на уровне ПК1.

Оценка показателя смертности в трудоспособном возрасте складывается из оценок по пяти частным индикативным показателям, каждый из которых учитывается с одинаковым весом. Так, согласно показателям смертности трудоспособного населения от туберкулеза и болезней системы кровообращения ситуация по безопасности в области относится к уровню К3 (кризисное чрезвычайное состояние). Показатель смертности трудоспособного населения от болезней дыхания находится на уровне ПК1 и остается очень низким по сравнению с другими регионами. Ситуация безопасности по смертности трудоспособного населения от злокачественных новообразований и болезней органов пищеварения в разные годы колеблется от ПК1 до К2. В целом по данным показателям ситуация в Еврейской автономной области находится на уровне К1–К2 с переходом в устойчивое состояние по К2.

Необходимо отметить, что состояние здоровья населения области относится к различным стадиям кризисного состояния (К1–К2). Положительную динамику в характеристике здоровья населения, в первую очередь детей в возрасте до 1 года и трудоспособного населения, можно ожидать только при улучшении условий жизни, активном формировании здорового образа жизни, а также поддержании психо-эмоционального и материального благополучия у населения области в течение длительного времени.

Состояние системы здравоохранения. Для оценки социально-демографической безопасности были взяты четыре показателя, характеризующих состояние системы здравоохранения ЕАО: показатели финансирования здравоохранения, обеспеченность населения врачами, средним медицинским персоналом и больничными койками.

Оценка показателя финансирования здравоохранения в ЕАО с 2003–2007 гг. показала, что за данный период времени наблюдалась положительная динамика роста объема финансирования здравоохранения, что и способствовало положительному изменению данного показателя с уровня К3 до К2 (табл. 2).

Таблица 2.

Оценка социально-демографической безопасности по состоянию системы здравоохранения Еврейской автономной области

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Показатель финансирования здравоохранения	1,06 (К3)	1,08 (К3)	1,12 (К2)	1,54 (К2)	1,48 (К2)
Отношение бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП, %	0,89 (К3)	0,82 (К3)	0,80 (К3)	1,6 (К3)	1,4 (К3)
Отношение среднемесячной зарплаты в здравоохранении к прожиточному минимуму, отн. ед.	1,57 (К3)	1,69 (К3)	1,8 (К2)	2,15 (К2)	2,23 (К2)
Отношение среднемесячной зарплаты в здравоохранении к зарплате в экономике, отн. ед.	0,72 (К1)	0,75 (К1)	0,78 (ПК3)	0,87 (ПК2)	0,83 (ПК2)

Главным образом, это связано с ростом в 1,6% в 2006 г. по отношению к 2005 г., показателя, характеризующего отношение бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП. Что объясняется резким увеличением расходов консолидированного бюджета на здравоохранение и физическую культуру в ЕАО в 2006 г. до 1568,2 млн. руб. (2005 г. — 611,5 млн. руб.), а также повышением средней заработной платы работников здравоохранения в 2006 г. до 8321,6 руб., что в 1,3 раза больше показателя 2005 г. (6454,8 руб.). В 2007 г. наблюдалось небольшое снижение данного показателя, что связано с понижением отношения бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП до 1,4% и уменьшением отношения среднемесячной зарплаты в здравоохранении к зарплате в экономике до 0,83. [4]

Отношение бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП в ЕАО составляет меньше 1,8%, в то время как в ведущих странах мирового сообщества данный показатель составляет 5–8%. Это, в свою очередь, ведет к сохранению проблемы обеспеченности населения области необходимыми услугами, а также к низкой материальной обеспеченности врачей и фельдшеров. Среднемесячная зарплата работника в здравоохранении по итогам 2007 г. составляет чуть более 2-х прожиточных минимумов и уступает зарплате в экономике на 20%. Все это снижает престижность работы врача и создает проблему привлечения в отрасль новых квалифицированных кадров.

Показатель обеспеченности населения больничными койками в ЕАО за весь период исследования находится на уровне ПК1, что свидетельствует об устойчивом положении состояния системы здравоохранения в обеспеченности населения данной услугой. Рост данного показателя за 2000–2008 гг. составил 27,2% (2008 г. — 171,4 на 10000 жителей).

Однако, показатель обеспеченности больничными койками на одну беременную и роженицу в области к 2007 г. (0,066 койко-мест на 1 беременную) сократился в 1,16 раза, по сравнению с 2006 г. (0,077 койко-мест на 1 беременную) и показал самое низкое значение за исследуемый период времени. Данное снижение связано со значительным, постоянно увеличивающимся ростом численности женщин, закончивших беременность. В 2007 г. данный показатель составил 2055 женщин, что 1,15 раза выше показателя 2006 г. — 1776 женщин (2005 г. — 1673 женщины). Несмотря на медленное небольшое увеличение числа койко-мест для беременных и рожениц за исследуемый период, данное количество больничных коек для беременных является недостаточным. [4]

Постоянно растущее значение частных **показателей обеспеченности населения врачами и средним медицинским персоналом** в ЕАО свидетельствует об улучшении ситуации в предоставлении населению данных услуг, но характеризуется как предкризисное критическое состояние. Рост численности врачей всех специальностей на территории области с 2002–2007 гг. составил 4,8% по сравнению с 2002 г. — 34,6 на 10000 чел. Но, несмотря на медленное увеличение числа врачей, данный показатель в ЕАО остается самым низким по сравнению с другими регионами Дальнего Востока (в 2007 г. в Чукотском АО — 78,6 на 10000 чел, в среднем по ДВ — 54,2 на 10000 чел.). В 2007 г. в автономии показатель численности среднего медперсонала в расчете на 1 врача составил 3,23 чел. (в среднем по Дальнему Востоку — 2 чел.). Однако это не свидетельствует о благо-

получной обстановки в области в обеспеченности населения врачами и средним медперсоналом, так как несмотря на средние значения численности медперсонала (ЕАО — 117, ДВ — 109,5, Приморский край — 84 на 10 000 чел.) показатель обеспеченности врачами всех специальностей остается очень низким. [4]

Таким образом, анализ показателей обеспеченности населения врачами, средним медицинским персоналом, больничными койками и финансирования здравоохранения в ЕАО позволяет сделать следующие выводы:

1. На современном этапе уровень финансирования здравоохранения продолжает оставаться низким, несмотря на небольшое увеличение в 2006 г. Отношение бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП в ЕАО составляет меньше 1,8%, в то время как в ведущих странах мирового сообщества данный показатель составляет 5–8%. Это в свою очередь ведет к низкой материальной обеспеченности врачей, фельдшеров и медсестер, снижая престижность их работы.
2. Несмотря на увеличение с каждым годом числа койко-мест в объектах здравоохранения ЕАО, численность больничных коек остается недостаточной, особенно для беременных и рожениц.
3. Наименьшее значение обеспеченности населения ЕАО врачами и средние показатели численности среднего медперсонала по сравнению с другими субъектами Дальнего Востока свидетельствует о недостаточной укомплектованности объектов здравоохранения области медицинским персоналом.
4. В оценке ситуации социально-демографической безопасности по состоянию системы здравоохранения муниципальных образований (административных районов) использовались показатели обеспеченности больничными койками, врачами и средним медперсоналом в связи с отсутствием статистических данных по финансированию системы здравоохранения в разрезе районов.

Система здравоохранения области представлена сетью государственных (в т.ч. ведомственных — военные и т.п.), муниципальных и частных учреждений. В 2008 г. в ЕАО в 17 учреждениях здравоохранения стационарного типа насчитывалось 2,5 тыс. коек, в том числе в сельских районах (Ленинский, Биробиджанский, Октябрьский) — всего 3 больничных учреждения на 199 коек (табл. 3).

В г. Биробиджане, Облученском и Октябрьском районах ситуация по **показателю обеспеченности населения больничными койками** находится на уровне ПК1 (табл. 4). Для данных муниципальных образований характерны высокие значения числа больничных ко-

Таблица 3.
Инфраструктура здравоохранения в Еврейской автономной области в 1999 и 2008 гг. [1, 4]

Муниципальные образования	Число стационарных учреждений здравоохранения, ед.		Обеспеченность койками, на 10000 чел.		Обеспеченность врачами, на 10000 чел.		Обеспеченность средним мед. персоналом, на 10000 чел.	
	1999 г.	2008 г.	1999 г.	2008 г.	1999 г.	2008 г.	1999 г.	2008 г.
Биробиджанский	1	1	37,6	18,3	13,6	10,2	60,0	58,5
Ленинский	1	1	42,0	46,0	9,9	10,0	54,7	58,3
Облученский	5	5	181,4	304,4	27,6	30,3	112,2	146,0
Октябрьский	1	1	54,3	56,6	13,2	10,9	64,9	65,1
Смидовичский	2	1	60,0	52,0	14,2	13,0	63,4	63,5
Г. Биробиджан	7	7	152,2	153,5	59,6	61,6	143,5	164,2

ек на 10000 чел. Это территории с преобладанием городского населения, наличием достаточно крупных медицинских стационаров городского, районного и областного значения. В сельских муниципальных образованиях ситуация по данному показателю достаточно сильно отличается от района к району. В Ленинском муниципальном образовании обеспеченность койко-местами за период 2000–2007 гг. увеличилось в 1,3 раза, что свидетельствует о положительной динамике и улучшении в сфере обеспечения населения района в случае заболевания койко-местами. Соответственно, ситуация в обеспеченности больничными койками в районе имеет тенденцию к снижению безопасности от уровня К1 (2000–2002 гг.) до ПК2 (2004–2007 гг.). Однако данный показатель в 2008 г. снизился на 11% и соответствует состоянию по безопасности уровня ПК3. Относительно благоприятная ситуация характерна для Октябрьского района. Но здесь высокие показатели обеспеченности связаны не с ростом больничных учреждений, а с сокращением численности населения. Прорабатываются вопросы, связанные с объединением районных больниц Ленинского и Октябрьского районов. В целом это приведет к снижению данного показателя и ухудшит социально-демографическую безопасность. Для Биробиджанского муниципального образования показатели обеспеченности населения койко-местами являются одними из самых низких в области, и составляют от 19,7 на 10000 чел. в 2000 г. до 18,3 на 10000 чел. в 2008 г. Причем это единственный район в котором за исследуемый период времени произошло снижение обеспеченности койко-местами, в то время как в остальных муниципальных образованиях было зарегистрировано увеличение численности койко-мест в больницах. Показатель обеспеченности населения больничными койками в данном районе соответствует уровню К3 (кризисное чрезвычайное состояние). Основной причиной является близость учреждений здравоохранения областного подчинения города Биробиджана. Кроме этого, только в Биробиджанском районе в последние несколько лет наблюдается устойчивая тенденция естественного и миграционного прироста населения.

Состояние безопасности по значению **показателя обеспеченности населения врачами и средним медперсоналом** по муниципальным образованиям области также варьируются за исследуемый период от ПК1 для г. Биробиджана до К3 для Смидовичского и Биробиджанского районов. Причиной данного кризисного чрезвычайного состояния в Биробиджанском, Ленинском и Смидовичском районах является очень низкая обеспеченность населения врачами (в 2008 гг. — 10,2; 10,0 и 13,0 на 10000 чел. соответственно) и средним медпер-

соналом (58,5; 58,3 и 63,0 на 10000 чел. соответственно). Несмотря на то, что в г. Биробиджане сосредоточены основные городские и областные медицинские учреждения и высока обеспеченность врачами и средним медперсоналом ситуация по безопасности соответствует уровню ПК2 (предкризисная развивающаяся). Для Облученского и Октябрьского районов ситуации состояния по безопасности находятся на уровне К1-К2, что также характеризуется кризисным нестабильным переходящим в угрожающее состояние.

Таким образом, можно сделать вывод, что ситуация по безопасности по состоянию здоровья населения во всех муниципальных образованиях, кроме г. Биробиджана, находится на уровне К1-К3 (кризисное угрожающее состояние, переходящее в чрезвычайное). Наименее остро ситуация обстоит в г. Биробиджане, по причине наличия областных и городских медицинских учреждений. Недостаточное обеспечение медицинскими услугами и преобладание среднего медицинского персонала в объектах здравоохранения негативно отражается на здоровье населения и увеличивает миграционные настроения. Получение квалифицированной медицинской помощи для членов семьи зачастую является причиной миграций сельских жителей в городскую местность.

Литература

1. Здоровье населения Еврейской автономной области и деятельность учреждений здравоохранения в 2000 году. — Биробиджан: Областное бюро медицинской статистики, 2001. — 110 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. — М., 2009. — 990 с.
3. Социально-демографическая безопасность России / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. — 864 с.
4. Статистический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. / Еврстат. — Биробиджан, 2011. — 282 с.

Чистобаев А.И., Семенова З.А., Тараненко С.Н.

РАЗВИТИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДЕПРЕССИВНОМ РЕГИОНЕ (на материалах Псковской области)

Псковская область является типичным депрессивным регионом Российской Федерации. В советскую эпоху она демонстрировала относительно высокие темпы развития и экономического роста, а в последние два десятилетия оказалась на пороге обрушения всей экономики, что, естественно, отразилось на здоровье населения и всей сферы услуг, включая сферу здравоохранения. Произошло это в силу приграничного положения, которое на разных этапах истории по-разному влияло на социально-экономическое развитие.

Еще в XI–XII вв. Псков приобрел значение крупного центра торговли с прибалтийскими землями. Псковские купцы активно осваивали внешние рынки, их торговые права гарантировались международными соглашениями. В 1510 г. Псковская феодальная республика вошла в состав Русского государства. Впоследствии она не раз попадала под польско-шведские интервенции, временно отделялась и управлялась самостоятельно.

Во время Великой Отечественной войны Псков и окружающая его территория находились под немецко-фашистской оккупацией. Сразу же после освобождения в 1944 г. была образована Псковская область. В южной части традиционных псковских земель возникла Великолукская область, но просуществовала она недолго — до 1954 г.

В период управления промышленностью и строительством по территориальному принципу (1956–1965 гг.) Псковская область, укрупненная за счет западной части бывшей Великолукской области, вошла (вместе с соседней Новгородской областью) в состав Ленинградского совнархоза, что существенно отразилось на развитии ее экономики. В областном центре — г. Пскове, а также во втором по величине центре — г. Великие Луки — возникли филиалы крупных научно-производственных объединений Ленинграда. Созданные предприятия радиотехнической и электротехнической отраслей промышленности кооперировались не только с ленинградскими предприятиями, но и с промышленностью прибалтийских союзных республик.

В результате распада СССР Псковская область снова приобрела статус и функции приграничной территории. Поскольку политические отношения России и государств Балтии оставляют желать лучшего, производственные связи по кооперированию не сохранились, что отразилось на уровнях социально-экономического развития по обе стороны границы. Резко сократилась численность населения. Так, если по переписи 1926 г. в нынешних границах области насчитывалось 1 млн. 700 тыс. человек, то к началу второго десятилетия нынешнего века — всего лишь 680 тыс. человек; плотность населения за тот же период сократилась с 25,3 до 12,2 человек на квадратный километр.

В последние годы наметились некоторые положительные сдвиги в рождаемости — на 4–5% в год в целом по области, на 6–7% в городах, где удельный вес женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) выше, чем в сельской местности (49% и 39%, соответственно). Более высокий уровень жизни городского населения обусловил и большее число детей у городских женщин. На протяжении последних двух десятилетий (после 1992 г.) остается стабильно высоким коэффициент смертности — 21,7. В половозрастной структуре населения доля старших возрастов также стабильно высокая. Эти два обстоятельства, а также большой отток молодежи за пределы области обусловили интенсивную депопуляцию — самую высокую в РФ.

Доля городского населения (68%) более, чем вдвое превышает долю сельского населения (32%). Подавляющая часть населения (62%) проживает в Пскове и Великих Луках. Сельские населенные пункты весьма многочисленны (по числу их — второе место в стране), но малонаселенны. По числу обезлюдивших сел и деревень область занимает третье место в стране — после Вологодской и Тверской областей.

Экологическое состояние большей части территории области относительно благоприятно. Здесь насчитывается 3 тыс. 711 озер, общая площадь их акватории — 4 тыс. 719 кв. км, из которой почти половина приходится на Чудско-Псковское озеро. Лесами покрыто 39,7% территории, что вполне достаточно для поддержания экологического равновесия. Потребности в пресной воде удовлетворяются полностью. Минеральные ресурсы позволяют развивать производство строительных материалов, керамических изделий. Наилучшее сочетание агроклиматических условий и плодородия почв наблюдается на северо-западе и в центральных районах. Богатое историко-культурное наследие (музеи архитектуры, истории, искусства, заповедники) обеспечивают высокую притягательность территории для туристов.

Региональная экономика базируется на аграрно-промышленном производстве с высоким значением транспортного сектора и торговли. Наиболее активное развитие получают промышленные предприятия, ориентированные на выпуск продукции народного потребления. Более 2/3 промышленного производства сосредоточено в трех городах — Пскове, Великих Луках и Острове. В отраслевой структуре сельского хозяйства преобладает молочно-мясное скотоводство. Растениеводство обеспечивает кормами животноводческую отрасль и население. Традиционная культура льна из-за низкой рентабельности, вызванной нарушением севооборотов, отсутствием новых технологий и технических средств, почти не возделывается.

Инвестиционная активность Псковской области крайне низкая, негативные тенденции в социально-экономическом развитии не преодолены. Среди наиболее привлекательных для инвестиций отраслей экономики можно назвать транспорт и связь, что обусловлено экономико-географическим и геополитическим положением. Транспортная инфраструктура представлена федеральными и международными автомагистралями, железными дорогами, международным аэропортом в Пскове. Пропуск грузов через границу обеспечивают таможи и пропускные пункты.

По уровню средней заработной платы область занимает последнее место в Северо-Западном федеральном округе РФ. Удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения в 2006–2008 гг. составлял 17–19%, в 2010–2012 гг. — 13–15%. Уровень безработицы относительно высокий — 6–8%, что свидетельствует о социальной напряженности.

Динамика развития сферы здравоохранения. Количество больничных учреждений за период с 1991 г. по 2011 г. сократилось вдвое — с 84 до 47, больничных коек — в 1,7 раза, врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений — 1,7 раза, станций скорой медицинской помощи — в 1,2 раза. Посещаемость амбулаторно-поликлинических учреждений возросла вдвое, а оказание медицинской помощи при выездах, наоборот, сократилось в 1,5 раза.

Общая численность врачей в период после 1991 г. неуклонно снижалась, хотя в расчете на 10 тыс. жителей, в условиях депопуляции населения, оставалась, примерно, на одном и том же уровне. Что касается численности среднего медицинского персонала, то она сократилась как в абсолютном, так и в относительном исчислении. Произошли заметные изменения в распределении медицинских работников по отдельным специальностям. Так, число педиатров за первое

десятилетие текущего века уменьшилось на 50%, врачей санитарно-противоэпидемической группы и по общей гигиене — вдвое. Показатели численности врачей на 10 тыс. населения в Псковской области самые худшие в Северо-Западном федеральном округе РФ.

Обеспеченность населения врачами по районам неодинакова. Если опираться на официальные статистические данные, то можно сделать вывод о том, что наиболее ущербны в этом отношении жители Псковского и Великолукского районов. На самом деле такой вывод не корректен, поскольку у данной категории населения есть возможность обращаться к городским врачам, и она, эта возможность, широко используется. Наиболее низкая укомплектованность врачами (она коррелирует и с обеспеченностью всем медицинским персоналом) свойственна Красногородскому, Куныинскому, Новоржевскому, Печорскому районам. По обеспеченности больничными койками последние места занимают Куныинский, Палкинский и Усвятский районы.

Обращает на себя внимание такой факт, что в районах с низким уровнем обеспеченности медицинскими работниками и больничным фондом заметно меньше абортот. Правда, зависимость этого показателя проявляется и в относительно высокой возрастной структуре населения: в этих районах она выше, чем в остальных. В целом для области характерен устойчивый тренд сокращения абортот.

Следует также отметить наметившееся в новом веке снижение показателей заболеваемости сифилисом и гонореей, особенно в городах, хотя ранее соотношение было обратное: в сельской местности количество этих видов заболеваний долго оставалось на прежнем уровне. В то же время количество наркоманов и токсикоманов возросло, причем очень существенно: по официальной статистике — в 4,2 раза (реальная картина, вероятно, заметно хуже). Практически не изменилось количество больных алкоголизмом — на протяжении последних 20-ти лет (начиная с 1992 г.) по этому показателю область лидирует в Северо-Западном федеральном округе РФ. Заболеваемость психическими расстройствами уменьшилась, но все еще остается высокой, особенно в отношении шизофрении (317 стоящих на учете на 100 тыс. человек). Общее число больных в «нулевые» годы текущего века составляло около 1,4 тыс. на 100 тыс. человек [1]. Как уже отмечалось, удельная обеспеченность врачами самая низкая в Северо-Западном федеральном округе РФ, причем в тенденции это отставание возрастает [2, 3].

Основным центром оказания медицинской помощи жителям области является Псковская областная больница. В ней есть, помимо

стационара, 18 реанимационных и 24 специализированных клинических отделения, диагностический центр, консультативная поликлиника. Ежегодно в стационаре лечится около 20 тыс. пациентов, более половины которых являются жителями районов области, в поликлинику обращаются 70–80 тыс. пациентов.

Медицинская помощь детскому населению практически всей области оказывается в многопрофильной Псковской детской областной больнице. Консультативная поликлиника больницы обеспечивает амбулаторно-поликлиническую помощь детям по 24 специальностям.

Диспансеры размещаются в Пскове и Великих Луках, суммарная их мощность — 733 койки. В этих же городах располагаются и многие другие медицинские учреждения: станции переливания крови, стоматологические поликлиники, центры медицинской профилактики, городские поликлиники.

Муниципальные лечебно-профилактические учреждения имеют в своем составе 24 центральные районные больницы, в которых сосредоточено около 3 тыс. коек, более 600 врачей, 2,7 тыс. человек среднего медицинского персонала. В районах располагаются дома ребенка, санатории, структурные подразделения Госсанэпиднадзора Псковской области.

В целом можно сделать вывод о том, что уровень развития здравоохранения в Псковской области отстает от других субъектов РФ, входящих в состав Северо-Западного федерального округа РФ. Размещение объектов здравоохранения по территории области крайне неравномерно. Имеет место относительная деградация учреждений здравоохранения в сельской местности.

Транспортная доступность учреждений здравоохранения. Для данного анализа нами использованы сервис Яндекс-карты [4], а также сведения «Псковавтотранса» [5]. При этом выбирались кратчайшие расстояния, преимущественно, по главным дорогам. Само собой разумеется, что учесть все населенные пункты практически невозможно, поэтому мы ограничились волостными центрами. Кстати говоря, в них сосредоточена подавляющая часть населения, расстояния от сельских населенных пунктов до волостных центров, за некоторым исключением, небольшие.

В ходе анализа выявлены всего лишь три случая критически далекого положения центральной районной больницы от волостного центра. Это деревни Самолва (73 км от Гдова), Долговицы (63 км от Куньи), Вяз (63 км от Новосокольников). Во всех остальных случаях названные расстояния менее 60 км, что позволяет считать (с учетом

состояния дорог) возможной доставку пациента в центральную больницу в течение двух часов. Однако необходимо принять во внимание качественное состояние ряда районных больниц, отсутствие в них некоторых лечебно-профилактических комплексов. С этой точки зрения нельзя допускать закрытие районных больниц в случае укрупнения административных районов, что в принципе не исключено при нынешних депопуляционных процессах в отдельных частях области [6].

Комплексная оценка состояния и территориальной организации здравоохранения. В соответствии с «Социальными нормативами и нормами», определенными распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.07.2001, №942-р, на каждые 10 тыс. населения необходимо иметь 41 врача и 114,3 человек среднего медицинского персонала, 134,7 коек и 181,5 посещений амбулаторно-поликлинических учреждений в смену. При сопоставлении с этими нормативами показателей по Псковской области (33 врача, 101 человек среднего медицинского персонала, 100,7 коек и 248 посещений в смену) становится очевидным вывод о низком уровне обеспеченности населения услугами учреждений здравоохранения. Этот вывод усугубляется, если принять во внимание такие специфические условия Псковской области, как относительно старая возрастная структура населения и значительная доля сельского населения, проживающего в малочисленных деревнях. Оба эти обстоятельства обуславливают повышенную потребность в оказании первичной медицинской помощи, в создании небольших фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий, в наличии резервной мощности амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности.

По приведенным выше показателям наилучшая ситуация сложилась в Пскове и Великих Луках. Медицинские учреждения этих городов доступны и для жителей прилежащих к ним территорий Псковского и Великолукского муниципальных районов. Относительно неплохие характеристики имеют Дедовичский, Порховский, Плюсский, Невельский и Дновский районы. Низкий уровень обеспеченности населения медицинскими услугами имеют Куньинский, Печорский, Струго-Красненский, Гдовский, Новоржевский, Палкинский и Усвятский районы. Постепенное сокращение сети медицинских учреждений свойственно периферийным территориям всех районов, в результате чего увеличивается разрыв в доступности медицинских услуг. Этот процесс обусловлен сокращением численности сельского населения, сжатием сети расселения и, как следствие, всей сферы обслуживания.

Концепция развития и территориальной организации здравоохранения. Любой субъект Федерации нельзя рассматривать как

автаркию, т.е. в отрыве от страны в целом. Этот принцип кладется в основу обоснования развития не только экономики, но и сферы услуг, включая здравоохранение. Следовательно, цели и задачи его развития должны формироваться в соответствии с концепцией развития здравоохранения Российской Федерации. В качестве целевых установок выступают стабилизация численности населения; увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения до 75 лет; снижение общего коэффициента смертности до 10; снижение показателя младенческой смертности до 7,5 на 1000 родившихся живыми; отсутствие случаев материнской смертности на 10 тыс. родившихся живыми; снижение распространенности употребления табака до 25% и снижение потребления алкоголя до 9 л в год на душу населения; повышение доступности и качества медицинской помощи, гарантированной населению области. Эти целевые установки определяют содержание основных задач развития здравоохранения.

Формирование здорового образа жизни. Решение этой задачи сопряжено с мотивацией здорового образа жизни, основанной на реализации ряда мероприятий. К числу последних относятся: совершенствование медико-гигиенического образования и воспитания населения; создание эффективной системы мер по борьбе с вредными привычками; профилактика риска инфекционных заболеваний; внедрение системы медицинского обслуживания здоровых и практически здоровых граждан; ведение разъяснительной работы о важности и необходимости регулярной профилактики и диспансеризации, о гигиене труда и отдыха, структуре питания граждан.

Санитарно-эпидемиологическое благополучие. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия включает: совершенствование системы мер по снижению риска воздействия неблагоприятных факторов среды обитания на население на основе развития надзора в области защиты прав потребителей, создание безопасных и комфортных условий труда; борьбу с инфекционными и паразитарными заболеваниями, особенно по инфекциям, управляемым средствами специфической профилактики.

Организация медицинской помощи. Для формирования и эффективного функционирования организационной системы медицинской помощи необходимо предусмотреть следующее: в равной степени высокий уровень качества и доступности медицинской помощи населению независимо от места проживания; максимально быструю доставку пациента в лечебно-профилактическое учреждение, оснащенное лечебно-диагностическим оборудованием, укомплектованное медицинскими кадрами и обеспеченное лекарственными препара-

ратами и изделиями медицинского назначения согласно соответствующим стандартам; продолжение (в случае необходимости) лечения в других медицинских учреждениях.

Территориальная организация здравоохранения. Система здравоохранения должна быть организована в четырех уровнях: первый — муниципальный уровень волостных центров (врачи общей практики); второй — уровень районных центров (врачи районной больницы и амбулаторно-поликлинических учреждений); третий — создание и развитие более мощных межрайонных больниц в центрах систем расселения (в Пскове и Великих Луках, а также в Гдове, Плюссе, Острове, Невеле, Опочке, Порхове, Бежаницах).

Обеспечение населения лекарственными средствами в амбулаторных условиях. Доступность лекарственных средств определяется наличием препаратов на фармацевтическом рынке, ценовым регулированием и компенсацией затрат населения через систему обязательного медицинского страхования. Достижение решения этой задачи возможно посредством внедрения программы всеобщего обязательного лекарственного страхования, направленной на оптимальное соотношение эффективности и стоимости лечения при рациональном расходовании ресурсов.

Осуществление единой кадровой политики. В рамках реализации кадровой политики в условиях Псковской области необходимо привести численность и структуру медицинских кадров в соответствие с объемами деятельности персонала и перспективными задачами, повысить профессиональный уровень работников здравоохранения на основе непрерывного образования медицинских и фармацевтических работников, привести условия труда и систему его оплаты в соответствие со сложностью, количеством и качеством оказания медицинской помощи, разработать комплекс мероприятий, направленных на повышение статуса врача и среднего медицинского персонала.

Инновационное развитие здравоохранения. Для решения этой задачи необходимо внедрять новые эффективные лечебно-диагностические технологии и лекарственные средства в медицинскую практику, повышать уровень оснащения учреждений здравоохранения медицинским оборудованием, а также уровень квалификации медицинских кадров.

Индикаторы устойчивого развития здравоохранения применительно к условиям Псковской области. Индикативные показатели функционирования региональной системы здравоохранения должны соответствовать нескольким критериям: *надежность* — использование одного и того же процесса для расчета индикаторов

приведет к одинаковым результатам; *чувствительность к изменениям* — незначительные изменения в системе здравоохранения немедленно вызывают вариации в индикаторах; *простота в расчетах* — затрачиваемые усилия выполнимы и не являются отталкивающим фактором; *реальность достижения* — баланс между желаемым и возможным; *ограниченность в количестве* — индикаторов не может быть слишком много [7, 8, 9].

Учитывая названные критерии, для условий Псковской области нами предлагаются следующие индикативные показатели: 1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении; 2) коэффициент младенческой смертности; 3) коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте от новообразований; 4) коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте от болезней системы кровообращения; 5) среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сферы здравоохранения; 6) численность врачей на 10 тыс. человек населения. Методика расчета этих показателей достаточно полно отражена в специальной литературе, в связи с чем мы не приводим ее в данной статье. Отметим лишь, что область отстает от среднероссийских показателей по подавляющей части названных индикаторов (исключая показатели младенческой смертности).

Заключение. Исследование сферы здравоохранения Псковской области с использованием методологии медико-географической науки позволило выявить тенденции и закономерности в развитии и территориальной организации данной отрасли. В частности, установлено, что основой современной системы оказания стационарной медицинской помощи становятся крупные больничные комплексы. Обеспечение медицинских услуг сельскому населению все в большей мере осуществляется районными и межрайонными специализированными центрами. Что касается уровня обеспеченности населения периферийных территорий объектами здравоохранения, то он неуклонно снижается. Развитие данной тенденции приводит к оптимизации бюджетных расходов, но обуславливает экономическое опустынивание территорий, дальнейшую депопуляцию населения.

При территориальном планировании и управлении развитием территории необходимо учитывать транспортную доступность учреждений здравоохранения. В ходе анализа состояния здоровья населения и сферы здравоохранения выявляется потребность в создании районных больниц не только в центрах муниципальных районов, а и в волостных центрах. Разработка предложений по развитию и территориальной организации медицинских услуг должна базироваться на индикаторах устойчивого развития системы здравоохранения.

Литература

1. Медицинское обслуживание населения Псковской области: Статистический сборник. — Псков: Псковстат, 2009. — 47 с.
2. Демографический ежегодник России. 2011: Статистический сборник. — М.: Росстат, 2011.
3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: Статистический сборник. — М.: Росстат, 2011.
4. <http://maps.yandex.ru>
5. <http://www.pskovavto-trans.ru/spr>
6. Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России: Монография. — СПб.: СПбГУ, НПИ «ЭНКО», Издательский дом «Инкери», 2010. — 296 с.
7. Чистобаев А.И. Индикаторы устойчивого развития региона // Экология и образование. 2002, №1–2. — С. 18–21.
8. Короткова А.В., Новожилов А.В., Гажева А.В. и др. Индикаторы мониторинга и оценки деятельности в сфере здравоохранения // Российский медико-биологический вестник им. Академика И.П. Павлова. 2008, №1. — С. 109–112.
9. Савельев В.Н., Виноградова Т.В., Дунаев С.М. Индикаторы качества оказания медицинской помощи // Медицинский альманах. 2011, №1. — С. 11–14.

Вдовина Э.Л., Круглова А.В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОРЕСУРСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА (на примере Пензенской области)

В современных экономических условиях перед каждым регионом стоит проблема трудоресурсной безопасности, которая является залогом экономического роста региона. Основой такой безопасности выступают стабильные устойчивые процессы воспроизводства качественных и количественных характеристик трудоресурсного потенциала региона в объеме, необходимом для развития экономики, как в период стагнации, так и в период экономического подъема.

Трудоресурсную безопасность можно определить как соответствие качественных и количественных параметров трудоресурсного потенциала области потребностям экономики региона.

Трудоресурсная безопасность включает в себя три составные части:

- 1) количественная безопасность;
- 2) качественная безопасность (возрастная, профессиональная, образовательная структура, заболеваемость, социальная мобильность);
- 3) устойчивость трудоресурсного потенциала региона (оценка динамики процессов: тенденции и скорость).

Предварительный анализ показывает, что численность трудоспособного населения Пензенской области в целом и её районов в частности снижается. Об этом свидетельствуют динамика численности населения и численности трудоспособного населения области в период с 1995 по 2010 гг. (рис. 1).

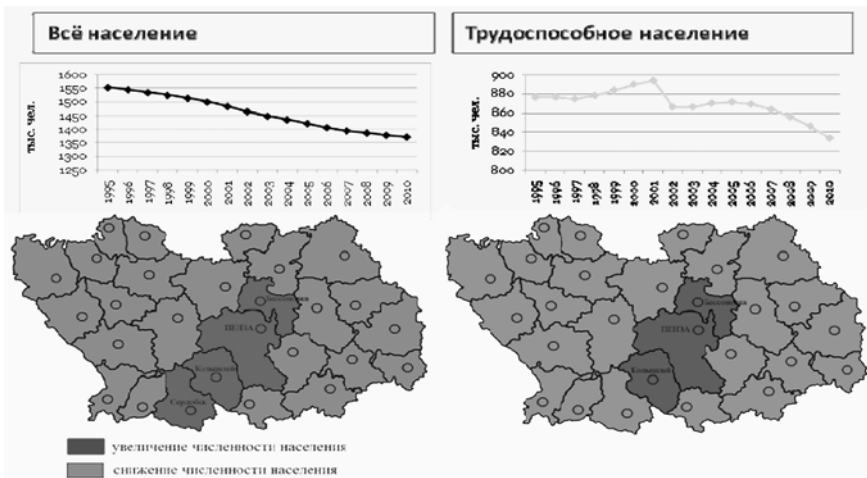

Рис. 1. Динамика численности населения.

Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области.

Если рассматривать изменение численности населения в разрезе районов, то можно увидеть, что лишь 4 района характеризуются приростом населения, в остальных же наблюдается убыль. С численностью трудоспособного населения происходят похожие процессы: только три района характеризуются приростом трудовых ресурсов.

Ситуацию не спасает даже некоторое увеличение численности трудоспособного населения за счет демографической волны (вступление в трудоспособный возраст большого по численности поколения, рожденных в конце 80-х годов) и значительного притока в регион мигрантов в трудоспособном возрасте в 90-х годах (особенно в сельскую местность). Расположение наиболее благополучных районов на карте можно оценить как центральное, они образуют ось, вытянутую с севера-востока на юго-запад, не захватывая периферийные районы. Особенно заметным это становится при анализе динамики численности населения. Полученная картина не вполне соответствует исторически сложившейся картине размещения населения области и вероятно в будущем приведет к перераспределению населения внутри региона.

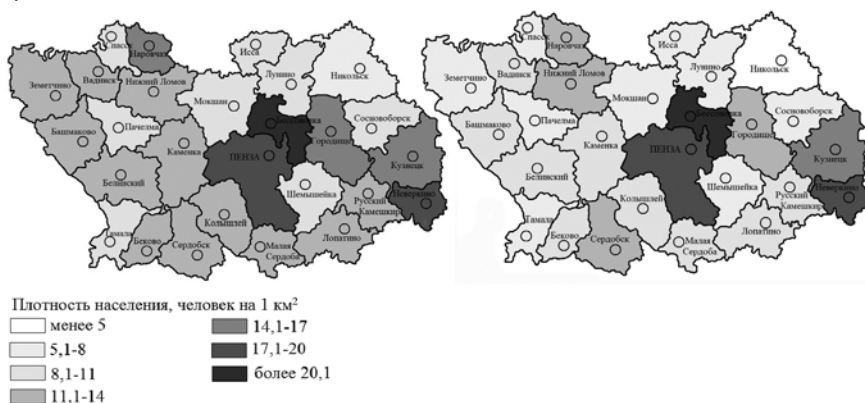

Рис.2. Плотность сельского населения 1995 г., 2010 г.

Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области.

Показатели плотности населения почти во всех низовых административных районах за анализируемый период понизились (рис. 2). Не изменилась плотность населения только в тех районах, которые на протяжении длительного времени занимают лидирующее положение в области по плотности населения. Незначительное увеличение плотности наблюдается только в трех районах.

Сравнивая плотность населения с суммарным сальдо миграции можно отметить прямую зависимость. Анализируя сальдо миграции городского и сельского населения, следует выделить группы районов, характеризующиеся определёнными особенностями миграции на протяжении всего рассматриваемого периода.

В первую группу по общим показателям миграции включаются районы, для которых характерны стабильная миграционная убыль населения или очень низкий миграционный прирост. Сюда можно отнести Вадинский, Земетчинский, Наровчатский, Неверкинский, Сосновоборский, Спасский районы.

Вторую группу составляют районы со средними показателями коэффициента сальдо миграции: Башмаковский, Бековский, Белинский, Городищенский, Каменский, Камешкирский, Лопатинский, Лунинский, Малосердобинский, Никольский, Пачелмский, Тамалинский, Шемышейский.

В третьей группе — районы с относительно высоким и стабильным миграционным приростом. Это Кузнецкий, Мокшанский, Нижне-ломовский, Пензенский, Сердобский, Колышлейский, Иссинский районы. Также к третьей группе относится Бессоновский район, характеризующийся наиболее высоким миграционным приростом.

Основным фактором, влияющим на величину сальдо миграции, является уровень жизни населения в том или ином районе. Фактором, влияющим на уровень жизни населения в целом и через него на внутрирегиональную миграцию населения, можно назвать транспортно-географическое положение низовых административных районов. По сравнению с другими субъектами Приволжского федерального округа Пензенская область характеризуется высокими показателями густоты железных и автомобильных дорог. Через Пензенскую область проходит федеральная автомобильная дорога «Урал», автомобильные дороги межобластного значения (в Мордовию, Саратовскую и Тамбовскую области), железные дороги в широтном и меридиональном направлении. Таким образом, Пенза является крупным транспортным узлом. Но не все районы Пензенской области имеют одинаково выгодное транспортно-географическое положение. Оценить значимость этого фактора сложно из-за недостаточности статистических данных. Тем не менее, можно выделить два района обладающих наиболее выгодным транспортно-географическим положением, а именно это Пензенский и Бессоновский районы. Достаточное выгодное транспортно-географическое положение занимают Кузнецкий, Мокшанский, Сердобский и Колышлейский районы. Наибольшим миграционным оттоком характеризуются периферийные районы области, и без того слабо заселенные (имеющие минимальные показатели плотности населения среди районов области), имеющие невыгодное транспортно-географическое положение и уже только по этим причинам, обладающие наименьшей конкурентоспособностью экономики в масштабах данного региона.

Таблица 1.

Влияние миграции на численность трудовых ресурсов Пензенской области

	Фактическая численность населения на начало 2000 г.		Суммарный миграцион. прирост (убыль) за 2000–2008 гг., тыс. чел.	Фактическая численность населения на начало 2009 г.		Возможная численность населения на начало 2009 г.	
	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всё население							
Мужчины и женщины 0–15	283,0	18,5	1,1	192,5	14	191,4	13,9
Мужчины 16–59, женщины 16–54	890,3	58,2	–3,4	846,6	61,4	850	61,6
Мужчины 60 и более, женщины 55 и более	357,3	23,3	1,8	340,7	24,7	338,9	24,6
Городское население							
Мужчины и женщины 0–15	178,4	18,1	2,1	123,1	13,4	121,0	13,3
Мужчины 16–59, женщины 16–54	603,7	61,3	2,4	579,7	63,2	577,3	63,5
Мужчины 60 и более, женщины 55 и более	202,1	20,5	4,6	215,1	23,4	210,5	23,2
Сельское население							
Мужчины и женщины 0–15	104,6	19,1	–1,0	69,4	15,0	70,4	14,9
Мужчины 16–59, женщины 16–54	286,6	52,5	–5,8	266,9	57,8	272,7	57,8
Мужчины 60 и более, женщины 55 и более	155,2	28,4	–2,9	125,6	27,2	128,5	27,2

Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области.

Сложно будет не согласиться с тем, что влияние фактора миграции на регионы с низкой плотностью и естественной убылью населения гораздо значительнее, чем на относительно благополучные в демографическом отношении регионы.

Периферийный районы с низкой плотностью населения, естественной убылью и миграционным оттоком, как правило, имеют сельскохозяйственную специализацию, и в них преобладают сельские населенные пункты.

Итак, потеря сельской местностью трудоспособного населения — одна из первых основных угроз трудоресурсной безопасности региона.

Проблему потери сельской местностью трудоспособного населения обостряет селективная функция миграций.

Рассмотрим изменение возрастной структуры под влиянием миграции. Для этого сравним различие в фактической и возможной численности населения в некоторых возрастных группах.

Для городского населения характерен приток лиц в возрасте от 15 до 19 лет (возможная доля лиц 15–19 лет ниже, чем фактическая). Суммарный миграционный прирост за девятилетний период в этой группе составляет 3,9 тыс. человек.

Это связано с миграцией молодёжи в городскую местность для обучения в высших и средних специальных учебных заведениях.

Для возрастной группы 20–24 года характерны противоположные закономерности. При исключении влияния миграции их доля была бы выше. Только в этой возрастной группе суммарное сальдо миграции за десять лет является отрицательным, хотя величина миграционной убыли населения небольшая. Молодёжь выезжает в другие регионы России (в первую очередь в Москву) в поисках более высокооплачиваемой работы.

В сельской местности для возрастной группы от 15 до 19 лет характерны противоположные по сравнению с городской местностью тенденции. Это значит, что происходит отток молодёжи в городскую местность для получения образования.

Сходные тенденции характерны и для возрастных групп 20–24 года и 25–29 лет. Это означает, что для молодёжи в этом возрасте характерен отток населения в городскую местность Пензенской области, а также в другие регионы России.

Таким образом, все потери населения трудоспособного возраста в сельской местности и в области в целом происходят за счёт оттока молодёжи. За последние десять лет сельские населённые пункты

Таблица 2.

Влияние миграции на возрастную структуру населения Пензенской области

	Фактическая численность населения на начало 2000 г.		Суммарный миграцион. прирост (убыль) за 2000–2008 гг., тыс. чел.	Фактическая численность населения на начало 2009 г.		Возможная численность населения на начало 2009 г.	
	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всё население	1530,6	100	–0,5	1379,8	100	1380,3	100
В том числе в возрасте							
0–14	259,2	16,9	1,0	115,6	8,4	114,6	8,3
15–19	115,6	7,6	–1,5	87,3	6,3	88,8	6,4
20–24	107,1	7,0	–4,4	115,7	8,4	120,1	8,7
25–29	100,8	6,6	–1,2	100,2	7,3	101,4	7,3
30–39	216,3	14,1	0,6	187,5	13,6	186,9	13,5
40–49	249,8	16,3	1,5	209,7	15,2	208,2	15,1
50–54	94,6	6,2	1,3	115,0	8,3	113,7	8,2
55–59	68,3	4,5	1,2	104,2	7,6	103	7,5
60–64	97,1	6,3	0,8	65,1	4,7	64,3	4,7
65 и старше	221,8	14,5	0,2	216,4	15,7	216,2	15,7

Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области.

Пензенской области потеряли за счёт миграционного оттока почти 6 тысяч человек в возрасте от 15 до 29 лет.

Суммарное saldo миграции для Пензенской области за 1996–2005 гг. было положительным для всех возрастных групп, кроме лиц в возрасте 20–24 лет, для которых была характерна миграционная убыль из региона. То есть молодёжь, получив образование в Пензе, уезжает за пределы области в поисках более высокооплачиваемых мест работы. Тенденция четко прослеживается с 1996 года и по настоящее время, т.е. более пятнадцати лет.

Это явление имеет несколько негативных последствий.

Во-первых, снижается численность трудоспособного населения области в целом.

Во-вторых, снижается общий уровень квалификации трудовых ресурсов, так как уезжают молодые квалифицированные специалисты.

В-третьих, миграционная убыль лиц в возрасте 20–24 лет оказывает влияние на демографические процессы в регионе, так как это наиболее благоприятный возраст для вступления в брак и деторождения.

Таким образом, наибольшую угрозу трудоресурсной безопасности региона несут:

1. потеря сельской местностью населения в трудоспособном возрасте;
2. постоянный миграционный отток из области молодого населения (в возрастной группе 20–24 гг.);
3. опустынивание периферийных районов области и стягивание населения в расселенческий каркас, представленный центрально-восточными районами области (в составе Бессоновского, Пензенского, Городищенского и Кузнецкого районов).

Абсолютной трудоресурсной безопасностью не обладает потенциал ни одного района области. Относительной количественной безопасностью трудоресурсного потенциала обладают районы расселенческого каркаса.

Экономические программы развития области должны учитывать сложившуюся ситуацию с перераспределением трудовых ресурсов по территории области, в частности отказаться от ставки на трудоемкие производства в периферийных районах. Важнейшей задачей региональной политики должно быть сохранение своего населения, сокращение и приостановка миграционного оттока (но в этом случае, прежде всего, необходимо изменить социально-экономическую ситуацию в целом, сделать регионы конкурентоспособными и привлекательными в социальном плане).

Сергеева К.П., Гусев А.В.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (на материалах Нижнего Новгорода)

Общеизвестно, что самым ценным является человеческий капитал, его качество. Борьба между странами за высококачественный человеческий капитал привела к росту образовательных миграций в мире. В условиях глобализации каждая из стран ищет для себя наиболее выгодную нишу для использования уже сложившегося направления деятельности.

После окончания II Мировой войны СССР уверенно занял образовательную нишу по подготовке высококвалифицированных кадров для социалистических, а позднее и для развивающихся стран мира. Эта форма деятельности из года в год совершенствовалась и получила мировое признание. Высококвалифицированные специалисты с советским образованием пополнили правящую элиту многих стран и сыграли определенную положительную роль по формированию отношения к нашей стране в мире.

После распада СССР большинство отраслей экономики развивалось, в кризисном положении оказались наука и образование. Однако сохранились многие образовательные центры и известные научные школы в нескольких городах России, которые продолжали готовить высококвалифицированных специалистов для зарубежных стран. Только география прибытия иностранных студентов в России значительно изменилась. Не стало студентов из стран Восточной Европы. Стали преобладать студенты из стран Азии и Африки. Сократилось и число иностранных студентов, приезжающих в Россию. Тем не менее образовательная ниша в мировом тренде продолжает играть для России значительную роль. Во-первых, оплата за обучение иностранных студентов — это валютные поступления. Во-вторых, это престиж для страны в одном из важнейших видов деятельности в постиндустриальный период развития. В-третьих, в условиях демографического кризиса часть подготовленных специалистов, знающих русский язык и подготовленных по нашим стандартам, остаётся в России, и на их образование не надо тратить средств. Между тем, из зарубежных стран посылают учиться, как правило, лучших.

В то же время часть российских высококвалифицированных специалистов либо уезжает из страны, либо не работает по полученной в вузе специальности, уходя в бизнес, в управление, во властные структуры. Тем не менее спрос на высококвалифицированных специалистов в условиях инновационного развития общества растет, что создает дефицит определенных специальностей в трудовом потенциале страны. Мировой финансовый кризис способствовал переориентации образовательных мигрантов в страны с наименьшей оплатой за учебу. Например, произошёл значительный приток иностранных студентов в Китай, где в период с 2000 до 2010 года число иностранных студентов увеличилось втрое. Сейчас там, в 54 вузах обучается более 1000 иностранцев в каждом, тогда как таких вузов в России только 17. Это связано с тем, что Китай берёт самую низкую оплату за обучение студентов и даже дает свои стипендии тем, кто делает успехи в изучении китайского языка. Очень характерно, что в вузах Китая обучаются не только студенты из развивающихся стран, но и из США и Японии, и изучают не только китайский язык, медицину, искусство, что является уникальным для этой страны, но и технические науки, что свидетельствует о темпах инновационного развития Китая. Из России в этой стране обучаются лишь 4% от всех иностранных студентов, причем среди российских студентов преобладают представители азиатских городов России.

В то время как в России сокращается число обучающихся студентов из зарубежных стран, другие страны всячески привлекают иностранцев для получения образования в своих странах, а затем стараются оставить у себя тех, кого обучили. Студентам в большинстве зарубежных стран в период учебы разрешается работать, подыскивать себе постоянную работу, создаются всяческие льготы (налоговые, привлечение членов семей без препятствий и т.д.). Такие меры принимают почти все европейские страны и США, которые откровенно признаются, что на привлечении из-за рубежа высококвалифицированных специалистов сэкономили 60 млрд. долларов. В период инновационного развития конкуренция за привлечение именно высококвалифицированных специалистов обостряется. Это влияет на содержание миграционной политики многих стран. Однако российское правительство мало заинтересовано в привлечении иностранных студентов, а ведь среди них много из стран СНГ, хорошо владеющих русским языком, знающих русскую культуру и желающих после окончания обучения остаться на постоянное жительство в России.

В настоящее время даже точное число иностранных студентов, обучающихся в России, определить весьма сложно. В материалах

миграционной службы в графе «цель приезда» отмечают — «на учебу» без должной расшифровки. Это могут быть не обязательно вузы, а, например, различные курсы, техникумы и т.д. Миграционная политика должна определить число привлеченных специалистов высокой квалификации. Пока привлечением иностранных студентов занимаются сами вузы, публикуя объявления в интернете. Тем не менее, образовательная ниша является весьма перспективной в конкуренции за продвижение в инновационной сфере. В мире широко известно качество российского образования; несмотря на кризис, сохранились сильные научные школы во многих крупных городах России — не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Новосибирске, Воронеже, Ростове-на-Дону и др.

Нижний Новгород всегда славился крупными научными школами по многим направлениям знаний, достаточно серьезной лабораторной базой и опытом подготовки высококвалифицированных специалистов для России и зарубежных стран. В Нижнем Новгороде сейчас 5 крупных университетов, в том числе один федеральный, и 4 академии, имеющие многолетнюю историю и известные научные школы преподавателей (например, кардиологическая школа академика Королева, математическая школа в университете им. Лобачевского, многопрофильная техническая школа им. Р.Е. Алексеева и т.д.).

Изучая образовательные миграции иностранных студентов в Нижнем Новгороде, мы провели социологическое обследование иностранных студентов в трёх вузах города и группы местных жителей на предмет толерантности по отношению к иностранцам. Было опрошено 60 человек в каждом вузе и 60 человек местных жителей разного возраста и образования. В результате исследования мы установили:

1. Наибольшее число студентов-иностранцев обучается в классическом университете им. Лобачевского, где есть факультет международных отношений. Медицинская академия только в 2011–2012 учебном году выпустила 175 специалистов для зарубежных стран, педагогический университет — 70. Но опрос проводился среди студентов разных курсов, поэтому можно проследить трансформацию в подготовке специалистов.
2. Специальности, по которым обучаются студенты-иностранцы, отражают потребности стран в специалистах разных профилей. Например, в медицинской академии преобладают студенты из стран Африки и Юго-Восточной Азии, где большой спрос на медицинских работников. В техническом университете им. Алексеева есть студенты из Японии, Кореи, Китая и даже из Канады, что свидетельствует о значимости технических знаний в этих странах.

3. Во всех вузах отмечается интерес к изучению русского языка. Так, например, в педагогическом университете 70% всех респондентов привлекает изучение русского языка. Для студентов из СНГ это особенно важно — многие (50% опрошенных) хотели бы остаться работать в России, остальные хотят преподавать русский язык у себя на родине. Стремятся изучать русский язык студенты из Турции, Египта, т.к. в этих странах большой приток русских туристов. Хотели бы остаться работать в России до 25% студентов не из стран СНГ, причем, чем старше курс, тем больше студентов хотят остаться в России, но мешают бюрократические сложности.
4. Все студенты-иностранцы отметили трудности усвоения русского языка и языковой барьер при вхождении в российский социум. Для упрощения выявленной проблемы необходимо создавать программы и учебники на английском и на русском языках, т.к. студенты, приехавшие не из стран СНГ, как правило, владеют английским языком. Такой переход был бы проще для усвоения русского языка.
5. Проблем у иностранных студентов, проживающих в российских городах, много. Это не только языковой барьер, большая разница культур и конфессий, другие климатические условия (в первую очередь, суровые зимы для африканцев), бытовые трудности, в том числе нечетко работающая инфраструктура, негативное отношение местного населения и т.д.

Проведение анкетирования местных жителей на предмет их толерантности по отношению к иностранным студентам позволило сделать определенные выводы:

1. Большинство респондентов Нижнего Новгорода доброжелательно относятся к иностранным студентам. Это же подтверждали и анкеты самих студентов, лишь 1% иностранных респондентов отметил безразличное отношение к ним местного населения. В рабочих районах города отмечено и негативное отношение к иностранцам. Дело в том, что в рабочих районах не выделяют студентов-иностранцев из общего их числа, в том числе из группы гастарбайтеров и нелегальных мигрантов. Для них важна, в первую очередь, неславянская внешность. Отношение к иностранцам в городе в последнее время ухудшилось. В 2005 году обследование местных жителей на предмет толерантности по отношению к иностранцам проводили сотрудники ИП РАН под руководством Ж.А. Зайончковской. Тогда Нижний Новгород был назван самым толерантным городом из трёх обследуемых. К сожалению, положение ухудшилось не без влияния СМИ. Необхо-

димо различать нелегалов и студентов. У них разные цели, уровень культуры и особенности постоянных занятий.

2. СМИ должны понимать значимость образовательных миграций иностранцев для города и для страны в целом. Вместе с вузами они должны помочь войти таким мигрантам в российский социум. Время от времени по радио, телевидению, в газетах и журналах надо освещать культуру народов, представители которых обучаются в Нижнем Новгороде, чтобы они не чувствовали себя полностью оторванными от родины.
3. Среди образовательных мигрантов преобладают мужчины в возрасте 20–30 лет. Естественно, возникают симпатии по отношению к русским девушкам. Это вызывает протест мужского населения города и родителей девушек. Были единичные случаи заключения межнациональных браков, однако отношение местного населения к ним негативное.
4. Век знаний диктует необходимость значительного увеличения лиц, имеющих высшее образование. В России будет сокращаться число вузов и приём в них. Платное образование будет расти, поэтому надо использовать все возможности. Несмотря на указанные проблемы и негативные стороны, образовательные миграции иностранных граждан в Нижний Новгород нужны для улучшения возрастного состава и уровня образования трудовых ресурсов, роста наукоёмкости всех производств города-миллионера, закрепления образовательной ниши в нескольких крупных городах России, чтобы выстоять в конкурентной борьбе за качественный человеческий капитал в мире.

Литература

1. Аннин П. Российский зарубежный всеобуч. Госкорпорация экспортирует не только технологии, но и знания // ЭКО. 2009. №12.
2. Зайончковская Ж.А., Тюрканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. — М., 2011.
3. Полетоль Д.В. Роль учебной миграции из зарубежных стран в социально-экономическом и демографическом развитии России. <http://demoscope.ru>
4. Бадыштова И.М. Толерантность городского социума к мигрантам // Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск второй: ПФО. Матер. регион. семинара, 4 апреля 2003 г. Чебоксары, под общ. ред. Ж.А. Зайончковской.
5. Ходов Л. Обучение иностранцев — выгодный бизнес // Современная Европа, 2005. №2.

Святоха Н.Ю.

ЖИЛИЩНАЯ СФЕРА КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (на примере Приволжского федерального округа)¹

Рост пространственной мобильности населения является одной из главных особенностей общества на современном этапе. Происходит это по целому ряду причин, в числе которых экономический прогресс, совершенствование транспортных коммуникаций, а также диспропорции в социально-экономическом развитии ряда стран и регионов. Следовательно, в современных условиях рыночной экономики становится очевидным повышение уровня самостоятельности регионов в экономическом пространстве страны, и на первый план выдвигаются проблемы повышения конкурентоспособности отдельных территорий. Лидирующие позиции региона определяются не только наличием тех или иных конкурентоспособных отраслей или сегментов отрасли, но и способностью региональных органов власти создать условия для достижения и удержания значительного преимущества в определенных областях. Региональная конкурентоспособность обеспечивается эффективным использованием и привлечением капитала и рабочей силы, а фактором этого, в том числе, является высокое качество жизни населения, что тесно связано с его жилищными условиями.

Строительство жилья всегда являлось важным фактором экономического и социального прогресса в регионах. Во-первых, развитие жилищного строительства в качественном и количественном направлениях вызывает рост смежных видов деятельности — таких, как промышленность строительных материалов, проектирование, торговля, транспорт, социально-бытовые и финансовые услуги. Во-вторых, наличие развитого рынка жилья в регионе улучшает условия жизни человека (качество жизни населения), влияет на демографические и миграционные процессы, а также отражает потенциал регионального социально-экономического и культурного роста и формирует внешний облик региона.

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Оренбургской области (грант №12-11-56000/12)

Термин «жилищное строительство» часто встречается в различных источниках, в том числе и в нормативно-правовых актах, но его точного определения не сформировано. Исходя из анализа законодательных актов (Градостроительного кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ, ряда Федеральных законов и приказов Росстата), под термином «жилищное строительство» следует понимать процесс строительства жилых зданий для проживания физических лиц, результатом которого является формирование жилищного фонда РФ. Однако для комплексного географического анализа жилищного строительства такой подход к определению объекта исследования нецелесообразен, так как не охватывает тесно связанные с жилищным строительством отрасли и сферы (например, в данное определение не входит добыча строительных ресурсов, их последующая обработка, подготовка кадров для осуществления строительных и обслуживающих работ и многое другое).

Согласно введенному в 2003 году Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности, заменившему Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства, виды деятельности, напрямую связанные с жилищным строительством, отнесены к разным категориям (добыча полезных ископаемых строительного назначения отнесена к разделу С, строительство жилых домов — к разделу F, инженерно-техническое проектирование — к разделу K и т.д.), что не позволяет выделить целостный объект исследования.

С точки зрения экономической географии жилищное строительство является частью межотраслевого строительного комплекса, к которому относят строительную индустрию (подрядные строительные и строительномонтажные организации), промышленность строительных материалов и промышленность строительных конструкций и деталей, строительное и дорожное машиностроение, производство оборудования для промышленности строительных материалов. Однако данный подход к объекту изучения не охватывает важные, связанные с процессами строительства жилья виды деятельности (например, ипотечное кредитование).

В связи со сложностями в определении дефиниции «жилищное строительство», а также учитывая его взаимосвязь с большим количеством смежных отраслей, предлагается в качестве объекта исследования общественной географии рассматривать жилищную сферу. Впервые определение жилищной сферы законодательно было закреплено в 1992 году в законе РФ «Об основах федеральной жилищной политики» следующим образом: «жилищная сфера — область народного хозяйства, включающая строительство и реконструкцию жилища, сооружений

и элементов инженерной и социальной инфраструктуры, управление жилищным фондом, его содержание и ремонт» [1].

С точки зрения общественной географии жилищная сфера — это более широкое понятие, охватывающее связанные с жилищным строительством процессы. Это сочетание объектов жилищного строительства с относящимися к ним сферами деятельности, такими как строительство, жилищно-коммунальное обслуживание, образование, финансы, государственное управление и т.д.

Динамично развиваясь, жилищная сфера, в первую очередь в связи с Immobiliальностью жилья, характеризуется ярко выраженными региональными особенностями, зависящими от большого количества факторов. Так, от природных условий и ресурсов региона зависят особенности архитектурных и планировочных решений (строительство устойчивых к землетрясениям домов), а также материалы, используемые (или использовавшиеся ранее) для строительства домов. В степной зоне Оренбуржья ранее преобладали саманные дома (население и сейчас продолжает строить дома и надворные постройки из самана), встречались также и мазанки, стены которых делались из жердей или плетня, вкапывались в землю и обмазывались со всех сторон глиной и землей. В соседней Западно-Казахстанской области население в сельской местности активно использует для строительства домов и хозяйственных построек камышовые плиты, обмазанные глиной.

Одним из факторов, ограничивающих возможности развития жилищной сферы, являются ресурсные ограничения строительного комплекса. Развитие строительного комплекса ограничивается изношенностью производственных мощностей, низкой конкурентоспособностью ряда отечественных строительных материалов, недостаточным уровнем внедрения современных технологий строительства и производства строительных материалов, дефицитом квалифицированных кадров на всех уровнях. Среди факторов, влияющих на развитие и состояние жилищной сферы, также выделяются: уровень освоённости и урбанизированности территории, от которого зависит тип системы расселения населения; этноконфессиональный состав населения; влияющий на планировку домов, дворов и приусадебных участков; демографическая ситуация в регионе, определяющая потенциал развития жилищного строительства, экономическое развитие региона, направленность жилищной политики региональных властей и многие другие.

Одновременное воздействие указанных факторов на жилищную сферу приводит к дифференциации территориальных рынков жилья,

связанной с природными, экономическими, социальными и экологическими различиями.

Жилищная сфера, в свою очередь, является одним из определяющих факторов для многих процессов жизнедеятельности общества, в частности оказывает влияние на миграционные процессы. Многие исследователи, изучающие миграционные процессы в современном обществе, неоднократно подчеркивали необходимость развития жилищной сферы с целью регулирования процессов миграции. Так, Ю.Ф. Флоринская [2] выявила взаимосвязь между миграционными намерениями и намерениями улучшить жилье. Проведенный Ю.Ф. Флоринской анализ показал, что среди тех, кто твердо планирует в ближайшее время улучшать свои жилищные условия, в два раза выше доля реально собравшихся переезжать (2,6% против 1,3% тех, кто не планирует улучшать жилье) и заметно меньше тех, кто вообще не настроен на переезд (57% против 65%). Совместное исследование М.Б. Денисенко, Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчяна [3] также показало, что возможность получения жилья на новом месте жительства повышает долю потенциальных мигрантов до 22%. О влиянии жилищной сферы на миграционные процессы также писали Н.В. Зубаревич [4], Ж.А. Зайончковская [5] и др.

На сегодняшний день жилищная сфера выступает скорее лимитирующим фактором миграции. Н.В. Мкртчян отмечал [6], что неразвитость рынка жилья и его дороговизна в региональных центрах — главная причина, препятствующая переезду туда граждан на постоянное жительство и удерживающая их в состоянии временных трудовых мигрантов. Важный показатель в этом аспекте — доступность жилья. Показатели доступности жилья в России особенно низки в крупных городах, в результате чего большое количество мигрантов не могут позволить себе приобрести жилье при современном уровне развития института ипотечного кредитования. Молодой специалист, приезжающий в крупный город поработать, должен весомую часть своего дохода отдавать за жилье. Т.е. на данный момент соотношение между заработной платой и арендой жилья выступает барьером внутренней миграции. В результате происходят процессы так называемой «ложной урбанизации», временные работники вынуждены жить в несоответствующих стандартам условиях.

Строительство жилья для мигрантов может служить механизмом привлечения трудовых ресурсов в те районы, где они нужны. В качестве примера рассмотрим Оренбургскую область. В 1990-х годах бывший политехнический институт получал статус Оренбургского государственного университета, для этого ему необходимо было от-

крыть ряд кафедр, специалистов для которых приглашали из бывших союзных республик. Способствующим их переезду фактором было строительство многоквартирных домов и предоставление квартир для преподавателей. Это позволило привлечь высококвалифицированные трудовые ресурсы, облегчило их адаптацию на новом месте, а университету, в свою очередь, получить статус классического.

Еще одним примером влияния жилищной сферы на миграцию населения может служить заселение домов, оставленных эмигрировавшими в Германию немцами-меннонитами в 90-е годы на территории Оренбургской области, которые практически за бесценок покупало русскоязычное население, мигрировавшее из среднеазиатских республик бывшего СССР.

Развитие института арендного жилья — важный аспект в регулировании миграционной ситуации в регионах страны.

Для классификации регионов Приволжского федерального округа (ПФО) по показателю состояния и развития жилищной сферы были применены популярные во многих науках методы математической статистики — корреляционный и кластерный анализы.

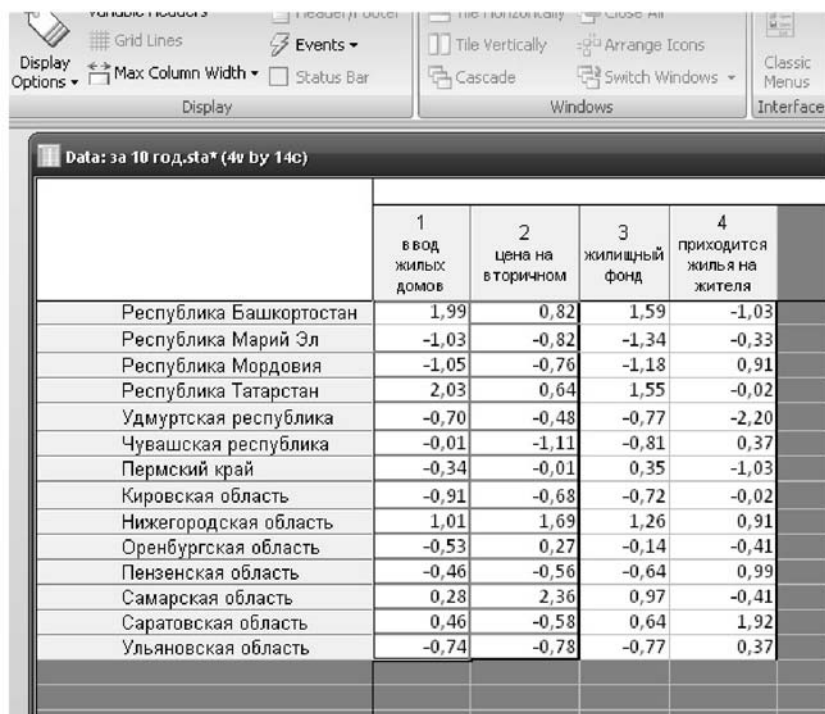
Главная цель кластерного анализа — разбивку множества исследуемых объектов и признаков на однородные в соответствующем понимании группы или кластеры. Это означает, что решается задача классификации данных и выявления соответствующей структуры. Большое достоинство кластерного анализа в том, что он позволяет разбивать объекты не по одному параметру, а по целому набору признаков. Кроме того, кластерный анализ в отличие от большинства математико-статистических методов не накладывает никаких ограничений на вид рассматриваемых объектов, и позволяет рассматривать множество исходных данных практически произвольной природы [7].

Результатом кластерного анализа является разбивка определенного множества объектов на группы, называемые кластерами так, чтобы каждый кластер состоял из схожих объектов, а объекты разных кластеров существенно отличались.

В рамках данного исследования была осуществлена классификация регионов ПФО по ряду параметров состояния и развития жилищной сферы. Среди большого числа параметров, характеризующих жилищную сферу, были выбраны следующие: общая площадь введенных в эксплуатацию жилых домов, (тыс. м² общей площади); средние цены на первичном рынке жилья, (тыс. рублей за м².) и средние цены на вторичном рынке содержательно дублируют друг друга (обладают высокой степенью корреляции). Поэтому был взят только один признак — цены на вторичном рынке жилья; жилищный фонд,

(млн.кв. м общей площади); общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (m^2). Данные взяты на сайте Федеральной службы государственной статистики [8] по состоянию на 2010 год.

Все входящие данные были предварительно стандартизованы (было вычтено среднее и произведено деление на корень квадратный из дисперсии) по рекомендации В.П. Боровикова [9], так как в первоначальном виде признаки имели различный масштаб измерений (рис. 1).

The screenshot shows the STATISTICA software interface. At the top, there are menu options like 'Display Options', 'Grid Lines', 'Events', 'Status Bar', 'Tile Vertically', 'Arrange Icons', 'Cascade', 'Switch Windows', 'Classic Menus', and 'Interface'. Below these is a title bar that reads 'Data: за 10 год, sta* (4w by 14c)'. The main area contains a table with 5 columns and 15 rows of data. The columns are labeled: '1 ввод жилых домов', '2 цена на вторичном', '3 жилищный фонд', and '4 приходится жилья на жителя'. The rows list various Russian regions and their corresponding standardized values.

	1 ввод жилых домов	2 цена на вторичном	3 жилищный фонд	4 приходится жилья на жителя
Республика Башкортостан	1,99	0,82	1,59	-1,03
Республика Марий Эл	-1,03	-0,82	-1,34	-0,33
Республика Мордовия	-1,05	-0,76	-1,18	0,91
Республика Татарстан	2,03	0,64	1,55	-0,02
Удмуртская республика	-0,70	-0,48	-0,77	-2,20
Чувашская республика	-0,01	-1,11	-0,81	0,37
Пермский край	-0,34	-0,01	0,35	-1,03
Кировская область	-0,91	-0,68	-0,72	-0,02
Нижегородская область	1,01	1,69	1,26	0,91
Оренбургская область	-0,53	0,27	-0,14	-0,41
Пензенская область	-0,46	-0,56	-0,64	0,99
Самарская область	0,28	2,36	0,97	-0,41
Саратовская область	0,46	-0,58	0,64	1,92
Ульяновская область	-0,74	-0,78	-0,77	0,37

Рис. 1. Диалоговое окно программы STATISTICA, входные данные в стандартизованном виде.

Применив объединение (или древовидную кластеризацию) (рис. 2), было определено оптимальное количество кластеров (равное 3), на которое следует разбить регионы ПФО по показателям состояния жилищной сферы.

Для уточнения состава классов в программе STATISTICA был выбран метод к-средних. В методе к-средних объект относится к тому

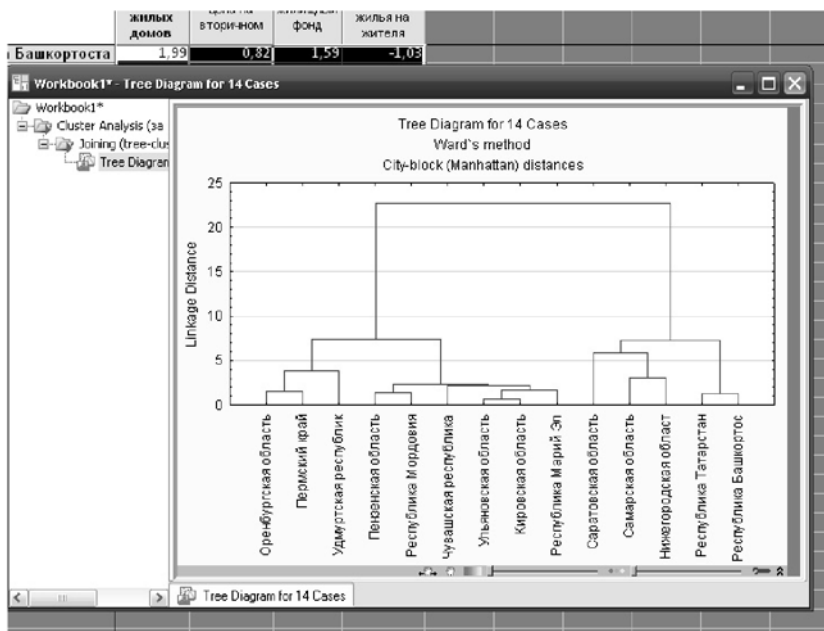

Рис. 2. Диалоговое окно программы STATISTICA, вертикальная древовидная дендрограмма.

классу, расстояние до которого минимально (объекты рассматриваются как точки евклидового пространства). Результаты кластеризации данных методом k -средних представлены на карте (рис. 3).

Регионы ПФО по уровню развития жилищной сферы можно сгруппировать в три кластера. К первому кластеру отнесены четыре региона-лидера, а именно: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская область и Самарская область. Третий кластер составляют три региона — Оренбургская область, Пермский край и Удмуртская Республика. Все остальные регионы (Кировская область, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Мордовия, Ульяновская, Пензенская и Саратовская области) включены во второй кластер.

Ввод жилых домов (в тыс. кв. м) в регионах первого кластера максимальный среди всех регионов ПФО — в республиках Татарстан и Башкортостан это около 2 млн. м² в год (такие же высокие показатели эти регионы имели и в 2011 году). В сумме на территории Республик Татарстан и Башкортостан, Нижегородской и Самарской области построено около 12% от введенного за 2010 год в России жи-

Рис. 3. Классификация регионов ПФО по ряду показателей состояния и развития жилищной сферы.

ля. Исключение в данном случае составляет Саратовская область, которая, согласно классификации, отнесена ко 2 кластеру. Но по показателям ввода жилья в 2010 году опередила Самарскую область, отнесенную к первому классу; в 2011 году ввод жилья в Самарской области превысил ввод жилья в Саратовской области.

Среди субъектов, принадлежащих 3 кластеру, средний показатель ввода жилья колеблется между 485 тыс. м² и 700 тыс. м². В Мордовии и Республике Марий Эл наблюдаются минимальные показатели ввода жилья (в среднем 300 тыс. кв. метров), регионы являются исключениями среди регионов 2 кластера.

По показателям стоимости жилья на вторичном рынке лидируют (т.е. значения максимальны) такие регионы, как Нижегородская, Самарская области, Республика Башкортостан (от 39,1 до 46,9 тыс. руб. лей за кв. метр в секторе вторичного жилья). Таким образом, регионы первого кластера по этому показателю занимают верхние позиции. Цены на вторичном рынке жилья в регионах, отнесенных ко второму и третьему кластерам, в среднем составляют 30–35 тыс. за м². Самые

низкие цены на жилье в регионах, относящихся ко второму кластеру — Чувашии и Республике Марий Эл (около 30 тыс. рублей за м²). По данному показателю выделяется Оренбургская область, относящаяся к третьему кластеру, но цена на жилье в которой составляет порядка 35 тыс. рублей за м².

Максимальные количественные характеристики жилищного фонда (общий жилищный фонд региона) свойственны регионам первого кластера — более 70 млн. кв. метров общей площади. В регионах ПФО, отнесенных данной классификацией ко второму кластеру, общий жилищный фонд составляет 30 и менее млн. м² общей площади.

По общей площади жилых помещений, приходящихся на одного жителя, регионы первого кластера обладают минимальными показателями (21–22 м² на человека), а регионы второго кластера по данному показателю лидируют (22–25 м² на человека).

Жилищная сфера в регионах первого кластера активно и динамично развивается, показатели ввода домов и общего жилищного фонда регионов максимальны среди регионов ПФО, однако показатель обеспеченности населения жильем остается низким. Цены на вторичном рынке жилья в регионах первого кластера максимальны в ПФО. Регионы второго кластера характеризуются минимальными показателями общего жилищного фонда, но по показателю обеспеченности населения жильем занимают лидирующие позиции. Ввод в действие жилых домов в регионах второго кластера соответствует средним показателям по ПФО, а цены на жилье на вторичном рынке минимальны. Третий кластер выделяется по показателю обеспеченности населения жильем, минимальному среди регионов ПФО.

Регионы, относящиеся к первому кластеру по данной классификации, также являются регионами-лидерами в Приволжском федеральном округе по количеству прибывших человек (рис. 4). Таким образом, мигранты, въезжающие в данные регионы, сталкиваются с проблемой высокой стоимости жилья; регионам в первую очередь необходимо решать проблемы предоставления мигрантам временного жилья и адаптации их на новом месте жительства.

Мигранты активны на рынке жилья и труда, они могут формировать спрос и влиять не него. Это должно учитываться региональными властями при реализации миграционной политики. Также мигранты являются активными пользователями социальных благ и услуг, пользуются транспортной инфраструктурой, они заинтересованы в полноценной интеграции в принимающий социум, в адаптации к новым условиям. Создавая благоприятные условия для жизни мигрантов,

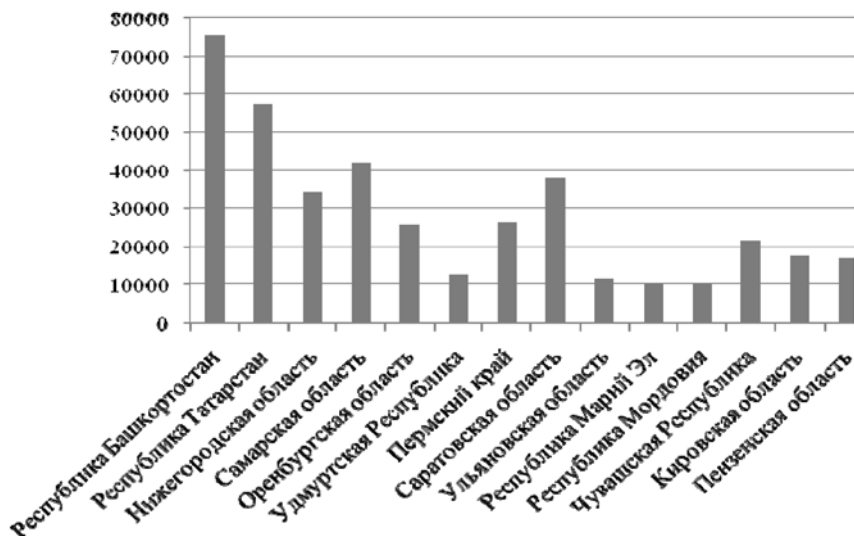

**Рис 4. Количество прибывших человек
в регионы ПФО в 2010 году.**

власти способны решать проблемы на рынке труда, связанные с нехваткой тех или иных кадров. Привлечь и удержать молодого специалиста в регионе возможно также путем предоставления льготного жилья. В первую очередь это актуально для регионов 2 и 3 кластеров (Республики Мордовия, Республики Марий Эл, Оренбургской области и т.д.), для которых характерна миграционная убыль населения.

В настоящее время жилье часто выступает барьерным фактором миграций, что вызвано в первую очередь высокими ценами как на первичном, так и на вторичном рынках жилья, а также высокими процентными ставками ипотечного кредитования.

Развитие разных по стоимости сегментов рынка жилья — необходимое условие развития жилищной сферы в регионах. Жилье должно служить мощным фактором миграций. Необходимо создать фонд арендного жилья для мигрантов в тех регионах, где происходит резкий отток населения (Чувашская Республика, Пермский край, Удмуртская Республика) — развить жилищную миграционную политику, учитывая при этом различные группы приезжающих (временные трудовые мигранты, мигранты на ПМЖ и т.д.). Регионы первого кластера должны уделить внимание адаптации приезжающих мигрантов на новом месте жительства, обеспечить их жильем, удовлетворяющим санитарным нормам. Регионы же второго и третьего кластеров

за счет развития жилищной сферы могут стимулировать приток мигрантов в регион предоставляя им льготное жилье. Тем самым, с помощью развития жилищной сферы, её диверсификации, государство способно косвенно регулировать миграционные и демографические процессы.

Литература

1. Об основах федеральной жилищной политики: Закон РФ от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 // Российская газета. — 1993. №15.
2. *Флоринская Ю. Ф.* Материальное положение и жилищные условия как факторы, влияющие на мобильность российского населения // Проблемы прогнозирования. — 2008. №6. — С. 140–155.
3. *Денисенко М.Б.* Миграционный потенциал лиц, ищущих работу, и безработных [Электронный ресурс] / М.Б. Денисенко, Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. — 2009. №397-398. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit03.php>
4. *Зайончковская Ж.А.* Внутренние мигранты на российском рынке труда — мнения управленцев, работодателей и самих мигрантов [Электронный ресурс] / Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. — 2008. №337–338. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0337/analit05.php>
5. *Зубаревич Н.В.* Региональные рынки труда: зависимость от макроэкономических факторов [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — 2008. №337-338. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0337/tema01.php>
6. *Мкртчян Н.В.* Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — 2010. №431-432. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0431/analit01.php>
7. *Буреева Н.Н.* Многомерный статистический анализ с использованием ППП “STATISTICA”. Учебно-методический материал по программе повышения квалификации «Применение программных средств в научных исследованиях и преподавании математики и механики». — Нижний Новгород, 2007. — 112 с.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>
9. *Боровиков В.П.* Прогнозирование в системе STATISTICA в среде Windows: основы теории и интенсивная практика на компьютере: учеб. пособие для вузов / В.П. Боровиков, Г.И. Ивченко. — М. Финансы и статистика, 1999. — 384 с.

Соколова А.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОЦЕССЫ ИНФОРМАЦИОННОГО «ОСВОЕНИЯ» ТЕРРИТОРИИ

В процессе перехода от аграрного общества к индустриальному и постиндустриальному географическое пространство России претерпело ряд трансформаций, касающихся изменения размеров, модификации структур расселения и хозяйства, социальных преобразований. Эти процессы повлекли за собой изменения понятийного аппарата географической науки и оказали влияние на состав и содержание обыденных (народных и повседневно-бытовых) понятий, представленных в народных (местных) географических терминах, общепотребительных словах, топонимах и микротопонимах.

Исследование процессов формирования и утраты географической информации в культурах разного типа является одной из задач информационной географии и представляет интерес как с точки зрения эволюции традиционной и повседневно-бытовой картин мира, так и в чисто прикладном аспекте (реконструкция и охрана культурных ландшафтов, этнический туризм и т.п.). Следует отметить, что информационная география — составная часть гуманитарного направления, поскольку объектом изучения являются не географическая реальность, а информации о ней; предметом, соответственно, — состав, структура и пространственная дифференциация географической информации в культурах разного типа и на различных этапах реального и информационного «освоения» и «запустевания» территорий и акваторий.

Информационный подход актуализирует понимание геопространства как *ойкумены* в трактовке Э.Б. Алаева — заселенной, освоенной или иным образом вовлеченной (подчеркнуто мною — А.С.) в орбиту жизни общества части географической оболочки Земли, с ее пространственными структурами хозяйства и формами организации жизни общества (1, с. 26). Термин не устарел, как считает А.Г. Исаченко, аргументируя свое мнение тем, что к настоящему времени вся поверхность суши не только известна, но и прямо или косвенно вовлечена в сферу человеческой деятельности (11, с. 36). Несмотря на

прогресс науки и образования, представления об окружающем пространстве, присущие территориальным общностям людей, сочетают подробные картины реальности с «белыми пятнами». В информационную концепцию ойкумены органично вписываются понятия общественно- и социально-географического пространства, представления о поли- и переменной масштабности и «искривлениях» геопространства [23]. Непременное условие исследования геопространства как ойкумены — определение местоположения центра, территориальная привязка «малой ойкумены», в которой протекает пространственная деятельность субъектов, и «большой ойкумены», освоенной преимущественно или исключительно информационно. Центр ойкумены в зависимости от масштаба исследования воплощает дом, сельское или городское поселение, административную единицу соответствующего ранга. Носителем географической информации становятся индивид, территориальная общность людей (этническая, социальная, конфессиональная и др.).

В статье в качестве базовой модели рассмотрена деревня как элементарная производственно-расселенческая система традиционного крестьянского хозяйства и, в соотнесении с ней, — крупнейший промышленный город индустриальной и постиндустриальной эпохи. Основное внимание сосредоточено на выявлении общих принципов упорядочения информации с учетом того, что в культурах традиционного типа система знаний лишена знания самой системы [Horton, 1967, ссылка по 21, с. 57]. В качестве источников языкового материала использованы: 1) диалектологические словари [17, 25, 26, 27, 28, 35]; 2) толковые словари [7, 18, 24]; 3) словари современной разговорной речи и микропонимии [14, 16, 34]. Постмодерн отмечен появлением нового источника информации — фотографий объектов, инкорпорированных в виртуальные глобусы и карты (геосервисы «Google Earth», «Яндекс. Карты» и др.). Часть сделанных пользователями снимков содержит языковую информацию (топонимы, местные географические термины, оценочные характеристики объектов). В лингвистике сочетания текста и зрительного изображения носят названия *креолизированных текстов*, *изовербальных комплексов*, *изоверб*, а сам процесс объединения вербальных и визуальных элементов рассматривается как характерная черта постсовременности, ориентированной на визуальный способ представления информации [2, 9, 10].

Информационное «освоение» и «запустевание» геопространства в традиционной крестьянской культуре. В качестве информационных ядер ойкумены в условиях земледельческого (земле-

дельческо-скотоводческого) хозяйства выступает *деревня* — поселение с прилегающими пашнями и лугами (*печище* на Русском Севере, *юрт* в южной России) [28]. Селения, ставшие очагами освоения, окружены возникшими позже **выселками, заимками, починками, хуторами** и т.п. Деревни позиционируются относительно друг друга, административных и религиозных центров, гидросети, элементов орографии, коммуникаций, заселенных и незаселенных территорий. Всё это находит воплощение в ойконимии и системе храмоименований. Крайним членом в ряду «город–деревня–коренной ландшафт» является селение на границе ареала освоения: **к небу дыра** — захолустье, населенный пункт в глухом лесу': (Вологодская область) [25], **обселок** — село, расположенное вдали от тракта, захолустное село' (Забайкалье) [35].

Пространство деревни организовано относительно *своего* дома, *общих* профанных и сакральных центров и воспринимается как трехчастная структура: «*Середка, погост, конец — три званья деревни*», где *погост* — центр села с церковью и магазином', *серёдка (серёдка)* — средняя, срединная улица, часть деревни, *конец* — часть деревни, села; улица (*конёцкие* — живущие в конце деревни') [28, вып. 27, с. 309]. В селениях, относимых по классификации В.П. Семенова-Тян-Шанского к северному долинному типу [22], структурообразующую функцию выполняет также прилегающий отрезок реки с **назречными** домами, улицами, полями, лугами, выгонами, сенокосами и **позаречьем** — местом за рекой, которое обычно осваивается позже: «*Сначала в позаречье был сенокос, потом уж там стали строиться*» [35, с. 313].

Хозяйственный ареал селения развивается как структура «центрального типа», состоящая из нескольких концентрических зон. Типичное явление для таежных регионов Европейской России и Приуралья — обособление зон полей, сенокосов, таежных угодий (**путиков**) практически по И. Тюнену и Б.Б. Родману (20, с. 181). Концентры в свою очередь делятся на субконцентры, например, поля а) «ближние» — **домашние, удворные, загуменные**; б) «средние», образующие основной массив пашни; в) «дальние» — **на отставке (боровые** — около леса, на лесных полянах) [28, 35]. Для Сибири и Забайкалья, особенно на ранних этапах освоения, была характерна «инверсионная» структура хозяйственной зоны: к селению примыкала **поскóтина** — окруженный изгородью выгон, занимавший днища котловин и подгорные шлейфы с почвами тяжелого механического состава, а пашни образовывали отдельные скопления по склонам низкогорий. Распашка выгона способствовала появлению нового

значения у слова **поскóтина** — ‘огороженный земельный участок за деревней, где сеют хлеб, косят сено и куда не пускаю скот’ [28, вып. 30, с. 169]. Такая схема землепользования воплощена в понятии **подпóлье** — ‘земля, занятая посевами хлеба, поля’: *«Около деревни тянулось подполье, а дальше шли сенокосы и тайга»* [35, с. 310]. Представление о дифференциации сенокосов дают термины, записанные на Русском Севере В.С. Гомилевским (1878): а) **заполоски** — «сенокосные места за участками постоянных пашен на возвышенных местах», дают сладкое сено, выкашиваются два раза в год; б) **делянки** — ‘сенокосы по речкам, ручьям, оврагам, озерам той системы реки, на которой находится селение’; в) **пожни** — сенокосы, преимущественно расчищенные, расположенные от селения в 30, 50 и более верстах, нередко в бассейне другой реки [4, с. 241].

Согласно меткому замечанию М. Горького, «Жизнь крестьянина ... требует напряженного внимания к земле и много чуткой хитрости в отношении к людям» (5, с. 393). Объем и полнота лексики землепользования позволяют строить сложные разветвленные классификации угодий по следующим основаниям: 1) топографическая привязка относительно поселения, других угодий, дороги, межи, изгороди (факт огораживания тоже важен); 2) морфология контуров (относительные размеры, конфигурация); 3) мезо- и микрорельеф (привязка к элементам поперечного профиля долины, междуречной равнины, склонам возвышенностей и гор); 4) зональная привязка (средняя и южная тайга; луговая, сухая степь и т.д.); 5) оценка урожайности и агроклиматические характеристики (экспозиция, механический состав и плодородие почв, условия увлажнения); 6) мелиорированность (угодья обводненные, удобренные навозом, плодородным слоем делювиальных почв (метод землевания), опадом лиственных пород); 7) выращиваемые культуры. Временной фактор учитывался при обозначении стадий подсеки, перелога, дифференциации залежей по степени зарастания и задернения почв; выделялись также участки, засеянные позже основного массива. В типологиях сенокосов и пастбищ дополнительно учитывался нанорельеф, облик травостоя (высота, густота, однородность, степень нарушенности), сезонность использования. Близкий набор признаков применялся в народной терминологии лесных угодий, похожей по структуре на терминологию современного лесопользования.

В условиях комплексного хозяйства осваивались ресурсы коренных геосистем тайги, степи, тундры, что вело к формированию народных классификаций промысловой фауны, дикоросов, терминологии промысловых мест. Промысловые звери, например, определя-

лись на уровне вида и по существенным для охотника признакам (место обитания, пол, возраст, размер, особенности поведения, окраска и качество меха). Поло-возрастные особенности, внешний облик, продуктивность учитывались также в языковой номинации домашних животных.

Большой объем информации касался динамики природы, влиявшей на продуктивность угодий. Понятия **водяное лето, дождливый год, наводной год** 'отличающийся наводнением' — результат длительных наблюдений и обобщения информации, что подтверждают иллюстрации: «*При таком наводном годе рыба не ловилась*»; «*Лет десять назад так наводно (много воды в наводнение — А.С.) было, что без сена остались*» [35, с. 221].

Пространственно-временная динамика деревни описана М. К. Любавским как чередование двух стадий: 1) роста надела за счет присоединения **притереб** — земель, расчищенных из-под леса и кустарников; 2) запустевания надела, связанного с истощением почв [15, с. 82]. Положительную динамику системы землепользования отмечали сами жители: «*К подполью каждый год прирастала земля из-под корчевки. Тайги становилось меньше, подполье росло*» [35, с. 310]. Слияние угодий соседних поселений вело к образованию сплошного массива пашни, определенного в забайкальских говорах как **бакласный, ахальной, хальной** (в южной России **охальный** ? 'слишком большой' [28]: «*Бакласные поля тянутся верст сорок*»; «*На сто верст хальные посево*» [35, сс. 59, 437]. Точки перехода на пути от «развертывания» к «запустеванию» малой ойкумены маркируют в забайкальских говорах слова **подмыз** 'место, которое начинает застраиваться домами', **разрой** 'хозяйство, пришедшее в упадок' и **урай** 'место бывшего поселения' [35]. Спектр близких значений имеет севернорусское слово **домовище** '1. Место, где стоял дом; 2. Место, предназначенное для будущего дома, участок для строительства дома' [27, вып. 1, с. 483]. Поддержание дома, как и системы землепользования, требовало постоянных усилий. В «Словаре русских говоров Забайкалья» пласт внегеографической лексики, описывающей признаки разрушения и приемы восстановления постройки, составляет 10% от объема «домостроительной» лексики [30].

Большая ойкумена также дифференцирована на земли ближние и дальние, названия которых определяют местоположение деревни в системе пространственных и временных координат. На этом масштабном уровне фиксируются следы трансформации российского пространства, связанные с колонизацией Севера, Сибири, присоединением Дикого Поля, Кавказа, Туркестана, Дальнего Востока. Ис-

торическое ядро формирования российского пространства ассоциируется со словами **Русь, русский**. В XVII в. сибиряки называли **русской рухлядью** товары, привозимые из европейской части страны: олово, медь, топоры, стеклянные бусы — предметы обмена с местным населением [26, с. 135]. В дальнейшем слово **Русь** использовалось в значении ‘места, заселенные русскими, граничащие с поселениями других народов’ (на границе с землями мордвы, на юге и северо-востоке Сибири) или применительно к переселенцам из европейской части, не коренным сибирякам «*Понаперла к нам Русь, переселенца вобщем, по отрубам селятся*» [28, вып. 35, с. 274]. Этническая принадлежность переселенцев находила отражение в крестьянских прозвищах: «*Тут раньше все прозвища имели, нас звали бульбой* (выходцы из Белоруссии — А.С.), *а других, кто с Украины — подсолнухами*» [35, с. 70]. В говорах северных регионов смещение ядра ойкумены относительно исторической Руси фиксируют названия южного ветра — **ветер с Руси, русский ветер**. В Сибири **рускими** называют ветра западных румбов. **Русская вода** в донских говорах — второй после разлива подъем воды в реке, связанный с таянием снега в верховьях Дона. Центром **русской земли** выступает Москва, поэтому северный ветер в брянских, тульских, курских говорах называют **московским** [28]. Центральное местоположение столицы России фиксирует в говорах Краснодарского края ироничная метафора **Москва́** — ‘сердцевина арбуза’ [12, с. 442].

Обширность осваиваемых территорий не влекла за собой пропорционального роста объема и разнообразия терминологии. Сходство топографических ситуаций, в которых располагались сибирские деревни, и преимущественно морфо-ресурсный подход к языковой номинации объектов, способствовали сохранению лексики природопользования «материнских» говоров, преимущественно северорусских (народные географические термины **калтус, ворга, согра, волок пожня, наволо́к ёдма** или **ёдома** и др.) [26, 28, 35].

С помощью лексико-географического метода [29] установлено уменьшение числа фиксируемых в языке объектов и деталей по линии центр — периферия. Поселение как центр малой ойкумены и ближняя окрестность с плотно размещенными угодьями воспринимались в крупном масштабе (на уровне топографического плана), дальняя окрестность — в среднем, периферия большой ойкумены — в мелком. Система землепользования по мере удаления от центра становится более «рыхлой»: угодья чередовались с неосвоенными лесными и степными массивами, заселенные долины — с междуречьями. Используя понятия сжатия и расширения геопространства,

можно сказать, что ядро малой ойкумены дискретно, информационно насыщено, сжато, пронизано многочисленными связями между объектами, а периферия, как и большая ойкумена, — слабо насыщена, континуальна, растянута, размыта, менее четко оконтурена. В качестве иллюстрации приведем фразеологизм «*по-за выбылью шатался*», где **выбыль** ассоциируется с задворками, околицей, границей селения [28, вып. 5, с. 251]. Об отношении подобия между малой и большой ойкуменой свидетельствует полисемия слова **поскóтина** ‘: 1. окраина селения, околица. 2. граница государства’ [28, вып. 30, с. 169].

Сравнение объема информации о малой и большой ойкумене дает весьма существенные различия. В словаре Холмогорского говора А. Грандильевского (1907) число терминов, характеризующих устройство поселения, составляет 43,6% от объема соответствующего раздела лексики, 25,6%, слов характеризуют хозяйственную зону поселения, по 10% терминов и топонимов приходится на территорию уезда и весь бассейн Северной Двины. Единичные слова обозначают объекты на границе большой ойкумены: Петербург (центр отходничества), Норвегия (**Норвега**), море вдали от берегов — **голомень** [29]. Снижение объема информации сопровождается мифологизацией пространства. В фольклорных текстах *нечистая сила* «проявляется» уже на уровне околицы и прилегающих к ней дворов, в окружающих селение лесных массивах. Граница ойкумены ассоциировалась с поусторонним миром, где географическая реальность переходит в мифологическую. Эта организация информации сохраняется на Русском Севере до этнографической современности, что подтверждают исследования фольклористов [8].

Утрата информации местным сообществом связана с изменениями системы расселения и землепользования, в частности, укрупнением угодий, отказом от использования мелкоконтурных пойменных лугов в пользу окультуренных сенокосов в придолинных частях междуречных равнин. Процессы восстановления древесной растительности и исчезновение микротопонимов в последнем случае могли идти параллельно, что выявлено, например, в среднем течении Сухоны (Вологодская область). Следует отметить, что успехи диалектной и топонимической лексикографии способствовали фиксации региональной и местной терминологии и топонимии. Став компонентами лингвистического знания и общенациональной культуры, они сохраняются даже в случае социально-экономического «опустынивания» территории.

Информационное «освоение» и «запустевание» геопространства в городской культуре. На аграрной и мануфактурной стадиях развития социума различия между городским и сельским поселением заключались преимущественно в размерах и планировке. В «Словаре Академии Российской», составленном в 1783–1794 гг., *город (град)* определен как селение, состоящее из многих домов, улицами расположенных, и окруженное рвом или стеною, и жители, его населяющие, а также крепостной вал, крепость (24). В «Городовом положении 1785 г.» зафиксированы торговая и промышленная функции города: горожане могли заниматься торговлей, промыслами, рукоделиями, ремеслами, содержать харчевни, корчмы, трактиры. При этом в состав городских земель входили пастбища, реки, места рыбной ловли и т.п., а контуры угодий дифференцировались относительно городских границ, например, выделялось **всполье** — ‘начало полей’: «*Встретили их за городом на всполье*» и **заполье** ‘место за ближайшими к селению полями’ [24]. В словаре В.И. Даля (первое издание вышло в 1863–1866 гг.) отличительным признаком города названо «данное правительством городское управление». С.И. Ожегов (1949 г.) приводит современное толкование города как крупного поселения, административного, торгового, промышленного центра [18].

По размерам, торговым и культурным связям внутри страны и за ее пределами город XX в. не сопоставим с сельским населенным пунктом. Вместе с тем, усложнение морфологии и структуры малой ойкумены не внесло коренных изменений в подходы к упорядочению пространственной информации. В приречных городах в условиях более сложной топографической ситуации сохраняется организующая роль реки, с которой связан большой пласт официальных и неофициальных названий. Микротопонимия и разговорная речь горожан фиксируют концентрическую зональность пространства, наличие общегородского центра и жилых зон, в том числе «заимок» и «выселок» — *спальных районов* советского периода, современных коттеджных поселков. *Окрестность* города — индустриальные зоны, где промышленное производство сменило аграрное, и пригороды, используемые для производства сельскохозяйственной продукции и рекреации. «Деревенские» микротопонимы **сторона, тупик, поле, закоулки** сосредоточены на окраинах, названия которых нередко произведены от поглощенных городом деревень, предместий, слобод, жители которых ранее назывались **окольные** [28, вып. 23, с. 146]. Кольцевые автодороги стали аналогом **околицы** в значении «*дорога, которая не по улице, а задами идет*» [28, вып. 23, с. 140]. **Трущобы**, в исходном

значении 'густой непроходимый лес, заваленный буреломом' [7] могли располагаться внутри исторической застройки, с ними ассоциируется понятие *внутренние кварталы* (англ. *inner city*). С внешней зоной городов связаны микротопонимы, производные от названий удаленных географических реалий (**БАМ, Китай, Шанхай** и др.).

Дореволюционный город имел приходскую организацию, близкую по структуре к сельским территориям, и соответствующий пласт христианских топонимов. В советское время систему приходов заменила сеть рабочих клубов и парков культуры и отдыха, примерно равная ей по плотности. Происходящая сейчас перестройка системы досуга горожан сопровождается рехристианизацией городского пространства, восстановлением и возведением храмов всех представленных в России конфессий. В визуализированном пространстве современного города это один из популярных сюжетов, число фотоизображений известных храмов может составлять сто и более [31, 32].

Новым структурным компонентом индустриального города стали железнодорожные вокзалы и пути, окруженные промышленными зонами — «*поймы железнодорожных рек*» по образному выражению архитекторов В.Л. Глазычева и А.Э. Гутнова [6]. Они получили языковое оформление в **Железнодорожных** улицах, переулках, административных районах, появились микротопонимы — свидетельства девиантного поведения горожан: **Пробковая аллея, Аллея любви** и др. [14]. Ряд ленинградских микротопонимов типа **Пьяная поляна, Долина смерти** был связан с железнодорожной веткой, ведущей к коньячному заводу «Арагат» (в просторечии — **Армянский бронепоезд**), где осуществлялась несанкционированная продажа спиртного [14]. С середины XX в. транспортные и торговые узлы формировались у станций метро, названия которых (официальные, просторечные, сленговые) распространялись на прилегающую местность. В современном молодежном сленге Санкт-Петербурга используются понятие *city ghetto*: **Boy scout city ghetto** «Пионерская», **Fisher city ghetto** — «Рыбацкая». Многие названия основаны на фонетическом сходстве, например, **Ёлка, Ельник** — «Елизаровская».

Несмотря на существенные различия сельских и городских территорий, состав морфологических признаков объектов, охваченных языковой номинацией и визуализацией, близок по составу. Согласно микротопонимической сводке В.Л. Лурье и данным Google Earth, объектами языковой номинации (метафоризации) и визуализации становятся а) геометрически определенные контуры площадей, скверов, оград, жилых зданий, магазинов, столовых и кафе (**Бублик, Ватрушка, Горшок, Каблук, Сапог, Гривенник, Пятачок, Пентагон, Ки-**

тайская стена и др.); б) силуэты домов и монументов (**Этажерка**, **Карандаш**, **Стамеска**); в) характерные планировочные решения (**Купчинские ворота** ‘сужение ул. Бухарестской между высокими домами’).

Качественный состав вовлеченных в микротопонимизацию объектов отражает главные функции города. Почти половина ленинградских микротопонимов (44,2%) была связана со сферой социального и культурного обслуживания; треть (32,7%) — с объектами торговли и общественного питания, 10,4% — с промышленными объектами, НПО и НИИ. В число последних вошли предприятия ведущих отраслей с численностью работников более 20 тыс. (см. 3): «Кировский завод», ПНО «Ленинец», «Светлана», «ЛОМО». Народные названия указывали на профиль предприятия (**Гвоздилка** — ‘Невский метизный завод’, **Суконка** — ‘комбинат тонких технических сукон им. Э. Тельмана’); преобладающий состав работников (**Дунькина фабрика**, **Бычий отдел**), передавали отношение работников к экономической эффективности производства, экологической обстановке, условиям труда (**Дыра социализма** ‘Кировский завод’) [14]. В постмодерне индустриальная микротопонимия теряет актуальность, особенно в молодежной среде. По данным социологов, молодое поколение рассматривает Петербург как культурную столицу России и центр науки и образования (соответственно 75% и 49% опрошенных). Только четверть респондентов (24,9%) считают его промышленным центром страны [19]. Запустевание промышленных зон фиксируют фотоизображения, например, «Вид в сторону Московского пр. Развалины» [38].

Важнейшая составляющая города — открытое (публичное) пространство [37 и др.]. В деревне присущие ему функции выполняли центр села — **колóмище** в новгородских говорах: «*Гулянье на колóмище было*» [17, с. 89] (в Сибири **колóмень** — ‘теснота от большого скопления народа, давка, толчея’); околица; место у колодца; мостки на реке и другие локусы [28]. В индустриальном городе XIX — начала XX вв. быт рабочих окраин сохранял сходство с обычаями сельской жизни, где основной формой досуга были гостевые общения (13). Это явление сохранялось в советском городе, способствуя алкоголизации населения, появлению **пьяных** углов, дворов, улиц и микротопонимов типа **Ресторан «Слон»** — ‘сквер в районе Госцирка’ [14]. Формирование публичного пространства нашло отражение в новом понятии *наш двор*, где слово **двор** не только «участок земли между домовыми постройками» (18), но и малый социум, соседство (англ. *neighbourhood*). Микротопонимическое «освоение» предприятий обществен-

ного питания центральных районов Ленинграда носило скорее «космополитический» характер. В малой ойкумене горожанина нашли отражение города и страны: **Лондон** — ‘ресторан «Вечер» (Васильевский остров)’, **Бермудский Треугольник** — ‘угол Большого пр. Васильевского острова, 6 и 7 линий; где располагались пивные точки и винный магазин’, кафе **Сайгон, Ольстер, Рим, Бейрут, Вашингтон, Американка, Бомбей, Кабул** и др. Функцию публичного пространства выполняют сады, скверы, что иллюстрирует фотосюжет «Посиделки», размещенный на геоизображении Google Earth [39]. Отметим, что автор использует деревенскую в своей основе лексику.

Языковые данные отчетливо передают трансформацию социального пространства. Лексика разговорной речи фиксирует дифференциацию городского социума по оппозициям *коренной горожанин / приезжий* (выходец из села, **лимитчик**); *рабочий / интеллигент* (**гемён / итеэр**) [34]. В основе обширного пласта сниженной лексики, весьма близкой к крестьянским прозвищам, лежит оппозиция *свой / чужой*. В советское время воплощением чужих для носителей народно-бытовой культуры Москвы и Ленинграда выступали евреи — наиболее урбанизованная и образованная этническая группа, с которой связано наибольшее число ксенономинаций, указывающих на пол, возраст, черты внешности. В городе постсоветского времени, согласно словарям молодежного сленга, воплощением *чужих* стали представители народов Кавказа и Средней Азии [16]. Сходный процесс прошел в городах Европы, где с *чужими* стали ассоциироваться выходцы из стран Азии и Африки.

Максимальные концентрации микротопонимов и фотоизображений, инкорпорированных в геоизображение Google Earth, приурочены к историческим частям городов. Главной информационной доминантой Санкт-Петербурга является **Брод, Бродвей** (Невский проспект между ул. Малой Морской и пл. Восстания), определенный в исследованиях географов и социологов как общегородской центр [9, 33].

В советское время малая ойкумена горожанина включала пригородные зоны организованного и дачного отдыха. В настоящее время активно идет процесс реального и информационного освоения как ближних, так и удаленных территорий в радиусе 500–1000 км и более. Объектами посещения и визуализации становятся обезлюдившие сельские местности, заброшенные храмы, монастыри. В процессе туристско-рекреационной «реколонизации» глубинки горожане осваивают культурные ландшафты, сформировавшиеся в системе традиционного землепользования, в том числе ландшафты, утратив-

шие носителей культуры, но сохранившие аттрактивность, например, Шимозерье (Вологодская область), Реконьский и Рдейский монастыри (Новгородская область) [31, 32]. Параллельно идет процесс расширения большой ойкумены — от курортов Кавказа и Черноморского побережья (*Югов* в лексиконе советского отдыхающего) к странам дальнего зарубежья, расположенным на других материках. Характерно, что при этом сохраняется неопределенность местоположения упоминаемых географических реалий, о чем свидетельствует использование фразеологизмов типа «*чёрт знает где*»: «Где-нибудь в Аргентине, у черта на рогах»; «Звонят ей черт знает откуда, вчера из Австралии звонили» [34, с. 710]. Уровень информационной освоенности большой ойкумены обычно невысок и ограничен отрывочным знакомством с географической номенклатурой (названия отдельных стран, городов, рек и т.д.).

Информационно-географическое исследование расширения российской территории, процессов урбанизации и рекреационной деятельности приводит к выводу об устойчивости классификационных схем, основанных на морфологических признаках объектов и представлениях о концентрической зональности поселения и его хозяйственной зоны (малой ойкумены). В рамках традиционной и повседневного-бытовой культуры языковая номинация и визуализация охватывает все процессы, связанные с заселением и запустеванием территорий, трансформацией духовного и социального пространства, при этом положительная корреляция освоенности реальной и информационной выявлена только в исторических центрах городов и популярных объектах туризма [31, 32]. Характерная черта городской культуры — утрата актуальной для крестьянина терминологии и топонимии, касающейся природных и сельскохозяйственных объектов, и обогащение микротопонимической информацией об объектах сервиса, формирование антропонимии, репрезентующей сложность социальных связей и низкий уровень толерантности. Использование компьютерных технологий не вносит принципиально нового содержания в информационно освоенное пространство города и сельской местности, но делает его открытым для всех членов социума.

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Учеб. пособие для

- студ. фак. иностр. яз. вузов. — М.: Издательский центр «Академия», 2003.
3. Волков А.А., Клименко Е.Д., Мелешенко В.И. Ленинградский социально-экономический комплекс. — Л.: Лениздат, 1979.
 4. Гомилевский В.С. Крайнего Севера Европейской России // Сельское хозяйство и лесоводство. Журнал Министерства государственных имуществ. 1878. Май.
 5. Горький М. Мои университеты // М. Горький. Собрание сочинений в 16 томах. — М.: Изд-во «Правда», 1979. Т. 9.
 6. Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: (Лицо города). — М.: Молодая гвардия, 1990.
 7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. — М.: Цитадель, 1998.
 8. Давыдова Ю.А. Культурный ландшафт Поморья: опыт пространственного анализа исторических карт и фольклорных текстов // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. — М.: ФБМК, 1998. — С. 107–133.
 9. Желнина А., Гросс С., Иванова Т. Антропология туризма в объективе фотокамеры // Вестник молодых ученых. 2003. №5. — С. 41–47.
 10. Зенкова А.Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. — Екатеринбург, 2004. — С. 39–54.
 11. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки; Учеб. для студ. вузов. — М.: Академия, 2004.
 12. Костина Л.Ю. Семантические диалектизмы станицы Архангельской Краснодарского края // Лексический атлас русских народных говоров. — СПб.: Наука, 2007. — С. 439–448.
 13. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. — СПб.: Журнал «Нева»: ИТД «Летний сад», 1999.
 14. Лурье В.Ф. Микропонимика Ленинграда-Питера // http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/microtop.html
 15. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. — СПб.: Лань, 2000.
 16. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
 17. Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. — Новгород: Новгородский гос. университет, 1992–1995.
 18. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.

19. Положение молодежи Санкт-Петербурга. Ежегодный доклад. 2002.
20. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. — Смоленск: Ойкумена, 1999.
21. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. — М.: Наука, 1991.
22. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России // Записки Русского географического общества. По отдельным статистикам. 1910. Т. 10. Вып. 2.
23. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / ред. С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров. — М.: Эслан, 2010.
24. Словарь Академии Российской. — СПб.: Академия наук, 1789–1794. Ч. 1 6.
25. Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–10. — Вологда: ВГПУ, 1990–2005.
26. Словарь народно-диалектной русской речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1991.
27. Словарь русских говоров Карелии. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 5 вып. — СПб.:СПбГУ. 1999–2005.
28. Словарь русских народных говоров. — М-Л. СПб.: Наука. Вып. 1–44. 1965–2011.
29. *Соколова (Семенова) А.А.* Образ освоенного пространства в северо-русской культуре (к вопросу о зонировании территории национального парка) // Национальный парк как природно-антропогенная система: сб. ст. — СПб.: ГО СССР 1994. — С. 30–32.
30. *Соколова А.* Дом — печь — ойкумена: универсальная матрица организации традиционного пространства // Гуманитарная география. Выпуск 4. — М.: Институт Наследия, 2007. — С. 10–34.
31. *Соколова А.А.* Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google Earth и Panoramio) Известия РГО. — 2010. Т. 142. Вып. 6. — С. 31–36.
32. *Соколова А.А.* Зона Волго-Балтийского водного пути на геоизображении Google Earth: виртуальное пространство и визуализированная реальность Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. №141. — С. 148–160.

33. *Файбусович Э.Л.* Где находится центр Санкт-Петербурга // Проблемы экологии и региональной политики Северо-Запада России и сопредельных территорий: Тезисы докладов международной конференции. — Псков, 2000. — С. 124–125.
34. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб.: Норинт, 2004.
35. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980.
36. *Horton R.* African Traditional Religion and Western Science // Africa. L. 1967. Vol. 37. №1. P. 50–71; №2. P. 155–187.
37. *Jacobs J.* The City Unbound: Qualitative Approaches to the City // Urban Studies, Vol.30, Nos.4/5, 1993. P. 827–848.
38. <http://www.panoramio.com/photo/60057958?source=wapi&referrer=kh.google.com>
39. <http://www.panoramio.com/photo/71107424?source=wapi&referrer=kh.google.com>

Левинтов А.Е.

ГУМАНИЗАЦИЯ СЕВЕРА КАК СТРАТЕГИЯ

Данная статья посвящена стратегическим соображениям относительно российского Севера и всей страны, если возвращаться к изначальному смыслу понятия стратегия (распределение ценностей по стратам значимости и удержание верхнего слоя ценностей при любых обстоятельствах). При этом высшей ценностью признаётся гуманизация, понимаемая, с одной стороны, как освобождение людей от Севера как ареала дискомфорта и экстремального проживания, а с другой стороны, освобождение Севера от антигуманных видов деятельности: военных, отраслей промышленности по извлечению природных ресурсов и т.п.

Весь опыт советского и постсоветского опыта освоения Севера может быть представлен несколькими деятельностями:

- извлечение природных (минеральных и биологических) ресурсов и продажа значительной части этих ресурсов на экспорт ради небольшой группы людей, считающих себя олицетворением государства и государственных интересов;
- использование Севера в военных целях, превращая этот регион в потенциальную глобальную угрозу;

- монопольное использование транспортного потенциала Севера вопреки принципам свободного мореплавания и свободной торговли;
- превращение Севера в окраинную помойку страны;
- использование Севера как формы наказания и истребления людей (Гулаг-освоение);
- научное освоение и изучение Севера.

Только последний вид деятельности достоин уважения, всё остальное представляет собой позор государства российского перед лицом человечества.

В связи с этим представляется необходимой новая, гуманистическая онтология Севера.

Прежде всего, Север должен иметь статус международного, глобального природного резервата с минимальными вторжениями и нарушениями весьма хрупкого экологического баланса.

Цели предстоящего развития Севера могут быть сформулированы следующим образом:

Также как Антарктика, Арктика должна быть исключена из хозяйственного оборота и являть собой охраняемый природный ареал планетарного значения.

Арктика должна стать полигоном международного сотрудничества, а не закрытой зоной потенциальных угроз.

Арктика должна быть предоставлена прежде всего населяющим ее автохтонным народам, которым должна быть предоставлена свобода перемещений, свобода заниматься традиционными промыслами и видами деятельности, свобода и простота общения с внешним миром.

Арктика должна иметь широкую гамму нехозяйственных и некоммерческих интересов.

Постоянное или временное пребывание и проживание людей в Арктике должно быть минимизировано, за исключением автохтонных народов. Большинство допустимых здесь деятельностей должно быть автоматизировано и по возможности безлюдно.

В Арктике должен быть установлен строгий правовой режим с тщательным международным мониторингом нарушений, изменений и отступлений от принятых международных правил и норм.

Арктика должна стать образцом международного гуманистического, неэкономического и немилитаристского сотрудничества и добрососедства.

Для выполнения этих целей предлагается установление нескольких мораториев на следующие виды деятельности:

- если государственным интересом России является модернизация ее экономики и включение национальной экономики в мировую хозяйственную систему не в положении сырьевого придатка, а на правах полноценного интеллектуального партнера, то в Арктике должен быть установлен мораторий на разведку и добычу углеводородов, добычу и обогащение цветных, редких и драгоценных металлов и других полезных ископаемых;
- запрещена любая военная деятельность: испытания оружия, военное патрулирование, военные маневры и учения, базирование военных объектов, воинских частей, оборонных сооружений, предприятий и организаций военно-промышленного комплекса;
- добыча рыбы и морепродуктов, за исключением традиционных для народов Севера средств и ареалов лова, должна быть замещена аквакультурой в прибрежных зонах;
- запрещена и закрыта любая форма пенитенциарной деятельности, кроме добровольного уединения для раскаяния в монастырях, скитах, дацанах и подобных им местах;
- запрещено городское хозяйство; большинство городов, все военные поселения и гарнизоны должны быть демонтированы, а люди, проживающие в них, переселены в более комфортные места проживания;
- запрещено складирование, хранение и захоронение каких бы то ни было отходов и отходов человеческой и хозяйственной деятельности, все пятна загрязнений, свалки и т.п. должны быть очищены и рекультивированы.

Поощряемыми и развиваемыми видами деятельности следует признать:

- традиционные занятия местного коренного населения в размерах и масштабах натурального хозяйства;
- научные экологические, биологические, метеорологические, гляциологические, гидрографические, океанологические и другие исследования и испытания природы;
- духовная деятельность и духовные практики;
- художественное и эстетическое освоение Севера (живопись, поэзия, музыка и т.п.);
- транзитное мореплавание и каботаж для обеспечения обеспечения и связи с внешним миром;

- развитие местных и глобальных транспортных и коммуникационных сетей, средств навигации и т.п.;
- космические исследования и исследования верхних слоев земной воздушной оболочки (стратосферы, ионосферы, Ближнего Космоса);
- экологический, исторический, познавательный и созерцательный туризм;
- экстремальный туризм и спорт, экстремальная любительская охота примитивными средствами лова.

Гришинева О.Н.

ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НЕФТЕПРОВОДНОЙ СИСТЕМЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПОДХОДЫ

С начала 1990-х гг. в России идет активный поиск своего места в резко изменившихся геоэкономических и геополитических контурах нового мира. За два прошедших десятилетия обнажился целый комплекс проблем структурного характера и территориальной организации ее хозяйства. На страновом уровне еще с середины 1990-х гг. идет поиск концепций, сценариев и попытка предсказать сам вектор развития. Неопределенность будущего изначально требует инвариантного прогноза. При всей многочисленности подобных работ, академик Н. Моисеев условно их объединил и вычленил проблему выбора между «японским» и «латиноамериканским» сценариями развития российского либерализма.

Первый сценарий «компрадорский — латиноамериканский», он основан на позиции и прогнозе бывшего премьер-министра Великобритании Джона Мейджора, предрекшего России роль «кладовой» для Запада, а для этого хватит населения в 40–50 млн. человек. Остальное население страны является «избыточным». Н.Моисеев и другие считают, что такой выбор уже сделан за Россию и ее место в мировой иерархии — это «кочегарка» и «прихожая» развитого мира [4, 7].

Второй сценарий — это развитие по японскому пути, опора на национальный капитал, переориентация экономики на внутренний

рынок с развитыми национальными корпорациями и с высокой организацией платежеспособного спроса населения. И только потом, при поддержке правительства начинать внешнюю экономическую экспансию в направлении роста экспорта и международной интеграции (1997 г.) [4].

Такая трактовка сценариев развития России далеко неполная, безусловно, небесспорная и, не исчерпывает всю гамму вариаций, возможностей. Однако за последние два десятилетия, страна интегрирована в мировую экономику именно с четко выраженной сырьевой составляющей экспорта, где значимую долю составляют топливно-энергетические ресурсы. Иначе говоря, налицо признаки развития первого сценария — Россия — это «кочегарка» развитых стран. Сегодня развитие самой экономики страны невозможно без экспорта нефти, а наиболее дешевым и надежным видом транспорта сырой нефти являются магистральные нефтепроводы. Поэтому сейчас важнейшим элементом топливно-энергетического комплекса страны, обеспечивающим снижение издержек и поддержании прибыльности и ресурсной конкурентоспособности отечественной экономики является и в обозримой перспективе остается: трубопроводный транспорт.

Однако с разработкой нефтяных месторождений Восточной Сибири и Крайнего Севера, началом освоения шельфа и морских месторождений происходит дальнейшее удаление мест переработки от районов добычи и рост затрат на транспортировку углеводородов. Соответственно значим анализ пространственных аспектов развития магистрального нефтепроводного транспорта на разных уровнях территории: мир и его сектора, Российская Федерация, ее макроэкономические зоны и региональный обзор. На страновом уровне значимо изучение эволюции трубопроводного транспорта и вытекающая отсюда **проблема** конструктивной географии — оптимизация территориальной организации магистральных нефтепроводов России с учетом прогнозных геоэкономических изменений в мире.

Прогнозная оптимизация трубопроводной системы, учитывающая наиболее вероятные изменения «нефтяного» мира и перспективные векторы развития трубопроводных комплексов, это сегодня наиболее слабое и проблемное звено отраслевых исследований. Изучение географических аспектов диверсификации транспортировки нефти невозможно, без одновременного учета эволюции и морфометрии нефтепроводной системы и в масштабе страны. Таким образом, актуален анализ топологических закономерностей строения и эволюции нефтепроводных сетей России. Выявляя эти закономерности

можно получить новые знания о динамике закономерностей пространства, что позволяет изучать эволюцию сопряженных с ними территориальных структур хозяйства и расселения. Соответственно основным **объектом изучения** выступает конфигурация транспортных систем нефтеснабжения и нефтепродуктоснабжения, а **предметом** — эволюция конфигураций систем нефтеснабжения России.

Применительно к развитию общества А.И. Трейвиш считает «Развитие как историческая эволюция общества — процесс искусственно-естественный, идеи и целенаправленность переплетены в нем со спонтанностью» [10. С. 8]. Под термином «эволюция» С.А. Тархов понимает «сложный процесс долговременной, преимущественно однонаправленной трансформации пространственной структуры сети. Направление этого процесса может быть восходящим, при котором происходит постепенное усложнение (развертывание; эволюция в узком смысле слова) этой структуры, так и нисходящим, с упрощением (свертыванием) структуры (инволюция)» [9. С. 10–11]. К такому разновекторному («гибкому и динамичному») пониманию «эволюции» наиболее применим предложенный А.Е. Пробстом [8] методический прием «концентрации» (рис. 1).

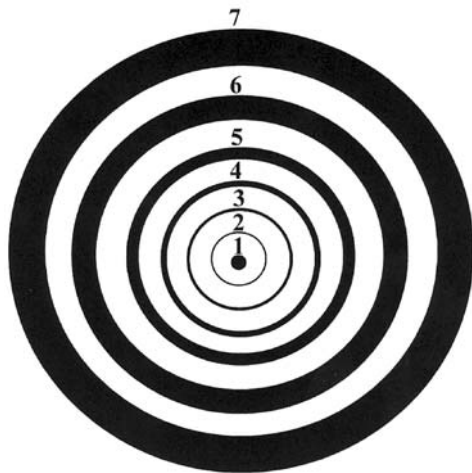

Рис. 1. Ранги больших энергетических систем, с точки зрения методического приема «концентрации»

(по З.А. Атаеву) [2. С. 32].
 1 — локальная энергосистема; 2 — региональная система; 3 — объединенная система (ОЭС); 4 — территориальное объединение систем макроэкономической зоны страны; 5 — Единая энергосистема России; 6 — сегменты глобальной энергосистемы (континент, группировки стран и т.д.); 7 — глобальная энергосистема (перспектива).

С точки зрения общей теории систем процесс концентрации есть либо усложнение открытой системы от низших концентров к высшим (процесс развертывания концентров), либо ее упрощение (процесс свертывания концентров) [1. С. 69–70].

Сам выбор редуцированного или усложняющего варианта модели будет зависеть от ранга энергетической системы и, соответственно, ее пространственного масштаба, что определяет задачу сопряженного изучения структуры территориальных систем энергетики и общества. С этой целью необходимо изучать морфологию магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов России на основе научных положений математической теории графов О. Оре [6].

Исходя из системного аспекта развития энергетики, ее эволюция идет в направлении усложнения структуры и «развертывания центров», или по пути формирования сложной совокупности больших систем на основе сочетания двух объективных тенденций — концентрации производства, транспорта энергетических ресурсов и централизации их распределения. Так реально формируются вначале электроэнергетические системы, а далее другие большие функциональные системы — нефтеснабжения, газоснабжения, угольной промышленности; ядерно-энергетическая система. Системность этого процесса привела к образованию Единой общенергетической системы страны: — это система, которая в своем развитии охватывает основные элементы и связи единого энергетического хозяйства страны [11 С. 13].

Прогноз эволюции трубопроводных систем не может быть реализован без анализа настоящего, что, в свою очередь, есть производное прошлого. Поэтому, алгоритм выполнения исследования должен соответствовать хронологическому принципу изучения территориальной организации магистральных нефтепроводов России (СССР). Такой подход, позволяет выдержать соответствие специфичного энергетического пространства — временной категории: вчера — сегодня — завтра: пространственная эволюция нефтепроводов Российской империи, СССР, современной России и стран СНГ; оптимизационная модель эволюции нефтепроводов России. Географический характер модели вытекает из самой сущности организации энергетического пространства, являющегося одним из элементов общего экономико-географического пространства, наделенного (по Б.А. Алаеву) своим специфичным содержанием [1. С. 159].

Страновой и региональный срез исследования усиливает значимость учета лимитирующих и стимулирующих факторов развития конкретного среза пространства. Для выявления степени обострения комплекса проблем и принятия решений по развитию трубопроводного транспорта необходимо проводить зонирование территории, выделять ее отдельные части, характеризующиеся специфичными функциями и свойствами (расселение, ресурс, экология, энергетика,

экономика и т.д.). Такой многокритериальный и динамичный подход к оценке позволяет отнести проблему оптимизации территориальной организации нефтепроводной системы России к категории проблемных исследований сложных энергетических систем.

Литература

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
2. *Атаев З.А.* Географические основы локальной энергетики ЦЭР России: Монография Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2008. — 284 с.
3. *Атаев З.А.* Территориальная организация локальной энергетики ЦЭР России Автореф. дисс. на соискание ученой степени д-ра геогр. наук. — Рязань: РГУ, 2008. — 50 с.
4. В начале будущего века Россия должна пройти через технологическую революцию. // Финансовые известия от 30.12.1997. №99 (450).
5. *Мелентьев Л.А.* Оптимизация развития и управления больших систем энергетики. — М.: Высшая школа, 1982. — 319 с.
6. *Оре О.* Теория графов. 2-е изд. — 253 с.
7. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д, НТЦ «Форум», 2001. — 408 с. — Серия «Великое противостояние».
8. *Пробст А.Е.* Размещение социалистической промышленности. Теоретические очерки. — М., 1961.
9. *Тархов С.А.* Пространственные закономерности эволюции транспортных сетей // Известия РАН. Серия географическая. — 2002. №2. — С. 15–22.
10. *Трейвиш А.И.* Географическая полимасштабность развития России (город, район, страна и мир): Дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. / ИГ РАН. — М., 2006. — 309 с.
11. Энергетический комплекс СССР/ Под ред. Л.А. Мелентьева и А.А. Макарова. — М.: Экономика, 1983. — 264 с.

Серова Е.И

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ БРЕНДА (на примере города Торжок)

Составление **комплексных географических характеристик (КГХ)** — «исконная задача географии» [9], «венец» географического изучения территории и «дело географов будущего» [8]. Основы методики составления КГХ были заложены в классических работах Н.Н. Баранского, И.М. Маергойза [1, 7].

Задача «географов будущего» состоит в переосмыслении способов составления КГХ (в связи с ростом роли нематериальных, культурных особенностей территории)¹ и сфер ее применения, которые постоянно расширяются, вовлекая прикладные направления. Одним из таких направлений является маркетинг территории, в частности, брендинг города.

Маркетинг территории (в широком смысле — продвижение ее интересов с целью получения определенных социально-экономических выгод и достижения конкретных целей, в узком — комплекс действий городского сообщества с аналогичной миссией) — неотъемлемая составляющая развития территории в современном мире. Путем анализа и совершенствования образа места (балансирования восприятия изнутри и извне: идентичности и имиджа [2, 3]) и его продвижения с ориентацией на целевые аудитории можно повысить конкурентоспособность территории для получения экономических выгод (например, в сфере туризма), найти альтернативное решение сложных для стандартных управленческих инструментов внутренних проблем и повлиять на характер ее функционирования. В частности, **брендинг города**, состоящий в создании концепции бренда, ее реализации и продвижении, позволяет привлекать инвестиции, развивать туристический бизнес, наращивать и удерживать население и пр.

Новизна данной работы состоит в разработке прикладной методики применения КГХ к формированию концепции бренда территории. В основу положена методика создания синтетической КГХ, предложенная И.И. Митиным [8, 9].

¹ Местная идентичность, образ места в массовом сознании и т.п.

Разработка КГХ в целях формирования концепции бренда проводится по следующему плану:

- сбор информации
- «квантовая» организация [6, с. 3] тем (формирование содержательных блоков — определение доминанты/доминант)
- синтез (построение идеи концепции бренда по «зонтичному принципу» [5, с. 181]).

1. Сбор информации, систематизация образов

Развитие идеи концепции бренда города осуществляется на базе имиджевых ресурсов города [5]. Первый этап работы — их сбор и систематизация.²

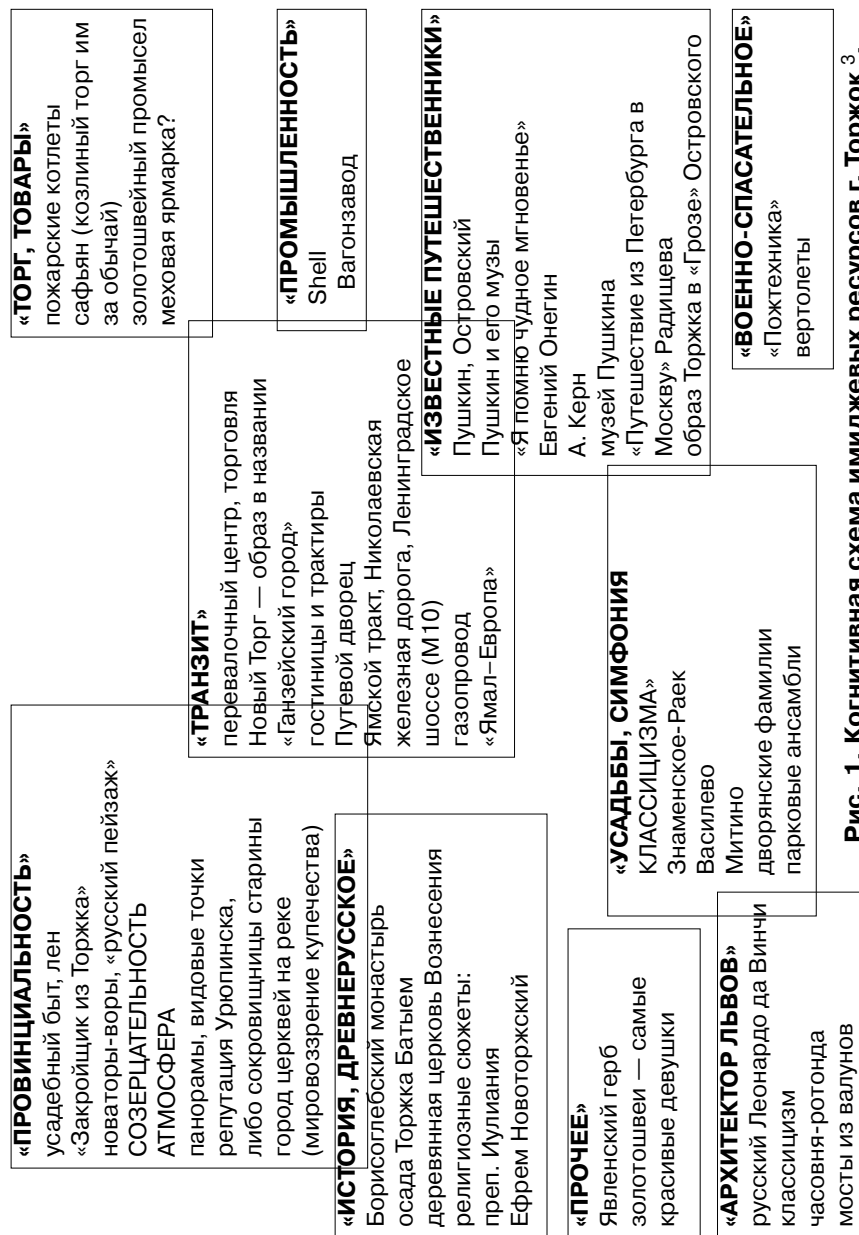
Ключевые сюжеты:

- Дорога Москва — Санкт Петербург (Ямской тракт, в настоящее время — Ленинградское шоссе), Николаевская железная дорога; членство в «Союзе Ганзейских городов» [11]; «город Торга»; форпост Новгорода;
- Символ города — голуби;
- Борисоглебский монастырь, церкви (некогда 36 церквей при населении в 10 тысяч человек), религиозные святыни; архитектура в стиле классицизм, усадебный ансамбль вблизи города; тема пейзажа канонического русского города XVIII — начала XIX в.; дух провинциальности, новоторжские нравы;
- Преподобная Иулиания, Преподобный Ефрем Новоторжский;
- Н. Львов — «русский Леонардо да Винчи»; А. Явленский — «русский Матисс»;
- Репутация «вершины Троеградья»; город музеев (Всероссийский историко-этнографический музей в Торжке, Музей Пушкина, Музей золотошвей);
- А. Пушкин и его музы, А. Керн; А. Островский; «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева; «Закройщик из Торжка»;
- Пожарские котлеты, гостиница; золотошвейный промысел; «Торжокский вагоностроительный завод»; «Пожтехника»; вертолеты (уникальный музей вертолетов).

2. Формирование тематических блоков

Выявленные образы разбиты на содержательные блоки и представлены в виде когнитивной схемы (использование когнитивных схем в географических исследованиях предложено Д.Н. Замятиным [4]):

² Как при создании КГХ на 1 этапе определяют «кандидатов» в доминанты [8].

Рис. 1. Когнитивная схема имиджевых ресурсов г. Торжок³.³ Карта составлена с использованием разработок В. Ефремовой.

Ключевой сюжет для объединения различных имиджевых направлений — концепция транзита, дороги (*«Город на пути из Петербурга в Москву, Центр Ямского тракта»*⁴):

- Транзит → городская промышленность (Вагоностроительный завод, Shell);
- Перекресток дорог → «Город Торга». В содержательном блоке фигурируют наиболее известные товары Торжка — потенциальная сувенирная продукция: пожарские котлеты (*«Город Пожарских, Пожаргород»*), изделия золотошвей (*«Златотканый город»*), сафьян;
- Путешествие → известные гости → «усадебный рай» → архитектор Львов (*«Поэзия в камне Львова», «Колыбель русского классицизма, заповедник русской архитектуры, Торжок — усадебный Раек»*)⁵;
- Путешествие, транзит → (?)⁶ образ провинциальности, уездного города N (*«Очарование русской провинции»*) и заповедника старины и духовности, музея и храма под открытым небом (*«Самый древний город Верхневолжья, Город церквей, Святыня Верхневолжья, Древнейший монастырь Верхневолжья»*).

Итоговая система взаимосвязей объединяет множество образов в единую концепцию, основой которой выступает содержательная группа, не являющаяся ядром с точки зрения довлеющей роли в перцепции города, но доминирующая в привычном для КГХ понимании⁷. С ключевой концепцией связано большинство тематических блоков, а несвязанные группы могут быть приближены к ней за счет объединения отдельных образов.

⁴ Доминантой КГХ [8].

⁵ Известные люди посещали город по пути из одной столицы в другую. С именитыми гостями связана концепция «усадебного рая» (кроме самого города путешественники посещали окрестные усадьбы, известные изысканной архитектурой (гимн классицизму)). Большая часть зданий в городе и его окрестностях создана архитектором Н. Львовым, одним из наиболее известных уроженцев города.

⁶ Транзит, мобильность противоречат сохранению характерных черт, в особенности, нематериальных. Но «промывной режим» может способствовать формированию особого менталитета (замыкание своего мира и сохранение индивидуального под напором «транзитного, импортного»).

⁷ «...она должна каким-то образом характеризовать все стороны функционирования места...» [8, с. 21].

3. Итоговая идея концепции бренда

В основе идеи концепции бренда — тематика транзита и путешествия.

«Транзитное» транспортное положение как способствует развитию туризма, так и тормозит его (с одной стороны, удобно доехать, с другой — несложно проехать). Это противоречие представлено в виде следующей концепции⁸:

Торжок — клапан на основном сосуде России⁹

Недостатки идеи концепции бренда:

- Размытость (охват большого количества образов ведет к потере репрезентативности и содержательности итога); сложность, малая степень прозрачности и очевидности;
- Построение на «непрочной» основе (идея транзита — не первоначально важная ассоциация, но она оказалась удобной в качестве связующего звена) — необходима четкая стратегия продвижения бренда и его ориентация на каждую из целевых групп с упором на соответствующие образы;
- Конкуренция¹⁰.

Перспективы реализации проекта:

Разработанная идея концепции бренда при активном его продвижении и разработке высококачественной маркетинговой стратегии может служить реализации миссии города, заявленной в Концепции генерального плана города¹¹. [10]

⁸ Москва и Санкт-Петербург — два полюса развития страны, ее жизненно важные органы. Сосуд, их соединяющий (Ленинградское шоссе, а ранее — Ямской тракт) — транспортный путь, пролегающий напрямую через Торжок. Город — клапан на этом сосуде («Путешествие из Петербурга в Москву» — Радищев; «Путешествие из Москвы в Петербург» — панно от золотшвей в подарок Путину).

⁹ Некогда (в период максимального расцвета, при императрице Екатерине II) он обеспечивал мощный транзит; после, во время угасания, город замкнулся в своем развитии, но все же сохранил обладание пропускной способностью. Отсюда особенная провинциальная атмосфера, сохранение древних промыслов и дух старины, рай для созерцания, соседствующие со значительной ролью веяний столиц в XVIII-XIX веках, нацеленностью на использование пересечения путей в развитии торговли, с современными предприятиями, ориентированными на удачное транспортное положение и пр. (разъяснение концепции бренда, тождественное плану КГХ с опорой на выявленную доминанту).

¹⁰ Например: Город Торга — Нижний Новгород, провинциальный дух — прочие города Верхневолжья, Пушкинские места — больше выделяется Нижегородская, Псковская область и т.д.

¹¹ Бренд может способствовать популяризации образа Торжка как привлекательной туристической дестинации среди населения России (потенциальных

Разработка бренда важна не только с точки зрения перспективы социально-экономического развития территории (в практическом проявлении), но и с точки зрения возможностей популяризации и обновления имеющихся научных концепций (теоретический вклад в географию). Воплощение КГХ в системе разработки бренда ведет как к распространению и пропаганде частного прикладного направления — брендинга — так и к Ренессансу географии¹².

Таким образом, КГХ, составленная с применением ментальных карт и других культурно-географических методов, позволяет выявить важнейшие особенности территории, которые могут быть положены в основу ее маркетингового продвижения как потенциального объекта развития туризма, привлечения инвестиций, роста миграционной привлекательности и пр.

Литература

1. *Баранский Н.Н.* О связи явлений в экономической географии // *Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии* / Редкол.: В.А. Анучин и др. — М.: Мысль, 1980. — С. 160–172.
2. *Визгалов Д.В.* Брендинг города. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. — 160 с.
3. *Визгалов Д.В.* Маркетинг города. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. — 110 с.
4. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003. — 331 с.
5. *Замятина Н.Ю.* Использование имиджевых ресурсов города для создания концепции бренда. Пример города Большой камень // *Бренд-менеджмент.* 2011. Июнь. №3 (58). — С. 178–185.
6. *Замятина Н.Ю.* Принципы создания образа места. География и экология в школе XXI века. 2004. №2. — С. 3–11.
7. *Маергойз И.М.* Географическое учение о городах. — М.: Наука, 1987. — 120 с.
8. *Митин И.И.* Комплексная географическая характеристика: историко-географический и методологический анализ // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр.* 2003. №4. — С. 15–21.

потребителей рекреационных услуг), инвесторов, самого местного населения. Идея концепции бренда (как программа долгосрочной реализации) соответствует не только настоящей стратегии развития города, но позволит и в дальнейшем определять приоритеты и ключевые направления планирования изменений.

¹² Обратная ситуация: возрождение традиционных методов (КГХ) при помощи альтернативных современных направлений (маркетинг, брендинг).

9. Митин И.И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. — М.: Институт Наследия, 2006. — С. 64–82.
10. Городские новости: «С участием Торжка создан Союз русских ганзейских городов» // http://www.torzhok-adm.ru/?ELEMENT_ID=908
11. Торжок и новоторы (информационно-развлекательный сайт С.Н. Дорогова). <http://sdorogov.ucoz.ru/publ/2-1-0-1>

Дмитриев Р.В., Горохов С.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В ИНДИИ В ПЕРИОД 1881–2011 гг.

XX в. стал для Индии поистине веком «городского населения» в том плане, что абсолютная численность жителей ее городов увеличилась с 1901 по 2001 гг. в 11 раз с 26 до 286 млн. чел. Показателен следующий пример: если в 1971 г. по числу горожан Индия уступала Китаю, США и Советскому Союзу, то сегодня суммарная численность сельского и городского населения ни одного государства мира (за исключением Китая) не превышает численности только городского населения Индии, оцениваемого переписью 2011 г. цифрой в 377,1 млн. чел [6]! Таким образом, одной из характерных особенностей урбанизации Индии в XX в. является колоссальный абсолютный рост городского населения, который будет продолжаться, по мнению большинства исследователей населения Индии, по крайней мере, до середины XXI в. Это подтверждается более медленными темпами роста численности населения страны в целом по сравнению с подобными показателями для только лишь городского населения [2]. Более того, за первое десятилетие XXI в. среднегодовые темпы роста людности городов даже несколько выросли по сравнению с аналогичным периодом конца XX в. (1,0280 в 2001–2011 гг. против 1,0277 в 1991–2011), чего не наблюдалось с 70х гг. прошлого столетия (см. рис. 1).

Тем не менее, как представляется, темпы роста городского населения Индии в перспективе все же продолжат неуклонно снижаться. Данное предположение справедливо и для всего населения страны в целом. Одной из причин этого является достаточно высокая эффективность проводимых вплоть до настоящего времени мероприятий по планированию семьи, направленных на снижение уровня рож-

даемости. Так, за время реализации трех первых пятилетних планов (1951–1966 гг.), в стране было организовано почти 10 тысяч клиник планирования семьи (более четверти из которых — в городах) [5]. Тем не менее, наглядные результаты проводимых мероприятий появились лишь в 70-е гг., уже с приходом к власти дочери первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру — Индиры Ганди.

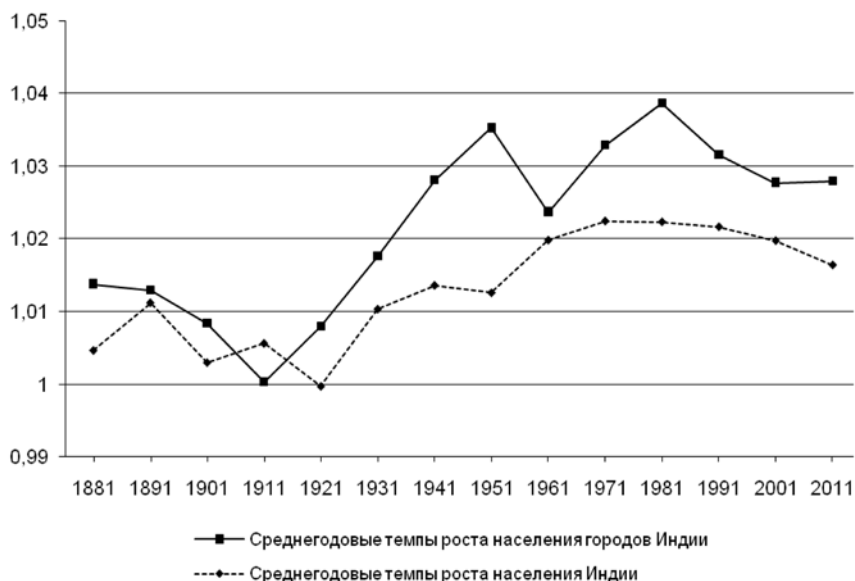

Рис. 1. Изменение среднегодовых темпов роста населения Индии и населения ее городов

(рассчитано и составлено авторами по материалам [6, 10]).

Именно с мерами, предпринимаемыми ее правительством, связано повсеместное внедрение методов искусственной контрацепции и, в частности, стерилизации. В настоящее время многими исследователями эти действия оцениваются не иначе, как «провальные» [4], однако результат проводимой политики говорит сам за себя: налицо снижение темпов роста населения вплоть до настоящего времени. Также весьма спорными выглядят высказывания премьер-министра Индии (1977–1979 гг.) Морарджи Десаи, заявлявшего, что «... лично он, будучи учеником Махатмы Ганди, считает лучшим методом регулирования рождаемости самоконтроль» [4]. На наш взгляд, в условиях сохраняющегося уже более двух тысячелетий института каст и ко-

лоссальной бедности населения страны, без проведения параллельно программам планирования семьи экономических реформ, самоконтроль рождаемости внутри индийской семьи не может привести к сколько-нибудь положительным результатам. Зачастую также эффект от проводимой политики планирования семьи даже при условии повышения уровня жизни населения носит отсроченный характер; а в случае практически несдерживаемого роста численности населения, когда стоит проблема «сейчас — или никогда», альтернативного пути, кроме принятия радикальных мер правительства Индиры Ганди, для Индии 60–70-х гг. XX в. скорее всего не существовало. Однако, человеческий капитал страны к настоящему моменту превратился из беды в ее преимущество. Благодаря высокой доле молодежи в возрастной структуре населения высокие темпы роста ВВП страны будут сохраняться и, по некоторым оценкам, к концу XXI в. экономика страны сможет обогнать по размерам китайскую и американскую [13].

Поскольку основная часть мероприятий по стерилизации проводилась среди мужчин, численность которых на протяжении переписного периода истории Индии всегда была выше численности женщин, радикального «удара» по процессу воспроизводства населения в стране не должно было быть нанесено. Это обстоятельство является исключительно важным, поскольку практически на протяжении столет, прошедших с момента проведения первой относительно полной переписи 1881 г., среднегодовые темпы роста городского населения превышали соответствующие значения для всего населения страны. Колебания показателей до 20-х гг. XX в. связаны, на наш взгляд, с увеличением значений коэффициентов смертности, в первую очередь из-за экзогенных причин: голода, эпидемий и т.п. В дальнейшем темпы роста всего населения страны снижались лишь однажды — после раздела единой Британской Индии в 1947 г. и миграции значительных масс населения (прежде всего из сельской местности) через индо-пакистанскую границу. Резкое падение темпов роста городского населения страны за период с 1951 по 1961 гг. вызвано, в первую очередь, «административными» причинами, поскольку с введением однозначного понятия «город» многие прежние поселения, относящиеся в предыдущих переписях к городам, теперь выпали из этой категории.

Таким образом, хотя для Индии с последней четверти XIX в. характерен неуклонный рост абсолютной численности как населения страны в целом, так и населения городов в частности, все же с 80-х гг. XX в. темпы роста этих показателей имеют тенденцию к замедлению. Однако, традиционно более подходящей для анализа уровня урбанизированности того или иного региона считается не оценка абсолютного

числа городских жителей, а отношение численности городского населения к численности всего населения. В соответствии с этим, за 130 лет, прошедших с момента проведения переписи населения Индии в 1881 г., характер распределения населения по поселениям разного типа изменился, однако, весьма не значительно: если в 1881 г. в городах страны проживал каждый десятый ее житель, то в 2011 г. (год проведения последней переписи) — только почти каждый третий (см. Рис. 2).

Данный прогресс при детальном рассмотрении является более чем скромным: так, например, Нигерии для «прохождения» того же пути понадобилось около 35 лет (с 1950 по 1985 гг.), Китаю и Индонезии — 45 лет (с 1950 по 1995 гг.), около 50 лет — Мадагаскару (с 1960 по 2010 гг.), в то время как Индии — повторимся еще раз — 130 лет [16]! При этом Индия уступает по уровню урбанизированности некоторым «соседям» по субрегиону, занимая в Южной Азии лишь 4 место по этому показателю после Мальдивских островов, Пакистана и Бутана. Более того, Индия существенно проигрывает в этом отношении и своим партнерам по БРИКС: так, в 2015 г. большинство населения каждой из стран этой группы будет проживать в городах, в то время как Индия достигнет подобных показателей лишь к середине XXI в. [16].

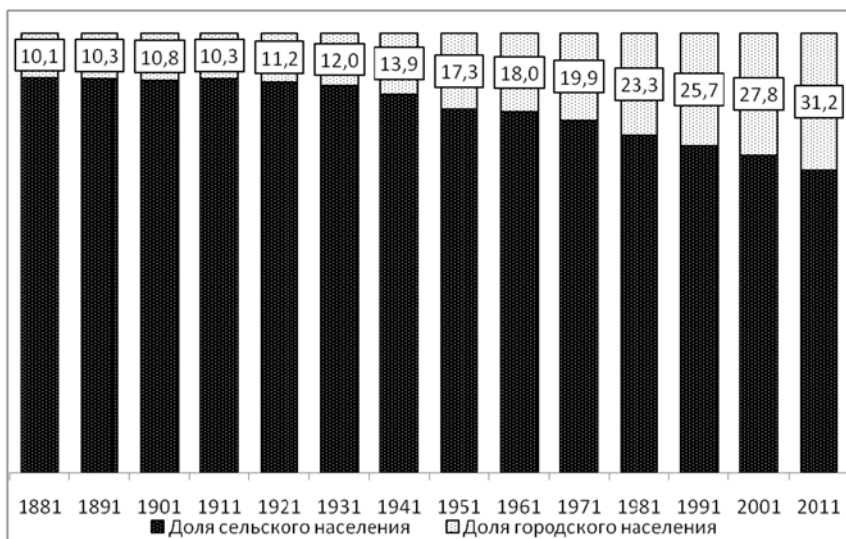

Рис. 2. Доли городского и сельского населения в общей численности населения Индии

(рассчитано и составлено автором по материалам [6, 10, 11].

Столь низкая относительная численность городского населения в Индии и еще более низкая «подвижность» данного показателя в большую сторону объясняется следующими причинами.

Первую из них можно условно назвать «статистической», поскольку сравнение показателей относительной численности городского населения стран мира не является совсем корректным, т.к. фактически отсутствует общепринятое определение города¹. В Индии каких-либо критериев, которым должен удовлетворять город, долгое время вообще не существовало. Так, например, при проведении переписи в 1951 г. в одном из штатов городом считался населенный пункт со следующими «городскими» особенностями: «расположение зданий, характер их постройки и наличие городских удобств — таких, как базар, возможности получения образования, медицинская помощь». Современные условия (нужно заметить, весьма строгие, существенно отличающие Индию в этом отношении от других стран), соблюдение которых «гарантирует» населенному пункту в Индии статус города, были сформулированы лишь перед переписью 1961 г. и заключаются в следующем: а) численность населения — более 5 тыс. чел; б) средняя плотность населения — не менее 1000 человек на 1 кв.милю (390 человек на 1 км²); в) не менее 75% взрослого мужского населения занято вне сельского хозяйства. Подобные населенные пункты названы в материалах переписи населения 2011 г. «цензовыми городами» («census towns»). Наряду с этим Комиссией по проведению переписей Индии был выделен также второй тип городов — так называемые «установленные города» («statutory towns»), имеющие свой муниципалитет и получившие статус города в соответствии с законом своего штата (или другой административно-территориальной единицы того же ранга).

Вторая причина, назовем ее «социально-экономической», состоит в том, что темпы прироста городского населения Индии отнюдь не столь велики по сравнению с другими развивающимися странами, чтобы обеспечить быстрый рост населения городов (см. рис. 3). Так, за десятилетие, прошедшее между двумя последними переписями населения Индии с 2000 по 2010 гг., значение среднегодовых темпов прироста городского населения составило 2,4%, в то время как в Ки-

¹ Данная ситуация осложняется еще и тем фактом, что не так давно ООН отказалась от «унифицированного» показателя, использующегося еще четверть века назад и определяющего принадлежность населенного пункта к категории городов — численности его населения не менее 20 тыс. человек. В настоящее время учет людности городов производится на основе принятых в каждой отдельно взятой стране национальных критериев.

тае — 3,4%. При этом соответствующие показатели достаточно близки к значениям для Бразилии и, особенно, ЮАР, хотя, как это было указано выше, уровень урбанизированности Индии гораздо ниже, чем любой другой страны этой группы. Таким образом, *несмотря на стремительный рост численности населения страны, городское население Индии растет достаточно низкими темпами*; причина этого, на наш взгляд, кроется в индийских особенностях соотношения компонентов роста населения городов страны.

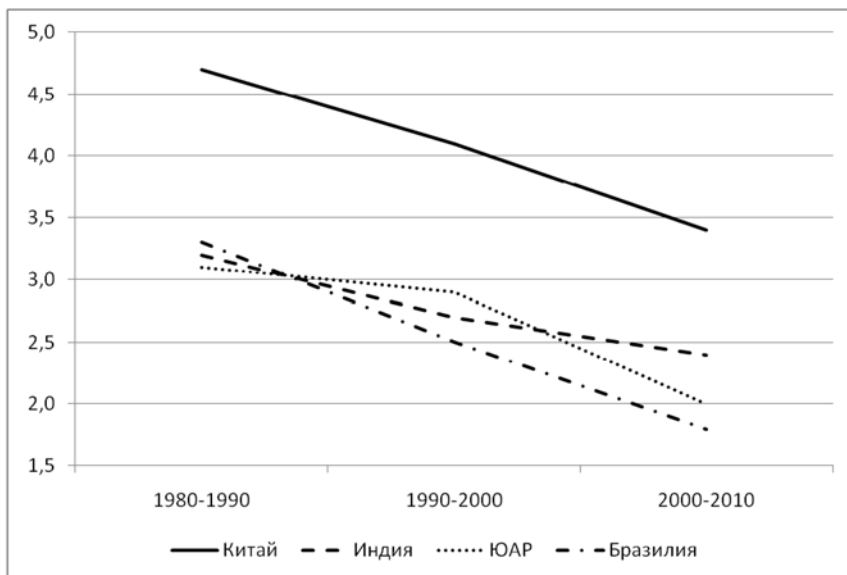

Рис. 3. Среднегодовые темпы прироста городского населения партнеров России по БРИКС, %
(рассчитано и составлено автором по материалам [16]).

Однако, как средняя плотность населения любой страны не дает ясной картины о характере распределения населения по ее территории, так и отношение численности городского населения к численности всего населения в достаточной мере не характеризует внутреннюю закономерности размещения населения городов и сёл. Для понимания общих тенденций лишь анализ внутрорегиональных различий по 29 административно-территориальным единицам Индии начала XXI в. — 28 штатам и 1 национальной столичной территории Дели (союзные территории не учитывались ввиду низкой доли в населении

страны) — способен дать довольно полную характеристику расселения.

Первую группу административно-территориальных единиц, наиболее разнородную и многочисленную, составляют 17 штатов, где уровень урбанизированности остается ниже, чем в среднем по стране (в 2001 г. таковых насчитывалось 19). Концентрируя 51% всего населения и лишь 34% городского населения страны (в основном за счет именно огромной абсолютной численности), эти территории являются серьезным «тормозом» в распространении городского образа жизни и городской культуры в Индии. Прежде всего, это штаты хиндиязычного пояса: Уттар-Прадеш, Раджастан, Мадхья-Прадеш, Чхаттисгарх², Бихар, Джаркханд³, Уттаракханд⁴, Химачал-Прадеш. Вышеперечисленные штаты образуют консервативный, отсталый с экономической точки зрения район, населенный преимущественно исповедующими индуизм жителями сел с низким уровнем жизни и грамотности, а также высоким естественным приростом. Качественно большая часть населения городов этих штатов мало отличается от сельского населения как по структуре воспроизводства, так и по традициям ведения хозяйства. Наиболее проблемным в этой группе является штат Бихар (некогда — один из центров развития городской культуры в Индии), современные города которого представляют собой лишь небольшие островки в деревенском «океане». При этом в Бихаре уровень урбанизированности поддерживается на очень низком уровне «благодаря» крайне невысоким уровням грамотности и жизни населения в целом [3]. Схожая ситуация имеет место и в соседнем штате Уттар-Прадеш — самой населенной административно-территориальной единице Индии и мира, обгоняющей по этому показателю Бразилию [15]. Однако, вследствие того, что западная часть Уттар-Прадеша является продолжением (или, точнее сказать, окончанием) весьма развитой в экономическом отношении Пенджабо-Харьянской зоны, уровень урбанизированности по штату в целом несколько выше, чем в Бихаре. К этой группе штатов примыкают также экономически слаборазвитые Одиша⁵, Сикким, а также штаты северо-востока страны (за исключением Мизорама). В населении этих штатов высока доля зарегистрированных племен и каст, что снижает уровень экономического развития этих территорий. Кроме того, для

² Чхаттисгарх — штат был выделен в 2000 г. из штата Мадхья-Прадеш.

³ Штат Джаркханд был выделен из штата Бихар в 2000 г.

⁴ Штат Уттаракханд переименован в 2006 г. из шт. Уттаранчал, который в 2000 г. был выделен из штата Уттар-Прадеш.

⁵ В 2011 г. штат Орисса переименован в «Одиша».

штатов восточной и северо-восточной Индии особенно остро стоит проблема регулирования многотысячных потоков беженцев-крестьян из Бангладеша, оседающих, в основном, в сельских районах [7]. Серьезным тормозом экономического и демографического развития городов северо-востока, а также штата Джамму и Кашмир, является сепаратизм, периодически принимающий форму открытого противостояния сепаратистов с правительственными войсками [1].

Вторую группу составляют штаты, уровень урбанизированности которых выше, чем в целом Индии (31,2%), однако ниже, чем в Азии (41,8%): Карнатака, Западная Бенгалия, Андхра-Прадеш, Харьяна и Пенджаб. Для первых двух штатов данной группы характерно преобладание количества дистриктов (административно-территориальных единиц, составляющих штаты) с высоким уровнем жизни над числом традиционно сельских районов. Еще десять лет назад уровень урбанизированности Андхра-Прадеша не превышал среднеиндийский. Своеобразным «тормозом» городского развития являлись наименее развитые в экономическом отношении южные, а также, пусть и с некоторыми допущениями, западные районы штата, ныне интенсивно развивающиеся. Пенджаб и Харьяна — традиционно негородские штаты с высоким уровнем жизни и интенсивным высокотоварным сельским хозяйством. Развитие городского промышленного производства здесь тормозится конкуренцией со стороны сельского хозяйства, оттягивающего значительную часть инвестиций. Однако для Пенджаба и Харьяны в дальнейшем характерным будет являться интенсивный рост уровня урбанизированности, связанный с бурным ростом экономического потенциала этих штатов.

К третьей группе с уровнем урбанизированности выше, чем в среднем по Азии относятся наиболее экономически развитые штаты Махараштра, Гуджарат, Керала, Тамилнад; а также 3 административно-территориальные единицы, для которых этот показатель превышает даже среднемировой (50,5% в 2010 г.): национальная столичная территория Дели, 97,5% жителей которой относятся к категории городских; основная туристическая «Мекка» Индии — штат Гоа; а также «белая ворона» северо-востока страны — штат Мизорам, где с 1981 местное правительство проводило политику укрупнения деревень [12]. Здесь необходимо отметить серьезный прорыв на пути урбанистического развития штата Керала: еще недавно его «тянула назад» менее развитая северная периферия, населенная, в основном, мусульманами — потомками низкастовых индусов, добровольно принимавших здесь ислам. В настоящее же время по показателю доли

городских жителей он лишь немного уступает своеобразному лидеру Юга Индии — Тамилнаду.

Также стоит отметить, что для большинства штатов второй и третьей групп характерен не только значительный уровень урбанизированности, но и интенсивный рост данного показателя — быстрее, чем в среднем по стране. Следствием этого, на наш взгляд, будет являться развитие разного рода надгородских структур, отличающихся относительно высокой долей городского населения и формирующихся на основе групповых систем населенных мест. Тем не менее, подобный сценарий наиболее вероятен лишь в том случае, когда интенсивный рост городского населения будет осуществляться за счет крупнейших по людности городов. Именно последние в условиях развивающейся экономики являются теми центральными местами, которые могут производить полноценное обслуживание своего дополняющего района.

Существует несколько схем деления городов на классы в зависимости от их людности, однако в данной работе мы будем использовать критерий, принятый в Индии перед переписью населения 1961 г. В соответствии с ним все городские поселения подразделяются на 6 классов: 1 класс — имеет население свыше 100 тыс. человек; 2 класс — 50–100 тыс.; 3 класс — 20–50 тыс.; 4 класс — 10–20 тыс.; 5 класс — 5–10 тыс.; 6 класс — менее 5 тыс. человек. Для удобства города упомянутых выше классов объединяются в 3 группы: к главным (большим) городам относят города 1 класса, к средним — 2–3 классов, к малым — 4–6 классов [8].

В зависимости от распределения населения по городам той или иной группы урбанистическая структура Индии принимает ту или иную пространственную конфигурацию. В этой связи целесообразно, на наш взгляд, проанализировать темпы прироста городского населения Индии в соответствии с распределением всей совокупности городских поселений по трем указанным группам, выделяя отдельно также сельскую местность. Очевидно, что на протяжении всей истории существования независимой Индии наибольшими темпами росли (и продолжают расти в XXI в.) главные города. В это же время вызывают крайнюю озабоченность характерные для малых городов темпы прироста населения — даже меньше, чем в сельской местности. Объясняется это, в первую очередь, свойствами миграционных потоков направлением «село — город»: малые города не только не привлекают потенциальных мигрантов, но и теряют население вследствие механической убыли собственных жителей. Удерживает же эту группу от попадания в категорию населенных пунктов с отрицатель-

ными темпами прироста населения лишь высокий уровень рождаемости, перекрывающий и обширную эмиграцию, и смертность. Таким образом, именно города людностью более 100 тыс. жителей продолжают играть главную роль в формировании городского населения страны.

Более того, основную роль здесь играют именно города-миллионеры. Среди чуть менее 8 тысяч городских поселений, существующих в стране, в 2011 г. таковых насчитывалось 46 [6]. В них проживает чуть более 30% всего городского населения Индии, что противоречит направлению государственной политики на обеспечение симметричного роста городов всех классов людности. Крупнейшие города страны — Мумбаи и Дели — по числу жителей принадлежат к числу крупнейших городов Земли, занимая 2 и 5 места соответственно [14]. Необходимо отметить тот факт, что, начиная с 60-х гг. XX в., когда впервые было введено точное определение города, наблюдается неуклонный рост доли населения главных городов и снижение доли населения в средних и особенно малых городах (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Доля групп городов в общей численности
городского населения Индии, %**

Годы	Главные	Средние	Малые
1961	51,42	28,17	20,41
1971	57,24	26,93	15,83
1981	60,37	25,96	13,62
1991	65,20	24,14	10,66
2001	68,67	21,90	9,43
2011	70,25	нет данных	нет данных

Рассчитано и составлено автором по [6, 9].

В связи с этим очевиден неутешительный вывод: равномерное и планомерное развитие городов различной людности при современной политике в области городского развития достигнуто быть не может. Население в ближайшие десятилетия будет концентрироваться именно в крупных городах (в особенности в городах-миллионерах); мигранты из сельской местности будут устанавливать контакты с этим классом городов, минуя средние и особенно малые города.

Развитие городов, относящихся к двум последним категориям, будет замедленным или не будет наблюдаться совсем.

Литература

1. *Горохов С.А.* География религиозно-общинных конфликтов в Индии: Автореф. дис... канд. геогр. наук. — М., 1999. 16 с.
2. *Горохов С.А., Дмитриев Р.В.* Население Индии растет рекордными темпами // *Азия и Африка сегодня*. 2011. №8. С. 11–15.
3. *Индия сегодня*. — М.: Институт Востоковедения РАН, Ариаварта-Пресс, 2005. — 592 с.
4. *Клупт М.* Демография регионов Земли. — СПб.: Питер, 2008. — 347 с.
5. *Петров В.В.* Население Индии. Демографический очерк. — М.: Наука, 1965. — 244 с.
6. *Census of India 2011*. URL: <http://www.censusindia.gov.in/> (дата обращения: 18.10.2011).
7. *Datta P.* Push-Pull Factors of Undocumented Migration from Bangladesh to West Bengal: a Perception Study // *Qualitative Report*. 2004. Vol. 9. №2. P. 352–358.
8. *Dhar Chakrabarti P.G.* Urban Crisis in India: new initiatives for sustainable cities // *Development and Cities*. Oxford, 2002. P. 160–176.
9. *Gupta K.* India's Decelerating Urbanization and Its Consequences for Country's Socio-Economic Development. Boston, Massachusetts, 2004. 40 p.
10. *Joshi A.P., Srinivas M.D., Bajaj J.K.* Religious Demography of India. Chennai: Centre for Policy Studies Chennai, 2003. 358 p.
11. *Kayastha S.L.* Geography of Population. Selected Essays. Jaipur: Rawat Publications, 1998. 392 p.
12. *Lalthansangi R.A.* Situational analysis of women and girls in Mizoram. New Delhi: National Commission for women, 2005. 75 p.
13. *Pattnayak S.R.* India as an emerging power // *India quarterly*. 2007. Vol. 63. №1. P. 79–110.
14. *World Gazetteer*. URL: <http://www.world-gazetteer.com/> (дата обращения: 21.04.2011).
15. *World Population Prospects: The 2010 Revision*. URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm (дата обращения: 18.07.2011).
16. *World Urbanization Prospects: The 2009 Revision*. URL: <http://esa.un.org/wup2009/unup/index.asp?panel=1> (дата обращения: 20.07.2011)

Сотова Л.В.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕСНОГО И РЕКРЕАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Лес на протяжении многих веков играет большую роль в жизни человека. И сейчас, в XXI в., роль леса в экономической и духовной жизни нашего общества остается значительной.

Общая площадь лесов республики около 750 тыс. га, что составляет примерно 27% всех земель Мордовии, а это позволяет ее относить к малолесным территориям. Леса Мордовии выполняют защитные, водоохранные, санитарно-гигиенические, и оздоровительные функции, играют важную роль в сохранении и улучшении экологического состояния окружающей среды. Они дают различную продукцию, такую как древесина, живица, лекарственное сырье, грибы, ягоды и т.д. Также лес является местом обитания животного мира и местом отдыха для людей.

В настоящее время леса республики распределены весьма неравномерно. Они отдельными массивами приурочены к бассейнам рек. Наиболее крупный лесной массив — западный, находится в междуречье Парцы и Вада. Далее идут примокшанский, присурский и приалатырский лесные массивы. В отдельных районах Мордовии лесистость составляет свыше 50% (Зубово-Полянский, Теньгушевский). В центральной части республики в таких районах как Ромодановский, Атяшевский, Лямбирский, она едва достигает 8–12%.

Леса республики, а также в их числе леса ФГБУ «Мордовский государственный природный заповедник имени П.Г. Смидовича — 32,1 тыс. га и леса ФГБУ «Национальный парк «Смольный» — 36,4 тыс. га, находятся преимущественно в ведении министерства природных ресурсов Российской Федерации. Они отнесены к лесам 1 и 2 групп. Леса 1-й группы выполняют в основном санитарно-гигиенические и рекреационные цели. Их доля около 38%. Леса 2-й группы составляют соответственно 62%, но 28% из них исключены из расчета пользования.

Основные лесообразующие породы Республики Мордовия — сосна, дуб, береза, осина, липа и др. В составе лесов доминируют мягколиственные породы, на долю которых приходится 52,6% пло-

щади земель, покрытых лесом. Однако среди лесообразующих пород первое место занимает береза (32,1%), второе — сосна (29,5%), — Значительный удельный вес приходится на дубравы — дуб низкоствольный (9,9%) и высокоствольный (3,3%). Осина в общей площади земель занимает 12,6%.

Лесопользование является как бы конечным циклом лесохозяйственного производства. Существует главное пользование, когда вырубается лес, достигший возраста спелости. При расчете размеров главного пользования лесом учитывается распределение насаждений по классам возраста, их состояния, а также экономические условия. Данные учета лесного фонда отражает таблица (1).

Таблица 1.

Использование расчетной лесосеки

Общий запас древесины, млн кубм				
	2002 г.	2004 г.	2008 г.	2011 г.
Всего:	112,8	111,9	96,0	101,5
в том числе:				
по хвойному хозяйству	41,7	41,6	33,0	38,2
по твердолиственному хозяйству	13,7	13,7	13,0	13,7
по мягколиственному хозяйству	57,5	56,6	50,0	58,4
Расчетная лесосека, тыс.кубм				
Всего:	726,6	766,0	766,0	1089,4
в том числе:				
по хвойному хозяйству	77,8	79,4	79,0	111,1
по твердолиственному хозяйству	нет.св.	76,5	78,0	88,3
по мягколиственному хозяйству	нет.св.	610,1	608,0	890,0
Фактические рубки, %	25,3	26,7	23,3	28,3

Такое низкое освоение расчетной лесосеки вызвано сокращением потребительского спроса на низкокачественную древесину, использовавшуюся в основном для отопления. В настоящее время 90 % населенных пунктов Мордовии газифицированы, в республике отсутствуют хозяйства по переработке низкотоварных мягколиственных пород, отведение делянок с низким товарным качеством древесины осуществляется в труднодоступных участках лесного фонда.

Таблица 2.

Лесхозы и лесничества РМ

Лесхоз	Лесничество	Площадь, га
Ардатовский	Большеигнатовское, Заводское, Ново-Баевское, Придорожное	53925
Березниковский	Дубенское, Николаевское, Симкинское, Старонаймское, Сабаевское	54255
Виндрейский	Быстрищенское, Парцинское, Липлейское, Виндрейское, Атюрьевское	69608
Вышинский	Известковское, Вышинское, Удевское, Ширингушское	45152
Зубовский	Анаевское, Студенецкое, Тепло-Станское, Пружанское, Свеженское, Комсомольское, Зубовское, Уголковское	102219
Ковылкинский	Рыбкинское, Пушкинское, Первомайское, Ковылкинское, Инсарское, Желябовское	74516
Красно-слободский	Пурдошанское, Ельниковское, Краснослободское, Октябрьское, Горьковское, Старорябкинское, Новоямское	81241
Саранский	Ромодановское, Пригородное, Старо-Шайговское, Шишкеевское, Кочкуровское	67068
Темниковский	Харинское, Кочемировское, Барашевское, Старо-Ужовское, Шалнинское, Стрельниковское, Теньгушевское, Темниковское	100442
Чамзинский	Наченальское, Атяшевское, Чамзинское	51565

В основном лесозаготовки производят в государственных лесах и осуществляют их пять лесохозяйственных предприятий Зубово-Полянский, Ковылкинский, Краснослободский, Ельниковский, Старошайговский комбинаты и четыре мехлесхоза, которые и занимаются валкой леса,

производством пиломатериалов, деревянной тары, сбором живицы, вывозкой древесины, устройством питомников. Это, расположенные непосредственно у источников сырья, которые развиваются с учетом внутриреспубликанских потребностей в лесоматериалах и изделиях в них.

Многообразен перечень продукции, выпускаемой предприятиями и организациями отраслей. Это древесина деловая, лесоматериалы круглые, дрова для изготовления древесных плит, пиломатериалы, плиты древесностружечные и древесноволокнистые, фанера, мебель, паркет, транспортная тара и др.

Выделяются наиболее крупные пункты деревообработки — Саранск, Умет, Явас, Ельники, Ичалки и некоторые другие. По количеству потребляемого сырья выделяется лесопильное производство. Основной продукт лесопиления — это различные по размеру и качеству пиломатериалы. Лесопильное производство имеется практически на всех предприятиях отрасли.

Продукция деревообработки остается в основном в Мордовии и распределяется между отраслями народного хозяйства. В строительстве используются пиломатериалы, паркет, оконные рамы, двери, полы, встроенные шкафы и т. д. Современные технологии расширили возможности использования древесины в строительстве.

В заготовительной отрасли остается много нерешенных проблем: на всех стадиях заготовки и переработки леса значительны потери; мало применяется природосберегающая технология; не всегда отвечает современным требованиям технический уровень лесозаготовительной техники как по надежности проходимости, так и по экологическим показателям.

Для того чтобы обеспечить улучшение использования лесосырьевых ресурсов, прежде всего, необходимо создавать предприятия по воспроизводству лесов, осуществлять комплексную переработку древесного сырья, повышать качество выпускаемой продукции. Для этого необходимо внедрение новых машин и новых мало- и безотходных, экологически чистых, ресурсосберегающих и других технологий. А для того чтобы вырастить высокопродуктивные лесные насаждения ценных древесных пород и улучшить санитарное состояние, необходимо проводить выборочные рубки.[2]

В 2011 г. в лесах Мордовии выборочные рубки были проведены на площади более 5 тыс. га; на площади более 2 тыс. га был выполнен уход за молодняками, на площади более 1 тыс. га было проведено лесовосстановление. Для выращивания посадочного материала в республике имеется более 30 лесных питомников.

Для обеспечения безопасности лесов осуществляется противопожарная их защита. В 2011 г. общая площадь лесов, ослабленных и погибших составила более 9 тыс. га. Основными причинами лесных пожаров являются — поджог сухой травы 39% (сельскохозяйственные подпалы) и это антропогенный фактор 54% (от окурка). Наиболее частые пожары наблюдались в лесах Темниковского, Вышинского, Zubovo-Полянского и Виндрейского лесхозов.[1]

Гибели лесов способствуют и неблагоприятные природно-климатические факторы, неблагоприятные погодные условия (ураганные ветры), а также насекомые, дикие и домашние животные.

Слабое освоение расчетной лесосеки приводит к накоплению спелых и перестойных насаждений, а это ведет к увеличению захламленности лесов, что в свою очередь способствует условиям для возникновения и развития очагов вредителей и болезней леса.

Для поддержания стабильной обстановки на территории лесного фонда республики проводятся лесозащитные меры, выборочные и сплошные санитарные рубки.

Сельская местность Республики Мордовия обладает достаточно высоким рекреационным потенциалом и, следовательно, выполняет рекреационную функцию, которая существенно возрастает вследствие роста городского населения и потребности в отдыхе горожан. Рекреационное использование сельской местности складывается как вблизи городов для отдыха горожан с более благоприятными природными условиями (дачные участки), так и в домах отдыха, санаториях, пансионатах и других учреждениях.

Умеренно-теплое лето чередуется с жарким сухим, а мягкая, умеренно-холодная зима сопровождается устойчивым снежным покровом. По температурному режиму, скорости ветра, по количеству и продолжительности осадков Мордовию можно отнести к территориям с комфортными погодными условиями для отдыха.

Ведущими факторами, определяющими привлекательность территорий для отдыха, выступают красивые лесные пейзажи, наличие крупных рек и озер, высокая рекреационная освоенность, транспортная доступность, достаточно развитая инфраструктура. Самыми распространенными формами рекреации являются сбор грибов, ягод, лекарственных растений, рыбная ловля и охота,

Например, биологические запасы брусники составляют 2439,1 т, земляники — 264,2 т, калины — 169,8 т, лещины — 2441,5 т, черники — 177,7 т, малины — 5903,4 т. Общий промысловый урожай основных съедобных лесных ягод составляет — около 12 398 т. В лесах республики произрастает около 100 видов съедобных грибов, их биологиче-

ский урожай — 8584 т ежегодно, промысловый около 4292 т. Запасы промысловых охотничьих видов (лоси, кабаны, зайцы, волки, белки, лисицы, куницы, олени, тетерева, гуси, глухари, утки и другие виды) в Мордовии невелики. В год можно заготовить 60–80 т мяса, 200–300 м² шкур, около 2 т пера. Потенциал не древесных ресурсов леса обосновывает благоприятность для круглогодичного и кратковременного отдыха. Эта форма рекреации наиболее распространена в сосняках, черничниках, и брусничниках.

К факторам, сдерживающим развитие рекреации на лесной территории можно отнести непродолжительный летний сезон года, отсутствие оборудованных стоянок, кровососущие насекомые.

Рекреационная система весьма требовательна к состоянию окружающей среды, поскольку это основной компонент рекреационных ресурсов. Наряду со своеобразной, неповторимой природой большой интерес для рекреации представляют памятники истории, культуры и архитектуры. В качестве рекреационных ресурсов целесообразно рассматривать и этнографические особенности населения, обладающего самобытной духовной культурой населяющих ее народов.

Основными рекреационными объектами в Мордовии на 2012 г. являются: 5 специализированных санаторно-лечебных однопрофильных и многопрофильных учреждений, 4 дома отдыха и 25 детских оздоровительных лагеря, такие как «Сосновый бор» (вместимость 200 чел.), «Звездный» (240), «Рыжик» (125), «Алые паруса» (160), «Орленок» (120), лечебно-оздоровительный центр «Им. Ю. Гагарина» (150) и другие. Санаторно-оздоровительные комплексы по функциональному назначению служат как для санаторно-курортного лечения, так и для оздоровительного обслуживания. Такие совмещенные комплексы включают в себя группы взаимосвязанных лечебно-оздоровительных и туристских учреждений.

Объектами рекреации выступают также имеющиеся в Мордовии особо охраняемые природные территории, их в республике насчитывается более 100. Среди них особо выделяется Мордовский государственный заповедник им. П.Г. Смидовича, расположенный в северо-западной части Темниковского района. Это один из старейших заповедников Европейской территории России, относящийся к сосновым лесам Окско-Клязьминского полесья и простирающийся большим лесным массивом из Нижегородской области, общей площадью 140 тыс. га. Однако его рекреационный потенциал ограничен ввиду особого статуса и используется довольно слабо в отличие от национального парка «Смольный», который был организован в 1995 г. Он находится в левобережье р. Алатырь Ичалковского района и привле-

кает к себе чистым воздухом сосновых боров, обилием грибов, ягод, рыбы и дичи. На его территории организовываются охотничье-рыболовные комплексы по функциональному назначению, которые служат для организации спортивной охоты и рыбной ловли, а их основные учреждения — это приюты рыбаков и «зимовки» охотников, лодочные станции — предназначаются для различных видов туризма и отдыха, охоты и рыбалки, т. е. здесь культивируется вид рекреационной деятельности, соответствующей наименованию.

При всей важности социально-экономических составляющих ресурсов для формирования и развития рекреационного комплекса главное место занимают благоприятные природные условия. Именно они являются одной из основных материальных предпосылок рекреации. Наличие этих условий приводит к появлению рекреационных комплексов в районах республики.

Примокшанская и Присивиньская рекреационные зоны расположены соответственно в долинах рек Мокши и Сивини, которые протекают по Краснослободскому, Старошайговскому, Ковылкинскому, Ельниковскому и Темниковскому районам. Ландшафт здесь из-за слабой измененности природных комплексов разнообразен. Наличие большого количества интересных памятников природы и истории увеличивает и без того его высокий рекреационный потенциал и по привлекательности уступает только Присурью. Наибольшее количество оздоровительных лагерей расположено в Присивинье. В 2012 г. здесь отдыхало до 1000 детей.

Рекреационное освоение этой территории во многом зависит от решений экологических проблем Мокши, организации и благоустройства существующих пляжей.

Привадье одно из перспективных направлений для рекреационного освоения РМ. Благоприятными предпосылками являются слабая техногенная загрязненность наземных и водных экосистем. Слабая современная рекреационная освоенность региона определяется размещением специализированных учреждений Дубравлага. Большая часть оздоровительных лагерей для детского отдыха размещена в районе п. Ширингуши. В Зубовском лесхозе функционирует санаторий «Ясная поляна». Известными памятниками деревянного зодчества в Зубово-Полянском районе является церковь Животворящего источника Божьей Матери в с. Журавкино и Христорождественская в с. Покассы.

В Приалатырье сформированы два рекреационно-территориальных комплекса Смольнинский и Ардатовский. С созданием Национального парка «Смольный» роль Алатырской рекреационной зоны

значительно возросла. Национальный парк имеет высокий рекреационный потенциал. Вдоль южной границы парка протекает р. Алатырь, левый приток р. Суры. К рекреационным ресурсам Приалатырья относится лечебный торф, который используется для грязелечебницы Саранска и санатория «Алатырь».

Присурье имеет наивысший показатель как место отдыха, т. к. обладает внушительной пейзажной выразительностью из-за сложного пересеченного рельефа, резкой асимметрией речных долин, водоразделов и сочетанием хвойно-широколиственных лесов с водными объектами. В Присурье учреждения детского отдыха локализуются в Симкинском, Сабаевском, Янгальчевском рекреационно-территориальном комплексах, приуроченных к долине р. Суры. В рекреационной зоне функционируют: детские оздоровительные лагеря, учебно-оздоровительные центры и т.п. Длительный отдых взрослых и взрослых с детьми организован в Симкинском, Сабаевском рекреационно-территориальном комплексе и на оз. Инерка и Татарка.

Лимитирующим фактором развития рекреационного комплекса на 84% территории Мордовии (48 тыс. га) является высокая рекреационная нагрузка в популярных местах отдыха при низкой устойчивости природных комплексов, которые относят в разряд неустойчивых и слабоустойчивых к рекреационному воздействию. На долю устойчивых лесных территорий приходится лишь 16% земель лесного фонда. Именно они активно используются в рекреационных целях.

Таким образом, рекреационная освоенность значительно изменяется по территории Мордовии. Наиболее отчетливо это проявляется в размещении основных учреждений отдыха: детских оздоровительных лагерей, баз и домов отдыха, санаториев. Перспективно развитие рекреационного хозяйства, в Примокшанье (строительство санаториев, домов отдыха, и в Приалатырье — строительство турбаз, прокладка экологических троп).

Литература

1. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Республике Мордовия в 2011 году. / М-во лесного, охотничьего хозяйства и природопользования Респ. Мордовия; [редкол.: В.Т. Шумкин, В.М. Максимкин, А.Н. Макейчев и др.]. — Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2012. — 148 с.
2. Запруднов В.И. Концептуальные основы экономического развития лесного комплекса России. / В.И. Запруднов.// Вестник Мос. гос. ун-та леса. Лесной вестник. 2011. №02. — С. 46–56.

3. Рекреационные системы. Под ред. Н.С. Мироненко, М. Бочварова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 136 с.
4. *Сотова Л.В.* Лесная промышленность Республики Мордовия / Сборник трудов молодых исследователей «Природно-социально-производственные системы регионов компактного проживания финно-угорских народов» — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011 г. — С. 273–277.
5. *Сотова Л.В.* Лесное хозяйство Республики Мордовия // Актуальные проблемы географии и геоэкологии [Электронный ресурс]. — 2011. Вып. 2 (10). Режим доступа: <http://geoeko.mrsu.ru/>

Утков П., Замятина Н.Ю.

ССЫЛКИ МЕЖДУ САЙТАМИ УНИВЕРСИТЕТОВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Новые условия и принципы мирового экономического развития (глобализация, постиндустриальные условия и т.п.) вызывают к жизни новую географию экономики. Потоки и пункты концентрации сырья и энергии как основные объекты изучения должны уступить часть своей «власти» новым реалиям. В один ряд с сырьем и энергией встают новые виды капитала — социальный, человеческий, символический. Транспортная инфраструктура как фактор территориального перераспределения экономических активов дополняется информационной инфраструктурой и институциональными механизмами, направляющими территориальные потоки явного и неявного знания.

Подобно очередному геологическому слою, новые реалии экономической географии формируют свои территориальные структуры, районы и магистрали, которые могут как наследовать более ранние структуры, так и (как выражаются геологи) «залегать с ними несогласно», формируясь под действием новых специфических факторов, в рамках специфических информационных и институциональных каналов и сетей. Задача изучения новых географических реалий требует разработки новых методик — а еще ранее нового списка объектов изучения экономической географии.

В западной экономической географии и региональной экономике одна из важнейших тем последнего десятилетия — это изучение перетоков знания (knowledge spillovers)¹. Одним из основных методов изучения перетоков знания стали их так называемые «бумажные следы» (paper trails) — патентные или научные ссылки, по географии которых можно проследить «траектории» распространения той или иной инновационной идеи. С быстрой информатизацией всех сфер жизни общества «следы» перетоков знания оказываются уже не столько на бумаге, сколько в электронном информационном пространстве². Соответственно, появляются новые методы исследования. Важнейший — исследование гиперссылок между сайтами вузов, позволяющий косвенно отследить информационные взаимосвязи между университетами — главными «производителями» знания, причем уже на этапе «производства».

В настоящей работе система гиперссылок между сайтами университетов рассматривается как своего рода виртуальный «инфраструктурный каркас» перетоков информации между регионами страны.

Методика работы. Для сбора данных о связях между сайтами российских вузов был использован подсчет числа ссылок между сайтами вузов с помощью коммерческих поисковых сервисов — методика, ранее применявшаяся для изучения связей между вузами Великобритании [4], ЕС [3] и др.

Для сбора данных был выбран сервис Яндекс.XML³ и форматы запроса вида «“*tsu.ru” site:msu.ru» для подсчета числа ссылок (в данном случае, с сайта МГУ на сайт ТГУ) и «site:msu.ru» для определения «размера» сайта. Размером сайта удобно называть число страниц, проиндексированных поисковой системой на сайте.

В России важными «производителями» и распространителями научного знания являются не только классические университеты, но и многие специализированные (особенно технические) вузы, названия которых стали своего рода «торговыми марками»: МФТИ, МИФИ и т.п. Для отбора ведущих центров производства знания были использованы рейтинги вузов России. После анализа ряда рейтингов российских вузов за основу был взят Национальный рейтинг российских вузов агентства «Интерфакс» за 2010 г.⁴. Выбранный рейтинг по

¹ См. обзор: [Maryann Feldman. 1999].

² В отличие от совместных работ и даже патентов ссылки между сайтами вузов связаны с перетоками не столько знания, сколько информации, поэтому далее говорим о перетоках информации.

³ <http://xml.yandex.ru>

⁴ <http://unirating.ru>

сравнению с другими (в т.ч. с рейтингом вузов Министерства образования) обладает следующими преимуществами:

- включает более 100 вузов РФ (в 2010 г. — 104);
- по каждому вузу представлена информационная карточка (число студентов, индексы цитирования, оценка бренда вуза и др. информация);
- доступна прозрачная методика составления рейтинга;
- рейтинг вуза включает коммерциализацию разработок.

В анализ были включены 40 вузов в 25 городах России⁵. Был собран размер сайтов всех вузов и число ссылок между каждой парой вузов, итого данные представляют собой матрицу 40×40, где на пересечении *i*-й строки и *j*-го столбца стоит число ссылок с сайта *i*-го вуза на сайт *j*-го вуза, но диагонали — размеры сайтов. Были вычтены ссылки со студенческих форумов, так как они наполняются по другому принципу, чем остальной сайт и, следовательно, вносят шумы.

В предшествовавших работах за связующее звено между двумя сайтами или страницами во Всемирной паутине принималась гиперссылка — элемент гипертекстового документа, позволяющий пользователю перейти к другому документу. В связи с изменением в поисковых системах в сегодняшних условиях подсчет гиперссылок возможен только с использованием кроулера (программы для сбора страниц Всемирной паутины), поэтому в нашем исследовании использовать не гиперссылки, а ссылки. Под ссылкой с сайта А на сайт Б понимается строка с адресом сайта Б (его URL) на одной из страниц сайта А — именно то, что находят поисковые системы. Хотя множества ссылок и гиперссылок и пересекаются, не все ссылки являются гиперссылками и не все гиперссылки являются ссылками. Использование ссылок вместо гиперссылок имеет свои преимущества, т.к. позволяет, например, учесть упоминания адресов электронной почты, относящихся к доменной зоне того или иного вуза.

Межвузовское информационное пространство: контуры территориальной структуры. Для проверки гипотезы о том, что си-

⁵ Изначально на основе рейтинга было выбрано 50 ведущих вузов страны в 29 городах. По всем 50 вузам было подсчитано среднее количество ссылок на сайт данного вуза на сайтах 15 ведущих вузов России (по порядку рейтинга: от МГУ до Саратовского университета). В результате вузы с равномерно (дисперсия менее 50) низким (менее 10) числом ссылок были исключены из исследования. Это классические университеты в Чебоксарах, Новгороде, Нальчике, Махачкале и Уфе, МПГУ, а также некоторые узкоспециализированные вузы, очевидно, слабо связанные с другими вузами выборки в силу узости специализации: московские строительный и медицинский университеты, зеленоградский МИЭТ.

стема ссылок может использоваться для изучения перетоков информации, был проведен выборочный содержательный анализ ссылок между сайтами вузов. В результате, установлено, что тематически ссылки между сайтами вузов группируются следующим образом:

- а) информация о конференциях и иных научных мероприятиях, связанных с обменом знаниями (адреса оргкомитетов и т.п.);
- б) ссылки на работы конкретных ученых или сборники, опубликованные на сайтах других вузов;
- в) ссылки на коммерческие проекты и приглашения к сотрудничеству;
- г) информация о различных формах межвузовского взаимодействия (кроме конференций): региональные советы ректоров, УМО и т.п.;
- д) ссылки на различные нормативы и документы общего значения (например, правила оформления работ), опубликованные на сайтах других вузов;
- е) материалы, связанные с поступлением в вузы и аспирантуру; обсуждение их на форумах;
- ж) ссылки на коммерческие проекты, не связанные с основным профилем вуза (например, магазины спортивного снаряжения);
- з) прочие ссылки.

При этом ссылки на конкретные материалы (тип б) можно квалифицировать как непосредственные каналы перетоков информации, тогда как ссылки типов «а», «в», «г», «ж» (и, с некоторыми поправками, «д») — как информационную инфраструктуру потенциальных перетоков.

В ходе дальнейших исследований установлена линейная зависимость между размером сайта вуза и общим числом ссылок с него на сайты других вузов, однако, общее число ссылок на сайт вуза не зависит от размера сайта. Иными словами, объем (размер) сайта влияют на исходящие ссылки, но не на входящие.

Полученные данные о количестве ссылок между сайтами вузов не позволяют говорить об обмене информацией (или обмен заведомо неравноценен). Скорее, имеет место иерархическая система перетоков информации от вузов-доноров к вузам-реципиентам.

Интересно рассмотреть аналоги баланса (разность ссылаемости на сайт вуза и ссылаемости с сайта данного вуза) или оборота (сумма ссылаемости на сайт вуза и ссылаемости с него на другие сайты) информации между парами вузов.

Наиболее высокие «обороты ссылок» имеют сайты вузов МГУ, НИУ ВШЭ и РГПУ в Москве, технический НИУ ИТМО в Санкт-Петербурге. Минимальные «обороты ссылок» у МЭИ, МИСиС и ОмГУ.

Для анализа ссылок могут быть применены и инструменты сетевого анализа. Для выделения ролей в сети вузов в сетевом анализе, в частности, применяется понятие структурной эквивалентности. Структурно эквивалентными называются два узла, обладающие идентичными связями с другими узлами сети [5: 366], иначе говоря, занимающие одинаковые позиции в системе и, следовательно, играющие одни и те же роли. В сети перетоков информации между российскими вузами (как и в большинстве сетей, встречающихся на практике) структурно эквивалентные узлы не встречаются, или встречаются очень редко, поэтому имеет смысл использовать меру структурной эквивалентности, а именно, евклидово расстояние [5: 367]. Поскольку для рассматриваемой сети, прежде всего, значимы ссылки на сайт конкретного вуза (а не ссылки с него), для всех пар вузов было подсчитано евклидово расстояние в следующем виде:

$$d_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^g (x_{ki} - x_{kj})^2}, \text{ где } i \neq k, j \neq k$$

Здесь g — число сайтов вузов (ширина матрицы, в нашем случае 40), x_{ij} — ссылаемость с сайта i -го вуза на сайт j -го.

На графике распределения евклидовых расстояний выделяются две ступени, на уровне 5000 и 7000 усл. ед. Очевидно, эти ступени разделяют группы вузов с качественно различным положением в системе.

Евклидово расстояние больше 7000 усл. ед. характерно для пар с МГУ и, что любопытно, пар УФУ—РГПУ, УФУ—НИУ ВШЭ, РГПУ—НИУ ВШЭ и РГПУ—ТГУ. Евклидово расстояние между 7000 и 5000 усл. ед. характерно для пар с НИУ ВШЭ, УФУ либо РГПУ. Обратим внимание, что эти же три вуза теснее всего связаны с разными группами вузов (евклидово расстояние между ними больше 7000 усл. ед.) иными словами, у них совершенно разные информационные «зоны влияния».

Таким образом, МГУ разительно отличается от всех других вузов России по характеру информационных взаимодействий — это ярко выраженный центр, центральный «хаб», к которому подсоединены остальные узлы сети.

Заметно отличаются по своему месту в сети от большинства вузов НИУ ВШЭ, УФУ и РГПУ, они играют роль менее значимых, вторичных хабов. Для оценки степени незаурядности роли того или иного

вуза в системе полезно подсчитать среднее евклидово расстояние между ним и другими вузами. Наиболее близки к «хабам» оказались ТГУ и БНИУ.

Возможен и еще один подход к изучению ссылок между вузами — аналогичный изучению территориальной структуры хозяйства в экономической географии. В частности, можно выделить две подструктуры информационных взаимосвязей: территориальную и отраслевую. Обе структуры (или пространства) имеют свой центр и свою периферию, свои отдельные взаимосвязанные компоненты.

Главный информационный донор в обеих подструктурах — МГУ. На его сайт ссылаются как классические госуниверситеты (ВГУ, СПбГУ), так и специализированные вузы (МФТИ, РГГУ) — см. табл. 1.

Таблица 1.

Главные адреса исходящих ссылок

Вуз, являющийся главным адресом для исходящих ссылок с сайтов вузов	Вузы, для которых сайт данного вуза является главным адресом исходящих ссылок сайт
МГУ	МФТИ, СПбГУ, РУДН, НГУ, ТГУ, МИФИ, ЮФУ, СФУ, НИУ ВШЭ, КФУ, ВГУ, БНИУ, УрГУ, ПГНИУ, ННГУ, РГГУ, ЯрГУ, ДВГУ, МЭИ, КубГУ, ПетрГУ, ТюмГУ, РГУ НиГ, РГПУ, МГУ им. Огарева
НИУ ВШЭ	МГТУ, ИрГУ,
СПбГУ	СПбГТУ
КФУ	КНИТУ
НИУ ИТМО	ТПУ, ЮУрГУ, СГАУ
ТПУ	НИУ ИТМО
УрГУ	УрФУ
ВГУ	СГУ
СГАУ	МАИ
МГТУ	МИСиС
ИрГУ	ИрНИТУ
ТГУ	ОмГУ

Другими значимыми донорами являются НИУ ВШЭ и БНИУ, оба вуза имеют заметный оборот с МГУ, но без столь выраженности однонаправленности связей, как в случае с МГУ (балансы не попадают в число 100 крупнейших). Хотя о полицентричности структуры говорить не приходится, по всей видимости, НИУ ВШЭ и БНИУ нашли «ниши», в которых их информационная значимость не намного слабее информационной значимости МГУ для вузовской системы страны в целом.

В рамках территориальной подструктуры выделяются «блоки» территориально близких вузов с сильными взаимосвязями: триады ТПУ—ТГУ—НГУ, ЮУрГУ—УрГУ—УФУ, СФУ—ИНИТУ—ИрГУ и ЮФУ—ВГУ—БНИУ, диада КНИТУ—КФУ.

В отраслевой подструктуре выделяется диада СГАУ—МАИ.

Присутствие таких компонент не является определяющим свойством структуры (немалая часть вузов ни к каким существенным территориальным цепочкам не принадлежит, например: КубГУ, ОмГУ, ННГУ и др.). Характерно, *территориальные «блоки» вузов не образуются в центральной части страны*. По всей видимости для центральной части страны Москва играет роль хаба, через который происходит взаимодействие (конференции, симпозиумы) с представителями провинциальных вузов, расположенных в радиусе удобной транспортной доступности, за пределами которого вузы начинается активное взаимодействие вузов с региональными центрами «вместо МГУ» (прежде всего, это УФУ; в качестве региональных информационных центров, или «хабов», вызревают ТГУ и БНИУ).

Для более полной и точной характеристики связей между вузами страны требуется привлечение других данных (например об участниках и местах проведения научных конференций или о соавторстве), желательно с разбивкой вузов на факультеты для вычленения влияния специализации.

Выводы

Перетоки информации между российскими вузами (насколько о них можно судить по связям между сайтами вузов), как правило, имеют *несимметричный характер*. Система отличается иерархичностью, с МГУ во главе. Отношения в рамках сети не вписываются в классическую схему ядро-периферия (такая схема предполагает наличие группы узлов ядра, тесно связанных между собой, и узлов периферии, связанных преимущественно с узлами ядра, но не друг с другом[1]. Однако в университетском пространстве России «ядра», в рамках которого шел бы эквивалентный обмен информацией, практически не наблюдается. Скорее следует говорить о наличии «хаба»

первого порядка, с которым связаны локальные центры — «хабы» второго порядка, играющие роль центра для отдельных территорий (СФУ, в будущем возможно БНИУ и ТГУ) и отдельных специализаций (НИУ ВШЭ и РГПУ). Таким образом, система ссылок между сайтами ведущих вузов страны представляет собой *каркас иерархической диффузии знания «сверху вниз»*. Подобная структура не способствует интенсификации производства нового знания, и инновационному развитию в целом.

Литература

1. *Borgatti, Stephen P. and Everett Martin G.* Models of corer/periphery structures // *Social Networks*. 2000. Т. 21. №4. С. 375–395.
2. *Feldman, Maryann.* The New economics of innovation, spillovers and agglomeration: a review of empirical studies // *Economics of Innovation and New Technology*. 1999, Vol. 5. Pp. 5–25.
3. *Maggioni, Mario A. and Uberti, Teodora E.* Knowledge networks across Europe: which distance matters? // *Annals of Region Science*, 2009, №43. Pp. 691–720.
4. *Thelwall, Mike.* A Research and Institutional Size Based Model for National University Web Site Interlinking // *Journal of Documentation*. 2002, №58(6). Pp 683–694.
5. *Wasserman, Stanley and Faust, Katherine.* *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge University Press, Cambridge: 1994.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Алексеев А.И., Ткаченко А.А.</i>	
О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ	5
Глава 1. ЦЕНТР — VERSUS—ПЕРИФЕРИЯ	13
<i>Лаженцев В.Н.</i>	
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОБЩИЙ ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА	13
<i>Пилясов А.Н., Хомич Ю.В.</i>	
ПЕРИФЕРИЙНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	22
<i>Родоман Б.Б.</i>	
РОССИЙСКАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: ВЗГЛЯД В РАЗНЫХ ПРИБЛИЖЕНИЯХ, НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ	41
<i>Ткаченко А.А., Фомкина А.А.</i>	
ГЛУБИНКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ОПЫТ ФОРМАЛИЗОВАННОГО ВЫДЕЛЕНИЯ	49
<i>Лейзерович Е.Е.</i>	
ГЛУБИНКА КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА	62
<i>Гриценко А.А., Крылов М.П.</i>	
ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ И УКРАИНЫ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ (методологические подходы)	72
<i>Дмитриева Т.Е.</i>	
МЕТОДОЛОГИЯ «ПРОСТРАНСТВО ДЕЙСТВИЯ» В ДЕПЕРИФЕРИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА	90
<i>Елманова Д.С.</i>	
«ФЕНОМЕН ГЛУБИНЫ» В РАЗВИТОЙ СТРАНЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (на примере Бельгии)	102
<i>Анисимова Т.И.</i>	
ШВЕЙЦАРЦЫ В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ	110

<i>Корытный Л. М., Веселова В. Н., Дашпилов Ц. Б.</i> НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕЛЬСКОЙ «ГЛУБИНЫ» ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	116
<i>Шупер В. А., Эм П. П.</i> РАСШИРЕНИЕ МОСКВЫ: АЛЬТЕРНАТИВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ	124
<i>Левинтов А. Е.</i> СИТКА И ФОРТ-РОСС — АВАНПОСТЫ РУССКОЙ ГЛУБИНЫ В АМЕРИКЕ	135
<i>Ломакина А. И.</i> ПРИМОРСКОСТЬ И ГЛУБИНОСТЬ ПРОВИНЦИЙ КАНАДЫ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ	145
<i>Мелентьев Б. В.</i> ЦЕЛЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО- ОСВОЕННЫХ И ОТДАЛЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ	156
<i>Горкина Т. И.</i> КОНЦЕПЦИЯ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ» ПО ОТНОШЕНИЮ К МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ	164
<i>Атаев З. А.</i> МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНЫ (Пензенская область)	177

Глава 2. ДИАГНОСТИКА ГЛУБИНЫ

<i>Тихий В. И.</i> ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ	188
<i>Ридевский Г. В.</i> РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И РАССЛОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА КАК ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РЕГИОНОПОЛИЗАЦИИ В БЕЛОРУССИИ	193
<i>Салькаева Д. Ф.</i> НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА (на примере регионов Приволжского федерального округа)	209

Замятина Н.Ю., Порутчик Е.С.

МОЖЕТ ЛИ КРЕАТИВНОСТЬ БЫТЬ ФАКТОРОМ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ РОССИИ? 220

Голубченко И.В.

ПОЛИМАСШТАБНАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ:
ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ 239

Самусенко Д.Н.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПРЯМОГО
ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РОССИИ 252

Семина И.А.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АНАЛИЗ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИВНОСТИ 261

Булинина Н.С.

ТРАНСПОРТНАЯ ПОДСИСТЕМА ГОРОДА
(на материалах Нижнего Новгорода) 281

Крылов П.М.

ТРАНСПОРТНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ (на примере Тайшетского
района Иркутской области) 285

Симакова Н.А., Колыганов Д.В.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ
ОСВОЕННОСТИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 296

Глава 3. РЕСУРСЫ: ПРИРОДНЫЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ 308

Логинова Н.Н., Федотов Ю.Д.

ФИННО-УГРЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ 308

Орлов А.Ю.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ 324

Герасименко Т.И.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ 327

<i>Трифопова З.А.</i> ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В СОХРАНЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА (на примере Чувашской республики)	335
<i>Жогова М.Л.</i> СУДЬБЫ СТАРИННЫХ УСАДЕБ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	340
<i>Приказчикова О.Ф.</i> ГЕОГРАФИЯ ТУРИЗМА И РЕКРЕАЦИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	350
<i>Гаева И.В., Комарова Т.М., Суховеева А.Б.</i> ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА (на примере Еврейской автономной области)	358
<i>Чистобаев А.И., Семенова З.А., Тараненко С.Н.</i> РАЗВИТИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДЕПРЕССИВНОМ РЕГИОНЕ (на материалах Псковской области)	371
<i>Вдовина Э.Л., Круглова А.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОРЕСУРСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА (на примере Пензенской области)	380
<i>Сергеева К.П., Гусев А.В.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (на материалах Нижнего Новгорода)	388
<i>Святоха Н.Ю.</i> ЖИЛИЩНАЯ СФЕРА КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (на примере Приволжского федерального округа)	393
<i>Соколова А.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОЦЕССЫ ИНФОРМАЦИОННОГО «ОСВОЕНИЯ» ТЕРРИТОРИИ	404
<i>Левинтов А.Е.</i> ГУМАНИЗАЦИЯ СЕВЕРА КАК СТРАТЕГИЯ	418
<i>Гришинева О.Н.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НЕФТЕПРОВОДНОЙ СИСТЕМЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПОДХОДЫ	421

<i>Серова Е.И.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ БРЕНДА (на примере города Торжок)	426
<i>Дмитриев Р.В., Горохов С.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В ИНДИИ В ПЕРИОД 1881–2011 гг.	432
<i>Сотова Л.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛЕСНОГО И РЕКРЕАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ	443
<i>Утков П., Замятина Н.Ю.</i> ССЫЛКИ МЕЖДУ САЙТАМИ УНИВЕРСИТЕТОВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	451

Российская глубинка — модели и методы изучения. Сборник статей. — М.: Эслан, 2012 г. — 464 с.

Ответственный редактор сборника: **Артоболевский Сергей Сергеевич**, докт. геогр. наук

Рецензенты: д.г.н. **Горкин Александр Павлович**
к.г.н. **Агирречу Александр Антонович**

Оформление: **И.П. Матушкина И.И.**

Материалы подготовлены в авторской редакции

© Институт географии РАН и авторы статей, 2012.

ISBN 978-5-94101-270-1

Сдано в набор 13.11.2012. Подписано к печати 26.12.2012.

Формат 60х90/16. Объем 29,0 п.л. Тираж 100 экз.

Издатель И.П. Матушкина И.И.

Отпечатано в ООО «СамПолиграфист»